

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия

Историческое славяноведение и балканистика

К 75-летию
основания
Института славяноведения

МОСКВА
2023

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения «Славяне и Россия»

Авторы:

А.Д. Васюков, Т.В. Волокитина, Е.Ю. Гуськова, С.И. Данченко,
М.Ю. Дронов, Э.Г. Задорожнюк, П.А. Искендеров, В.Б. Каширин,
Л.А. Кирилина, Ю.В. Лобачёва, Л.П. Марней, К.В. Мельчакова,
П.В. Мошечков, К.В. Никифоров, А.Ф. Носкова, Е.П. Серапионова,
А.А. Силкин, М.М. Фролова, Т.И. Чепелевская

Редакционная коллегия:

С.И. Данченко (отв. ред.),
П.А. Искендеров,
М.М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. Л.В. Кузьмичёва,
д. и. н. Н.Н. Станков

Славяне и Россия: Историческое славяноведение и балкани-
C47 **стика. К 75-летию основания Института славяноведения.** Колл.
монография / Отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Институт славяно-
ведения РАН, 2023. — 450 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне
и Россия»).

ISSN 2618-8570

ISBN 978-5-7576-0482-4

DOI 10.31168/2618-8570.2023

Коллективная монография «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения» подготовлена по итогам научной конференции в рамках XII Никитинских чтений, прошедших 17–18 мая 2022 в Москве в стенах Института славяноведения РАН. Ее авторы рассмотрели основные направления деятельности Института, осветили ключевые проблемы отечественной славистики, вспомнили многих своих коллег-ученых. Хронологически материалы издания охватывают период с середины XVIII до начала XXI вв. Вошедшие в состав коллективной монографии очерки базируются на неопубликованных документах из российских и зарубежных архивов. Издание рассчитано на ученых-историков, преподавателей и широкий круг читателей, интересующихся историей России и балканских стран, а также основными проблемами развития исторической науки.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

© Коллектив авторов, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

Предисловие 6

Три четверти века Института славяноведения РАН
(*К.В. Никифоров*) 8

ГЛАВА I.

Вклад российских ученых в становление славяноведения и балканистики

К вопросу о роли научного сообщества и путешествий
для творчества историка: на примере жизни и деятельности
А.Д. Черткова (1789–1858)
(*М.М. Фролова*) 21

Ученый в дипломатическом мундире.
А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине (1857–1858 гг.)
(*К.В. Мельчакова*) 43

Александр Федорович Гильфердинг как основатель
русской кашубистики
(*А.Д. Васюков*) 67

Балканистика «в эполетах»: общий обзор печатных трудов
военных авторов дореволюционной России
о странах и народах Балканско-Дунайского региона
(*В.Б. Каширин*) 80

ГЛАВА II.

Достижения, открытия, итоги исследований в стенах Института славяноведения РАН (1946–2022 гг.)

Чешский вопрос в освещении русских писателей
(*Э.Г. Задорожнюк*) 115

У истоков советского славяноведения.
Д. Густинчич в секторе славяноведения
Института истории АН СССР (1940–1945 гг.)
(*Л.А. Кирилина*) 139

Изучение истории сталинизма в Восточной Европе в Институте славяноведения РАН (1980–2010-е годы) (<i>Т.В. Волокитина, А.Ф. Носкова</i>)	157
---	-----

Институт славяноведения: изучение современных кризисных явлений на Балканах (<i>Е.Ю. Гуськова</i>)	178
--	-----

ГЛАВА III.

СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН С ЗАРУБЕЖНЫМИ АКАДЕМИЯМИ НАУК: КОЛЛЕГИ, СОРАТНИКИ, ДРУЗЬЯ

Из истории международного научного сотрудничества Института славяноведения РАН. Как создавались фундаментальные публикации документов (<i>С.И. Данченко</i>)	199
---	-----

Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран (<i>Л.П. Марней</i>)	239
--	-----

Работа Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики (середина 1990-х годов — 2022 г.) (<i>Е.П. Сератионова</i>)	254
---	-----

Комиссия историков России и Словакии. История заседаний (2005–2022 гг.) (<i>М.Ю. Дронов</i>)	264
--	-----

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА В ЛИЦАХ

Из истории российской словенистики: Евгения Ивановна Рябова, Майя Ильинична Рыжова (<i>Т.И. Чепелевская</i>)	283
--	-----

Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики (<i>Ю.В. Лобачёва</i>)	319
--	-----

А.Л. Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г. (<i>А.А. Силкин</i>)	342
---	-----

ГЛАВА V.

ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ «ВЫЗОВОВ»

Роль Интернет-ресурсов в современных исследованиях по истории Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) (на примере цифровых библиотек Kramerius 5 и Gallica) (П.В. Мошечков)	355
Изучение истории Балкан на современном этапе: новые «вызовы» и подходы (П.А. Искендеров)	371

ГЛАВА VI.

ПО СТРАНИЦАМ ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминания о сотрудничестве со словенскими учеными (И.В. Чуркина)	389
Заключение	424
Резюме	425
Summary	436
Сведения об авторах	447

Предисловие

Вниманию читателей предлагается коллективная монография «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения». Она подготовлена по итогам научной конференции в рамках XII Никитинских чтений, прошедших 17–18 мая 2022 г. в Москве в стенах Института славяноведения РАН.

Это не совсем обычный научный труд. Авторы очерков (сотрудники Института славяноведения РАН и других научных учреждений) рассмотрели основные проблемы истории Балкан сквозь призму деятельности Института и на фоне жизни и деятельности ведущих ученых-славистов и балканистов. История глазами историков — таким стал лейтмотив нашего коллективного труда. Его авторы не просто представили основные направления деятельности Института за 75 лет его существования, но и дали характеристику ведущим отечественным научным школам славистов и балканистов, вспомнили своих коллег и друзей, рассказали о встречах с зарубежными учеными.

Хронологически материалы издания охватывают период с XVIII до начала XXI вв. Открывается коллективная монография очерком доктора исторических наук К.В. Никифорова. В нем многолетний директор Института славяноведения РАН вспоминает историю создания нашего научного учреждения, основные вехи его становления и развития, а также ключевые направления исторических исследований, которые осуществляются в его стенах.

В очерках, подготовленных М.М. Фроловой, К.В. Мельчаковой, А.Д. Васюковым, В.Б. Кашириным, рассматривается вклад российских ученых в становление славяноведения и балканистики. Э.Г. Задорожник, Л.А. Кирилина, Т.В. Волокитина, А.Ф. Носкова, Е.Ю. Гуськова в своих очерках подводят своеобразные промежуточные итоги изучения ключевых аспектов истории государств и народов Юго-Восточной Европы и формулируют задачи на будущее. С.И. Данченко, Л.П. Марней, Е.П. Серапионова, М.Ю. Дронов вспоминают о своих коллегах, соратниках и друзьях из зарубежных Академий наук.

Очерки, которые подготовили для настоящей коллективной монографии Т.И. Чепелевская, Ю.В. Лобачева, А.А. Силкин, посвящены отдельным представителям отечественной науки — Евгении Ивановне Рябовой, Майе Ильиничне Рыжовой, Андрею Леонидовичу Шемякину и их вкладу в славистику. Многолетний сотрудник Института славяноведения РАН И.В. Чуркина вспоминает о своих многочисленных встречах и совместных проектах со словенскими учеными. Наконец, П.В. Мошечков и П.А. Искендеров размышляют о новых научных, технологических и общественно-политических «вызовах», вставших перед Институтом славяноведения уже в первые десятилетия XXI века.

Вошедшие в состав коллективной монографии очерки подготовлены на высоком научном уровне на основе новых архивных документов, написаны живым литературным языком. Коллектив Института славяноведения РАН надеется, что монография «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию создания Института славяноведения» будет интересна читателям как в России, так и за ее пределами.

Три четверти века Института славяноведения РАН

В начале 2022 г. Институту славяноведения РАН исполнилось 75 лет. Однако возраст отечественной славистики, как известно, намного более солидный и насчитывает более двух веков. Но развивалась она преимущественно в университетах¹. В рамках Академии наук Институт славяноведения первоначально возник в Ленинграде в 1931 г. Его директором был академик Н.С. Державин².

К сожалению, ленинградский Институт славяноведения ждала печальная судьба, впрочем, не такая уж исключительная³. Он был ликвидирован в 1934 г. в связи с так называемым «делом славистов», по которому были арестованы сотрудники Института Д.Д. Димитров, В.Н. Кораблев, В.В. Дроздовский и только что зачисленный в штат член-корреспондент АН СССР А.М. Селищев. Решение о ликвидации Института принималось Отделением общественных наук, а затем и руководством Академии наук. В принятом постановлении по-иезуитски говорилось об усилении работы в области славяноведения во всех обществоведческих академических учреждениях и одновременно о том, что Институт славяноведения ликвидируется «как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения вышеозначенных задач»⁴.

Восоздание Института славяноведения произошло уже после Великой Отечественной войны, во время которой для борьбы с врагом были в известной мере допущены религия и славяноведение. И в целом создание Института в какой-то степени было одним из ее итогов. Институт славяноведения создавался уже в Москве, куда переехала Академия наук, на базе сектора славяноведения Института истории, балто-славянского сектора Института русского языка и академической Славянской комиссии.

Решение об этом было принято осенью 1946 г., первый приказ по Институту был подписан 31 декабря, а работать он начал 7 января 1947 г. — в Рождество, которое тогда было рабочим днем. При воссоздании Института его континуитет с ленинградским периодом фактически не ощущался. Институт создавался заново, новыми людьми, во многом бывшими фронтовиками⁵.

Главная заслуга в воссоздании Института принадлежала академику В.И. Пичете*. Первым его директором был назначен академик Б.Д. Греков, бывший в те годы академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР, а также директором Института истории. В.И. Пичета, к сожалению, скоро умер. В первое время в штат Института славяноведения входило всего 18 человек и он занимал одну комнату в известном здании на Волхонке, где находились и многие другие гуманитарные институты. Проигравший борьбу за руководство Институтотом Н.С. Державин возглавил лишь созданное в 1950 г. и просуществовавшее совсем недолго его ленинградское подразделение (группу).

В становление Института большой вклад внесли заведующие «славянскими» кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ — С.А. Никитин и С.Б. Бернштейн. Они вскоре возглавили по совместительству два, единственных на то время, институтских сектора — истории и филологии. (Позже, когда совместительство запретили, оба местом своей работы выбрали Институт славяноведения.) Затем каждый из институтских секторов был поделен надвое. Сектор истории разделился на сектор истории славянских стран периода феодализма и капитализма (заведующий — С.А. Никитин) и сектор новейшей истории славянских стран (заведующий — Л.Б. Валев), а отделившихся от лингвистов Бернштейна литературоведов возглавил С.В. Никольский. Первых заведующих секторами также надо, без сомнения, отнести к отцам-основателям Института славяноведения, а значит — и академической славистики в целом.

* Владимир Иванович Пичета (1878–1947) — сын герцеговинского серба из г. Мостара, основатель и первый ректор Белорусского национального университета. В 1939 г. по его инициативе были организованы сектор славяноведения Института истории АН СССР и кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ.

Семь с половиной десятилетий истории Института были разными. Менялась ситуация в стране, менялись условия работы, менялись руководители Института. Всего сменилось шесть директоров Института: после Б.Д. Грекова (1946–1951 гг.) директором был П.Н. Третьяков (1951–1958 гг.), затем — И.И. Удальцов (1959–1962 гг.), после — И.А. Хренов (1963–1969 гг.), затем — Д.Ф. Марков (1969–1987 гг.) и, наконец, до конца 2004 г. — В.К. Волков. Сейчас Институтом руководит уже седьмой директор. Из всех директоров только Марков был филологом, остальные — историки (П.Н. Третьяков — археолог).

В целом в истории Института можно вычленить четыре больших периода — приблизительно по 20 лет каждый. В первый период сменилось четыре директора. Два последующих периода совпали со временем пребывания на посту директора Института академика Д.Ф. Маркова и члена-корреспондента В.К. Волкова. В настоящее время, при директорстве автора этих строк, длится четвертый период, и чем он запомнится, каким войдет в историю Института, будем судить по его окончании.

Первый период — это становление Института. Оно пришлось в основном на 1950-е и 1960-е годы. В общественной жизни страны после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС наблюдалось известное послабление. Работать ученым стало легче. Возникли международные связи сотрудников Института с зарубежными коллегами, начались первые поездки в страны изучения. Институт с самого начала активно участвовал в работе Международного комитета славистов, созданного в 1955 г. Развивалась структура Института, росла его численность. К середине 1960-х годов в нем насчитывалось уже 147 сотрудников. Забегая вперед, скажем, что это почти столько же, сколько и сейчас.

Еще в 1956 г. в состав Института влилась Археографическая комиссия (фактически — ее рабочий аппарат). Комиссия была воссоздана при Отделении истории АН СССР по инициативе академика М.Н. Тихомирова. В 1968–2002 гг. Археографическую комиссию возглавлял С.О. Шмидт.

Конечно, у каждого из первых директоров Института были свои особенности. При И.И. Удальцове, например, большое внимание уделялось проблеме актуализации исследований, что со-

ответствовало бытовавшему тогда лозунгу «приблизить науку к производству». Для фундаментальной науки это было так же «продуктивно», как много позже спускаемые сверху советы «вписаться в рынок»⁶ или указание активнее «внедрять инновации».

Институт нуждался в своем печатном органе. Им стали выходявшие с 1948 г. по 1966 г. «Ученые записки» и с 1951 г. по 1965 г. — «Краткие сообщения Института славяноведения». Качественно новый этап в этом плане начался с 1965 г., когда Институт стал издавать свой журнал «Советское славяноведение» (ныне — «Славяноведение»). Сейчас добавились еще два общеинститутских журнала — «Славянский альманах» и «Славянский мир в третьем тысячелетии», а также ряд других периодических тематических изданий.

Следующий большой период в истории Института связан с его переименованием в Институт славяноведения и балканистики в 1968 г. и 18-летним директорством Д.Ф. Маркова. Страна в это время постепенно катилась к застою, но с формально-организационной точки зрения Институт, можно сказать, достиг своего расцвета. Наука по тем временам неплохо финансировалась, а авторитет ученых еще был очень высок. Конечно, советский режим, подавлявший свободу самовыражения, цензурировавший всё и вся, не мог не мешать, особенно тем, кто был занят современной проблематикой. Однако Институт всегда отличала довольно либеральная для того времени атмосфера. В частности, именно в нем получили пристанище несколько лингвистов, открыто продемонстрировавших свою оппозиционность и потерявших в связи с этим работу в других местах. Позже академики Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, В.А. Дыбо и другие составили славу Института.

Добавление к славистическим исследованиям балканистики имело глубокий смысл: «в плане историческом ни одно явление, ни одно событие регионального масштаба ... нельзя ни понять, ни исследовать исключительно на славянской основе»⁷. Точно так же невозможно изолированно изучать славянские языки и литературу. После переименования в Институт влились специалисты по балканским странам и Венгрии. С 1968 г. по 1970 г. существовал также сектор византиноведения, переведенный за-

тем в Институт всеобщей истории. Но византийская тематика в Институте сохранилась, в основном благодаря трудам академика Г.Г. Литаврина. В конце 1970 г. в Институте работало около 190 специалистов.

В это время значительное место в исследованиях Института заняли работы обобщающего, комплексного, сравнительно-типологического характера. Резко возросло и международное сотрудничество. В 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы. Сотрудники Института приняли активное участие в ее работе. В 1976 г. также под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Ее первым президентом был избран директор Института славяноведения и балканистики Д.Ф. Марков. Долгие годы Институт издавал специальный «Информационный бюллетень МАИРСК» на русском, английском и французском языках.

Следующий 17-летний период в истории Института связан с директорством члена-корреспондента В.К. Волкова. Он был одним из первых директоров академических институтов, избранных демократическим путем, и в целом придерживался демократического стиля руководства, который сохранился и в дальнейшем. Это было непростое время конца 1980-х — начала 2000-х годов, время распада Советского Союза и радикальных демократических преобразований в Российской Федерации. Наступила пора отмены идеологического диктата и открытия архивов (затем частично приостановленного). В то же время материальное положение ученых очень заметно ухудшилось.

В конце 1980-х годов в Институте работало свыше 250 научных сотрудников — максимальная численность за всё время его существования. Но уже в первой половине 1990-х годов из-за резкого снижения зарплат и постоянных задержек с их выплатами Институт покинули многие ученые, именно те, кто мог бы сегодня активно работать. Резко сократилось количество командировок сотрудников в изучаемые страны, были приостановлены многие двусторонние и многосторонние проекты. Прекратила работу МАИРСК.

Празднование 50-летия Института⁸ фактически совпало с угрозой его ликвидации, к сожалению, уже не в первый раз за его историю. Первый — в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда его хотели переименовать в Институт истории и истории культуры европейских социалистических стран. К чему бы привело такое конъюнктурное рвение после краха европейского социализма, нетрудно догадаться.

В 1997 г. в защиту Института выступили многие выдающиеся ученые, как работающие в нем, так и со стороны: академики Г.Г. Литаврин, В.Н. Топоров, А.А. Зализняк, О.Н. Трубачев, Б.В. Раушенбах, сотрудники Объединенного института ядерных исследований, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Академик Д.С. Лихачев специально написал свое обращение от руки, чтобы не сказали, что он просто «подмахнул» подготовленный заранее текст. Многие для сохранения Института сделал его директор В.К. Волков. Общими усилиями Институт был сохранен, но из его названия выпало слово «балканистика». Кстати, из всех институтов тогдашнего Отделения истории РАН, только у Института славяноведения, вопреки мнению его руководства и сотрудников, было насильственно изменено название. Этому не было никакого внятного объяснения. Но балканистика из исследовательских планов Института не исчезла. Более того, в связи с распадом СССР, добавились исследования по украинистике и белорусистике. Возник, как говорил В.К. Волков, «сплошной фронт славяноведения»⁹. Для изучения новой проблематики в Институте был создан Отдел восточного славянства.

Рубеж веков в истории Института был достаточно успешным. Он выстоял и в целом адаптировался к новым условиям. Да и сами эти условия стали понемногу меняться к лучшему. В Институте начался новый период развития. Однако и он оказался неровным. Стабильность, достигнутая на довольно низком уровне, оказалась к тому же недолговечной. Вначале, в 2006–2009 гг., академические институты ждало сокращение ставок на 25% — так называемый «пилотный проект». После этого в Институте славяноведения осталось только 155 ставок. За счет этого сокращения, правда, несколько повысились зарплаты оставшихся сотрудников, но начавшийся вскоре мировой финансовый кризис

быстро нивелировал этот эффект. Хрупкое равновесие в системе организации академической науки было окончательно разрушено реформой РАН 2013 г., из состава которой были выведены институты.

Повторим, что пока еще рано давать оценки протекающему уже 19 лет четвертому периоду развития Института. Однако вполне возможно сказать, во-первых, несколько слов о смене поколений, которая произошла в его рядах. Когда-то отсутствие молодежи было самым слабым местом Института, теперь же 52 сотрудника имеют возраст 40 и менее лет. Это — 32%, треть всех работающих. Во-вторых, несмотря на все трудности, стало больше печатной продукции. На это и были направлены основные усилия. В среднем в последние годы Институтом ежегодно издается около 50–60 книг. Приведем только несколько примеров изданий, начатых или законченных в последние годы.

Под редакцией В.Н. Виноградова завершилась работа над четырехтомной институтской серией — «История Балкан в Новое время»¹⁰. Это первый такой труд в мировой историографии. Ничего подобного нет даже в балканских странах. По итогам Никитинских чтений под редакцией С.И. Данченко вышло 10 книг ежегодника «Славяне и Россия»¹¹. Завершена серия из восьми книг под общим названием «Человек на Балканах» (отв. ред.: Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин), в которой исследовались различные аспекты процесса модернизации в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX вв.¹². Завершен еще один большой институтский проект — «Славянские страны в XX веке». Вслед за историей Болгарии и двухтомником по истории чехов и словаков, опубликованы работы по истории Югославии и Польши¹³. Осуществление такого этапного труда также стало возможным только в Институте славяноведения. Инициатор этого проекта В.К. Волков называл его институтской серией «третьего поколения», учитывая созданные в конце 1950-х — начале 1960-х годов двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории, выпущенные в конце 1980-х годов¹⁴.

Продолжается работа над серией книг, посвященных славянским литературам XX века. Увидели свет труды, исследующие

литературные процессы прошедшего столетия в Польше, Словакии, Словении, Хорватии. В этой связи следует упомянуть также «Лексикон южнославянских литератур» под редакцией Г.Я. Ильиной. В Институте проводятся Хоревские чтения¹⁵.

Продолжается издание многих лингвистических серий. Назовем, в частности, 23 выпуска «Исследований по славянской диалектологии»¹⁶. Большим достижением ученых Института стало завершение уникального пятитомного труда — «Славянские древности» под редакцией академика С.М. Толстой¹⁷. Словарь получил широкий отклик в научной печати — как отечественной, так и зарубежной. В многочисленных рецензиях, опубликованных в России и за рубежом, отмечались фундаментальный и новаторский характер этого издания, его общекультурное значение как компендиума сведений о традиционной культуре всех славянских народов.

Совместно с отечественными и зарубежными коллегами выходили очередные выпуски лингвистических атласов. Прежде всего это Общеславянский лингвистический атлас. Изучение славянских диалектов в ареальном аспекте, работа над лингвистическими атласами потребовали создания в Институте Центра ареальной лингвистики под руководством Т.И. Вендиной.

Отдельно хотелось бы упомянуть о деятельности в Институте крупнейшего лингвиста современности — академика А.А. Зализняка. На последний период работы Института пришелся расцвет его научной деятельности. За выдающийся вклад в развитие лингвистики только в 2007 г. он был удостоен Государственной премии РФ, премии Александра Солженицына и награжден Большой золотой медалью им. М.В. Ломоносова Российской академии наук. На его трудах о русском именном словоизменении строится работа всех поисковиков Рунета, в том числе Яндексa. А.А. Зализняк убедительно доказал подлинность «Слова о полку Игореве». Наконец, он заложил основы изучения древненовгородского диалекта, что позволило читать берестяные грамоты. И это лишь часть его научного наследия¹⁸.

Помимо издания книг и в целом издательской активности, второй по значимости показатель работы Института — научные конференции, круглые столы, другие мероприятия. В целом в Ин-

ституте ежегодно проходило около 40 научных мероприятий. За вычетом двух летних месяцев — июля и августа — фактически каждую неделю проводятся конференция или круглый стол. Половина из этих мероприятий носит международный характер. Необходимо учитывать, что только по международным соглашениям Институт славяноведения РАН ведет научное сотрудничество с 20 странами по 69 проектам. Сотрудники Института особо активно работают в Комиссиях Международного комитета славистов.

Со дня своего возникновения Институт славяноведения традиционно тесно сотрудничает со славистическими кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ. Именно они изначально были и остаются базовыми для пополнения Института новыми кадрами. Сегодня выпускниками МГУ является заметное большинство его сотрудников. Кроме того, научные кадры готовит и сам Институт, прежде всего через свою аспирантуру. За годы его существования около 120 аспирантов успешно закончили обучение в институтской аспирантуре и защитили кандидатские диссертации.

Институт славяноведения РАН был одним из инициаторов возобновления ежегодного празднования Дня славянской письменности и культуры. Составной частью праздника являются проводимые учеными Института международные научные конференции «Славянский мир: общность и многообразие». В последние годы эта конференция проходит как форум молодых ученых¹⁹.

Институт славяноведения ощущает себя ответственным за развитие славяноведения во всей стране. В октябре 2003 г. в его стенах состоялось Всероссийское совещание славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития». Через 10 лет, в ноябре 2013 г., состоялось Второе Всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности. Оно вновь подвело некоторые итоги развития отечественного славяноведения²⁰. Осенью 2023 г. запланировано Третье Всероссийское совещание славистов, которое пройдет в преддверии 300-летнего юбилея Российской академии наук.

Несмотря на все сложности, можно смело констатировать, что за семь с половиной десятилетий существования московского Института славяноведения славистика превратилась в одно из мощных гуманитарных направлений. Выросли несколько поколений славистов. Подробнее об этом можно узнать из книги «Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук»²¹. Словарь включает материалы обо всех научных сотрудниках Института славяноведения РАН с момента начала его работы в 1947 г. В биограммах, кроме данных об их образовании, научных степенях и званиях, работе в научных учреждениях и учебных заведениях, содержатся краткие сведения о тематике выполненных исследований и избранная библиография.

Примечания

- 1 См.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005; *она же.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012.
- 2 См.: *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- 3 См., напр.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 4 *Аксенова В.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. С. 74-77.
- 5 О создании Института см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009.
- 6 *Шерлаимова С.А.* ... А еще были «капустники» // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 231.
- 7 *Виноградов В.Н.* Былое без дум // Как это было... С. 114.
- 8 См.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1996.
- 9 *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 281.
- 10 История Балкан. Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004; История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013; История Балкан. На переломе эпох (1878–1914) / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2017.
- 11 Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 2013; Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2014; Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2015; Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений / Отв. ред. С.И. Данченко. М.,

- 2017; Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К столетию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017; Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018; Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность) / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2019; Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.) / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2020; Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2021; Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.) / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2022.
- 12 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012; Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016.
- 13 Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005; Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.
- 14 Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра. С. 292.
- 15 Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009; Богданов Ю.В. Очерки истории словацкой литературы XX века. М., 2013; Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков М., 2010; Словенская литература XX века. М., 2014; Ильина Г.Я. Хорватская литература XX века. М., 2015; Лексикон южнославянских литератур / Отв. ред. Г.Я. Ильина. М., 2012.
- 16 Исследования по славянской диалектологии. М., 1992–2021.
- 17 Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. 1–5 / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 1995, 1999, 2004, 2009, 2012.
- 18 См., напр.: Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008; он же. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
- 19 См., напр.: Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2021.
- 20 Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития: Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.) / Отв. ред. В.К. Волков. М., 2005; Славянский альманах. 2015. № 1–2.
- 21 Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь / Отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М., 2012.

ГЛАВА I

ВКЛАД РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
В СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

К вопросу о роли научного сообщества и путешествий для творчества историка: на примере жизни и деятельности А.Д. Черткова (1789–1858)

Пути рождения замысла научного труда — удивительны. Идеи нередко приходят не в процессе кропотливого изучения источников и историографии, а в результате свободного общения со своими коллегами или во время путешествий. Жизнь и научная деятельность Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858) — прекрасное тому подтверждение.

Он вошел в историческую науку своими исследованиями в области нумизматики, библиографии, археологии, русской истории, болгаристики и этрускологии. Чертков получил прекрасное домашнее образование в Воронеже, городе, где родился и вырос. С 19 лет он служил в лейб-гвардии Конном полку. Первое свое зарубежное путешествие совершил в 1813–1814 гг., вместе с полком пройдя дорогами Европы до Парижа, принимал участие в сражениях под Дрезденом, при Кульме, под Лейпцигом и при Фер-Шампенуазе. За храбрость он был награжден орденом св. Анны 3-й степени, Кульмским крестом, орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и медалью за взятие Парижа. Разумеется, военный поход с его лишениями, нередко с голодом не может сравниться с туристическим вояжем, но и он предоставил массу впечатлений и новых знаний о жизни сельского и городского населения стран Западной Европы, об этнографических особенностях разных народов, развеял бытовавшие в России представления о Европе, прежде всего, Франции, которые оказались мифом. Так, о деревне Клеры 30 января 1814 г. Чертков записал в своем походном дневнике: «Здесь начинаются деревянные дома, или точнее говоря, их подобие, состоящее из нескольких балок, расположенных довольно далеко одна от другой, про-

межутки которых заполнены глиной или известью, смешанной с рубленой соломой. В самых больших из них имеется лишь одно окно, в других вовсе нет ни окон, ни печей, ни пола — вот то, что французы называют своей “прекрасной Францией”¹. Чертков подчеркивал: «Тот хлеб, что нам дали в этой части Франции, был совсем черный, и даже наши лошади не съели его ни крошки. Вот они, французы, которые пришли к нам в Россию; несмотря на их так называемое отвращение к черному хлебу русских крестьян, мы нигде во Франции не могли найти белого хлеба, даже в самых больших городах, как Труа, Лангр и т.д. Только нескончаемые муки голода могли заставить нас взять несколько ломтей их абсолютно кислого хлеба»².

Торжественно вступив в Париж 19 марта 1814 г., Чертков вместе с полком пробыл в столице Франции почти три месяца. Город ему запомнился не только бульварами, театрами, радушием парижан в отношении русских офицеров, их веселым характером, разнообразием увеселений, а также богатейшими в то время музеями, куда Наполеоном были собраны сокровища искусства всей Европы. Не преминули Чертков и его товарищи посетить и такое французское действо как казнь фальшивомонетчика на площади Грев, и гильотина произвела на русских офицеров, повидавших много смертей в бою, от ранений и болезней, тяжелое впечатление³.

Обратный путь до Петербурга Конная гвардия шла форсированными переходами, преодолев 3139 верст за пять месяцев. И тем не менее, Чертков, хоть и бегло, но сумел осмотреть достопримечательности многих европейских городов, например, Реймса, Вюрцбурга, Потсдама. Он особо отметил библиотеку прусского короля и выдающегося полководца Фридриха II Великого (1712–1786), содержащую труды лучших французских авторов того времени, а также его прекрасную картинную галерею и особенно картину Рафаэля «Иисус»⁴.

Заграничный поход одарил русских офицеров богатыми впечатлениями неизведанной жизни. Время это было поистине удивительным. Был разбужен интерес русского общества к прошлому своего Отечества. «В начале 1812 г. все принялись было у нас за русскую историю, тогда беспрестанно выходили сочинения

по сей материи, журналы завалены были историческими изысканиями, а в обществе говорили и спорили только об отечественной истории как о науке модной»⁵, — свидетельствовал историк и археограф П.М. Строев (1796–1876). Война 1812 года возвысила мнение русских о самих себе и о своем Отечестве. Патриотический порыв молодых дворян, прошедших военными дорогами по многим странам Западной Европы и познакомившихся воочию с порядками других народов, выразился и в глубоком желании познать историю России, а также древнюю историю Греции и Рима, классических образцов демократических республик. Поколение победителей Наполеона разделяло оптимизм эпохи Просвещения о воспитательной роли истории, верило в возможность примерами прошлого воспитывать гражданские добродетели и высокую нравственность. Многие офицеры, осознав недостаточность своих знаний, взялись за книги.

И Чертков не избежал этого порыва, в духе времени погрузившись в изучение истории России. С этого времени он стал активно составлять свой нумизматический кабинет и библиотеку, причем многие книги он приобрел в Париже. Вероятно, военная служба начала его тяготить, поэтому в 1822 г., после производства в полковники, Чертков вышел в отставку с мундиром*, чтобы через год отправиться в двухлетнее путешествие по Австрии, Италии, Сицилии и Швейцарии. На наш взгляд, весьма плодотворной была его встреча в Вене с П.И. Кеппеном (1793–1864), выдающимся знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера Н.П. Румянцева. Петр Иванович был первым русским ученым, лично познакомившимся с такими видными славистами как П.-Й. Шафарик, Й. Добровский, С.-Б. Линде, В. Ганка, Е. Копитар. Его путешествие по европейским славянским землям (1821–1824 гг.) и контакты со славянскими учеными составили, как писал в конце XIX в. А.А. Кочубинский, «своего рода эпоху в русском славяноведении первой четверти XIX в.» и, как подчеркивала профессор Л.П. Лаптева (1926–2016), открыло «путь русским славистам на Запад»⁶.

* Офицеры, «беспорочно» прослужившие длительный срок, по выходе в отставку получали право на ношение мундира.

Интенсивному общению Черткова с Кеппенем много способствовало и то обстоятельство, что Александр Дмитриевич в Вене остановился в трактире «Венгерская корона», где квартировал Кеппен⁷. Кроме того, венцы, как писал Чертков, жили «весьма скромно: званые обеды, балы, собрания почти неизвестны». А с представителями знатных австрийских фамилий, в которых «древняя немецкая аристократическая спесь существует еще во всей своей силе», трудно было познакомиться и «быть приняту в их домах»⁸. Вероятно, именно Кеппен познакомил Черткова с Е. Копитаром, который в то время служил в Венской придворной библиотеке. Специально для русского полковника знаменитый ученый составил список, которым тот руководствовался при поиске и покупке книг в Италии и на Сицилии⁹. Кроме того, и Кеппен просил Черткова искать и по возможности приобретать славянские древности, рукописи и книги. В библиотеках и архивах Чертков в первую очередь интересовался славянскими манускриптами¹⁰. В Ватиканской библиотеке в Риме, отсутствие печатного каталога которой весьма его удивило, ему предложили посмотреть хорошо известный ученым список болгарского перевода (XIV в.) византийской хроники Константина Манассии (XII в.), знаменитый своими 69 миниатюрами.

Осень 1824 г. и зиму 1825 г. Чертков провел во Флоренции. Интереснейшее общество здесь ему составил итальянский ученый Себастьян Чиампи (Sebastiano Ciampi) (1769–1847), который в начале 1825 г. возвратился во Флоренцию из Варшавы, где был несколько лет профессором филологии, и знал отчасти польский язык. Он интересовался русской историей, опубликовал книгу о взаимоотношениях Польши и России с Италией, а также труд о неизданных итальянских документах о Дмитрие Самозванце. Русский историк П. И. Бартенов, а за ним и другие, в том числе и советский ученый А. И. Немировский, указывали, что именно под влиянием Чиампи Чертков увлекся историей Италии и ее археологией¹¹. Но к 1825 г., когда состоялось знакомство русского путешественника с итальянским ученым, он свое изучение Италии и ее памятников, музеев и архивов уже завершал, поэтому к заслугам Чиампи никак нельзя причислить формирование научных интересов Черткова. Иное дело, что он нашел в Чиам-

пи ученого, обладавшего массой познаний о загадочном народе этрусков, на землях которого располагалась Флоренция. Еще на Сицилии в 1824 г. Чертков, рассматривая этрусские надписи, отметил сходство этрусского письма с «руническими буквами, в употреблении бывшими у славян Балтийского моря». Для себя он тогда же записал: «Весьма интересно бы было сравнить те и другие между собой»¹². Впоследствии не без содействия Черткова Чиампи был избран членом-корреспондентом московского Общества истории и древностей российских (ОИДР). А в тот год Чиампи, найдя в Черткове прекрасного собеседника, делился с ним своими познаниями об этрусках. И, вероятно, они вдвоем исходили вдоль и поперек ближайшие развалины этрусских городов Пистойя и Фиезоле. Из этого путешествия Чертков привез много монет и редких книг [«Глаголическую книгу» 1635 г.* (в то время были известны только два экземпляра: один находился в Ватиканской библиотеке, второй — у М.К. Бобровского**), первое печатное издание «Абагара» (Рим, 1651)], а также значительную коллекцию этрусских зеркал с надписями и ваз.

Участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в осаде Силистрии (ныне — Силистра), разумеется, нельзя отнести к категории путешествий, но маршрут от Орла, где квартировал его эрц-герцога Фердинанда (бывший Изюмский) полк, до Силистрии пролегал через Кишинев, Болград, Галац, Калараш (ныне — Кэлэраши) и наполнил безусловно полковника Черткова яркими новыми впечатлениями. Так, в письме к супруге Елизавете Григорьевне (1805–1858), урожденной графине Чернышевой, он писал:

* «Исправник за ерей исповидници, и за покорних» — пособие для исповедующихся и принимающих исповедь. Это славянский перевод священника Симона Будинича латинского сочинения «Breve directorium ad confessarii ac confitentis munus recte obendum», автором которого являлся испанский иезуит Иоанн Поланкус (Хуан Поланко). В 1635 г. славянский перевод был напечатан глаголическими буквами под редакцией Рафаила Леваковича. В настоящее время «Исправник» уже не является такой библиографической редкостью (в библиотеках СССР имелось 12 экземпляров) // Круминг А.А. Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. <https://maxbooks.ru/rupebo/pozdev08.htm>

** Михаил Кириллович Бобровский (1784–1848) — славист, ориенталист, доктор богословия, каноник Брестского капитула (1817 г.), преподаватель в Виленском университете; один из первых восточнославянских историков книгопечатания и библиографов славянских печатных книг и открыл Супрасльскую рукопись (XI в.); член Археологической академии в Риме, Азиатского общества в Париже и Лондоне, Общества истории и древностей российских.

«Болград это главный город колонистов Бессарабии: они состоят из всех наций — немцев, волгар (т.е. болгар. — *М. Ф.*), молдован. В Бессарабии живут еще албанцы, русские, украинцы, евреи, валахи и др.»¹³. Разумеется, знакомство с окрестностями турецкой крепости Силистрии поможет Черткову в его будущем исследовании походов киевского князя Святослава на Балканы в конце X в.

По окончании войны Чертков с семьей поселился в Москве. Здесь в 1833 г. он был избран в действительные члены, затем в вице-президенты (1836–1848 гг.) и председатели (1848–1857 гг.) Общества истории и древностей российских, которое в те годы становится одним из центров славистических исследований в России. В 1837 г. оно получило статус императорского и ежегодное финансирование в 5 тыс. руб., что значительно улучшило его издательскую деятельность.

Кандидатуру Черткова письменно предложил археограф П. М. Строев. Помогая Черткову готовить нумизматический каталог к печати, он смог оценить глубину и серьезность его познаний в нумизматике и русской истории. Александр Дмитриевич много и плодотворно работал в ОИДР в различных комитетах, в частности, в редакционном. Он разобрал монеты, присланные и присылаемые в Общество, и систематизировал их, составив, таким образом, нумизматический кабинет. Он также регулярно выступал с докладами о своих исследованиях в области нумизматики, археологии, русской истории. Его работы печатались в изданиях Общества.

Следует отметить, что Александр Дмитриевич мог позволить себе дорогостоящее коллекционирование, издание своих трудов, а также продолжительные путешествия по Западной Европе, поскольку обладал обширными поместьями в Воронежской губернии. Рациональное хозяйствование (внедрение тонкорунного овцеводства, строительство свеклосахарных заводов) не только приносило высокий доход предприимчивому помещику, активному члену Московского общества сельского хозяйства, но и способствовало процветанию края. Если в 1829 г. Чертков получил по наследству 4620 душ мужского пола¹⁴, то в 1858 г. он владел 13888 крепостными [включая 3147 душ, отошедших после смерти бездетного брата Н. Д. Черткова (1794–1852), и 715 душ

в подмосковных имениях, купленных в 1840-е годы]. В списке 63 крупнейших помещиков России, которым принадлежало от 5000 крепостных, Чертков занимал 14 место. Венчал этот список граф С.Д. Шереметьев с 146853 крепостными¹⁵.

В 1838 г. Чертков вместе с семьей отправился в двухлетнее зарубежное путешествие в специально построенной карете. В Ватиканской библиотеке он вновь рассматривал знаменитый славянский перевод Манассиевой летописи, но теперь уже в компании преподавателей Московского университета и членов ОИДР М.П. Погодина (1800–1875) и С.П. Шевырева (1806–1864). Они прибыли в Рим раньше Черткова и уже успели побывать в Ватиканской библиотеке, в которой получили не только доступ ко всем славянским рукописям, но и разрешение сделать выписки. Это обстоятельство поразило Погодина, поскольку в Москве, отмечал он, не так-то легко было заполучить искомый манускрипт в Синодальной библиотеке. Внимание Погодина привлекли глоссы перевода Манассиевой летописи, которые содержали сведения о русской истории, «подтверждающие Нестора». «Надо бы их списать»¹⁶, — внес в дневник Погодин. Шевырев также сделал выписки из Ватиканского списка, важные, по его мнению, в литературном отношении и «которые более привлекают патриотическое внимание русского». О Ватиканском списке и о значимости летописных заметок болгарского переводчика для истории России Погодин даже информировал министра народного просвещения графа С.С. Уварова (1833–1849 гг.) в двух своих письмах — из Рима и Неаполя. Последнее с воспроизведением некоторых глосс, сообщавших о походах великого князя Святослава в Болгарию, было сразу опубликовано в журнале министерства в 1839 г.¹⁷. Столь исключительное внимание к данному памятнику и его глоссам становится понятным в свете острой научной полемики с представителями так называемой «скептической школы», которые заявляли о недостоверности древнейшего периода истории России, наполненного якобы баснями о княгине Ольге, князе Олеге и т.п., отвергали подлинность «Слова о полку Игоревом», утверждали, что русские источники (летописи, «Русская Правда», договоры с греками) не могли появиться раньше XIII–XIV вв.

Профессора Московского университета Погодин и Шевырев рассуждали о «пиитическом слоге» перевода и ценности летописных заметок болгарского переводчика для истории России. Миниатюры списка, по мнению Шевырева, не отличались изяществом, хотя сохранили яркость красок и были любопытны тем, что давали представление о болгарском и греческом костюме XIV в. Шевырев также отметил, что на миниатюрах списка «русские в одежде своей нисколько не отличны от болгар и греков», поэтому нельзя согласиться с М. К. Бобровским (1784 или 1785–1848), профессором из Вильно, в 1820 г. описавшим Ватиканский список, в том, что миниатюры интересны с точки зрения изучения русских костюмов XIV в.¹⁸ Чертков внимательно слушал суждения своих коллег и затем объявил им о том, что решил заказать копии миниатюр, которые относились к русской истории. Кроме того, в отличие от своих спутников, он заинтересовался и теми глоссами, которые рассказывали о прошлом Болгарии.

Александр Дмитриевич скопировал все глоссы болгарского переводчика, предполагая продолжить с ними работу в Москве. В Ватиканской библиотеке в это же время работал чешский историк Ф. Палацкий (1798–1876), списывавший для чешского слависта П. Шафарика статью о «жизни св. Кирилла, философа и изобретателя словенской азбуки». Палацкий в свое время изучал славянские рукописи Ватиканской библиотеки и также не мог пропустить болгарский перевод летописи Константина Манассии, который он описал в 1837 г.¹⁹ От него Чертков узнал о существовании еще одного списка перевода хроники Константина Манассии, хранившегося в Синодальной (Патриаршей) библиотеке и получившего затем название Синодальный или Московский список. Но кто сообщил Палацкому о нем, Чертков не указал²⁰. Может быть, составляя биографию чешского слависта Й. Добровского (1753–1829), Палацкий наткнулся в его записках и на сведения о Московском списке? Известно, что в бытность свою в Москве (с 25 октября 1792 г. по 7 января 1793 г.) Добровский тщательно осмотрел славянские манускрипты Синодальной библиотеки и списал весь каталог славянских рукописей²¹. Чешский ученый также знал о существовании Ватиканского списка, хотя сам его не видел.

В Москве Черткову помог отыскать Московский список болгарского перевода летописи Константина Манассии П.М. Строев, который в 1817–1818 гг. вместе с видным археографом К.Ф. Калайдовичем (1792–1832) провел археографическую экспедицию по библиотекам монастырей Центральной России. В ходе разысканий в Синодальной (Патриаршей) библиотеке Калайдович выявил также и список болгарского перевода летописи Константина Манассии. Первое известное описание Московского списка находится в письме Калайдовича к графу Н.П. Румянцеву от 25 марта 1825 г., причем список был отмечен в числе довольно любопытных рукописей библиотеки. Ученый тогда работал над составлением каталога Синодальной (Патриаршей) библиотеки, который, по его глубокому убеждению, «откроет новый свет в древней нашей литературе, покажет непрерывный ряд памятников славянских с самого IX в. до XVIII в.»²². К сожалению, каталог не был закончен из-за болезни автора.

Но именно Строев, как знаток фондов этой библиотеки, узнав о поисках Черткова, подсказал ему, как найти Московский список²³. «Летопись премудрого Манассии» находилась «в одном сборнике, на кожаном переплете которого был выставлен титул “Вопросы и ответы”, и два номера на голубом поле: 20/38». Отсутствие каких-либо помет к рукописи, указывающих на то, что в нее был включен список болгарского перевода, не позволило Черткову по каталогу обнаружить летопись Манассии. По-видимому, из-за этого обстоятельства о Московском списке не знали многие специалисты, например, видный филолог-славист А.Х. Востоков (1781–1864)²⁴.

Чертков сравнил глоссы обоих списков, изучил сведения летописи и византийских источников и издал две монографии — «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (1843). Важно, что о своих исследованиях он четыре раза докладывал на заседаниях ОИДР — в 1840 и 1841 гг. Используя свои знания окрестностей у крепости Силистрия, Чертков составил карту последнего боя князя Святослава и византийского императора Ци-

мисхия, проецируя на местность рассказ византийских авторов. Впоследствии эта карта была использована, правда, без всякого комментария и ссылок на ее автора, в опубликованной в 1938 г. статье советского историка И. Лебедева²⁵.

А. Д. Чертков впервые ввел в научный оборот Московский список хроники Константина Манассии, представив его как важный источник по истории Болгарии. Он не только способствовал популяризации болгарского перевода хроники Манассии, но также наметил пути его изучения в будущем, с точки зрения филологии, истории и искусствоведения. Чертков призывал специалистов-филологов обратить внимание на болгарский перевод, и цель была достигнута. Через несколько лет, в 1847 г., появилась работа П. С. Билярского (1817–1867), посвященная чисто филологическим проблемам в изучении Московского списка [«О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассии» (СПб., 1847)].

Чертков впервые воспроизвел образцы почерков Московского и Ватиканского списков, а также репродукции с рисунков, сделанных по его заказу с миниатюр Ватиканского списка, а именно: крещение руссов, вступление Святослава в Дристр (Доростол), сражение русских с болгарами, вступление Цимисхия в Преслав, сражение русских и византийцев под Дристрой. (В подарочных экземплярах книги миниатюры были раскрашены.) Несмотря на определенную неточность рисунков, снятых художником с оригинала, именно они познакомили многих ученых, не имевших возможности побывать в Ватиканской библиотеке, с художественными особенностями миниатюр Ватиканского списка, о чем писал чешский историк К. Иречек (1854–1918) (он знал миниатюры Манассиной летописи только по тем рисункам, которые были изданы Чертковым и не в цвете²⁶). Славист А. Ф. Гильфердинг (1831–1872) использовал миниатюры в своих трудах²⁷. А. Д. Чертков выдвинул идею о публикации как текста болгарского перевода, так и миниатюр Ватиканского списка, хотя в его время она не была претворена в жизнь.

Имя А. Д. Черткова как первого исследователя Московского списка хроники Константина Манассии и его глосс, как первого издателя шести миниатюр Ватиканского списка и образцов

почерков обоих списков упоминается в работах ученых второй половины XIX — начала XX вв.: М. Дринова, К.Ф. Радченко, А.Н. Попова, В.С. Иконникова, П.А. Сырку, В. Ягича, В.В. Стасова, Ф.А. Терновского; болгарских историков: Ю. Трифонова, П.Т. Гудева, И. Иванова, Б. Филова и др. М. Дринов (1838–1906) отмечал важность намерения Черткова издать миниатюры Ватиканского списка хроники и полагал, что только его преждевременная смерть помешала осуществлению задуманного²⁸. Талантливый ученый П.И. Прейс (1810–1846) весьма высоко оценивал познания Черткова болгарских рукописей и в этом отношении почти приравнивал его к академику А.Х. Востокову²⁹.

Опираясь на результаты своих изысканий, Чертков сделал вывод о богатстве древней славянской письменности и высоком уровне средневековой культуры славян. Он был уверен в том, что перечень тех рукописей, которые стали известны к 40-м годам XIX в., был далеко не полон, что много рукописей, хранящихся в разных библиотеках, еще ждут своих исследователей. Последовательно и решительно Чертков оспаривал мнение сторонника «скептического» направления в русской исторической науке М.Т. Каченовского (1775–1842) о том, что «все славяне и в особенности наша Русь находились в каком-то полудиком состоянии до XIV в.»³⁰. Убедительным доказательством, опровергавшим выводы Каченовского, являлся славянский перевод стихотворной греческой хроники.

Критика и современники отмечали, что эти работы Черткова явились первой удачной попыткой написания средневековой истории Болгарии³¹. В 1842 г. он был единодушно избран в число членов-корреспондентов Императорской Академии наук за высоко оцененные ученым миром достоинства книги «О переводе Манассиной летописи...».

Чертков высказал пожелание, чтобы текст болгарского перевода хроники был опубликован. 21 декабря 1840 г. на очередном заседании Шевырев вызвался напечатать этот труд, «полезный для славянской истории и словесности». Секретарю было поручено найти квалифицированного переписчика³². Возвратившийся в сентябре 1842 г. из своей командировки по землям зарубежных славян в Австрийской империи и Пруссии (1837–1842 гг.)

О.М. Бодянский (1808–1877) задумал издать исторические памятники, и взор его не мог не упасть на данную рукопись. Знаменитый Шафарик также всецело одобрил эту идею. Однако ни Бодянский, ни П.И. Прейс, ни П.С. Билярский, ни А.А. Куник (1814–1899), изучавшие этот список, так и не выполнили намерения издать его.

Но вернемся к путешествию Черткова 1838–1839 гг. В начале лета 1839 г., завершая поездку по Западной Европе и Италии, он вместе со своей семьей на неделю остановился во Флоренции. Граф М.Д. Бутурлин* вспоминал: «Итальянские археологические памятники и прочие редкости были по части любимых Александром Дмитриевичем занятий, но всё это было ему хорошо известно из первого путешествия по Италии» в 1823–1825 г. Тем не менее, он «захотел вторично обозреть со мною местные примечательности»³³. Бутурлин рассказывал, как они с Чертковым из дворца (палаццо) Питти проходили по крытым переходам через реку Арно до галереи Уффици. «В длинном верстовом почти коридоре» они увидели картину, которая представляла прием тосканским великим герцогом Фердинандом II Медичи послов русского царя Алексея Михайловича В.Б. Лихачева и дьяка И. Фомина, отправленных в дипломатическую миссию в 1659 г. По словам Бутурлина, картина висела, «забытая и покрытая вековой пылью» среди прочего хлама, и чичероне-проводник не обратил никакого внимания на это произведение, как на одно из неизящных по искусству, «но для нас обоих, — писал граф, — это была неожиданная и радостная встреча с русской стариной на чужбине»³⁴.

Чертков же описывал этот широкий коридор как галерею, в которой помещены были прекрасные картины, статуи и другие драгоценности, представляя собой богатейшее собрание древностей и произведений изящных искусств. Упомянутая картина

* Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807–1876) — младший сын Д.П. Бутурлина (1763–1829), bibliофила и поэта, женатого на А.А. Воронцовой (1777–1854), сосед Чертковых по Воронежской губернии. В 1817 г. семья переехала во Флоренцию и перешла в католичество (кроме главы семейства и его сына Михаила). В январе 1828 г. М.Д. Бутурлин, будучи родственником графов Чернышевых, присутствовал во время сватовства А.Д. Черткова к графине Елизавете Григорьевне Чернышевой. Он участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., и в его молдавской мазанке в Калараше в конце 1828 г. останавливался Чертков.

показалась ему весьма ценной с исторической точки зрения, так как, по его мнению, точно передавала одеяния московских дипломатов и их внешность. В последнем Чертков был тем более уверен, что окружавшие данную картину полотна являли собой портреты местных особ и были написаны в пору расцвета живописи в Италии и особенно славившейся флорентийской школы. Чертков счел картину достойной внимания Общества истории и древностей российских³⁵ и тут же попросил Бутурлина найти акварелиста, чтобы списать с нее копию, но серыми красками и в уменьшенном виде.

Рисунок с картины Бутурлин* привез в Москву в 1840 г., и Чертков представил его в ОИДР³⁶. На заседании 8 марта 1840 г. им было «читано обозрение царствования царя Алексея Михайловича, служащее введением к его [Черткова] описанию посольства Лихачева и Фомина во Флоренцию»³⁷. Вскоре вышла новая книга А.Д. Черткова — «Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича Фердинанду II, великому герцогу Флоренции» (М., 1840), в которой исследовался статейный список посольства Лихачева и Фомина**, хранившийся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В книге была помещена копия с этого рисунка. Секретарь Общества М.П. Погодин пожелал опубликовать очередное сочинение Черткова и в «Русском историческом сборнике»³⁸.

Следует особо подчеркнуть, что хорошее знание Флоренции и ее памятников, традиций итальянцев облегчало работу Черткова с источником. Он указал название церкви (св. Лаврентия),

* Годы спустя, чтобы материально поддержать разорившегося М.Д. Бутурлина, Г.А. Чертков, сын А.Д. Черткова, поручил графу перевести с итальянского на русский язык документы XVII в. из Флоренции, относившиеся к посольству Лихачева и Фомина и к предыдущему посольству И.И. Чемоданова и А. Посникова в 1656 г. Часть флорентийских бумаг «с разрешения и за скрепою местного начальства» была в свое время приобретена А.Д. Чертковым, другая — Г.А. Чертковым в 1867 г. в память об отце и из желания пополнить его труды // *Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина*. М., 2006. Т. 1. С. 530; *он же*. Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871. Ч. 1. С. 1, II, 302; *Бартенев П.И.* Несколько слов о графе М.Д. Бутурлине // *Русский архив*. 1912. № 12. С. 369–370.

** Этот документ был опубликован в 1871 г.: *Статейный список посланников Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина бытности их во Флоренции с благодарением за учиненное бывшим в Венеции российским посланникам Чемоданову и Посникову вспоможение и с объявлением о соизволении государя даровать флорентийцам торговые листы. 1658–1660* // *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*. СПб., 1871. Т. 10. Стл. 509–670.

которую описали посланники, идентифицировал «игру ратного дела», которую они наблюдали вместе с герцогом и его семьей на рынке, — *giuoco del calio*. (Молодые люди, исключительно дворяне и военные, разделившись на два отряда, старались по очереди перебросить шар за обозначенную черту.) Посланники дивились обычаю итальянцев носить личины (т.е. маски. — *М. Ф.*). Чертков объяснил это тем, что наши соотечественники оказались во Флоренции во время карнавала и приняли маски и маскарадные наряды за повседневный костюм и обычай флорентийцев³⁹. Советский ученый Н.А. Казакова квалифицировала подобные пояснения как удачные⁴⁰.

Чертков показал значение статейных списков не только как документов, обладавших бесспорными историческими достоинствами, но и как «наших исторических мемуаров», «в которых действующие лица говорят языком им свойственным и в каждой их строке проявляются чувства и мнение наших предков»⁴¹. Отмеченные им особенности статейных списков позволили ученым XX века, например, Д.С. Лихачеву, рассматривать их не только как источники по внешней политике России, но и как особый литературный жанр — «посольских повестей»⁴².

Отсутствие публикаций статейных списков и других документов по российской истории являлось, по мнению Чертова, причиной того, что в России всё еще не появилось «образцовых исторических романов» в духе Вальтера Скотта. Знаменитый шотландский писатель не затруднялся представить описываемую эпоху точно в том виде, в каком она действительно существовала, и его герои чувствовали в его романах так, как его предки, и говорили точно тем языком, который сохранился в древних хартиях, поскольку «в Англии и Шотландии все рукописи, касающиеся до средних веков», были давно уже изданы. Чертков вопрошал читателей: «И можем ли мы иметь исторические романы вроде Вальтер-Скоттовского, не издав предварительно рукописей, из коих мы должны узнать обычаи и поверья той эпохи, которую хотим описать?»⁴³.

А затем Чертков углубился в исследование вопроса происхождения славян, о чем сделал доклад на заседании ОИДР 2 мая 1842 г. Надо полагать, что его выступление было встречено с интересом и одобрительно, поскольку ученый задумал написать

обстоятельную «древнейшую историю славян», которой еще не было ни в западноевропейской, ни в русской историографии.

Одним из эпиграфов к новому обширному труду, который был задуман как серия последовательно выходящих книг, Чертков взял высказывание польского слависта Л. Суroveцкого (1769–1827): «Мы до сих пор не имеем, несмотря на все исследования, никакого положительного известия о происхождении великого словенского* народа, именно оттого, что в изысканиях по этому предмету не хотели отступить от обыкновенного пути». В 1851 г. вышло в свет сочинение Черткова «О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь». Характеризуя свой труд в письме к известному библиофилу С.А. Соболевскому (1803–1870), ученый подчеркивал: «Это собственно очерк истории даков или готов как протославян и может быть напечатан отдельно, ибо составляет полную историю одного племени»⁴⁴. Новый труд высоко оценил академик И.И. Срезневский (1812–1880): «Вспоминая о важности Ваших исследований, не могу не вспомнить о превосходной второй главе Вашей “Древнейшей истории первобытных славян”, изданной в 1851 г. Конечно, для многих она служит и долго будет служить руководством при освещении славян вообще и, между прочим, и в отношении к истории языка. О себе лично я осмелюсь сказать, что чем более изучаю я эту главу, тем больше удивление полноте соображений и ясности взгляда, не говоря уже об обилии пособий, Вами впервые указанных и очевидно необходимых»⁴⁵.

Затем были опубликованы книги «Фракийские племена, жившие в Малой Азии» (1852), «Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда переселившиеся в Ретию, Венделикию и далее на север до реки Майна» (1853), «О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древлесловенским» (1855), «Продолжение опыта пелазгийского словаря» (1857). Первые три книги, в которых была развернута история и культура пелазго-фракийских племен, служили своеобразным прологом к основной работе Черткова — дешифровке письма этрусков, которых он считал ветвью пелазго-фракийцев, населявших Малую Азию и

* Славянского.

переселившихся несколькими волнами в Италию, начиная с середины II тыс. до н.э. Неудачи в чтении этрусского письма Чертков объяснял также тем, что ученые брались за него, не выяснив как следует истории народа. Советские историки назвали Чертова первым русским этрускологом и отметили: «Устанавливая родство пелазгов с фракийцами, он поставил этрусский вопрос на широкую историко-лингвистическую почву и во многом предвосхитил взгляды современных исследователей»⁴⁶.

В 1857 г. Чертков в последний раз посетил Рим. «Ты хочешь знать, как я нашел Рим после 20-летнего отсутствия? Он всё тот же, но я уже не тот, как был прежде. Нет уже прежнего энтузиазма и взгляда на предметы, да к тому же в последнее наше здесь пребывание всё семейство было около меня, а теперь нас только трое... (сын Григорий и дочь Александра. — М. Ф.). Встаю в 7 час., пью кофе... Потом отправляюсь покупать книги на аукционы и возвращаюсь домой к 4 час.»⁴⁷, — читаем мы в письме Александра Дмитриевича от 19 ноября (1 декабря) 1857 г. «А. Д. Чертков сначала расхаживал здесь в фуражечке и в шинельке, точно на Мясницкой, а теперь купил себе питорскую* шляпу, всё старые книги покупает и занимается нумизматикой», — сообщал художник М. И. Скотти (1814–1861) скульптору Н. А. Рамазанову (1817–1867) из Рима в феврале 1858 г.⁴⁸.

Путешествия давали импульс не только новым темам и научному творчеству, но и позволяли Черткову привозить для своей библиотеки книги, рукописи, карты, изобразительный материал, пополнять свою нумизматическую коллекцию монетами. Очень важно, что все эти сокровища после его смерти продолжили свою «жизнь в науке». Сын коллекционера Г. А. Чертков (1832–1900) сделал их общедоступными — открыл в 1863 г. первую бесплатную в Москве Чертковскую библиотеку, в которой, помимо книг и рукописей, читателю была предоставлена возможность любоваться нумизматическим собранием, коллекцией египетских, этрусских, римских и русских древностей, минеральным кабинетом, гербариями, собранными в Италии и Воронежской губернии, портретами видных деятелей России XVIII — начала XIX вв.

* От итал. pittore — художник, живописец; питорская шляпа — это шляпа, какую, как правило, носили художники в Риме.

В 1871 г. Чертков подарил библиотеку Москве (ныне находится в Государственной публичной исторической библиотеке России). Через три года городу было пожертвовано и знаменитое собрание монет, которое положило основу коллекции Исторического музея⁴⁹. В 1888 г. Чертков передал в дар музею 15 портретов⁵⁰. В том же году император Александр III «разрешил принять принесенные» Чертковым «в дар императорскому Эрмитажу 81 штуку расписных ваз, найденных в Этрурии и Апулии»⁵¹, за что Григорию Александровичу была также выражена благодарность.

Выше упоминалось, что для А.Д. Черткова как деятельного члена ОИДР было чрезвычайно важно участие в работе Общества и в качестве автора — представление своих трудов на суд коллег. В начале 1840-х годов Общество настолько активизировало свою деятельность, по сравнению с предыдущим периодом, что у многих его членов стало создаваться ощущение возникновения нового явления. Так, опытный архивист П.И. Иванов (1794—1864), создатель и впоследствии директор Московского архива министерства юстиции, писал: «Все члены, движимые одной чистой любовью к нашей русской отечественности, сосредоточились в таком единстве согласия, что при всей многообразности и многочастности своих действий составляют из себя одно целое, новое, лучшее и совершенное. Общество в духе единства великодушно и благородно содействует ученым изданиям и предприятиям всякого рода, служащим в пользу отечественной русской истории»⁵². Действительно, в ОИДР сословные различия между его действительными членами отступали благодаря общим целям, и начинало складываться «ученое содружество». Более интенсивно подобный процесс проходил в Московском университете. Как подчеркнул современный историк Ф.А. Петров, исследовавший историю Московского университета, в эти годы «члены университетской корпорации, какого бы звания ни были их родители», стали представлять собой «единое новообразованное “ученое сословие”, занимавшее видное место в государственной и общественной жизни России»⁵³.

Москва 30–40-х годов XIX в. вошла в историю русской культуры своими блестящими салонами и кружками, служившими «выражением господствовавших в русской интеллигенции ли-

тературных направлений, научных и философских взглядов»⁵⁴. Самыми известными были литературные салоны А.П. Елагиной и Свербеевых, литературные вечера по понедельникам у Ф.Н. Глинки, четверги А.Ф. Вельтмана, субботы у Е.П. Ростопчиной, чтения у Н.Ф. Павлова, собрания у М.П. Погодина⁵⁵. Этот ряд следует продолжить включением в него «сходок», по образному выражению П.И. Кеппена, по субботам у Черткова, о чем в историографии неизвестно.

Дом Черткова на ул. Мясницкой, наполненный мраморами, картинами, древностями и редкостями, стал одним из центров общественной и культурной жизни Москвы. В залах особняка устраивались балы, которые давал хозяин московскому дворянству, в готическом зале проходили заседания ОИДР и Совета Московского художественного общества. О литературных обедах у Черткова писали в своих дневниках М.П. Погодин, И.И. Срезневский, И.М. Снегирев, прекрасные впечатления о них сложились у П.И. Кеппена. Судя по записям дневника И.М. Снегирева, у Черткова бывали: академик Ф.Г. Солнцев, В.П. Андросов, Ф.Л. Морошкин, Г.И. Фишер фон Вальдгейм, Р.Г. Гейман, М.Ф. Орлов, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, барон М.А. Корф, князь М.А. Оболенский, П.А. Муханов, П.М. Строев, Ф.Н. Глинка, Н.Ф. Павлов, П.И. Иванов, А.Ф. Вельтман и др. Современников, особенно незнатных фамилий, привлекали удивительная простота и непринужденность, царившие в доме и на вечерах четы Чертковых. Нередко на их званых обедах ученые оказывались вместе с представителями дворянской аристократии, и Погодин, когда в первый раз очутился «в сюртуке между графом Бутурлиным и прочими», с удовольствием подчеркнул это обстоятельство⁵⁶.

В.В. Пассек (1808–1842), одаренный статистик, фольклорист и этнограф, несмотря на разницу в годах, сдружился с А.Д. Чертковым, став частым гостем в его доме. В библиотеке Черткова сохранилась подаренная им книга «Путевые записки Вадима» (М., 1834) с авторской надписью на обратной стороне обложки: «Александру Дмитриевичу Черткову от сочинителя. В переездах от Иртыша к Дунаю, от Черного моря к Неве так редко доводилось мне видеть в одном человеке: все условия избранного общества и искреннюю любовь к просвещению; полную воз-

возможность для беспечного наслаждения жизнью — и усиленных трудов в пользу науки, что невольно я исполнился глубокого уважения при встрече с Вами и винюсь, если Вам же неосторожно высказываю чувства души моей. Вадим»⁵⁷.

Непринужденная и ученая одновременно атмосфера литературных обедов любителей истории в доме на Мясницкой столь впечатлила Кеппена, что он пожелал устраивать таковые же «сходки» статистиков и русских вояжеров у себя два раза в месяц. Следует подчеркнуть, что этот научный кружок, на котором обсуждались вопросы статистического и географического описания России и к которому вскоре присоединились известный натуралист К.М. Бэр и вице-адмирал граф Ф.П. Литке, стал предшественником Русского Географического общества. Кеппен не раз в письмах приглашал московского друга приехать в гости и «обрадовать своим посещением» петербургские «сходки»⁵⁸.

Большая часть участников чертковских суббот состояла в Обществе истории и древностей российских, и их беседы неминуемо затрагивали его работу и касались истории. Часто хозяин показывал своим гостям египетские древности (скарабеи, идолы и разные символические знаки, обнаруженные в гробницах). «В другой раз Чертков казал римские древности и этрусские вазы, найденные в гробницах, каталог своих книг»⁵⁹, — писал в своем дневнике И.М. Снегирев.

Н.М. Карамзин не верил в эффективность коллективного труда ученых, но практика ОИДР в 30–50-е годы XIX в. оправдала эту форму объединения историков: она создавала новые сферы научного сотрудничества и общения, способствовала интенсификации в обмене научной информацией. Деятельность ОИДР, нацеленная на повышение престижа и развитие отечественной исторической науки, способствовала формированию сообщества людей, увлеченных идеями познания и служения Отечеству — «ученого содружества». Зарубежные путешествия не просто расширяли горизонты знаний, устанавливали и укрепляли связи между славистами разных стран, но и способствовали рождению у Черткова новых идей, тем, научных замыслов. Привезенные им из поездок книжные и материальные ценности также служили базой для его научного творчества, а впоследствии приобрели статус национального достояния.

Примечания

- ¹ *Чертков А.Д.* Дорожные дневники. Перевод и публикация Ф.А. Петрова // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 83. Ч. XII. М., 1993. С. 98.
- ² Там же. С. 99.
- ³ Там же. С. 103–104.
- ⁴ Там же. С. 108.
- ⁵ *Строев П.М.* Обзорение успехов российской словесности в продолжении первой половины 1815 г. // Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. II. С. 143.
- ⁶ *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887. С. 198; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 75.
- ⁷ *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М., 2012. С. 52.
- ⁸ Там же. С. 75.
- ⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 271.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 302. Л. 142; *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. М., 1836. С. 34.
- ¹¹ *Бартнев П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека // Русский архив. 1863. Кн. 1. С. 4; *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков. (Опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 47.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 302. Л. 214 об.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 109, 110.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 285. Л. 118, 120–122.
- ¹⁵ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 64–65.
- ¹⁶ *Погодин М.П.* Год в чужих краях. 1839 г. Дорожный дневник. М., 1844. Ч. 2. С. 150.
- ¹⁷ *Погодин М.П.* Письма профессора Московского университета Погодина к г. министру народного просвещения из Неаполя от 6/18 апреля 1839 г. // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1839. Ч. XXIII. Сентябрь. [Отд. IV] С. 35.
- ¹⁸ *Шевырев С.П.* О словенских рукописях Ватиканской библиотеки // ЖМНП. 1839. Ч. XXII. С. 104.
- ¹⁹ *Дуйчев И.* Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962. С. 29.
- ²⁰ *Чертков А.Д.* О переводе Манасиинной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар. М., 1842. С. 2; *он же.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 113.
- ²¹ *Палацкий Ф.* Биография Й. Добровского. М., 1838. С. 25.
- ²² *Бессонов П.А.* К.Ф. Калайдович. Материалы для жизнеописания и особенно для изображения ученой его деятельности // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 3. С. 185–186.
- ²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 203. Кн. 6. Л. 208; *Чертков А.Д.* О переводе... С. 2.

- 24 Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873. С. 139, 430; *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 382–391.
- 25 *Лебедев И.* Войны Святослава I // Исторический журнал. 1938. № 5. С. 253.
- 26 *Иречек К.* История Болгарии. Одесса, 1878. С. 535.
- 27 *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Соч. СПб., 1868. Т. 1. С. 142, 144–145.
- 28 *Дринов М.* Съчинения. София, 1909. Т. 1. С. 102.
- 29 *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 390.
- 30 *Чертков А.Д.* О переводе... С. 36–38; *он же.* Описание войны... С. 120.
- 31 [Рец. без подписи.] О переводе Манассиной летописи на словенский язык... А.Д. Черткова // Отечественные записки. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VI. С. 25; [Рец. без подписи.] ЖМНП. 1843. № 2. Отд. VI. С. 76–90; Современник. 1843. Т. 30. С. 97–99; Библиотека для чтения. 1844. Т. 64. С. 33–35.
- 32 Русский исторический сборник (далее — РИС). 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 16.
- 33 Записки графа М.Д. Бутурлина: воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись. В 2 т. М.: Любимая книга, 2006. Т. 1. С. 528–529.
- 34 *Бутурлин М.Д.* Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871. Ч. 1. С. I.
- 35 *Чертков А.Д.* Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича Фердинанду II, великому герцогу Флоренции. М., 1840. С. 1–2.
- 36 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 53.
- 37 РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 1.
- 38 РИС. 1840. Т. 3. Кн. 4. С. 311–369.
- 39 *Чертков А.Д.* Описание посольства... С. 9, 12–13.
- 40 *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Института русской литературы. Отдел древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 281–282.
- 41 *Чертков А.Д.* Описание посольства... С. XI.
- 42 *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятник литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319–346.
- 43 *Чертков А.Д.* Описание посольства... С. XI.
- 44 Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003 (1851 г.).
- 45 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 103 об. (4 января 1856 г.).
- 46 *Ивочкин В.Ф., Немировский А.И.* Начало русской этрускологии. А.Д. Чертков // *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969. С. 156–162; *Немировский А.И.* Этруски. М., 1983. С. 9–10.
- 47 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 57 об.
- 48 Письма русских художников. (1840-е — 1850-е гг.) // Река времени. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 3. С. 31.
- 49 Памяти А.Д. Черткова // Отчет императорского Российского исторического музея им. императора Александра III в Москве за 1883–1908 гг. М., 1916. С. 153; *Берестецкая Т.В.* К истории отдела нумизматики ГИМ (1918–1965 гг.) // Нумизматический сборник. М., 1993. Ч. XII. С. 11.

- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 72.
- ⁵¹ Там же. Л. 96.
- ⁵² *Иванов П.* Об Обществе истории и древностей российских // Прибавление к Московским губернским ведомостям. № 7. 1842. С. 124.
- ⁵³ *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн. 2. Ч. 1. С. 35.
- ⁵⁴ *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 139.
- ⁵⁵ *Берг Н.В.* Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826–1856. М., 1990. С. 366–375.
- ⁵⁶ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Т. 4. С. 39, 166.
- ⁵⁷ Каталог коллекции авторских надписей (издания XVIII–XIX вв.). Сост. Л.Б. Шицкова. М., 1994. С. 43.
- ⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 252.
- ⁵⁹ *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Ч. 1. С. 273, 274 (7 и 21 октября 1839 г.).

Ученый в дипломатическом мундире. А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине (1857–1858 гг.)

Имя Александра Фёдоровича Гильфердинга (1831–1872) хорошо известно ученым — этнографам и славистам¹. Хотя ему было отведено чуть более 40 лет жизни, он успел оставить труды практически обо всех славянских народах и землях². Не исключением стали Босния и Герцеговина, области Османской империи, населенные славянами-мусульманами, славянами-православными и славянами-католиками. Перу Гильфердинга принадлежат одни из первых подробных русскоязычных сочинений об этих загадочных для читателя XIX столетия краях, переизданные несколько раз³ и составившие третий том собраний сочинений слависта — «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»⁴. Работу над боснийским томом Гильфердинг не успел завершить, он был опубликован стараниями его супруги Варвары Францевны в 1873 г., уже после смерти автора. В него вошли: «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» (далее — «Поездка»), «Босния в начале 1858 года» и ряд переводов на русский язык трудов уроженцев Боснии и Герцеговины — Стаки Скендеровой, Никифора Дучича, Иоанникия Памучины и Прокопия Чокорило. «Поездка» была частично переведена на сербский язык и опубликована еще при жизни автора⁵. В 1860 г. сочинение получило престижную негосударственную Демидовскую премию⁶. В 1972 г. «Поездка» и «Босния в начале 1858 года» увидели свет на сербском языке в Югославии с предисловием известного ученого Милорада Экмечича⁷. Добрую память о слависте из России в Боснии хранят и по сей день. По случаю 190-летия со дня рождения Гильфердинга (2021 г.) ученые из Баня-Луки подготовили выставку и издали ее каталог⁸. Работы А.Ф. Гильфердинга о Боснии и Герцеговине уже не раз становились объектом вни-

мания и изучения историков⁹. Но не менее любопытна история их создания.

В 1848 г. А.Ф. Гильфердинг стал студентом историко-филологического факультета Московского университета¹⁰. В этот год исправляющий должность ординарного профессора кафедры истории и литературы славянских наречий Осип Максимович Бодянский (1808–1877) попал в опалу¹¹, и на эту должность был назначен Виктор Иванович Григорович (1815–1876). Обстоятельства сложились так, что последний проработал в Москве лишь один семестр, но и за это короткое время он успел полюбить студентам. Гильфердинг состоял в переписке с преподавателем и после его отъезда, консультировался с ним по научным вопросам¹². Александр Фёдорович, как и многие его однокурсники, был в восторге от «Очерка путешествия по Европейской Турции» В.И. Григоровича (Казань, 1848)¹³, в котором говорилось об экспедиции ученого в болгарские земли, предпринятой им в 1840-е годы.

По окончании историко-филологического факультета Московского университета Гильфердинг поступил на службу в министерство иностранных дел, но от научных изысканий при этом не отказался и каждый свой отпуск превращал в исследовательскую экспедицию, устремляясь в различные славянские земли.

«Я уже давно кружил вокруг Боснии»¹⁴

Поздней осенью 1855 г. — ранней зимой 1856 г. магистр славянской словесности и чиновник МИД Александр Гильфердинг находился в очередном отпуске. Франции и Италии молодой человек предпочел поездку по землям южных славян. В планах ученого было и посещение Боснии.

Его отец Фёдор Иванович, глава департамента хозяйственных сношений МИД, по случаю этого вояжа сына писал своему доброму товарищу Петру Александровичу Плетнёву: «Саша продолжает свои поездки у южных славян и отправился в Белград. Ему хочется проникнуть в Боснию и ехать в Сараево северной дорогой. На это я не мог согласиться (на поездку в Боснию и Герцеговину. — К. М.), но зато ему дозволено продолжать свои

изыскания всю зиму. Мне скучно одному, но не хочу препятствовать его любимым занятиям»¹⁵. Добраться до Боснии в 1856 г. Гильфердингу-младшему так и не удалось. А опасения его отца были вполне оправданны, ведь его единственный сын не отличался крепким здоровьем.

Но прошло совсем немного времени и мечта молодого ученого и дипломата стала реальностью. В октябре 1856 г. в МИД было принято решение об открытии первого российского консульства в главном городе Боснийского пашалыка Османской империи — Сараеве. Отрывочные сведения об этом регионе ранее поступали из дипломатического представительства в Рагузе (Дубровнике), но служащие там агенты не имели возможности составить точную и полную картину положения дел в этой славяно-турецкой области. Нужен был человек, который как можно подробнее смог бы в короткий срок изучить регион.

Кандидатуру подбирали довольно долго. Среди опытных чиновников МИД не оказалось желающих отправиться на службу в эти «дикие края». Одним из претендентов на консульский пост являлся славянофил Фёдор Васильевич Чижов (1811–1877), но в итоге предпочтение отдали 25-летнему Гильфердингу. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграл его отец, который был очень дружен с директором Азиатского департамента МИД Егором Петровичем Ковалевским (1809–1868).

Гильфердинга назначили не консулом, а управляющим консульством. МИД пошел на эксперимент, сознательно отправив его в малоизвестные славянские земли на короткий срок.

В данном очерке предлагается взглянуть на поездку А. Ф. Гильфердинга по Боснии и Герцеговине, опираясь не на его сочинение, а на донесения из консульства в Сараеве, хранящиеся в фондах Главного архива (Ф. 161/1) и Посольство в Константинополе (Ф. 180) Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ)¹⁶, чтобы лучше понять, каковы были условия работы слависта в этот период и как коллеги-дипломаты оценивали его деятельность.

История с назначением Гильфердинга не могла не вызвать недовольства ряда работников МИД. Наиболее резко высказывался по этому поводу генеральный консул в Рагузе Петр Николаевич

Стремоухов. В фондах АВПРИ сохранился черновик ответа директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевского на одно из его писем: «Неужели же Вы могли предполагать, что я назначу консула в Боснию не православного исповедания? Немецкая фамилия Гильф[ердинг] обманула Вас, но Вы хорошо знаете аз[иатский] деп[артамент], а потому не могли не предполагать с его стороны назначение лютеранина или (зачеркнуто в тексте. — К. М.) католика собственно для защиты православных от католической пропаганды. Вам также не нравится немецкая фамилия его. Но Вы <...> хорошо знаете состав ази[атского] д[епартамента] и всего министерства. Сообразите, много ли есть людей <...>, способных быть консулами на Востоке? Прибавьте к этому учреждение четырех новых консульств и двух новых миссий¹⁷, и Вы убедитесь, как трудно отыскать еще людей, способных для консульских миссий»¹⁸. Недовольство Стремоухова вызывало не только назначение Гильфердинга консулом, но и сам факт, что новые дипломатические представительства были открыты в Сараеве и Скутари. В своих донесениях он настаивал на том, что предпочтительнее было бы обратить внимание на главный город Герцеговины Мостар, и откровенно негодовал, когда узнал о том, что его соображения не были приняты во внимание начальством.

Гильфердинг прибыл в Рагузу в начале марта и пробыл там почти два месяца, ожидая инструкций от начальства, а также своего будущего коллегу — Александра Семеновича Ионина (1837–1900), назначенного секретарем в сараевское консульство.

Личное знакомство с Гильфердингом не изменило скептического настроения генерального консула Стремоухова. В письме от 8 (20) апреля 1857 г. к протоиерею русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому¹⁹ он дал развернутую нелестную характеристику новоиспеченному консулу. Позволим себе представить в тексте следующую пространную цитату: «Вы сүдите об этом господине чересчур снисходительно. Не знаю и не могу оценить его заслуг и достоинств в ученом и литературном отношении, но решительно и по совести хочу сказать, что в десять раз лучше было бы не посылать никого в Боснию, чем это существо. Это эгоист сверху донизу, мелочный, холодный и упрямый человек; притом и здесь он своими странностями сделался посмешищем

всего города, а турки и иностранные консулы сделают из него непременно шута, потому что он имеет такое высокое понятие о себе, что и не подозревает, когда над ним в глаза смеются. Вся его цель теперь отыскать никем не виданные еще материалы для истории и литературы, и за какую-нибудь рукопись он готов быть покорным слугой и католиков, и иностранцев. Он не только не сумеет внушить нашим единоверцам никакого к себе доверия, но непременно оттолкнет их от себя своей невыносимой холодностью, чему я уже видел, к несчастью, примеры. И это-то человек, которого босняки и герцеговинцы ожидают как мессию, и это-то первый русский чиновник, который появится в этих странах после стольких лет непрерывного ожидания! Отец его с первой почтой пишет ему наставления, которые нашел бы слишком осторожными и рассудительными даже и гр[аф] Карл Васильевич* . На беду его прислали сюда слишком рано, и он уже полтора месяца дожидает здесь skutарского консула²⁰, который должен привезти из Константинополя фирман и инструкции, и Вы не поверите, до какой степени он надоел нам здесь. Много я знавал эгоистов и несносных людей, но подобного еще не встречал во всю жизнь»²¹. Стремоухов, судя по многочисленным документам, довольно часто был резок и не всегда справедлив в оценках. Забегая вперед, заметим, что его прогнозы относительно дипломатической деятельности А. Ф. Гильфердинга не оправдались.

В ожидании отъезда в Сараево Гильфердинг и вправду не упускал возможности для проведения своих научных изысканий. Параллельно он занимался распространением и популяризацией славянофильского журнала «Русская беседа» среди славян, в чем ему помогал М. Ф. Раевский²². Вероятно, он направлял из Рагузы донесения в Азиатский департамент и посольство в Константинополе, но к сожалению, обнаружить эти документы на данный момент не удалось. В фондах АВПРИ хранится первое донесение Гильфердинга из Вены от 14 (26) февраля 1857 г., составленное по пути в Рагузу²³, и донесения от 6 (18) мая 1857 г. № 5 и № 8²⁴ из Рагузы, отправленные уже после приезда Ионина (он прибыл туда в начале мая 1857 г.²⁵).

* Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862) — государственный деятель, канцлер Российской империи, с 1816 по 1856 гг. — министр иностранных дел.

Недоволен своей участью был и Ионин²⁶. Еще до знакомства с начальником он писал из Константинополя своему товарищу²⁷: «Гильфердинг едет туда изучать памятники, так как он магистр санскритской древности²⁸, а не для того, чтоб быть настоящим консулом, иначе меня туда не послали бы, потому что там дела нет, следовательно, мало и для одного дипломата; но он скоро уедет, то есть через полгода опять в Петербург, чтоб издать там что-нибудь о непонятных надписях, которые по справедливости можно принять за санскритские, а я останусь один управлять консульством. Вот моя утешительная перспектива!»²⁹. Ионин являлся выпускником Лазаревского института восточных языков, а также прошел специальный курс обучения при российской миссии в Константинополе. Прибыв в Рагузу, 20-летний дипломат столкнулся с первыми сложностями, разрешить которые ему помогли старшие товарищи, Стремоухов и Гильфердинг. Первая проблема заключалась в отсутствии практики турецкого языка³⁰, поэтому в помощь Ионину был нанят переводчик. Вторая проблема была в отсутствии средств для проезда до Сараева и обустройства там. Прибывший с Иониным из Константинополя А.Е. Сученков, назначенный консулом в Скутари, вручил Гильфердингу инструкции от российского посла в Константинополе А.П. Бутенева, патент, фирман (указ султана), берат (грамота, свидетельство) и 3 350 руб. серебром на обзаведение³¹. Из этих средств Гильфердинг оплатил путевые расходы секретаря сараевского консульства.

Инструкции

А.Ф. Гильфердинг получил изустные наставления еще в Вене, по пути к месту службы, от российского посла барона А.Ф. Будберга. О них упоминает Стремоухов в письме к Ковалевскому от 2 (14) марта 1857 г.: «Сколько мог понять из слышанного от Гильфердинга, то кажется, что предписанная им (Гильфердингу и Сученкову. — *К. М.*) роль будет в высшей степени пассивная и более важная в литературном и ученом отношениях»³².

Проект инструкции российскому императорскому консулу в Сараеве от 9 (21) марта 1857 г. был привезен Сученковым из Константинополя³³. Указания были следующими: «Первой

обязанностью Вашей будет поставить себя в приятные отношения к местным турецким властям. Имея это в виду, Вы будете избегать всего, что могло бы дать повод к столкновениям с ними. <...>. Главная цель Ваших стараний будет заключаться в собрании самых точных сведений о состоянии дел в Боснии и в своевременном сообщении миссии нашей при Порте Оттоманской известий, на достоверность которых она могла бы положиться. <...> Предметы, на которые Вы обратите особенное внимание, суть следующие: исполнение со стороны местных начальств султанского гатти-гумаюна³⁴, положение православных церквей наших в Боснии и расположение умов в этой обширной области, о которой само турецкое правительство еще так мало знает. <...> Между греческим и славянским православным духовенством существуют достойные сожаления несогласия, клонящиеся во вред духовной их паствы. При каждом удобном случае Вы не оставите обращать внимание главнейших лиц местного духовенства на пагубные следствия этих распрей. <...> Действуя постоянно в духе примирения, Вы можете способствовать сближению между духовными партиями, слишком уже долго враждовавшими между собой. Ваши действия в сем отношении требуют большой осторожности; она особенно необходима в начале Вашего пребывания в Сараеве, пока Вы не успеете коротко ознакомиться с лицами, с которыми Вам предстоит иметь сношения. Турки и также иностранные политические агенты с особенной подозрительностью будут следить за Вашими действиями, и трудность Вашего положения налагает на Вас обязанность избегать всего, что могло бы дать повод к каким-либо неприятным объяснениям»³⁵.

Стремоухову предписывалось курировать работу консульств в Сараеве и Скутари, а также подготовить для них дополнительные инструкции. Гильфердингу он предоставил известные ему сведения о Боснии, резюмировать которые можно следующим образом: хатт-и хумаюн не принес никакого облегчения участи православного населения, так как иностранные агенты³⁶ заботятся только о католиках; православные христиане не доверяют дипломатическим представителям западных держав; «православные жители Боснии, ожидающие с напряженным нетерпением и живейшим восторгом прибытия русского консула в Сараево», не-

пременно обратятся со своими мольбами в российское консульство; «по настоящему положению политических обстоятельств, невозможно, к несчастью, оказать угнетенным единоверцам нашим того благодетельного участия, которое могло бы служить облегчением их участи, а тем более соответствовать слишком преувеличенным их надеждам, но вместе с тем было бы противно видам Императорского правительства охладить чувства преданности и любви их к России»; необходимо приобрести доверие значительнейших из старшин, купцов и духовенства, убедить их с терпением ожидать более благоприятных обстоятельств; положение этой области в религиозном отношении крайне неудовлетворительно, желательно сблизиться с новым митрополитом и убедить его в необходимости вникать в положение народа; учитывать, что с каждым годом усиливается римско-католическая пропаганда, цель которой приготовить православных к уни; при возможности необходимо собирать и доставлять сведения о Герцеговине³⁷. Вся корреспонденция должна была проходить через Рагузу. Гильфердинг получил официальное разрешение министерства на совершение поездок по Боснии и Герцеговине³⁸.

«За неприступной турецкой границей»³⁹

Изучение региона началось с Герцеговины. Гильфердинг и Ионин намеренно решили ехать в Сараево через Мостар, чтобы разведать обстановку в этой области. Путь до главного города Герцеговины лежал через монастырь Дужи и Требине. Путешествие по этому маршруту подробно описано в первых главах сочинения Александра Фёдоровича⁴⁰.

Молодые дипломаты ехали верхом по гористой местности в сопровождении конвоя кавазов (охранников). По их воспоминаниям, передвижения по герцеговинскому бездорожью были довольно опасны.

Стремоухов докладывал в Константинополь, что «при следовании от австрийской границы к Мостару [Гильфердинг] был встречен местными властями с особенным уважением и с соблюдением самой внимательной вежливости»⁴¹. Гильфердинг в своем письме от 25 мая (6 июня) 1857 г. к А.В. Плетнёвой⁴² подро-

но описал церемониал турок и помпезный ужин у мостарского паши⁴³, который настолько впечатлил Александра Фёдоровича, что он поведал о нем и читателям на страницах «Поездки»⁴⁴.

23 мая (4 июня) 1857 г. дипломаты прибыли в Сараево. Оттуда в упомянутом выше письме Гильфердинг писал А. В. Плетнёвой: «Я ровно две недели тому назад двинулся караваном в Турцию. Поезд (караван. — К. М.) путешествовал через Герцеговину и Боснию так точно, как путешествуют персидские посланники от Тифлиса до Москвы: медленное шествие с конвоем, <...> власти выезжают навстречу, паши высылают своих адъютантов, везде мальчишки бегут толпами выпуча глаза, везде убийственные церемонии и кормление на убой отравительной смесью жирных и сладких яств»⁴⁵.

Ковалевскому же управляющий консульством направил несколько официальных донесений и частное письмо. Из последнего известно, что Егор Петрович намеревался приехать в Сараево. «Я не верил своим глазам от радости, когда прочел в письме моего отца, что Ваше превосходительство, может быть, удостоите посетить Сараево. Радость была не простая эгоистическая. Я радовался и за юное чадо, к коему естественно питаю нежность, за младенствующее консульство в Боснии, которому Вы, я уверен, не откажете в своей *paternité!** и которое станет на ноги и окрепнет, коль скоро будет брошен на него попечительный взор родителя», — писал ему Гильфердинг 26 мая (7 июня) 1857 г.⁴⁶.

В официальных же донесениях он подробно описывает свое пребывание в Герцеговине, указывая на особую важность этого региона, активную работу австрийских дипломатов там и «любовь герцеговинского народа к единоверной России»⁴⁷. «Если Россия не хочет, чтобы погиб навсегда для православия и для нее самой прекрасный, чистый, бодрый народ герцеговинский, то пусть она поспешит показать ему свое сочувствие и нравственное участие. Почему Англия, не имеющая в Герцеговине ни одного единоверца, ни одного подданного, никаких торговых связей, подняла в Мостаре свой флаг, а Россия ограничилась одним консульством в Боснии и забыла про Герцеговину, которая

* Покровительство (франц.)

относительно православия так же важна, если не важнее Боснии?» — задается вопросом Гильфердинг, подтверждая мысль Стремоухова о необходимости учреждения в Мостаре российского консульства⁴⁸. Осмотревшись в Сараеве, в июне Гильфердинг начал посылать довольно пространные донесения уже о Боснии и османской администрации в крае⁴⁹.

Еще до торжественного открытия консульства Гильфердинг отправился в поездку по средней Боснии и посетил католические монастыри Крешево, Хвойницу и Сутиски, описание которых можно найти в последних главах его сочинения. Эту поездку он совершал в компании английского консула и французского агента⁵⁰. Возвращались дипломаты другой дорогой, заехав в Травник, Яйце, Баня-Луку и Ливно.

8 (20) июля 1857 г. в Сараеве состоялось торжественное открытие консульства. В присутствии османских властей, иностранных агентов и при многочисленном стечении сараевских христиан был поднят российский флаг⁵¹. Консульство расположилось в арендованном доме ремесленника Джордже Терзибаши (Вукичевича) на Ташлиханской улице. В те времена это здание считалось одним из самых красивых в Сараеве⁵². «Празднество это было тем приятнее и знаменательнее для православного народонаселения Сараева, что поднятию флага предшествовало молебствие с водосвятием, при котором впервые в Боснии произнесена была громогласно священником молитва за благочестивейшего государя императора всероссийского. Разумеется, я предупредил об этом молебствии здешнего генерал-губернатора; я не встретил с его стороны никакого препятствия. <...> Молебствие, совершенное тремя священниками на открытом воздухе, у мачты, на которой должен был развеяться флаг, было еще потому особенно торжественно, что всё православное народонаселение Сараева присутствовало при нем, заняв двор консульства и прилегающий сад. Весь этот народ с видимым сочувствием отзывался священникам всякий раз, когда они произносили имя православного государя», — докладывал Гильфердинг Ковалевскому⁵³. Службу посетили австрийский и французский агенты. Омрачило торжественность момента лишь поведение дабробосанского митрополита Дионисия, который изначально выступал

против упоминания императора Александра II, а затем вместе с английским консулом явился на мероприятие лишь под конец службы. Тогда же прибыли на торжество османские власти и ряд влиятельных мусульман города. Так «дружба» с местным архипастырем изначально не задалась. Гильфердинг и Ионин регулярно направляли в Константинополь и Петербург жалобы на Дионисия, указывая на необходимость его смещения с должности митрополита.

После открытия консульства Гильфердинг с разрешения МИД направился в очередную поездку. «Об этой восточной и южной, исключительной для нас части Боснии я не имею еще никаких почти сведений. Основываясь на данном мне Вашим превосходительством милостивом разрешении, я предполагаю через несколько дней посетить этот край», — докладывал он Ковалевскому⁵⁴. Для того, чтобы избежать подозрений от османских властей, Гильфердинг обратился к генерал-губернатору с просьбой назначить провожатым одного из его казахов.

Пока Гильфердинг был в поездках, делами консульства занимался А. С. Ионин. К тому моменту он уже поднаторел в турецком, и консульство отказалось от услуг переводчика. «Я уже вот неделю, как остался один в Сараеве и исправляю должность консула, потому что мой Гильфердинг уехал собирать разные древности по Турции, потому что он собирается писать ее историю», — сообщал Ионин в письме товарищу П. А. Ефремову⁵⁵.

Путешествие Гильфердинга заняло продолжительное время. Маршрут был таков: Сараево — Рогатица — Вышеград (юг Боснии) — Старая Сербия (Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина) — юго-восток Герцеговины (Колашин, Дробняк, Пива⁵⁶) — Сараево. Александр Фёдорович направлял в МИД подробнейшие донесения об областях, которые он посетил⁵⁷. В этих документах содержатся сведения о населении, церквях и монастырях, налоговых поборах, злоупотреблениях местных властей. Поездка длилась более месяца, и в Сараево консул вернулся только в конце августа.

За всё время путешествия Гильфердинг, постоянно сопровождаемый свитой из казахов, ни разу не столкнулся с серьезной опасностью. Да и охрана была приставлена к нему лишь для

исполнения двух функций: поиска верного пути следования и ограничения числа возможных контактов российского дипломата с местным славянским населением. В своих донесениях начальству Гильфердинг также отмечал «предупредительность», которую повсеместно встречал со стороны османских властей⁵⁸. Упоминает он и о том, что в некоторых местах по случаю его прибытия местные чиновники устраивали торжественные встречи⁵⁹. Ночевал консул в турецких ханах (Гильфердинг именовал их «первобытными гостиницами». — *К. М.*), монастырских кельях. Не везде в поездках Гильфердинг говорил местным жителям о том, что является консулом Российской империи. К примеру, в Пиве он представился путешественником-археологом⁶⁰. Слависту удалось собрать и вывезти в Россию множество рукописей и старинных книг, часть из них сейчас хранится в фондах Российской национальной библиотеки (РНБ)⁶¹. Современные исследователи из Боснии и Сербии зачастую называют такую деятельность Гильфердинга не грабежом, а спасением и благодарны ему за то, что он сохранил часть их истории. Сбор этих материалов был делом не простым. Уровень образования в регионе был крайне низок, и Гильфердингу порой приходилось разъяснять священнослужителям разницу между печатным и рукописным материалом: «Сотни раз мне показывали и даже присылали иногда из далеких мест какие-нибудь старопечатные книги сербских типографий (процветавших в XVI веке), в полной уверенности, что это рукописи», — пишет он в своем сочинении⁶².

Вернувшись в Сараево, Александр Фёдорович принялся за исполнение консульских обязанностей. С 20 августа (1 сентября) 1857 г. по 25 февраля (9 марта) 1858 г. он направил в посольство в Константинополе и Азиатский департамент МИД не менее 70 донесений⁶³. В них затрагиваются следующие вопросы: поездки консула по региону, деятельность дабробосанского и герцеговинского митрополитов, смена вероисповедания в пашалыке; содержатся ценные сведения об устройстве и работе османской администрации, об организации поездки группы уроженцев Боснии и Герцеговины в Россию для получения образования, о положении разных слоев населения региона, о системе налогообложения, о проблемах с пересылкой донесений начальству, о необходимо-

сти открытия консульства в Мостаре и о волнениях в Герцеговине и Посавинье. Здесь же имеют место прошения о вспомоществовании православным школам и церквям.

Подробнейшие сведения о поездке, осуществленной Гильфердингом летом 1857 г., были изложены в донесениях № 35⁶⁴, 40⁶⁵, 42⁶⁶ и 60⁶⁷ за 1857 год.

Интересно сравнить сведения, представленные ученым на страницах его труда «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» и в официальных документах. В качестве примера обратимся к описанию пребывания консула в монастыре Пива. Этот объект интересен тем, что в декабре 1857 г. там произошли беспорядки, переросшие позже в военные столкновения между турками и черногорцами.

Из донесения № 60 от 24 октября (5 ноября) 1857 г. А. Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому:

«Когда я прибыл в Пиву, около монастыря собрана была, по случаю праздника Успения, большая толпа из околотка и из Дробняков. Я никогда не видал такого рослого, мужественного, молодцеватого народа. Всякий человек здесь воин и стрелок. При данных обстоятельствах этот край может сделаться весьма важным. По понятной Вашему превосходительству причине я избегал общения с этим полунезависимым народом, который не перестает внушать Турции опасения и который склонен был слишком громко выразить предо мной свою преданность России. <...> я мог заметить, что преданность этого народа России неограниченна...»⁶⁸.

«Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии»:

«Мое положение в Пиве было пренеприятное. Я приехал туда <...> в храмовый праздник и застал в монастыре огромную толпу народа <...>. Народ так и ломился туда, всякий хотел посмотреть на московского гостя и поговорить с ним. Между трезвыми речами слышались и пьяные, и к вечеру всё более и более умножались <...> в моей комнате, как я ни старался, постоянно было сборище и толкотня. Это мне под конец так надоело, что я заперся и стал просматривать грудю рукописей...»⁶⁹.

В тексте донесений, в частных письмах и сочинении Гильфердинга много общих сюжетов, порой практически дословно повторяющих друг друга. Но, обратившись к приведенному выше примеру, отметим, что в официальных докладах начальству консул избегал нелестных характеристик в адрес славянского православного населения, делая особые акценты на его связь с Россией⁷⁰. В южной Герцеговине Гильфердинг неоднократно наблюдал, как люди в церквях произносят молитвы «за русского царя и за успех его оружия»⁷¹. «Я беспрестанно слышал выражение, — докладывал он Ковалевскому, — которое употребляется также и в Боснии православными поселянами [и] вполне характеризует образ мыслей православного сельского народа в этих странах. Когда райя говорит о султানে, он называет его Царем просто, или с прибавлением к слову Царь (здесь и далее подчеркивание как в тексте документа. — К. М.) какого-нибудь почтительного прилагательного. Но когда он скажет: наш Царь, Вы с удивлением замечаете, что его речь не относится к турецкому падишаху, вслушайтесь в его слова и Вы скоро поймете, что “нашим Царем” православный поселянин называет русского государя императора. Султан и после 400-летнего ига остался в его сознании чужим повелителем завоевательного племени»⁷².

О том, как воспринимало путешественника из России местное население, в донесениях Гильфердинг почти не упоминает. На страницах «Поездки» же сообщает, что среди боснийских мусульман он именовался *московом* и представлялся им каким-то страшным, мистическим существом: «“Все гяуры⁷³ злы, говорят они, но самый злой гяур — москов”. Когда мусульманин захочет выразить самым страшным образом ненависть свою к “влаху” (христианину), то он назовет его *московом*», — пишет Гильфердинг⁷⁴. Справедливости ради заметим, что *москова* Гильфердинга неоднократно принимали в домах местной мусульманской знати со всем славянским радушием и восточным почтением. Для христиан же он был представителем братского народа, а порой своеобразной диковиной, посмотреть на которую собирались толпы народа.

До конца февраля 1858 г. Гильфердинг находился в Сараеве. По первоначальному плану срок его службы уже должен был

закончиться, но замены ему не присылали, и Александр Фёдорович активно работал и далее. В конце 1857 г. начались волнения населения в Герцеговине, следом вспыхнуло восстание и в боснийской Посавине. Стоит отметить, что о грядущей опасности Гильфердинг предупреждал МИД заранее. По его просьбе в начале января 1858 г. Ионин был отправлен в Мостар для того, чтобы следить за развитием событий. Тогда же было принято решение об открытии там российского консульства, до учреждения которого Герцеговина официально находилась в зоне ответственности дипломатического представительства в Сараеве⁷⁵.

Гильфердинг не только зорко следил за драматическими событиями в Боснии и Герцеговине, но и развивал сотрудничество с русскими благотворителями, составляя списки мест, куда следовало направить церковную утварь и книги. Координатором отправки помощи выступал М. Ф. Раевский⁷⁶. Большую поддержку в деле открытия школы для девочек в Сараеве Гильфердинг оказал местной просветительнице Стаке Скендеровой⁷⁷. По его просьбе она подготовила небольшое сочинение «Летопись Боснии 1825–1856», которое Гильфердинг перевел на русский язык и опубликовал⁷⁸.

1 (13) января 1858 г. коллежскому асессору, управляющему консульством в Сараеве А. Ф. Гильфердингу был пожалован орден св. Анны 3-й степени. Александр Фёдорович сердечно благодарил за эту награду Ковалевского, но вместе с тем писал: «Если бы мне был предоставлен выбор <...>, охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания (А. С. Ионина. — К. М.), который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осужден был на затворничество в душном турецком городе»⁷⁹.

15 (27) февраля на место Гильфердинга прибыл Евграф Романович Шулепников⁸⁰. Гильфердинг представил его боснийскому генерал-губернатору и другим консулам. В донесении к Ковалев-

скому от 18 февраля (2 марта) 1858 г. он сообщал о завершении им службы в Сараеве: «Сегодня отслужена была торжественно в Сараевской церкви панихида по в Бозе усопшем государе императоре Николае Первом [ум. 18 февраля (2 марта) 1855 г. — *К. М.*], и вслед за тем совершено было молебствие по случаю вступления на престол его императорского величества государя Александра Николаевича. В заключение молебствия провозглашено было многолетие всероссийскому монарху. Я был очень счастлив, что устройством этого служения мог завершить мою деятельность в Сараеве, и что мой преемник, прибывший накануне к месту своего назначения, имел случай в первый раз явиться посреди здешних христиан тогда, когда церковь оглашалась молитвою за упокой души усопшего и за здравие ныне царствующего православного государя. Церковь была полна православных сараевцев, которые неоднократно выражали свое сочувствие словами молитвы. Они с тем бóльшим умилением присутствовали при священнодействии за упокоение души государя императора Николая Павловича, что еще три года тому назад это драгоценное для каждого православного славянина имя было в их городе предметом оскорбительных поруганий»⁸¹. Гильфердинг пишет, что генерал-губернатор дал согласие на проведение церковного служения, сложности же вновь возникли с митрополитом Дионисием, с которым российские дипломаты так и не смогли наладить хороших отношений. «Со мною же митрополит уже находился опять, по-видимому, в благоприятных отношениях после холодности между им и мной <...> в продолжение двух месяцев, не быв у меня несмотря на то, что должен мне был двукратный визит, [он] первый пришел ко мне, и я надеялся, что хорошие отношения между нами восстановились», — докладывал в МИД Гильфердинг, которому, по его словам, с большим трудом удалось получить разрешение от митрополита на проведение богослужения⁸². Но на Шулепникова Дионисий произвел хорошее впечатление и даже на некоторое время заслужил доверие российского консульства.

25 февраля (9 марта) 1858 г. Шулепников официально принял должность консула в Сараеве, и в начале марта Гильфердинг покинул Сараево. В одном из донесений к российскому послу

в Константинополе А. П. Бутеневу он описал, как его провожали в путь: «Не только вали боснийский пришел ко мне еще после прощального своего визита и расстался со мною самым дружеским образом; не только христиане вместе с митрополитом, который не мог в этом воспротивиться их желанию, собрались у меня перед самым моим отъездом; но все европейские консулы, не довольствуясь тем, что поочередно собирались друг у друга, чтобы дать мне прощальные обеды, выехали со всеми своими чиновниками и, вместе с г. Шулепниковым, проводили меня верхом за два часа от города и там простились со мной с такими выражениями сочувствия, которые надолго оставят во мне самое приятное воспоминание о моем пребывании в Боснии»⁸³.

Гильфердинг возвращался на родину через Мостар. Это был принципиально важный момент, так как перед экс-управляющим консульством стояла задача восстановить справедливость и обелить имя России. Дело в том, что поездки Гильфердинга, которые, по его мнению, не вызывали никаких подозрений у местных властей, всё же принесли проблемы российскому консульству. С началом волнений в Герцеговине местные турецкие власти, отчитываясь перед Портой о происходящем, подчеркивали, что причиной их было не недовольство действиями местной администрации, а то, что они были организованы соседней Черногорией при содействии России. Драгоман английского вице-консульства в Мостаре Александр Джуркович отправился в монастырь Дужи, где, по его словам, обнаружил среди восставших 2 000 черногорцев. Поднявшимся против турецких властей герцеговинцам Джуркович говорил, что он российский дипломат. Однако эта интрига была практически сразу раскрыта, так как в монастыре оказались несколько человек, видевших его раньше⁸⁴. Тогда он объявил, что уполномочен представлять Австрию и Россию. Позже о действиях Джурковича стало известно и османским властям, но прежде, на какое-то время, Гильфердинг и Ионин превратились в главных организаторов волнений, а путешествия российского консула обсуждались в меджлисе Мостара и расценивались как попытка агитации к восстанию⁸⁵. В начале года, когда в город прибыл А. С. Ионин, местные власти довольно грубо с ним обошлись⁸⁶.

По приезде в Мостар Гильфердинг также был холодно встречен местными властями. Христианам было запрещено посещать российского дипломата. «Если бы я немедленно уехал, как имел право это сделать, то оставил бы здесь весьма невыгодное впечатление, которое, вероятно, отразилось бы и на последующих отношениях мостарских властей к нашему консульству; но встретив во мне сопротивление хладнокровное, они вскоре переменили свое обращение», — докладывал он Бутеневу и Ковалевскому⁸⁷. Гильфердингу удалось наладить контакт с герцеговинским губернатором Васиф-пашой, и вскоре православной общине было объявлено, что ее члены могут свободно общаться с русскими агентами. Когда в город прибыл Щулепников, его встретили уже с «великой предупредительностью». Покидая Мостар 1 (13) апреля, Гильфердинг писал, что имеет «основание надеяться, что теперь положение русских чиновников в Герцеговине будет весьма благоприятное»⁸⁸.

Находясь в Мостаре, Александр Фёдорович установил контакты с известными уроженцами Герцеговины — Иоанникием Памучиной, Прокопием Чокорило, Никифором Дучичем. Их труды Гильфердинг впоследствии опубликовал на русском языке⁸⁹. Эти деятели в дальнейшем зарекомендовали себя верными друзьями российского консульства, а Чокорило в 1858–1860 гг., не без помощи Гильфердинга, совершил поездку по России с целью сбора денежных средств на строительство в Мостаре православного собора. Из Мостара Гильфердинг привез в Россию уроженца Герцеговины, десятилетнего мальчика Йована Дреча. Тот некоторое время жил в доме у Гильфердингов, окончил гимназию в Санкт-Петербурге, учился в университете⁹⁰.

Вопреки недоверию коллег, Гильфердинг исправно и дельно исполнял свои обязанности на дипломатическом поприще и заслужил массу положительных откликов от боснийцев и герцеговинцев. Он регулярно направлял в Санкт-Петербург и Константинополь достаточно подробные донесения. С мая по декабрь 1857 г. Александр Фёдорович составил около 100 донесений с подробнейшим описанием обстановки в регионе, порядка 50 донесений им было составлено в Сараеве и Мостаре с января до 31 марта 1858 г. Неизвестно, изменил ли генеральный консул

в Рагузе П.Н. Стремоухов свое отношение к Гильфердингу, но все консулы, занимавшие после него посты в Сараеве и Мостаре, давали высокую оценку его деятельности.

***«Многим открыл глаза в нашей Боснии
и большую память о себе оставил»⁹¹***

В Боснии Гильфердинга не забывали. Покинув ее пределы, он продолжал работу по организации сбора и доставки помощи православным церквям, школам и монастырям края.

В 1867 г. Зеницкая церковная община обратилась к российскому императору с просьбой оказать материальную помощь школе и церкви. В письме говорилось о том, что до 1857 г. местные жители не знали о существовании большого православного государства, которое может стать их покровителем. Об этом им стало известно только после приезда российского консула, который многим запомнился. На прошение прислать им необходимые богослужбные книги и убрaнство для церкви Гильфердинг незамедлительно откликнулся. Местные жители, получив дары «царства русского, со слезами на глазах благодарили Бога»⁹². Из этого следует, что, вопреки опасениям П.Н. Стремоухова, Гильфердинг сумел внушить единоверцам доверие к себе и не оттолкнул их своей «невыносимой холодностью».

Александр Фёдорович не скрывал, что служба в Боснии была ему нужна прежде всего для удовлетворения научного интереса. Однако собранные им сведения и проведенная глубокая аналитическая работа сыграли важную роль в корректировке планов МИД России относительно будущего края.

В одном из своих последних посланий в Константинополь А.П. Бутеневу Гильфердинг писал следующее: «Закрываю ныне ряд донесений, которые я имел счастье писать Вашему высокопревосходительству из Боснии и Герцеговины, покорнейше прося Вас, милостивый государь, простить мне слабость и неопытность первых трудов моих на поприще службы на Востоке»⁹³.

Таков был единственный и краткий опыт дипломатической работы слависта А.Ф. Гильфердинга, который в результате существенно обогатил мировую науку знаниями о жизни славян Боснии и Герцеговины в далеком XIX столетии.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Власова З.И.* Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 60–72; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005; *Черных А.В.* Государственная, дипломатическая и общественно-политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). Липецк, 2017; *он же.* Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвященные южным, западным и восточным славянам. В 2 частях. Елец, 2021.
- ² См.: Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 1–4. СПб., 1868–1874.
- ³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76; Русская беседа. 1858. Кн. II. Смесь. С. 65–92; Русская беседа. 1858. Кн. III. Смесь. С. 64–97; Русская беседа. 1858. Кн. IV. Смесь. С. 51–80; Русская беседа. 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132; Русская беседа. 1859. Кн. II. Смесь. С. 57–104; *он же.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1859/60; *он же.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. М., 1859.
- ⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. Далее в тексте сноски даются на это издание.
- ⁵ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1859; Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1860; Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.
- ⁶ Премия в области этнографии и истории славян решением академика И.И. Срезневского была разделена между В.И. Ламанским («О славянах в Малой Азии, Африке и Испании»). СПб., 1859) и А.Ф. Гильфердингом («Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии»). СПб., 1859). См.: Двадцать девятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград 16 июня 1860 года. СПб., 1860. С. 20–24, 132–136.
- ⁷ *Гильфердинг А.* Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сарајево, 1972.
- ⁸ Алјександар Фјодорович Гильфердинг. Каталог изложбе. Бања Лука, 2021.
- ⁹ См., напр.: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988; *Хевролина В.М.* Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности (1856–1874) // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1999. С. 40–64; *Черных А.В.* А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине 1857–1858 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 155–164; *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019.
- ¹⁰ Об учебе А.Ф. Гильфердинга в Московском университете см.: *Гаврилов И.Б., Калитин В.А.* А.Ф. Гильфердинг и С.П. Шевырев: малоизвестные страницы из истории Московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108–129.
- ¹¹ В июньской книге «Чтений ОИДР» за 1848 г. О.М. Бодянский опубликовал перевод сочинения 1591 г. английского посла в Москве Д. Флетчера «О государстве русском». Император Николай I усмотрел в этой книге оскорбительные для России, ее монархов и церкви отзывы. В наказание Бодянскому было приказано покинуть Москву и отправиться преподавать в Казанский университет, от чего он отказался.
- ¹² См. напр. письма А.Ф. Гильфердинга к В.И. Григоровичу: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 86 (Григорович В.И.). Картон 4. Ед. хр. 38.

- 13 Очерк путешествия по Европейской Турции Виктора Григоровича. Казань, 1848.
- 14 *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 6.
- 15 Рукописный отдел Института русского языка и литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 234 (Плетнёв П. А.). Оп. 3. Д. 150. Л. 7 об.
- 16 Донесения А. Ф. Гильфердинга: № 14, 18, 19, 22, 28, 33, 43, 48, 49, 61, 62, 63, 77, 88 за 1857 г. из Сараева; № 9, 21, 25, 41, 46 за 1858 г. из Сараева; № 4 за 1858 г. из Мостара опубликованы в: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 41–45, 49–53, 55–56, 75–77, 79–85, 87–92, 96, 103–104, 112–113, 126–127, 138–146, 155–159.
- 17 См.: *Хевролина В. М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А. Л. Нарочницкого. М., 2007. С. 221–266.
- 18 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161/4. Дела Азиатского департамента, не вошедшие в описи Главного архива. 1782–1917. Оп. 729/2. Д. 25. 1852–1854. Переписка послов и консулов России в Турции с Азиатским департаментом МИД. Л. 201–201 об.
- 19 См.: *Чуркина И. В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М., 2011.
- 20 Гильфердинг ожидал назначенного в Скутари консула А. Е. Сученкова и секретаря консульства в Сараеве А. С. Ионина, которые ехали вместе и везли документы из Константинополя.
- 21 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 417.
- 22 См. письмо Гильфердинга Раевскому от 27 апреля (9 мая) 1857 г.: Югословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског. 40–80. године XIX века. Том II. Књ. 1. Београд, 1989. С. 218–219.
- 23 АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 799. 1857 г. Сараево. Л. 4–5 об.
- 24 Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 1–2 об.
- 25 Там же. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 1.
- 26 О службе Ионина в Боснии см.: *Мельчакова К. В.* Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А. С. Ионина // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И. С. Достяна. Колл. монография / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2021. С. 299–314.
- 27 Имя адресата установить не удалось.
- 28 Магистерская диссертация Гильфердинга «Об отношениях языка славянского к другим родственным» (1853) была основана на ранее изданной им работе «О сродстве языка славянского с санскритом» (СПб., 1853).
- 29 ОР РГБ. Ф. 13 (Арсеньевы). К. 24. Ед. хр. 30. Л. 2.
- 30 Гильфердинг не владел турецким, но прекрасно знал сербский язык.
- 31 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 1–1 об.
- 32 Там же. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 716. 1857 г. Рагуза. Л. 115.
- 33 Там же. Л. 197–199.
- 34 Имеется в виду хатт-и хумаюн 1856 г. — султанский указ, даровавший расширение прав немусульманского населения Османской империи и положивший начало второму этапу реформ танзимата.

- 35 АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 716. 1857 г. Рагуза. Л. 197–199.
- 36 В 1853 г. начало работу вице-консульство Франции в Сараево. После 1850 г. монархией Габсбургов были открыты генеральное консульство в Сараево, вице-консульство в Мостаре и консульские агентства в Баня-Луке (на 1863–1864 гг. было временно перемещено в Бихач), Ливно, Тузле (в 1865 г. было перемещено в Брчко) и Требине. В 1857 г. было открыто английское консульство в Сараево и вице-консульство в Мостаре. См.: *Šljivo G. Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izveštača*. Tešanj, 2008. S. 7–95.
- 37 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 3–11 об.; там же. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. 1857 г. Рагуза. Д. 716. Л. 69–74.
- 38 Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 7.
- 39 *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 6.
- 40 Там же. С. 1–47.
- 41 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 19.
- 42 Александра Васильевна Плетнёва (1823–1901) — урожд. княжна Щетинина, супруга литератора, критика, академика, поэта, ректора С.-Петербургского университета, профессора русской словесности Петра Александровича Плетнёва (1791–1865). Семейство Гильфердингов было в дружеских отношениях с Плетнёвыми. В фондах РО ИРЛИ РАН хранятся письма А.Ф. и Ф.И. Гильфердингов к супружеской чете Плетнёвых.
- 43 РО ИРЛИ РАН. Ф. 234 (Плетнёв П.А.). Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 11 об.–12 об., 19.
- 44 *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 38–39.
- 45 РО ИРЛИ РАН. Ф. 234 (Плетнёв П.А.). Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 10 об.
- 46 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 356 (Ковалевский Е.П.). Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1.
- 47 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 22–27.
- 48 Там же. Л. 26.
- 49 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 46–66.
- 50 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 55–59 об.
- 51 Там же. Л. 53.
- 52 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 24–25.
- 53 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 54.
- 54 Там же. Л. 59.
- 55 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103 (Ефремов П.А.). Оп. 2. Д. 30. Л. 7–7 об.
- 56 Ныне территории Черногории.
- 57 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 93–98 об.; там же. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 44–46, 53–58 об.
- 58 Там же. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 44–46, 53–58 об.
- 59 Там же. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 95.

- 60 Там же. Л. 98.
- 61 Часть рукописей, собранных А. Ф. Гильфердингом в Боснии и Герцеговине, хранится в Ф. 187 (Гильфердинг А. Ф.) ОР РНБ. См.: URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Serbian_Manuscripts/dir.php?f=4C8F700E-E7CF-4EE2-B1FF-AC9A2E4C6869&lang=1 (дата обращения: 21.10.2018).
- 62 *Гильфердинг* А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 202.
- 63 Последнее обнаруженное в фондах АВПРИ донесение из Сараева № 52 было составлено 25 февраля (9 марта) 1858 г.
- 64 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 44–46.
- 65 Там же. Л. 53–58 об.
- 66 Текст этого донесения выявить не удалось. Краткое содержание установлено по отсылкам к нему в других документах.
- 67 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 93–98 об.
- 68 Там же. Л. 98–98 об.
- 69 *Гильфердинг* А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 242.
- 70 Преемники Гильфердинга также не изменяли этому принципу при составлении донесений. См., напр.: *Мельчакова К. В.* Герцеговина в «Турецкой империи». Российский консул А. Н. Кудрявцев о жизни края в 1860-е годы // *Славянский альманах 2021*. Вып. 3–4. М., 2021. С. 50–75.
- 71 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2119. 1857 г. Рагуза, Скутари, Сараево. Л. 95 об.
- 72 Там же. Л. 96.
- 73 Гяур — презрительное прозвище немусульман.
- 74 *Гильфердинг* А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 5.
- 75 АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 799. 1857 г. Сараево. Л. 168.
- 76 Югословени и Русија. С. 219–220.
- 77 Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017.
- 78 *Скендерова С.* Летопись Боснии 1825–1856 // Босния, Герцеговина и Старая Сербия... С. 379–466.
- 79 РО ИРЛИ РАН. Ф. 93 (Собрание П. Я. Дашкова). Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 1–2 об.
- 80 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 73–73 об.
- 81 Там же. Л. 81–81 об.
- 82 Там же. Л. 82.
- 83 Там же. Д. 2046. 1858 г. Мостар. Л. 27 об.–28.
- 84 Там же. Л. 26 д–30.
- 85 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 123.
- 86 См. подробнее: *Мельчакова К. В.* Место служения — Сараево...
- 87 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2046. 1858 г. Мостар. Л. 28. Описание тех же событий в несколько других выражениях есть в донесении Ковалевскому: там же. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 608. 1858 г. Мостар. Л. 43 об.

- 88 Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2046. 1858 г. Мо-стар. Л. 28 об.
- 89 *Дучич Н.* Описание монастырей Дужи и Тврдош в Герцеговине // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 467–482; *он же.* Опыт статистического описания требиньского, препольского, плевельского, невесиньского округов в Герцеговине // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 483–498; *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 329–378; *Прокопий (Чокорило), иеромонах.* Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121; *он же.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 499–525.
- 90 См. подробнее: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России... С. 272–280.
- 91 *Радослављевић Н.* Грађа за историју сарајевске (дабробосанске) митрополије 1836–1878. Београд, 2007. С. 127.
- 92 Там же.
- 93 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2046. 1858 г. Мо-стар. Л. 29 об.–30.

Александр Федорович Гильфердинг как основатель российской кашубистики

В отечественной славистике такое направление как кашубистика, отвечающее за изучение истории, этнографии и языка кашубов, традиционно занимает маргинальное положение. Лишь редкие специалисты обращают свой взор на этот небольшой, но крайне интересный уголок славянского мира. Полагаем, что подобная ситуация несправедлива для страны, стоявшей у истоков научной кашубистики. Действительно, именно российский ученый Александр Федорович Гильфердинг был автором одного из первых научных трудов о кашубах, во многом сохраняющего актуальность и для современных исследователей.

В научном сообществе А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) известен прежде всего своими работами по балканским славянам. Гораздо реже упоминаются его исследования балтийских славян и истории немецко-западнославянских культурных связей.

В 1856 г. Александр Федорович по направлению Российской императорской академии наук осуществил экспедицию к кашубам. Результатом ее стали публикации в 1860 г. очерка «О наречии померанских словинцев и кашубов», а также в 1862 г. труда «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», который и сегодня является одним из ценнейших источников по этнографии кашубов. О значимости данного труда говорит факт его перевода на немецкий и польский языки¹. Несмотря на скромный объем (191 страница), «Остатки славян...» одновременно включают в себя этнографическое описание кашубов, анализ социолингвистического положения их языка, а также первое в России краткое описание кашубской фонетики, сборник фольклорных текстов и словарь кашубских и словинских слов.

Прежде, чем мы перейдем к анализу работы Гильфердинга, считаем необходимым представить читателю самую общую информацию о современных кашубах, составляющих и сегодня

одно из крупнейших этноязыковых меньшинств Польши. Кашубы — это западнославянская этническая группа, которая компактно проживает на территории Поморского воеводства на севере Польши. Перепись 2011 г. показала, что в стране насчитывается 233 тыс. кашубов², из которых в наши дни менее половины (108 тыс. чел.³) сохраняют владение родным языком. Большинство кашубов сегодня декларируют двойственную идентичность, указывая во время переписей себя и как кашубов, и как поляков одновременно. Современные социологи и этнографы предполагают, что число этнических кашубов в Польше сегодня может значительно превышать эти цифры и достигать до полумиллиона человек⁴. По оценкам социолингвистов, количество носителей кашубского языка в настоящее время колеблется от 60 до 80 % от общего числа этнической группы⁵. Эти данные свидетельствуют о сложных этноязыковых процессах среди кашубов, которые постепенно ассимилируются в польскую среду и переходят на польский язык. Такие же данные показывает и наша полевая этнографическая работа в данном регионе⁶. Согласно собранным материалам, особенно интенсивно утрата родного языка стала происходить в 1950–1960-е годы, уже после вхождения всей территории Кашубии в состав польского национального государства после Второй мировой войны. И хотя в дискурсе польской научно-политической традиции кашубы традиционно рассматривались в качестве этнографической группы поляков⁷, в 2005 г. они были признаны языковым региональным сообществом. Как показывают материалы нашей работы последних нескольких лет, такое правовое признание кашубов существенно повлияло на рост статуса и социального престижа кашубского языка, однако пока оно не способно приостановить темпы языкового сдвига. Межпоколенческая передача языка практически прервана, и современные носители кашубского языка — это в основном представители старшего поколения.

Часть лета 1856 г. А.Ф. Гильфердинг посвятил этнографической экспедиции к кашубам, посетив предварительно Флориана Цейнову (1817–1881), который позже сопровождал его часть пути. В своем труде Александр Федорович называет последнего «лучшим, или скорее единственным знатоком кашубского народа

и языка <...>, который, будучи сам родом кашуб (из деревни Славошево, близ Пуцка), первый сообщил славянским ученым несколько удовлетворительные сведения о наречии своей родины»⁸. Действительно, в современной кашубской традиции Ф. Цейнова считается одним из первых идеологов кашубского регионализма и первым «национальным будителем». Фигура Цейновы сегодня имеет огромное символическое значение для кашубских активистов, поскольку это был первый общественный деятель, которому удалось вывести в политическую плоскость вопрос об этнической, национальной и лингвистической принадлежности кашубов. Он известен как первый человек, предпринявший попытку кодифицировать литературный язык на базе разрозненных славянских диалектов региона. Именно ему принадлежат первый проект кашубского алфавита и попытка издания первого кашубскоязычного журнала («Skôrb kaszëbskosłovjnskje mové»). Можно утверждать, что именно Цейнова стал для русского ученого тем «ключевым информантом», который обеспечил успешное вхождение в новое этнографическое поле. Осознавая вклад Цейновы в «пробуждение угасающей небольшой славянской народности», Гильфердинг в своем письме М.Ф. Раевскому (1862 г.) даже предложит наградить его орденом, который присуждался ряду западнославянских деятелей в связи с празднованием тысячелетия России⁹.

Путешественники начали свою экспедицию из Гданьска, откуда двинулись на восток в сторону современного города Вейхерово (нем. Нойштадт). Продвигаясь по северной Кашубии через г. Лемборк, они достигли деревни Глувчице, места компактного расселения особой во многих отношениях этнографической группы кашубов — словинцев, после чего двинулись в сторону южной Кашубии до города Бытов. Здесь попутчикам пришлось расстаться, и далее Гильфердинг продвигался самостоятельно, в восточном направлении. Так, некоторое время он провел близ Косцежины, где изучал особенности южнокашубских говоров и специфику польско-кашубской языковой границы. Далее ученый направился на север через многочисленные деревни центральной Кашубии (современный Картузский повят) и вернулся в Вейхерово, откуда двинулся на северо-запад, к балтийскому побережью.

Его целью были словинцы. Этноним наталкивал Гильфердинга на предположение, что именно среди здешних кашубов лучше всего должна была сохраниться древняя славянская культурная и языковая традиция. Однако первоначально ученого ждало разочарование. Так, добравшись до города Слупск, он признает: «Кроме имени, в этом торговом, довольно богатом и красивом городе ничего о славянах уже не напоминает»¹⁰. Однако, продвигаясь далее в северо-восточном направлении через сёла Глувчице, Смолdziно, Гардно, в так называемый «словинский угол», Гильфердингу, наконец, удается найти крестьян, которые были последними в этом регионе носителями кашубского языка. После этого придвигаясь вдоль балтийского берега, он дошел до Пуцкого залива, откуда совершил короткую вылазку на Хельский полуостров (так, упоминается деревня Халупы), и вернулся в Гданьск. Следовательно, ученому удалось, пусть и недолго, но поработать во всех трех этнографических областях Кашубии: южной, центральной и северной, каждая из которых отличалась особенностью языковых, экономических и религиозных процессов. Значительную ценность представляют для нас материалы Гильфердинга, собранные в словинских деревнях близ Слупска. Он зафиксировал процесс стремительной германизации местного славянского населения. Лишь старшее поколение сохраняло там владение славянским языком. К сожалению, сегодня труд Гильфердинга остается для нас одним из немногих источников по данной этнической группе кашубов. Судьба словинцев в послевоенной Польше сложилась драматично. Будучи немецкоязычными лютеранами, словинцы так и не смогли интегрироваться в польское общество и были либо депортированы вместе с этническими немцами, либо самостоятельно покидали родные края, мигрируя в Германию. Как показывают материалы путешественников и журналистов, к концу 1970-х годов в словинских деревнях почти не осталось автохтонных жителей¹¹.

Разнообразие информантов, с которыми Гильфердингу удалось пообщаться, привлекает особое внимание. Среди них были как неграмотные крестьяне, с трудом припоминавшие славянские слова и говорившие о славянском (кашубском, словинском) происхождении своих деревень, немецкие лютеранские пасторы,

которые были инструментом ассимиляции местного населения, так и помещики, стремившиеся как можно скорее интегрироваться в класс прусской аристократии. Несомненно, контакты с представителями столь разных социальных групп предоставили Гильфердингу уникальную оптику, через которую ученый наблюдал и фиксировал для потомков этническое самосознание и языковые процессы автохтонного населения региона середины XIX в. Сам ученый осознавал всю ответственность своей миссии. Красной нитью через его произведение проходит желание успеть собрать тот материал, которого может уже не быть завтра, ведь «кашубская речь, особенно в Померании, где ее тип сохранился чище и где она заключает в себе наиболее своеобразных форм и слов, любопытных для филолога, так быстро вымирает, что через двадцать или тридцать лет она, быть может, там заглохнет вовсе»¹², — писал он. К оценке Гильфердингом языкового сдвига среди кашубов мы еще вернемся, однако отметим, что, располагая современными материалами полевой работы среди кашубов из практически тех же мест, где он работал, можно сравнить языковые и этнические процессы в сообществе спустя полтора века.

Первоначально Гильфердинг обращается к сложной и в значительной степени политизированной до наших дней проблеме языковых границ. Так, появление первых научных трудов по кашубистике было сопряжено с вопросом о том, кем они являются — германизированными поляками, славянизированными немцами, а, возможно, отдельным западнославянским этносом? Будучи жителями обширной зоны пограничья, кашубы несколько столетий были объектом конкуренции немецкого и польского национальных движений. Многие польские ученые стремились доказать, что кашубы — это этнографическая группа поляков, которая говорит на одном из самых специфических и архаичных диалектов польского языка.

Однако Гильфердинг полагает, что «язык кашубов и померанских словинцев есть последний живой остаток прибалтийского наречия, объем которого в средние века был, по крайней мере, равен объему наречия польского, но которое несчастные обстоятельства мало-помалу стёрли и стирают с лица земли. Поэтому мнение, господствующее в образованном классе туземцев, будто

кашубское наречие есть лишь искаженный польский язык, совершенно ложно: это то же самое, как если бы кто-нибудь стал уверять, что малороссийский язык есть испорченный великорусский»¹³. Позже подобную точку зрения выскажет российский лингвист И. А. Бодуэн-де-Куртенэ (1845–1929), который в 1897 г. писал: «Вся кашубская языковая область во всём свойственном ей диалектном разнообразии должна быть рассматриваема как одно целое и противопоставлена всей польской языковой области. Нет никаких оснований для того, чтобы подгонять кашубские говоры под одну из диалектных групп польской языковой области»¹⁴. Однако до момента признания кашубского региональным языком в 2005 г. польская научная традиция устойчиво воспринимала данный идиом польским диалектом.

Гильфердинг в своем труде пытается нащупать субъективно ощущаемую самими кашубами границу, которая отделяет их от других родственных этнических групп, прежде всего поляков, обращаясь к практикам этноязыковой идентификации среди автохтонных жителей Кашубии. «Хотя речь кашубская так близка к польской, — пишет он, — хотя кашубам не на кого опереться, кроме как на польскую народность, они однако вовсе не чувствуют и не осознают своей связи с польским народом»¹⁵. Ученый демонстрирует богатую палитру этнонимов и лингвонимов, зафиксированную им в своей экспедиции. Так, он отмечает: «Употребляется еще название польский, но только в применении к языку <...> Но поляками балтийские словинцы себя никогда не называют. В деревне Избицах я слышал, что делали различие между польским языком, который отождествляется тут с кашубским, и языком поляцким, т. е. речью поляков в собственном смысле. “Мы говорим по-польски, сказывали мне, а polaska towa другая”»¹⁶.

Одним из первых Гильфердинг постарался систематизировать этнографическое деление кашубов, выделяя различные группы, среди которых упоминаются собственно кашубы, словинцы, кабатки, быляки и др. Ученый стремится проанализировать этимологию распространенных среди кашубов этнонимов, а также диалектологические различия основных кашубских субэтнических групп. Вместе с тем, Гильфердинг постулирует

родство кашубского и словинского языков, полагая, что «ближайшее рассмотрение языка словинцев померанских и кашубов докажет нам впоследствии, что оно составляет одно наречие, остаток древнего языка прибалтийских славян, но остаток, на котором изгладилась отчасти своеобразная физиономия этого языка, потому что он сохранился на той пограничной черте, где речь прибалтийских славян сливалась с польской»¹⁷. Таким образом, Гильфердинг поддерживает традицию рассмотрения кашубов как потомков древних поморских славян (поморян). Важно отметить, что до начала XX в. многие кашубы свой язык так и называли — поморский. В целом же, этнографические различия среди кашубов автор объяснял наследием древнего родоплеменного деления балтийских славян.

Гильфердинг является автором одного из первых подробных научных описаний процесса языкового сдвига среди кашубов. В социолингвистике языковой сдвиг — это отказ общности от использования старого языка и переход на новый¹⁸. Из общей стилистики «Остатков славян...» видно, как остро Гильфердинг воспринимает эту проблему. Язык описывается им как «исчезающий ежедневно», «буквально на наших глазах». Алармистский дискурс текста, столь характерный для романтической школы этнографии, кажется, должен сформировать тревожное ощущение у читателей и повлиять на замедление языкового сдвига. Как отмечает Джеймс Клиффорд, заявления об исчезновении культур, языков и диалектов в тот момент, когда они впервые описывались посторонними наблюдателями, — это центральная для западной этнографии риторическая фигура¹⁹. Определенный образ малой ассимилирующейся этнической группы уже заложен в самом названии работы. Для Гильфердинга кашубы и словинцы являются именно «остатками славян», которые могут вот-вот раствориться в среде более многочисленных этнических групп. Порой кажется, что ученый несколько преувеличивает интенсивность языкового сдвига. «Совершающееся на глазах наших вымирание славянской народности, — пишет он, — казалось мне фактом, стоящим ближайшего изучения <...> Через несколько лет путешественник в большей части этих деревень уже не найдет ни одного славянина»²⁰. Однако последних носителей ка-

шубского языка в деревнях, где работал Гильфердинг, находили и в конце XIX в., и в начале XX в., и в первые послевоенные годы. Очевидно, что он недооценивал степень сохранности и межпоколенческой передачи языка.

Тем не менее, материалы, зафиксированные ученым, являются важным свидетельством ассимиляции, прежде всего германизации, западных этнографических групп кашубов. Ценностью для современных исследователей являются подробные списки деревень, где Гильфердинг встречал говорящих по-славянски людей, с подробным описанием языковой сохранности по разным поколениям: «Употребляют кашубский язык только несколько стариков в ремесленном классе. Если там найдется человек моложе 60 лет, знающий кашубский язык, то это непременно пришелец»²¹. Опираясь на материалы ученого, мы видим, что уже к середине XIX в. в разных местах Кашубии владение языком сохраняли лишь среднее и старшее поколения. Зачастую степень сохранности языка коррелировала с близостью того или иного населенного пункта к ареалам расселения этнических немцев или поляков. Именно на этих территориях кашубский язык находился в наиболее уязвимой позиции. «И здесь везде немецкий язык заменяет славянский в молодом поколении. В местечке Леба, лежащем у истока Лебского озера в море и ведущем довольно значительную торговлю, многие из простонародья знают еще по-кашубски, особенно люди пожилые, но стыдятся этого языка и публично говорят почти только по-немецки»²², — отмечал Гильфердинг.

Таким образом, автор труда «Остатки славян...» органично подходит к одному из факторов, порождающих и определяющих процесс языкового сдвига, — низкому социальному престижу кашубского языка. В лингвистической антропологии понятие языкового престижа применяется для анализа уровня уважения к идиому, по сравнению с другими идиомами, функционирующими в каком-либо сообществе. Низкий престиж часто обуславливает низкую языковую лояльность в речевом сообществе и нежелание передавать язык младшему поколению. Концепция языкового престижа напрямую связана с социальным престижем, что проявляется в сравнительно высоком уровне уважения и авторитета у речевого кода или говора престижных классов общества.

Так, представители менее престижных социальных групп могут имитировать речь элиты²³. В целом, опираясь на описания Гильфердинга, мы видим, что место кашубского языка в языковых иерархиях региона довольно чётко отражало социальную структуру населения Померании того периода, в которой класс аристократии был представлен преимущественно немцами, реже — поляками. Посещая собрания местных помещиков, Гильфердинг с сожалением отмечал «пренебрежение к простому народу», которое демонстрировали аристократы. Многие из собеседников ученого искренне удивлялись, узнав, что предметом его изысканий является язык местных крестьян: «В разговоре со мною они даже выражали полунасмешливое удивление тому, что я находил кашубов и кашубский язык заслуживающими изучения»²⁴. Гильфердинг отмечал глубокую пропасть между правящим классом и кашубскими крестьянами, слабое знакомство помещиков с их повседневной жизнью и культурой: «На мои расспросы они отвечали мне общими пошлыми фразами о грубости своих поселян и испорченности кашубского языка»²⁵. В восприятии помещиков кашубский язык напоминал «гусиное гоготание».

Поразительно, как спустя полтора века исследователи продолжают фиксировать почти в неизменном виде подобные свидетельства низкого статуса кашубского языка. Проиллюстрируем это примерами из нашей полевой работы в разных регионах Кашубии: «*В хлеве со свиньей можно было говорить по-кашубски..., а чтобы ученый человек..., этого себе невозможно было представить*» (*м., кашуб, 35 л., Вейхерово*). «*Еще до этого закона был какой-то стыд..., мол, это какой-то диалект. На нем стыдно было говорить. Только дома..., а сейчас это тоже есть, но уже меньше*» (*ж., кашубка, 42 г., Картузы*).

Пытаясь объяснить ассимиляционные процессы среди кашубов, Гильфердинг обращается к политическому и религиозному факторам, постоянно сравнивая положение кашубов Западной Пруссии и Померании: «У кашубов на правой (восточной) стороне этой черты, в Западной Пруссии, народность славянская еще довольно жива и сильна; на левой, западной стороне, в Померании она вымирает совершенно, и, вероятно, исчезнет бесследно прежде пятидесяти лет»²⁶. По мнению Гильфердинга, именно

конфессиональные различия обуславливают скорость языкового сдвига среди кашубов. Так, среди кашубов-католиков, которые дольше сохраняли политико-культурные связи с поляками, «славянский дух», а, следовательно, и язык, сохраняются лучше, чего нельзя сказать о западных этнографических группах кашубов-словинцев, которые гораздо раньше вошли в состав Германии. Протестантизм утвердился здесь уже к концу XVII в. И хотя после разделов Польши всё южное побережье Балтии вошло в состав Пруссии, тем не менее в центральной и южной Кашубии католицизм, по замечанию Гильфердинга, «есть нераздельная власть польской, т.е. говоря о кашубском крае, славянской стихии, и католическое духовенство тут старается противоборствовать напору немецкой народности, чтобы через то охранять свою паству от влияния протестантизма»²⁷. Таким образом, католический костёл в Кашубии выступал агентом славянского (польского) влияния, а кашубы, перешедшие в протестантизм, выходили из-под его влияния: «племя славянское, принимая протестантскую веру, естественно подчинялось влиянию немецких идей, немецкого образования и вскоре принимало даже язык немецкий»²⁸.

Однако Гильфердинг не оставляет в стороне и последовательную политику государства, особенно образовательную, во многом определявшую этноязыковые процессы в регионе. Так, задолго до модернистских теорий национализма, он уже показывает, как государственная школа влияет на формирование идентичности периферийных этнических групп. Именно церковь и школа становятся главными агентами ассимиляции кашубов. Описывая свое общение с местными крестьянами, ученый рисует перед нами картину постепенного прекращения межпоколенческой передачи языка и определяет роль школы в этом процессе: «Родителям горько и обидно, что когда они говорят детям по-кашубски, те уже большею частью отвечают по-немецки. Один из рыбаков говорил: “Здесь старики были все кашубы, а теперь дети немцы. Когда старики вымрут, всё здесь будет по-немецки. Детей учат в школах всё по-немецки, и разве от стариков научатся они немножко”»²⁹. Мы видим, как представители миноритарного этноса признают, рефлексировывают и горестно прогнозируют ассимиляционные процессы в своей группе.

Ценностью работы Гильфердинга является многочисленная иллюстрация собственных наблюдений цитатами из бесед с кашубскими крестьянами. Благодаря презентации столь богатого нарративного материала, ученому удалось зафиксировать для нас голос этнической группы середины позапрошлого века. В этом плане «Остатки славян...» являются новаторским текстом, опередившим многие научные работы, которые основывались преимущественно на фольклорном материале. Для современных этнографов именно это делает труд Гильфердинга бесценным источником, поскольку мы можем сравнить его с современным полевым материалом. Порой результаты такого сравнения поражают сходством риторики описания школы как инструмента ассимиляции, когда спустя полтора века сменились и государственная принадлежность кашубов, и траектория ассимиляционных процессов — с немецкой на польскую. Вот, например, что удалось услышать нам от современных кашубских информантов:

«Родителям говорили... годах в 1950–1960-х..., что дети должны правильно учиться говорить по-польски, потому что детям будет сложнее в школе, если придут в школу, не зная правильного польского. Это было довольно забавно, ведь большинство родителей тут на Кашубах... того поколения предвоенного... польский был для них как иностранный. И они пытались правильно говорить с детьми. Конечно, говорили они неправильно. Собственно, они сами учились польскому от своих детей, которые позже шли в школу» (ж., кашубка, 56 л., Гданьск).

Обращается Гильфердинг и к насильственным практикам школьного образования, описывая, как детей могли бить за употребление кашубского языка в школе: «Что касается сечения в школе за слово, произнесенное по-кашубски, то оно господствует и в Клечицах, как сказывал мне мальчик по собственному опыту. Не знаю, как в других местах»³⁰. Схожие свидетельства мы фиксировали и в памяти современных кашубов:

«Инф.: Когда была коммуна, кашубский подавляли... Били в школах линейкой... И мои родители, они как раз учились в то время, они не научились кашубскому. Незнакомый мужчина рядом (около 60 лет): Но после войны уже никого не били..., если кто по-кашубски разговаривал.

Инф.: Били, били! Моим родителям 50. Их били. Отца били» (м., кашуб, 18 л., Брусы).

Столь устойчивое описание практик насилия за употребление родного языка в школе позволяет говорить о существовании некоего конвенционального группового риторического приема. Обратившись к особенностям функционирования других исчезающих языков³¹, мы видим, как такие описания являются довольно устойчивым приемом в дискурсе миноритарных групп.

Во многих отношениях труд А. Ф. Гильфердинга сегодня уже не соответствует нашим представлениям о критериях научного текста. «Остатки славян...» очень субъективны, там слишком сильно чувствуются личность автора и его персональное отношение к происходящим культурным процессам. При этом нельзя не отметить его трогательное и эмпатичное отношение к исследуемому сообществу. Это признает и сам ученый: «Мне трудно говорить о кашубах без сочувствия: таково впечатление, произведенное на меня этим народом. В особенности словинцев-рыбаков не полюбить невозможно. Это народ совершенно неиспорченный нравственно, добродушный, удалой на море, в высшей степени понятливый»³². Наблюдая повсеместную и, как кажется Гильфердингу, неизбежную культурно-языковую ассимиляцию кашубов в немецкую среду, он словно оплакивает скорое исчезновение «благородного туземца». Следует отметить, что подобный взгляд на кашубов как исчезающий этнографический резерват не был уникальным. Нечто подобное мы можем встретить в польской научной и литературной традиции. Так, уже в конце XIX в. в польской художественной литературе кашубов нередко называли «последними могиканами Поморья»³³.

Примечания

¹ *Hilferding A. Die Überreste der Slaven auf der Südseite des baltischen Meeres // Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. 1862. S. 81–97; Hilferding A. Resztki Słowian na Południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1989. S. 269.*

² *Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna ludności Polski. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2015. S. 31.*

³ *Ibid. S. 70.*

⁴ *Mordawski J. Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. S. 43.*

- 5 *Dołowy-Rybińska N.* Odwracanie zmiany językowej na Kaszubach // *Studia Socjologiczne*. 2010. N 3(198). S. 52–53.
- 6 Полевые исследования автора среди кашубов ведутся с 2019 г. по сегодняшний день в рамках работы над кандидатской диссертацией о языковых процессах в Кашубии и Верхней Силезии. На момент работы над этим очерком было реализовано пять этнографических экспедиций к кашубам и записано более 50 интервью с разными типами носителей языка: традиционными носителями, неоносителями, а также кашубами, в чьих семьях этнический язык вышел из употребления на протяжении последних трех поколений.
- 7 *Fischer A.* Lud polski: podręcznik etnografii Polski. Lwów: Zakład Narodowy Ossolińskich, 1926. S. 14.
- 8 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. Этнографический сборник. Выпуск V. СПб.: Типография В. Безобразова, 1862. С. 1–2.
- 9 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука, 1975. С. 134.
- 10 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 2.
- 11 *Filip M.* Od Kaszubów do Niemców. Tożsamość Słowińców z perspektywy antropologii historii. Poznań: WN, 2012. S. 13.
- 12 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 5.
- 13 Там же. С. 80–81.
- 14 *Бодуэн-де-Куртенэ И.А.* Кашубский «язык», кашубский народ и кашубский вопрос. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1897. С. 91.
- 15 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 14.
- 16 Там же. С. 10.
- 17 Там же. С. 11.
- 18 *Дориан Н.* Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта // *Социоллингвистика и социология языка*. Т. 1 / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 382.
- 19 *Клиффорд Дж.* Об этнографической аллегории // *Социологическое обозрение*. 2014. № 3. С. 109.
- 20 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 16.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 32.
- 23 *Gumperz J.* Dialect Differences and Social Stratification in a North Indian Village // *American Anthropologist*. 1958. Vol. 60. N 4. P. 672.
- 24 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 14.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 36.
- 27 Там же. С. 13.
- 28 Там же. С. 28.
- 29 Там же. С. 27.
- 30 Там же.
- 31 *Баранова В.В.* Язык и этническая идентичность. Урумы и румыи Приазовья. М.: ВШЭ, 2010. С. 245.
- 32 *Гильфердинг А.Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря... С. 45.
- 33 *Mastalerz-Krystjańczuk M.* Ostatni Mohikanie Pomorza: ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945–1989. Gdańsk: Instytut kaszubski, 2019. S. 32.

Балканистика «в эполетах»: общий обзор печатных трудов военных авторов дореволюционной России о странах и народах Балканско-Дунайского региона

Во все эпохи представители военной корпорации, в силу основополагающего профессионального интереса, занимались познанием внешнего мира и его обитателей. Осведомленность представителей военной элиты государства о зарубежных странах и народах имела огромное значение, поскольку непосредственно влияла на принятие судьбоносных решений о войне и мире, определяла характер международных отношений на годы и десятилетия. Глубина и качество военного страноведения всегда являются прямым отражением общего уровня культурного и научного развития профессионального военного сословия, государства и общества в целом. В определенных исторических условиях эти труды давали выдающиеся результаты, выходявшие далеко за пределы сферы корпоративных интересов военного ведомства и национальные границы и обогащавшие научное гуманитарное знание в целом. Одним из примеров этого может считаться такая весьма своеобразная отрасль прикладного ведомственного регионоведения, как военная балканистика Российской империи.

Военный фактор играл особую роль в истории политики Российской империи на дунайско-балканском направлении в XVIII — начале XX вв. Войны, которые она вела против Османской империи на Дунае и Балканах, стали основным двигателем процесса сближения, общения и взаимного познания России и народов региона. По очевидным причинам военное ведомство дореволюционной России активно занималось изучением Балканского по-

луострова в первую очередь как театра военных действий против Турции. Именно этой долгосрочной стратегической задаче были, так или иначе, посвящены и подчинены все балкановедческие изыскания русских военных на протяжении большей части истории дореволюционной имперской государственности. Основной массив служебных материалов военного ведомства о Балканах — донесения разведки, доклады и меморандумы, различные карты и планы — до сих пор лежит в архиве и лишь в малой степени изучен и введен в научный оборот, хотя никто из современных специалистов по Балканскому региону не сомневается в исключительной ценности этих источников. Однако в дореволюционный период выходило и немало печатных трудов военных авторов о Балканском полуострове и его народах. В жанровом отношении это были и мемуарные тексты, и военно-исторические работы, собственно научные страноведческие, военно-географические и военно-статистические описания и исследования. Важно отметить, что в XVIII–XIX вв. в России, как и в других великих державах, стандарты и требования секретности к материалам такого рода были на порядок ниже, чем в позднейший период. Поэтому большинство печатных трудов о Балканах, написанных действующими и отставными представителями военного ведомства, офицерами и генералами Генерального штаба Российской империи, с самого момента своей публикации были доступны всем заинтересованным лицам и становились неотъемлемой частью общего процесса развития научного знания.

Работы представителей военного ведомства Российской империи о Балканах и их народах неоднократно становились объектом внимания ученых-балканистов. Так, И.С. Достян в своей классической монографии «Русская общественная мысль и балканские народы» (М., 1980) посвятила этому самостоятельный раздел под заглавием «Изучение Балкан и русско-турецких войн по заданиям военного ведомства и министерства иностранных дел», рассмотрев здесь период 1810–1820-х годов¹. Также историей изучения южных славян представителями военного и дипломатического ведомств России в первой половине XIX в. много и плодотворно занимался М.В. Белов. Он ввел понятие «служебного славяноведения», анализируя деятельность ряда

военных и гражданских служащих по изучению Балканского региона, особенности их восприятия и приемы описания явлений местной жизни². В настоящее время исследования в этой области активно продолжает историк из Санкт-Петербурга К.А. Касаткин, в центре внимания которого находится величественная фигура И.П. Липранди³.

Однако до сих пор никто не ставил целью исследование именно военной балканистики Российской империи как самостоятельного и уникального явления на всей протяженности его существования, не пытался показать динамику развития этого направления прикладного регионоведения, предложить его внутреннюю периодизацию и объяснить логику развития. И нам представляется оправданным рассмотреть именно феномен ведомственного изучения Балканско-Дунайского региона российскими военными, не смешивая его здесь с не менее ценными и важными трудами представителей дипломатического и иных ведомств. Здесь нами будут рассмотрены работы действующих и отставных представителей военного, то есть военно-сухопутного ведомства Российской империи, собственно «армии» и ее Генерального штаба. Со своей стороны военно-морское ведомство России также занималось гидрографическими описаниями и гидрологическими исследованиями омывающих Балканский полуостров морей, а также Эгейского архипелага. моряки вносили свой ценный вклад в изучение региона, но их работы сейчас находятся за рамками нашего поля зрения. Автор не ставит перед собой цель перечислить и рассмотреть все печатные труды военных авторов о Балканах, но постарается назвать основные, важнейшие, наиболее знаковые и характерные из них. Поэтому в центре нашего внимания будут именно книги или отдельные брошюры, а не публикации в военной периодической печати, хотя и там подчас встречаются весьма интересные работы.

Само понятие Балканского региона автор использует здесь в расширительном смысле, подразумевающим «исторические большие Балканы» — пространство, включавшее собственно Балканский полуостров, Нижнее Подунавье и Северо-Западное Причерноморье вплоть до реки Днестр. На протяжении большей части рассматриваемой эпохи и провинции Румелии, и Ду-

найские княжества являлись владениями Османской империи и были основным театром военных действий во время войн между Россией и Турцией. Важно отметить также, что русские военные авторы, писавшие о Балканско-Дунайском регионе, несмотря на естественные славянофильские симпатии многих из них, отнюдь не были «военными славяноведами». В рамках своего профессионального мышления и подхода к решаемым задачам они выступали скорее как регионоведы-балканисты и применяли единый универсальный инструментарий для изучения южных славян, молдаван, валахов, греков, албанцев, балканских турок, а также территорий их проживания.

В данной работе мы предлагаем свою версию периодизации истории военной балканистики в Российской империи. При этом и хронологические рамки выделяемых нами этапов, и предлагаемые названия для их обозначения носят в значительной степени условный характер. Как любая область знаний в общественных и гуманитарных науках, балканистика военного ведомства развивалась в основном достаточно медленно и плавно, без резких скачков, опираясь на достижения предшествующих периодов и с постепенными переходами на следующие, более продвинутые этапы. Поэтому определить хронологические и смысловые границы этих периодов не так просто, но это представляется полезным для лучшего отображения и систематизации рассматриваемого материала.

Этап первый, «первично-ознакомительный» (1770-е — 1810-е годы). С какого времени можно говорить о возникновении военного балкановедения в России? Как известно, впервые русская армия вступила на территорию интересующего нас региона и достигла Дуная летом 1711 г., во время знаменитого Прутского похода Петра I. Однако процесс научного познания этого региона тогда еще, по сути, не начался; накопление фактического материала было в зачаточном состоянии, и до появления первых печатных трудов оставалось еще достаточно долго. В России первой половины XVIII столетия отсутствовали даже опубликованные работы о вооруженных силах и военном потенциале одного из важнейших соперников на международной арене — Османской империи. Едва ли не единственным печатным трудом по этой

теме на русском языке стал перевод знаменитой книги «Военное состояние Оттоманской империи» итальянского ученого и военного деятеля Луиджи Фердинандо Марсильи (1658–1730)⁴. Примечательно, что русское издание этой книги увидело свет в 1737 г., в начале русско-турецкой войны 1736–1739 гг. и, несомненно, преследовало цель удовлетворения профессионального военного и широкого общественного интереса к данному предмету. Однако работа Марсильи отразила состояние османской военной мощи в последние десятилетия XVII в. и уже существенно устарела ко времени публикации ее в России.

Первые научные труды по Балканско-Дунайскому региону российского происхождения появились более полувека спустя после Прутского похода, уже в эпоху Екатерины II и, конкретно, в ходе ее первой войны против Турции 1768–1774 гг. Родоначальником военной балканистики в России с полным правом может считаться легендарный военный деятель, инженер, архитектор, картограф и ученый Фридрих Вильгельм (Федор Виллимович) Бауэр (Боур, Бавер; 1731–1783), фактический основатель российского Генерального штаба как института и органа высшего военного управления⁵. Сын главного лесничего графства Ганау, он служил в гессенской и прусской армиях, особо отличился на старших штабных должностях в Семилетнюю войну и снискал себе в Европе репутацию выдающегося военного авторитета. В 1769 г. в начале войны с Турцией сама Екатерина II не без труда переманила Бауэра на русскую службу, и с тех пор его судьба до конца жизни была связана с Россией. Начиная с кампании 1770 г., он занимал должность генерал-квартирмейстера* русской 1-й армии и явился одним из главных творцов ее триумфов при Ларге и Кагуле в 1770 г.

Непосредственно в ходе войны 1768–1774 гг. Бауэр, одновременно со своими обширными трудами военачальника и штабного

* В русской армии XVIII в. должность генерал-квартирмейстера была одной из высших и наиболее значимых штабных должностей. В обязанности генерал-квартирмейстера входили организация движения и расположения войск лагерем в походах, их размещение на квартирах, изучение местности, подготовка карт, разведка на театре военных действий. В ходе военных кампаний генерал-квартирмейстер на практике зачастую возглавлял авангардный корпус действующей армии и находился в зоне наиболее горячих боевых действий, как это было и с Ф.В. Бауэром в 1770 г.

руководителя, занимался изучением Дунайских княжеств, которые для европейцев в то время представляли собой во многом terra incognita. Им была составлена и издана в Амстердаме самая первая современная географическая карта Молдавского княжества под заглавием «Карта Молдавии для использования в истории войны между русскими и турками»⁶. Детальность этой карты такова, что и в наше время, к примеру, на материале одной лишь запечатленной на ней тюркской топонимики татарского Буджака пишутся самостоятельные исследования. Лично знавший Бауэра анонимный автор его посмертной биографии писал: «Изданные Боуром карты, прежде и во время бывшей войны между Россией и Турциею, им сочиненные, почитаются во своем роде наилучшими, и будут вечным свидетельством о его трудолюбии и учености»⁷.

Также Бауэром в 1778 г. были изданы и «Историко-географические записки о Валахии с проспектом военно-географического атласа последней войны между Россией и Оттоманской Портой», фактически — самое первое военно-географическое и статистическое описание этого Дунайского княжества⁸. Этот труд содержал подробные сведения по физической географии, о политическом устройстве и административном делении Валахии, ее населенных пунктах, сельском хозяйстве и налогообложении. И карта Молдавии, и описание Валахии Бауэра были опубликованы в Западной Европе, на французском языке, и потому стали достоянием не только российской, но и европейской науки. Увы, до сих пор не были обнаружены ни аналогичные карты Валахии, ни описание Молдавии за авторством Бауэра, однако еще сохраняется вероятность, что подобные работы хранятся где-то в делах Военно-исторического архива, и если они будут однажды найдены — это станет научным открытием первостепенного значения.

Названные работы Бауэра можно считать отправной точкой военно-страноведческого изучения Балканско-Дунайского региона в России. Однако в дальнейшем оно развивалось не быстро. В течение нескольких следующих десятилетий печатных трудов об этом регионе выходило крайне мало и в России в целом, и тем более под эгидой военного ведомства. В основном они ограничивались публикациями официальных журналов военных действий

русской армии. Так, во время Первой Екатерининской войны с Турцией были опубликованы журналы военных действий кампаний 1769, 1770 и 1771 гг.⁹ К сожалению, затем после перемирия 1772 г. эта практика была прервана, и публика не увидела напечатанными журналы кампаний 1773 и 1774 гг., в ходе которых главные силы русской армии впервые вступили на южный берег Дуная, собственно на земли Балканского полуострова. Опубликованные журналы представляют, в первую очередь, официальную версию фактических сведений о ходе военных действий. Однако и в этих изданиях встречались отдельные ценные данные о театре войны, о местном населении и его взаимоотношениях с русскими войсками. Некоторые фрагменты журналов — к примеру, описание торжественного вступления русских войск в Яссы после победы под Галацем в ноябре 1769 г. и церемонии погребения господаря Молдавии Константина Маврокордата — содержали и яркие детали, в том числе этнографического характера, которые и сейчас привлекают внимание исследователей.

Во Вторую Екатерининскую войну 1787–1791 гг. вместо журналов публиковались сборники донесений командующих армиями, которые содержали сходную по своему характеру и стилю изложения информацию¹⁰. Число мемуарных источников о событиях Екатерининских войн с Турцией крайне мало.

Первая в XIX веке русско-турецкая война 1806–1812 гг. была ознаменована самым длительным пребыванием русских войск в Дунайских княжествах и их активными действиями на правом берегу Дуная. Кроме того, в ту войну Россией было установлено тесное военное сотрудничество с восставшими сербами под руководством Георгия Пётровича (Карагеоргия), отряды русской кавалерии, прежде всего казаки, впервые добрались до земель Сербии. В ходе кампаний той войны русскими военными были приобретены обширные знания о Балканском регионе, в том числе о ранее совершенно неизвестных областях. Однако в печатных работах эти знания отражались по-прежнему в очень малой степени.

Война 1806–1812 гг. оставила два выдающихся мемуарных памятника — «Записки морского офицера» Владимира Богдановича Броневского (1784–1835)¹¹ и мемуары генерала графа Александра Федоровича Ланжерона (фр. *Louis Alexandre Andrault*,

comte de Langéron; 1763–1835)¹². Первый из них, труд Броневско-го, посвященный событиям Второй Архипелагской экспедиции, был впервые издан в четырех частях в 1818–1819 гг. «Записки морского офицера» представляют собой ценнейший источник по истории Западных Балкан в тот переломный для этого региона период. Фактически они впервые открыли для российского читающего общества народы и земли Черногории, Албании, Далмации, Эпира и других адриатических областей, познакомили его с их политическим строем и общественным бытом. Научное значение записок Броневского выходит далеко за рамки специальной военно-морской литературы. Мемуары же Ланжерона были опубликованы в русском переводе лишь в начале XX в., к столетию войны 1806–1812 гг. Они представляют собой самый ценный мемуарный источник о событиях той войны на суше, о взаимодействии русской армии и ее командования с населением и правящими элитами Дунайских княжеств, а также с жителями северных областей Болгарии.

А в 1811 г., еще в ходе войны с Турцией, в типографии Ученого комитета по артиллерийской части была напечатана весьма важная, с точки зрения темы этого исследования, работа — небольшая книжка П.А. Чуйкевича «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем 1810 года с историческими и статистическими замечаниями и биографией сераскира Пеилевана, взятого в плен при штурме Базарджика 22го мая»¹³. Ее автор Петр Андреевич Чуйкевич (1783–1831) ранее служил по квартирмейстерской части (то есть был штабным офицером) и на тот момент являлся лишь отставным майором. Брошюра Чуйкевича представляла, вероятно, самую первую в русской военной литературе попытку проанализировать географические особенности, транспортные коммуникации и сеть крепостей Дунайского театра войны с точки зрения конкретных стратегических задач борьбы с Османской империей, а также включала и биографический очерк об Ибрагиме Пехлеван-паше, одном из наиболее выдающихся турецких военачальников в ту войну. «Стратегические рассуждения» Чуйкевича в некотором смысле намечали путь для дальнейшего развития русского военного балкановедения. В историографии существует мнение, что именно

эта книга обратила на Чуйкевича внимание руководства военного ведомства, благодаря чему он получил назначение на пост руководителя новоучрежденной военной разведки Российской империи и в этом качестве стал одним из авторов стратегического плана войны России против Наполеона¹⁴. Собственно к Балканам П.А. Чуйкевич более не возвращался, да и вообще все ресурсы военного ведомства России, в том числе интеллектуальные, в ближайшие годы были направлены на колоссальную борьбу против наполеоновской Франции.

В целом, в течение периода, который мы обозначили как «первично-ознакомительный», военным ведомством России был приобретен обширный эмпирический материал о Балканско-Дунайском регионе, но он еще не получил ни сколько-нибудь правильной научной обработки и осмысления, ни достаточного отражения в печатных работах.

Этап второй, «рекогносцировочный» («киселёвский»), 1820-е — 1830-е годы). В результате победоносного для нее окончания Наполеоновских войн Российская империя приобрела статус арбитра-жандарма Европы, ключевого члена Священного Союза и гаранта европейской реставрации. В это же время Балканско-Дунайский регион, где происходил очередной подъем национально-освободительного движения, стал одним из главных очагов революционной и военной нестабильности на континенте. Развитие событий на Балканах привлекало самое серьезное внимание Петербурга, и в эти годы, на новом этапе Восточного вопроса, произошел настоящий прорыв в деле изучения Балканского региона военным ведомством Российской империи.

Основным организационным и интеллектуальным центром этой работы стал Главный штаб 2-й армии, располагавшийся в Тульчине, который в то время был заштатным местечком Брацлавского уезда Подольской губернии. Начальником этого штаба в 1819 г. был назначен знаменитый впоследствии военный и государственный деятель, будущий граф Павел Дмитриевич Киселёв (1788–1872). В рамках подготовки к предстоявшей борьбе с Турцией им была организована работа по всестороннему изучению театра военных действий на Нижнем Дунае и Балканах. Коллектив офицеров штаба 2-й армии, под руководством Киселёва,

занимался исследованием и обобщением исторического опыта прежних войн России с Турцией в этом регионе, изучением его в географическом, логистическом, фортификационном отношении. Киселёв оставался на посту начальника штаба 2-й армии вплоть до войны с Турцией 1828–1829 гг., в ходе ее был командующим русскими войсками на территории Дунайских княжеств, а затем до 1834 г. возглавлял там русскую военную администрацию и проводил широкую реформаторскую деятельность. Таким образом, Киселёв непосредственно занимался балканским направлением на протяжении полутора десятилетий. Благодаря своему высокому служебному положению и выдающимся интеллектуальным способностям, он во главе коллектива подчиненных ему офицеров и чиновников смог собрать и обработать огромные массивы данных о регионе.

Связанный с именем П.Д. Киселёва период изучения Дунайских княжеств и Балкан был сравнительно краток, с точки зрения истории научного знания, однако он имел особый своеобразный колорит, что и дает нам основания выделять его как отдельный этап в истории русской военной балканистики. Отличительной чертой этого периода была выраженная нацеленность высокопоставленных военных руководителей на активный сбор информации об изучаемом регионе, в первую очередь путем организации разведывательных поездок или рекогносцировок, многие результаты которых потом были представлены и в печатном виде. Поэтому мы и обозначаем данный период как «киселевский» или «рекогносцировочный». Вообще Киселёву и его соратникам была присуща уверенность в том, что активное личное участие группы образованных офицеров в изучении Балканско-Дунайского региона позволит качественно повысить уровень знаний о нем и наилучшим образом подготовиться к предстоящей новой войне с Турцией.

Собранные в процессе этой работы материалы предназначались, в первую очередь, для служебного использования, и ныне основной корпус их, как часть служебного архива П.Д. Киселёва, хранится в коллекциях Военно-ученого архива Главного штаба в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Однако немалая часть работ увидела свет и в печатном виде, почти сразу или немного позднее.

Если сбор новых материалов на местах наиболее активно вел штаб 2-й армии в Тульчине, то подготовкой и публикацией работ по Балканскому театру занималась канцелярия генерал-квартирмейстера Главного штаба в столице. Так, в 1821 г. в Петербурге было опубликовано «Военно-топографическое описание дороги от Журжи и Рущука чрез Шумлу в Константинополь»¹⁵. А в следующем 1822 г. увидели свет «Военно-топографическое описание дороги из города Галаца чрез Правади в Люле-Бургас...»¹⁶, а также «Маршруты по главным направлениям в Бессарабии, Молдавии и Валахии»¹⁷ и «Военно-топографическое описание береговой дороги Черного моря...»¹⁸. По своему содержанию эти небольшие книжки представляли собой классические маршрутные описания — краткие справочники, необходимые для организации движения войсковых колонн по местности, что в то время считалось одной из важнейших задач службы Генерального штаба. В них описывались существующие дороги, указывалось расстояние между населенными пунктами, приводились другие сведения о местности. В этих изданиях обобщались и запечатлевались в опубликованном виде сведения о Балканском театре военных действий, собранные в разные годы офицерами Генерального штаба. При всей своей утилитарности, эти издания также вносили свою лепту в передачу и сохранение географических, топонимических и иных сведений о регионе.

В том же 1822 г. вышла и самая первая в отечественной историографии книга по истории войн России с Турцией — работа Д.П. Бутурлина (1790–1849) о русско-турецкой войне 1768–1774 гг., на французском языке¹⁹. Параллельно сбором материалов по истории русско-турецких войн на месте занимались офицеры штаба 2-й армии, которым в результате активных поисков удалось обнаружить и спасти от гибели ценнейшие массивы документов по этой теме²⁰.

Немного позже, практически накануне начала войны с Турцией, была опубликована брошюра «Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году»²¹. Помимо традиционного описания дорог, она содержала также наиболее актуальные на тот момент данные о реке Дунай и возможности организации переправы через нее, а также о турецких крепостях на этом театре.

По имеющимся данным, ее автором стал один из наиболее выдающихся представителей русского военного балкановедения — Иван Петрович Липранди (1790–1880), деятельность которого в тот период также была непосредственно связана с работой штаба 2-й армии по изучению театра будущей войны с Турцией. В 1820-е годы Липранди проживал в Одессе и Бессарабии, по поручениям местного военного начальства совершал поездки по Бессарабии и в Дунайские княжества, занимался изучением политической и военной обстановки и созданием там агентурной сети, а затем, во время войны 1828–1829 гг., командовал полком иррегулярной арнаутской кавалерии на театре военных действий. Военный разведчик и партизанский командир, друг декабристов и А.С. Пушкина, агент политической полиции, бретер-дуэлянт, авантюрист, военный историк, увлеченный исследователь и знаток Балкан и турецкого Востока, Липранди представляет собой поистине легендарную личность, которая неоднократно привлекала внимание, в том числе и специалистов по истории Балкан и южных славян²². В последнее время научное наследие Липранди, относящееся к Балканскому региону, обстоятельно исследует К.А. Касаткин²³.

Однако корпус служебных и ученых материалов Липранди по Балканам разбросан по различным хранилищам и до сих пор не введен в научный оборот в полном объеме. А главное, всё еще не изучена подробно фактическая сторона деятельности Липранди как исследователя Балкан — офицера разведки и партизанского командира, детали его рекогносцировок по Дунайским княжествам, обстоятельства и контекст составления его докладов и служебных записок по этой проблематике.

Ряд работ Липранди на балканские темы увидел свет в виде печатных статей и отдельных брошюр позднее, уже на склоне его лет, причем наиболее активно они публиковались во время очередных войн с Турцией — Восточной 1853–1856 гг. и Освободительной 1877–1878 гг.²⁴. Значительная часть их была посвящена различным аспектам ведения войн против Турции на Дунайском театре войны (осады крепостей, партизанские действия и т.п.). Однако Липранди также интересовал и обширный круг вопросов политического, этнографического, культурно-бытового ха-

рактера, что получило отражение в его талантливо написанных работах. По широте тематики и диапазону исследовательского интереса наследие И.П. Липранди явно выходило за рамки корпоративно-профессиональных интересов военного ведомства той эпохи; однако и его следует рассматривать как важнейшую часть описываемого нами научного явления русской военной балканистики.

Еще одним ценным трудом по Балканскому региону, появившимся в «киселевский» период, стала опубликованная в 1828 г. книга «Взгляд на европейскую Турцию...» офицера Генерального штаба М.В. Ладыженского (1802–1875), впоследствии особо отличившегося исследованиями Китая²⁵.

В ходе войны с Турцией 1828–1829 гг. русские войска впервые в истории смогли перейти главный Балканский горный хребет и через Фракию по сухому пути приблизились к Константинополю. В это время чины русской армии получили возможность познакомиться с забалканскими местностями и их разноплеменным населением. Этот обширный и ценный опыт межнационального общения не пропал впустую. Как прямое следствие бурного развития пишущего и читающего общества в России, война 1828–1829 гг. явилась первой в истории русско-турецкого противоборства, после которой остался обширный корпус дневниковых и мемуарных памятников. В них были отражены различные военные, географические, этнографические, социокультурные и бытовые впечатления. В настоящее время они служат ценным источником по истории Балканского полуострова того периода²⁶.

Военная действительность диктовала и конкретные направления исследований. К примеру, в ходе войны 1828–1829 гг. русская армия понесла огромные потери от эпидемических болезней, и это подхлестнуло изучение Балканско-Дунайского региона в климатическом и санитарно-эпидемиологическом отношении. В следующие годы увидел свет ряд работ военных медиков по этой теме, которые также могут быть отнесены к описываемому нами явлению русской военной балканистики. Так, в 1835 г. вышло «Медико-топографическое описание княжеств Молдавии и Валахии...», написанное Степаном Федоровичем Добронравовым, бывшим главным доктором военных госпиталей на Дунайском

театре войны²⁷. А в 1842 г. была опубликована работа еще одного медика, Христиана Яковлевича Витта (1778–1848), бывшего генерал-штаб-доктора русской действующей армии на Дунае в 1829 г., под заглавием «О свойствах климата Валахии и Молдавии и так называемой валахской язве...»²⁸. Книга Витта вызвала полемику в медицинском ученом сообществе²⁹. Таким образом, и эти печатные труды по весьма специальной теме внесли свой ценный вклад в изучение Балканско-Дунайского региона и в повышение качества санитарного обеспечения русских войск в войнах с Турцией.

С деятельностью П.Д. Киселёва непосредственно связан и еще один выдающийся памятник русской военной балканистики — статистическое описание Сербии, выполненное капитаном Генерального штаба А.Г. Розелион-Сошальским (1797–1873). В 1830 г. по поручению Киселёва он с двумя помощниками посетил это Княжество, собрал и изложил на бумаге подробные данные о его географии, статистике, социально-политическом устройстве, экономике и этнографии. Также Розелион-Сошальским и его спутниками была выполнена топографическая съемка и составлена карта Сербии. И хотя их работы не были опубликованы в дореволюционной России, и их введение в научный оборот произошло лишь много позже, описание Сербии Розелион-Сошальского безусловно должно быть упомянуто в ряду достижений российской военной балканистики «киселевского» периода³⁰.

В целом, данный этап характеризовался гораздо более активным, чем прежде, накоплением военным ведомством Российской империи разнообразных фактических данных о Балканском полуострове в письменной форме, пока с акцентом на прикладные географические сведения. Возможно, они пока не получали достаточной систематизации, обобщения, углубленного анализа. Однако можно утверждать, что в период Восточного кризиса 1820-х годов и по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и временной оккупации Княжеств был заложен фундамент военно-географических и этнографических знаний военного ведомства России о Балканском регионе.

Этап третий, академический (военно-статистический, «милютинско-обручевский»; 1840-е — 1877 годы). После естественного завершения яркого, самобытного и по-своему неповторимого «киселёвского» периода в истории русского военного балкановедения начался новый этап, основное содержание которого было тесно связано с изменениями и нововведениями в области службы Генерального штаба, развитием военной мысли и военно-научных дисциплин. Череда войн начала правления Николая I (русско-персидская 1826–1828 гг., русско-турецкая 1828–1829 гг., русско-польская 1831 г.) дала импульс реформированию органов военного управления. В деятельность Генерального штаба как института и в службу корпуса его офицеров всё более целенаправленно внедрялись научные знания и методы³¹. Не в последнюю очередь под влиянием опыта последних войн по проекту признанного светила европейской военной теории барона А.-А. Жомини в 1832 г. на базе прежнего училища колонновожатых была учреждена Императорская Военная академия (будущая Николаевская академия Генерального штаба). Ее главным предназначением была подготовка высокообразованных офицеров Генерального штаба и вообще всестороннее развитие интеллектуальных ресурсов военного ведомства.

В рамках взятого общего курса на развитие военного образования и науки и внедрение научных знаний в сфере военного и государственного управления в тот период были инициированы масштабные проекты по сбору данных и изучению в военно-географическом и статистическом отношении различных губерний и областей Российской империи и прилегающих территорий иностранных государств. Эта обширная работа, требовавшая согласованных усилий большого числа высокообразованных офицеров Генерального штаба, неизбежно должна была затронуть и некоторые части Балканско-Дунайского региона.

Основные результаты этой деятельности увидели свет уже после Крымской войны. Однако и в течение николаевского царствования появились в печати первые труды данного цикла, непосредственно относящиеся к интересующему нас региону. Так, в 1849 г. было опубликовано описание Бессарабской области, составленное Генштаба подполковником М.И. Дараганом³².

А в 1853 г., непосредственно к началу Крымской войны, вышло военно-статистическое обозрение княжества Молдавия³³. Это был внушительный труд в двух частях, общим объемом более 500 страниц. В его основу легли рекогносцировки, выполненные в Молдавии в 1828–1830 гг. полковником Э.И. фон Дитмарсом, в 1834–1835 гг. полковником Э.В. фон Руге, подполковником А.И. Бергенгеймом и штабс-капитаном И.И. Ходзько. Само обозрение было составлено штабс-капитаном А.Я. Чемерзиным, который свёл воедино сведения своих предшественников и обновил их в ходе своей собственной рекогносцировки в Молдавии в 1850 г.

Свое наиболее полное выражение «академический» этап в истории русской военной балканистики получил в период между Парижским миром 1856 г. и началом русско-турецкой Освободительной войны 1877–1878 гг. Восточная война 1853–1856 гг. закончилась первым за полтора века болезненным поражением России на южном, черноморско-балканском стратегическом направлении. Российская империя оказалась лишена южной Бессарабии и выхода к устью Дуная, то есть отрезана собственно от Балкан в территориально-географическом смысле. Однако поражение в войне повлекло масштабные реформы в русском обществе и военном ведомстве. Руководство последнего в своей деятельности неизменно руководствовалось мыслью о необходимости подготовки к возможной будущей войне с Турцией.

Трудами нового военного министра-реформатора Д.А. Милютин (1816–1912) и его ближайших сподвижников, в первую очередь генерала Н.Н. Обручева (1830–1904), институт Генерального штаба в России был фактически учрежден на современных принципах. В основу его профессиональной деятельности в сфере военного управления, стратегического планирования и разведки, а также военного образования в тот период были положены методы позитивистской науки. Сам Милютин, его ближайший помощник и будущий начальник Главного штаба Обручев и другие их сотрудники-единомышленники были людьми академического склада, благодаря которым военная статистика в России оформилась в полноценную и самостоятельную научную дисциплину. В милютинско-обручевский период было про-

должено и поднято на новый уровень дело комплексного военно-географического и статистического изучения самой Российской империи, а также сопредельных стран, с чем связывались далеко идущие планы по модернизации и повышению эффективности государственного и военного управления, реформированию вооруженных сил и подготовке новых планов их использования в будущих войнах.

Главным организационным и интеллектуальным центром стратегической разведки и научного изучения зарубежных стран служил возглавляемый Н.Н. Обручевым Военно-ученый комитет Главного штаба. Выработанные еще в николаевское время методика и практический инструментарий военно-статистической науки теперь были в полной мере привлечены для исследования и описания зарубежных стран. В рамках этой новой дисциплины значительная часть усилий была направлена именно на изучение Балканско-Дунайского региона полуострова. Была продолжена начатая в правление Николая I практика создания военно-статистических обзоров различных частей Российской империи. В частности, в 1862–1863 гг. вышли капитальные труды Генштаба капитана Александра Иосифовича Защука (1828–1905) по Бессарабской области. В 1862 г. в рамках серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» было опубликовано составленное Защуком описание Бессарабской области общего «гражданского» характера, а в 1863 г. — «Военное обозрение Бессарабской области»³⁴. Эти труды можно считать эталонными для жанра военно-статистических описаний «золотого века» этой дисциплины. Их отличали исключительная и скрупулезная подробность и широта тематического охвата. Автор подробно описывал Бессарабию в физико-географическом, демографическом, социально-экономическом, транспортном отношении, описывал занятия и быт местного населения. Таким образом, работы Защука имели и до сих пор не утратили научного значения для изучения Бессарабии и тамошних молдаван. В своем же «Военном обозрении» Защук рассматривал Бессарабскую область уже всецело с профессиональной точки зрения, как возможный театр военных действий, зону сосредоточения и передвижения войск.

Работы А.И. Защука примечательны тем, что, с одной стороны, они были классическим образцом военно-статистических описаний областей Российской империи. При их написании автор пользовался неограниченной свободой в передвижении по изучаемой области и сборе интересующего его материала. А с другой стороны, Бессарабия (даже без временно потерянных Россией трех южных уездов) представляла собой небольшую часть исторического Балканско-Дунайского региона, своего рода «российский кусочек Балкан», так что труды Защука тоже можно отнести к описываемому нами явлению русской военной балканистики.

Естественно, изучать балканские владения недружественной Османской империи русским генштабистам в тот период было далеко не столь удобно, поэтому не могло быть и речи о такой же детальности и всеохватности, как в случае описания Бессарабии А.И. Защуком. Основное внимание было обращено на сугубо практические и утилитарные вопросы, прежде всего на изучение Балкан в географическом отношении. Русские военные топографы в те годы совершили ряд поездок по румелийским владениям Порты, в ходе которых проводили различные геодезические и астрономические наблюдения и замеры³⁵. Результаты этих исследований были опубликованы в 1871 г. в 32-м томе «Записок военно-топографического отдела Главного штаба»³⁶.

Одновременно печатались и новые работы по военной статистике региона. Под редакцией Н.Н. Обручева, в то время управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, издавался «Военно-статистический сборник». В 1868 г. вышел его 2-й том, в котором были разделы по Турецкой империи, Греции, Румынии, Сербии и Черногории³⁷. Этот труд содержал достаточно подробные сведения о географии, политическом устройстве, военном потенциале рассматриваемых стран. Фактически это было энциклопедическое справочное издание.

В милютинско-обручевский период начался и новый этап в изучении опыта русско-турецких войн. Ключевой фигурой здесь стал выдающийся военный историк Андрей Николаевич Петров (1837–1900). Он стал первопроходцем исследований огромных пластов документов архива Военно-топографического депо (с 1867 г. — Военно-ученого архива Главного штаба) по истории

войн с Турцией. В 1866 г. Петров, служивший в то время в чине капитана Генерального штаба, издал первые два из пяти томов своего труда «Война России с Турцией и польскими конфедератами», посвященного войне 1768–1774 гг. Остальные три тома увидели свет в 1874 г. А в дальнейшем Петровым также были написаны и опубликованы исторические труды по русско-турецким войнам 1787–1791 гг.³⁸, 1806–1812 гг.³⁹ и по Дунайской кампании русской армии 1853–1854 гг.⁴⁰, а также двухтомник о влиянии русско-турецких войн 1768–1812 гг. на развитие военного искусства в России⁴¹. Работы Петрова до сих пор не утратили своей научной ценности и содержат огромный массив фактической информации, незаменимый для изучения военно-политической истории русско-турецких войн и Балканского региона во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Появление подобных трудов также является несомненным показателем качественного роста научной составляющей в работе военного ведомства России по изучению Балканского региона как театра вооруженной борьбы против Османской империи.

В 1876 г., в разгар Великого Восточного кризиса и накануне войны с Турцией 1877–1878 гг., Военно-ученым комитетом Главного штаба была издана книжка «Вооруженные силы Румынии, Сербии, Черногории, Египта и Греции» объемом 113 страниц⁴². В 1877 г. под редакцией Н.Н. Обручева вышла брошюра «Балканы» на 40 страницах, составленная его близкими сотрудниками-генштабистами Г.И. Бобриковым и Ф.А. Фельдманом⁴³. Это было подробное описание главной горной системы Балкан с военно-географической и стратегической точек зрения. Учитывая, что сам Обручев был главным автором плана войны против Турции, появление этих трудов имело предельно утилитарный военный характер.

Тогда же в 1877 г. в 4-м томе «Сборника государственных знаний» был напечатан небольшой по объему «стратегический этюд» Г.А. Леера «Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии» (вышел отдельным оттиском в 1889 г.)⁴⁴. Его автор, Генрих Антонович Леер (1829–1904), профессор Николаевской академии Генерального штаба и один из главных российских авторитетов в области военно-стратегической мысли

того периода, в этой работе проанализировал географические особенности Балканского театра военных действий с точки зрения целей, задач и возможностей русской армии в предстоявшей войне с Турцией.

Кроме того, в начале войны 1877–1878 гг. Военно-ученым комитетом Главного штаба был издан и «Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский»⁴⁵. Говоря современным языком, это был компактный разговорник, главным назначением которого было обеспечить простейшую коммуникацию между чинами русской армии и населением основного театра военных действий на Балканах. С практической точки зрения этот словарь полностью доказал свою полезность, и спустя 40 лет, в 1916 г., перед началом Добруджанской экспедиции русской армии, он был издан во второй раз⁴⁶. Это издание является интересным памятником русского военного лингвострановедения той эпохи.

В целом, благодаря упорному труду русских офицеров Генерального штаба к началу Освободительной войны 1877–1878 гг. военное ведомство Российской империи подошло как никогда хорошо подготовленным с точки зрения знания Балканско-Дунайского театра военных действий. Несмотря на допущенные серьезные ошибки в разработке и реализации стратегических планов войны, недочеты подготовки и обеспечения войск, этот интеллектуальный капитал знаний о Балканах, несомненно, стал ценным вкладом в успешный для России исход той войны.

Этап четвертый, «систематический» (1877–1917 гг.). Освободительная война 1877–1878 гг. открыла качественно новый этап в отношениях России с балканскими странами и в истории русской военной балканистики. В ходе самой войны, в процессе послевоенного территориального разграничения, в результате деятельности русской военной администрации в Болгарии, службы русских офицеров в вооруженных силах Болгарии и Восточной Румелии были приобретены и накоплены огромные фактические знания по географии, статистике, этнографии, социально-экономической и политической жизни региона. В частности, непосредственно во время войны были осуществлены масштабные работы по картографированию болгарских земель, выполнявшиеся и ко-

ординировавшиеся офицерами полевого Военно-топографического отдела при штабе Действующей армии. В результате этих работ, продолжавшихся до конца 1879 г., была составлена пятиверстная карта Болгарии⁴⁷.

Одним из наиболее значимых и без сомнения самым масштабным памятником русской военной балканистики стал комплекс печатных трудов Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая была создана на основании высочайше одобренного доклада военного министра Д.А. Милютина 21 марта 1879 г. и продолжала свою работу до 1912 г., практически до начала мировой войны. За это время сотрудниками Комиссии были составлены и опубликованы «Описание войны на Балканском полуострове» в девяти томах с атласом⁴⁸, неподлежащее оглашению «Особое прибавление» к этому описанию⁴⁹, «Обзор русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове» (секретное издание)⁵⁰, ряд томов по Кавказскому театру войны. Но самым грандиозным трудом Военно-исторической комиссии стала публикация «Сборника материалов по войне на Балканском полуострове» в 97 выпусках и 109 частях⁵¹. Для нее штабс-ротмистром Романовым в течение трех лет были собраны почти все сохранившиеся на тот момент документы войсковых штабов и частей русской действующей армии — до трех тысяч дел и около полутора миллионов документов⁵². «Сборник материалов» представляет собой поистине монументальный документальный памятник по истории Освободительной войны. Помимо колоссального объема фактической информации о ходе военных действий русской армии в 1877–1878 гг., он содержит и массу сведений о взаимоотношении русских войск с местным населением, о географии региона, особенностях местной администрации, социально-экономической ситуации и т.д.

Кроме того, в рамках работы Военно-исторической комиссии под редакцией генерала Н.Р. Овсяного (о нем см. ниже) были изданы труды: «Болгарское ополчение и земское войско» (1904)⁵³, «Русское управление в Болгарии» (1906–1907, три тома)⁵⁴, а также шесть выпусков «Сборника материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг.» (1903–1907)⁵⁵. Эти издания являются незаменимым источником фактических

сведений о деятельности русской военной администрации в болгарских землях и о начальном этапе формирования государственных институтов и вооруженных сил княжества Болгария.

После войны 1877–1878 гг. Российской империей были установлены официальные дипломатические отношения с молодыми государствами региона, и при дипломатических миссиях в них один за другим были учреждены посты военных агентов, то есть легальные резидентуры военной разведки⁵⁶. Это позволяло уже на регулярной и систематической основе вести изучение стран Балканско-Дунайского региона в интересах военного ведомства. В основе лежал всё тот же классический милютинско-обручевский военно-статистический подход, основные работы выполнялись учениками и проверенными сослуживцами Н.Н. Обручева из числа офицеров Военно-ученого комитета Главного штаба. Однако теперь работы велись на регулярной, постоянной основе, с опорой на четкие методологические принципы и критерии, что и позволяет нам условно обозначить этот период как «систематический».

В 1881–1882 гг. выходит двухтомный военно-статистический обзор Румынии полковников М.С. Андреева и А.В. Тугенгольда, под редакцией Г.И. Бобрикова, который представлял собой в полном смысле фундаментальное справочное издание⁵⁷. Следующий военный обзор Румынии выйдет затем в 1908 г. за авторством профессора военной статистики Николаевской академии Генерального штаба Г.Г. Христиани⁵⁸.

В рамках начатых в 1880-е годы работ по подготовке к Босфорской десантной операции были составлены и опубликованы объемные труды А.П. Протопопова и В.Н. Филиппова с описанием прилегающих к Босфору областей — Вифинийского и Фракийского полуостровов соответственно⁵⁹. Детальность этих обзоров была просто исключительной, что делает их бесценным источником по исторической географии и статистике этих районов Османской империи.

После русско-турецкой войны Военно-ученый комитет Главного штаба начинает издавать ежегодный «Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских государств». В них отражались все новые данные о развитии вооруженных сил стран Европы, в том числе и молодых государств Балканского полуо-

строва. В начале XX в. на официальных военных агентов возлагаются задачи по написанию справочных книг о вооруженных силах стран их пребывания. Это стало одной из наиболее затратных в отношении времени и труда обязанностей представителей русского Генштаба в зарубежных странах. В итоге накануне Балканских войн 1912–1913 гг. были опубликованы отдельные книги по вооруженным силам Болгарии⁶⁰, Сербии⁶¹, Греции⁶² и Румынии⁶³. Они представляют ценный источник сведений по военному строительству в этих государствах.

Продолжали выходить и труды военных авторов в жанре военной географии и статистики. Так, М.И. Занкевич, военный агент в Румынии и один из лучших знатоков этой страны в русском Генштабе того периода, опубликовал книги о Молдавском театре военных действий⁶⁴ и о Добрудже⁶⁵. Вскоре после этого руководство Генерального штаба стало прямо вменять в обязанности военным агентам, и без того колоссально загруженным работой, составление подробных военно-статистических описаний страны их пребывания. 29 декабря 1910 г. генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) Ю.Н. Данилов утвердил «Программу военно-статистических работ по иностранным государствам». Согласно этой программе, 1-я часть описания должна была содержать общий обзор государства и населения, 2-я часть — военно-географический обзор исследуемого района, 3-я — статистический обзор. В качестве секретного дополнения к обзору районов должно было прилагаться описание укрепленных пунктов с оценкой их обороноспособности и рассмотрением средств, необходимых атакующему⁶⁶. Издание подобных обзоров предписывалось начать с пограничных с Россией районов. Работы по составлению описания Прибосфорского района Турции были поручены военному агенту в Константинополе И.А. Хольмсену, в помощь которому был назначен военный агент в Афинах П.П. Гудим-Левкович. Объем работ оказался исключительно велик, так что названные офицеры не уложились в отведенный срок. Однако в итоге в 1912 г. было издано очередное капитальное описание Прибосфорского района⁶⁷.

Военная балканистика позднего периода была представлена рядом выдающихся офицеров Генерального штаба. Самым же

ярким и плодовитым в научном отношении ее представителем является Николай Романович Овсяный (1847–1913). Его имя хорошо известно всем, кто когда-либо занимался историей Балкан того периода, однако научная биография его так и не написана. Будучи профессиональным военным, Овсяный обладал талантами ученого с широким гуманитарным кругозором, писателя и публициста. С Балканами не только была связана большая часть его служебной карьеры, но и после отставки и до самой смерти всю свою научную и гражданскую деятельность он посвятил этому региону. После участия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Овсяный работал в составе русской военной администрации в Болгарии, был временным губернатором Кюстендила в 1878–1879 гг.; после возвращения в Петербург занимался Балканами в Военно-ученом комитете Главного штаба. С сентября 1886 г. полковник Овсяный по просьбе черногорского князя Николы начал в Цетинье преподавать наследному князю Даниле курс географии и статистики Европы, русского языка и тактики⁶⁸. Постоянное присутствие Овсяного при черногорском дворе фактически делало его неофициальным военным агентом; его рапорты о положении страны и ее армии регулярно отправлялись в Канцелярию ВУК, как и донесения всех других военных агентов. В Черногории Овсяный оставался до 1894 г., когда его сменил там Генштаба полковник Н.С. Сумароков, ставший преподавателем второго сына правителя страны, князя Мирко (Дмитрия). Во время Балканских войн 1912–1913 гг. Овсяный в качестве уполномоченного Комитета по снаряжению и отправлению в Сербию санитарного отряда имени М.Г. Черняева совершил поездку, в ходе которой тяжело заболел и скончался 4 мая 1913 г. в Петербурге⁶⁹.

За годы своей службы и научной деятельности Овсяный приобрел обширные разносторонние теоретические и практические знания о Балканском полуострове. Помимо вышеназванных трудов о Болгарском ополчении и о деятельности русской военной администрации в Болгарии, подготовленных в рамках работы Военно-исторической комиссии, из-под пера Овсяного вышел и ряд других трудов о Балканах и их народах: «Современная Турция» (1877)⁷⁰, «Сербия: Исторический очерк, общая статистика,

вооруженные силы» (1883)⁷¹, «Черногория» (1896)⁷², «Сербия и сербы» (1898)⁷³, «Болгария и болгары» (1900)⁷⁴, сборник статей «Ближний Восток и славянство» (1913)⁷⁵. Большинство этих работ имели научно-популярный и обобщающий характер и ставили целью лучше познакомить российское общество с народами Балкан.

Объектом внимательного изучения военного ведомства России стали Балканские войны 1912–1913 гг. Накануне и в ходе их обширные объемы материала получались по каналам военной разведки. А для удовлетворения интереса широких армейских кругов и общества в целом в России непосредственно во время и «по горячим следам» Балканских войн был опубликован ряд статей и книг, вышедших из-под пера кадровых офицеров, которые побывали на театре боевых действий в качестве военных наблюдателей и корреспондентов⁷⁶. Из числа таких работ следует назвать книги В.Н. фон Дрейера⁷⁷, Н.П. Мамонтова⁷⁸, Е.И. Мартынова⁷⁹, Н.Л. Юнакова⁸⁰.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Российская империя и ее вооруженные силы подошли с довольно солидным багажом знаний военного ведомства о Балканском полуострове. А в ходе самой этой войны военным ведомством России вновь оказались остро востребованы актуальные данные по географии и современному состоянию вооруженных сил балканских государств. Были опубликованы новые справочники по вооруженным силам Болгарии и Румынии, переиздана работа Занкевича о Добрудже, напечатано военно-статистическое описание восточной части Болгарии⁸¹.

В целом, с начала XX в. значительная часть изданий военного ведомства о Балканах выходила под грифами «Не подлежит оглашению» или «Секретно», что естественно ограничивало возможность их использования в научных целях. Но в настоящее время и эти труды отечественной военной балканистики, давно рассекреченные, являются ценными источниками по истории русской разведки и стратегического планирования того времени, а также содержат данные, ценные и для военно-политической истории Балкан.

Итак, за полтора века своей истории русская военная балканистика прошла длинный путь, который был неразрывно связан с процессом развития института Генерального штаба, академического военного образования и науки, а также с эволюцией политики и большой стратегии России в Восточном вопросе и в военной борьбе с Османской империей. Созданный за это время балканистами «в эполетах» корпус печатных трудов представляет собой значительную и по объему, и по ценности часть общего массива работ российских дореволюционных авторов по странам и народам Балканского полуострова. От отдельных и частных описаний российская военная балканистика пришла к хорошо продуманной, целесообразной и стандартизированной системе подробных военно-статистических описаний стран региона.

Работы этого военного сегмента имели свои специфические черты, взаимно обусловленные достоинства и недостатки. Представители военной элиты Российской империи были людьми со своими корпоративными, сословными, образовательными ограничениями. Их взгляд на Балканы имел четко выраженный профессиональный характер. Во главу угла ими ставились чистое позитивистское знание, сбор, анализ и передача конкретного фактического материала. В условиях отсутствия специальной лингвострановедческой подготовки свои знания по конкретным странам и региону в целом им приходилось получать эмпирическим путем, личным опытом. Вопросы теоретического языкознания, более ранней истории, культуры, этнографической повседневности балканских народов в целом были за рамками внимания и интереса русских военных балканистов (за немногими исключениями). Кроме того, заметна географическая неравномерность охвата ими региона. По-настоящему хорошо и детально были изучены те области Балкан, где русская армия действовала в войнах с Турцией и которые считались театром операций в следующих вооруженных конфликтах — Дунайские княжества, позднее Румыния, Болгария по обе стороны Балканского хребта и Фракия вплоть до Босфора, Сербия, в существенно меньшей степени Македония и Черногория. Гораздо хуже русскими военными были

изучены и описаны Западные Балканы — современная Хорватия, Босния и Герцеговина, Албания и Эпир, а также континентальная Греция.

В чем основная ценность и вклад военной балканистики в отечественную и мировую науку? Труды русских военных авторов о Балканах незаменимы для изучения военно-политической истории Османской империи, Балканско-Дунайского региона, русско-турецких и прочих войн в регионе, процесса военного строительства в молодых балканских государствах, который был самым тесным образом связан и с их политическим развитием. Эти работы содержали ценнейшие данные по исторической географии, статистике, демографии, отдельные, но ценные фрагменты и зарисовки по этнической психологии и повседневности, а также картографические материалы.

При этом и сама по себе русская военная балканистика является интересным объектом для изучения. До сих пор не написаны научные биографии даже самых видных представителей этого направления — вышеупомянутых Бауэра, Липранди, Овсяного, не говоря уже о других, менее известных. Даже опубликованные их труды не всегда должным образом систематизированы и проанализированы. Наконец, в архивах остаются и обширные пласты служебной документации русских военных балканистов. По нашему глубокому убеждению, они должны изучаться не только с позиций современной «имагологии» и других направлений интеллектуальной истории, но и в неразрывной связи с исследованием фактической стороны жизни, профессиональных карьер и служебной деятельности этих офицеров русского Генштаба, опыта их участия в военных кампаниях, рекогносцировках и разведывательных поездках. В целом же, наследие отечественной военной балканистики, наряду с документами русских дипломатов в странах Балканского полуострова, еще надолго будет обеспечивать содержательной и важной работой отечественных специалистов по Юго-Восточной Европе.

Примечания

- ¹ См.: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. С. 186–221.
- ² См.: *Белов М.В.* Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розелион-Сошальский описывает Сербию // *Studia Balkanica* (к юбилею Р.П. Гришиной). Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 58–68; *он же.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // *Человек на Балканах глазами русских* / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65; *он же.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 53–68.
- ³ *Касаткин К.А.* «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...»: И.П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой — третьей четверти XIX в. (дисс. ... канд. ист. наук). СПб., 2022.
- ⁴ [*Марсильи, Луиджи Фердинандо*]. Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком / сочинено чрез графа де Марсильи, члена Парижскаго королевския академии наук и Монпельерския также, Лондонскаго королевскаго социэтета и основателя Болонскаго института. Все украшено грьдорованными листами. Ч. 1–2. СПб.: При Императорской Академии наук, 1737.
- ⁵ О нем см.: Изображение жизни покойнаго генерала инженера и Кавалера Федора Вилимовича Боура / пер. с немецкаго Дмитрием Флееровым, на иждивении и под смотрением Н.М.А. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1785; *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. I. 1698–1825 г. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургскаго военного округа, 1883. С. 66–99; *Богданов В.И., Малова Т.И.* Фридрих Вильгельм Бауер на службе Российской империи во второй половине XVIII в. // *Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект*. Вып. 4. СПб., 2008. С. 5–24. Последняя статья представляет собой ценное исследование деятельности Ф.В. Бауэра в качестве инженера, строителя и гидролога. Однако его деятельность в качестве генерал-квартирмейстера 1-й армии в Дунайских княжествах в 1770–1774 гг. до сих пор не получила подробного исследования, что потребовало бы глубокого погружения в документы Военно-ученого архива.
- ⁶ *Carte de la Moldavie pour servir à l’Histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs / levée par l’Etat major sous la direction de F.G. de Bawr, Marechal Général de logis, lieutenant genl. des Armées de S. M. Imp. de toutes les Russies, chevalier de l’ordre de St. Alexandre Newsky, de St. George & de St. Anne; ornamenta sculpsit J.V. Schley, chartas sculpsit Leond. Schenk Jansz. Amstelodami: Leonard Schenk, [б.р.].* (Установить точную дату публикации знаменитой карты Бауэра нам не удалось. Различные российские и зарубежные библиотечные каталоги определяют ее в диапазоне от 1770 до 1782 гг. С большей вероятностью такая публикация могла быть осуществлена после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг.).
- ⁷ Изображение жизни покойнаго генерала инженера... С. 38.
- ⁸ [*Bauer Fr.W., von*]. *Memoires historiques et geographiques sur la Valachie, avec un prospectus d’un atlas géographique & militaire de la derniere guerre entre la Russie & la Porte Ottomane, publiés par Monsieur de B***.* Francfort; Leipsig : Henry-Louis Broenner, 1778.
- ⁹ См.: Журнал военных действий армий Ея Императорскаго Величества 1769 года. СПб.: печатан при Государственной Военной Коллегии, [1770]; Журнал военных действий армий Ея Императорскаго Величества 1770 года. СПб.: печатан при Государственной Военной Коллегии, [1771]; Журнал военных действий Ея Импе-

раторского Величества первой армии, под предводительством Генерала-Фельд-маршала Графа Петра Александровича Румянцова, 1771 года. СПб.: печатан при Государственной Военной Коллегии, [1772].

- 10 Собрание разных полученных от главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений: С подлинников, присылаемых в Императорскую Академию наук для напечатания в Ведомостях / [Сост. А.М. Грибовский]. Ч. 1–2. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1791.
- 11 *Броневский В.В.* Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. / По повелению и на иждивении Государственного Адмиралтейского департамента и Российской академии. Ч. 1–4. СПб.: Морская типография, 1818–1819.
- 12 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. / Перевод с французской рукописи, под ред. Е. Каменского // Русская старина. 1907. №№ 5–11; 1908. №№ 2–4, 6–11; 1909. №№ 6–9; 1910. №№ 7–10; 1911. №№ 7–8.
- 13 *Чуйкевич П.А.* Стратегическая разсуждения о первых действиях россиян за Дунаем 1810 года с историческими и статистическими замечаниями и биографией сержантера Пеилевана, взятого в плен при штурме Базарджика 22го мая. СПб., [1811].
- 14 См. напр.: *Безотосный В.М.* Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Российский Архив, 1996. С. 41–43.
- 15 Военно-топографическое описание дороги от Журжи и Рущука чрез Шумлу в Константинополь / Составленное в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба его императорского величества. Из сведений собранных бывшего Генерального штаба полковником Леном в 1793 году. СПб.: Печатано в типографии Генерального штаба, 1821.
- 16 Военно-топографическое описание дороги из города Галаца чрез Правади в Люле-Бургас (тож Араба-Бургас) лежащий по дороге из Адрианополя в Константинополь / Составленное в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба его императорского величества. Из сведений собранных бывшего Генерального штаба полковником Леном в 1793 году. СПб.: Печатано в типографии Генерального штаба, 1822.
- 17 Маршруты по главным направлениям в Бессарабии, Молдавии и Валахии / Составленные в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба его императорского величества. Из сведений собранных офицерами квартирмейстерской части в последнюю турецкую войну. С 1806 по 1812 год. СПб.: Печатано в типографии Генерального штаба, 1822.
- 18 Военно-топографическое описание береговой дороги Черного моря, от крепости Тульчи чрез Бабадаг, Мангалию, Варну, Бургас и Мидию в Константинополь / Составленное в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба его императорского величества. Из сведений собранных квартирмейстерской части полковником Берхом в 1819 году, и записок французских инженеров Лафита в 1788 и Кауфера в 1796 годах. СПб.: Печатано в типографии Генерального штаба, 1822.
- 19 *Boutourlin.* Precis des evenements militaires de la premiere Guerre de Russes contre les Turcs, sous le regne de l'Imperatrice Catherine / Par le Colonel Boutourlin. [Saint-Petersbourg]: A l'imprimerie de l'Etat-Major, 1822.
- 20 Об обстоятельствах появления этого труда и связанной с этим конкуренцией в военной среде подробнее см.: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. С. 191–200.

- 21 «Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году». СПб.: Тип. Генерального штаба, 1827.
- 22 См., напр.: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. С. 201–207; *Ишутин В.В.* Неопубликованная рукопись И.П. Липранди о Болгарии. 1831 год // *Bulgarian historical review*. 1993. № 2–3. С. 210–218; *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 53–68; *Taki V.* From partisan war to the ethnography of European Turkey: the Balkan career of Ivan Liprandi, 1790–1880 // *Canadian Slavonic Papers*. 2016. Vol. 58. № 3. P. 257–285.
- 23 См.: *Касаткин К.А.* Открытие Балкан: Просвещение на службе у империи на примере «Опыта словоистолкователя Оттоманской империи...» И.П. Липранди // *Русская филология*. 2017. № 28. С. 35–42; *он же.* Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // *Славянский альманах*. 2017. № 1–2. С. 237–246; *он же.* От болгар к Болгарии: эволюция образа болгар в работах И.П. Липранди 1830–1870-х гг. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2018. № 3–4. С. 15–31; *он же.* Образ сербов в работах И.П. Липранди 1830–1860-х годов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 179–192; *он же.* «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...»: И.П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой — третьей четверти XIX в. (дисс. ... канд. ист. наук). СПб., 2022.
- 24 См.: *Липранди И.П.* Особенности войн с турками: отрывок из книги «Некоторые замечания по поводу двух статей под заглавием Малая война [И.В. Вуич и А.Е. Энгельгардт] И.П. Липранди. С.-Петербург, 1851 года»: с присовокуплением 6-ти статей о том же предмете. СПб.: Тип. Л. Фомина, 1877; *он же.* Охранительные меры турецких лагерей, извещательные партии и т. п.: Из Сборника И.П. Липранди. № 114. [Санкт-Петербург]: Воен. тип., ценз. 1854; *он же.* Обзорение пространства, служившего театром войны России с Турциею с 1806 по 1812 год. СПб: Типография департамента генерального штаба, 1854; *он же.* Осады турецких крепостей. СПб., 1855. (оттиск из «Русского Инвалида», № 5); *он же.* Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи: Придунайские княжества // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). Отдельный оттиск. 1877; *он же.* Народное врачевание в европейской Турции // ЧОИДР. Отдельный оттиск. 1877.
- 25 *Ладзыженский М.В.* Взгляд на Европейскую Турцию и окрестности Константинополя в топографическом и военном отношении с присовокуплением описания главнейших постановлений Оттоманской империи. СПб.: Типография К. Крайя, 1828.
- 26 В качестве примера такого исследования см.: *Фролова М.М.* Кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // *Война, проложившая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира*. М.: ЛЕНАНД, 2009.
- 27 *Добронравов С.Ф.* Медико-топографическое описание княжеств Молдавии и Валахии, составленное бывшим главным доктором всех военно-временных госпиталей в княжествах Молдавии и Валахии и крепости Силистрии, с присовокуплением статистической таблицы г. Бухареста 1831-го года, С. Добронравовым. М.: в типографии Лазаревых Института восточных языков, 1835.
- 28 *Vimm Х.Я.* О свойствах климата Валахии и Молдавии и так называемой валахской язве, которая свирепствовала во Второй Русской армии в продолжение последней Турецкой войны. СПб., 1842.

- 29 См.: *Зейдлиц К.К.* О чуме, свирепствовавшей во 2-й Русской армии во время последней Турецкой войны в 1828–1829 годах: С разбором соч. д-ра Христиана Витта: О свойствах климата Валахии и Молдавии и так называемой валахской язве, которая свирепствовала во 2-й Русской армии в продолжении последней Турецкой войны. СПб., 1842 / [Соч.] Орд. проф. Зейдлица. СПб., 1844.
- 30 См.: *Достян И.С.* Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // *Славянское возрождение*. Сб. статей и материалов. М., 1966. С. 104–116; *Белов М.В.* Русский офицер в роли этнографа...; *Розелион-Сашальский А.Г.* Статистическое описание Сербии // *Открытие «братьев-славян»*: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 205–250.
- 31 Об этом подробнее см., напр.: *Van Dyke C.* Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. N.Y.; Westport, CT; L., 1990.
- 32 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Бессарабская область / сост. Ген. штаба подполковник Дараган / изд. по Высочайшему повелению при 1 отделении Департамента Генерального штаба. СПб.: в Тип. Департамента Генерального штаба, 1849.
- 33 Военно-статистическое обозрение государств и земель, прилежащих к Российской империи. Княжество Молдавия. СПб., 1853.
- 34 *Защук А.И.* Бессарабская область: [Ч. 1–2] / Сост. Ген. штаба кап. А. Защук. СПб., 1862. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 2]); *он же.* Военное обозрение Бессарабской области / Сост. Ген. штаба кап. Защук. СПб.: тип. т-ва «Общественная Польза», 1863.
- 35 Подробнее см.: *Глушков В.В.* Николай Дмитриевич Артамонов — военный геодезист и картограф. М.: Наука, 2007. С. 20–32; *Simov M.* Mapping Enemy's Land: Russian Military — Topographic Intelligence on 19 th Century European Turkey. *Journal of Balkan and Black Sea Studies*. 2019. Year 2, Issue 3, P. 45–70.
- 36 Предварительные работы по градусному измерению в Европейской Турции // Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. Ч. 32. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1871. Отд. 2. С. 5–152.
- 37 Военно-статистический сборник [Текст] / составлен под общему редакцию Г. Ш. генерал-майора Н.Н. Обручева, управляющего делами Военно-ученого комитета и профессора военной статистики. Вып. 2: Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегиею, Греция, Турция и вассальные владения. СПб.: в Военной тип., 1867.
- 38 *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Т. 17–2. 1787–1789 гг. СПб.: Типография Р. Голике, 1880.
- 39 *Петров А.Н.* Война Россией с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1–3. СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1885–1887.
- 40 *Петров А.Н.* Война России с Турцией / Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. 1–2. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1890.
- 41 *Петров А.Н.* Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Т. 1–2. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1893–1894.
- 42 Вооруженные силы Румынии, Сербии, Черногории, Египта и Греции. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1876.
- 43 Балканы / Сост. Ген. штаба полк. Г.И. Бобриков и флигель-адъютант Ф.А. Фельдман; Под ред. ген.-лейт. Н.Н. Обручева, упр. делами Воен.-учен. ком. и проф. воен. статистики. СПб.: тип. 2-го отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1877.

- 44 *Леер Г.А.* Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии: Стратегический этюд Г.А. Леера, проф. Николаев. акад. Ген. штаба. [СПб.], 1889.
- 45 Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1877.
- 46 Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский. Пг.: Отд. ген.-квартирмейстера Гл. упр. Ген. штаба, 1916.
- 47 Подробнее см.: *Гоков О.А.* Офицеры российского генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 142–149.
- 48 Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове: Т. 1–9. СПб.: Воен.-ист. комис. Глав. штаба, 1899–1914; Атлас карт, планов и схем к описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове: [Карты]: Вып. I–VI. СПб.: Военно-историческая комиссия Главного Штаба, 1901–1911.
- 49 Особое прибавление к описанию Русско-Турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1–6. СПб., 1899–1911.
- 50 *Домонтович М.А.* Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове / Составлен М. Домонтовичем, бывшим председателем Военно-исторической комиссии при Главном штабе. СПб.: Гос. тип., 1900.
- 51 Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1–97. СПб.: издание Военно-исторической комиссии Главного штаба, 1898–1911.
- 52 О деятельности Комиссии подробнее см.: Военно-историческая комиссия по описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Военная энциклопедия. Т. 6. Верещагин — Воинская повинность. СПб., 1912. С. 510–511.
- 53 *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско: К истории гражд. управления и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1904.
- 54 *Овсяный Н.Р.* Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. Ч. 1–3. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1906–1907.
- 55 Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / под ред. ген.-майора Н.Р. Овсяного. Вып. 1–6. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1903–1907.
- 56 О развитии структур русской военной разведки на Балканах в конце XIX — начале XX вв. подробнее см.: *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: «Викмо-М», 2014.
- 57 Румыния: Издание Военно-ученого ком. Глав. штаба / Под ред. свиты е. вел. ген.-майора Г.И. Бобрикова. Отд. 1–2. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1881–1882.
- 58 *Христиани Г.Г.* Военный обзор Румынии / Сост. орд. проф. Ген. штаба ген.-майор Христиани. СПб.: типо-лит. т-ва «Свет», 1908.
- 59 *Протопопов А.П.* Военно-топографическое описание Вифинийского полуострова / Сост. Ген. штаба подполк. Протопопов. СПб.: Воен. тип., 1883; *Филиппов В.Н.* Военное обозрение Фракийского полуострова / Сост. Ген. штаба подполк. Филиппов; Воен.-учен. ком. Гл. штаба. СПб.: Воен. тип., 1884.
- 60 Вооруженные силы Болгарии. (По данным к 1 Января 1911 года). Под ред. Б.В. Геруа. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1911.
- 61 *Артамонов [В.А.]*. Вооруженные силы Сербии. (По данным к 1 Января 1911 года). СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1911.

- 62 *Гудим-Левкович [П.П.]*. Вооруженные силы Греции. (По данным к 1-му января 1912 г.). СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1912.
- 63 *Искрицкий [Е.А.]*. Вооруженные силы Румынии. (По данным к 1-му января 1912 года). СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1912.
- 64 *Занкевич [М.И.]*. Молдавский театр. Военно-статистический очерк. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1908.
- 65 *Занкевич [М.И.]*. Добруджа. Военно-географический и военно-статистический очерк. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1910.
- 66 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3033. Л. 26–29 об.
- 67 Турция: материалы к военно-географическому и статистическому описанию / Гл. упр. Ген. штаба; собрали и составили: Ген. штаба ген.-майор Хольмсен и Ген. штаба полк. Гудим-Левкович. Ч. 2: Прибосфорский район: [с приложениями]. СПб.: типо-лит. т-ва «Свет», 1912.
- 68 РГВИА. Ф. 401. Оп. 4/928. 1887 г. Ед. хр. 39. Л. 1–2 об. Н.Р. Овсяный — Н.Н. Обручеву. 1 января 1887 г. Б.н.
- 69 *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. С. 291.
- 70 *Овсяный Н.Р.* Современная Турция: Ист.-этногр. очерки Н.Р. Овсяного. СПб.: тип. и хромолит. Траншеля, 1877.
- 71 *Овсяный Н.Р.* Сербия: Ист. очерк, общая статистика, вооруж. силы. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1883.
- 72 *Овсяный Н.Р.* Черногория. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1896.
- 73 *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1898.
- 74 *Овсяный Н.Р.* Болгария и болгары. СПб.: Воен. тип., 1900.
- 75 *Овсяный Н.Р.* Ближний Восток и славянство (Сборник статей) / Н.Р. Овсяный. СПб.: Рус.-фр. тип., 1913.
- 76 Подробнее о русских военных корреспондентах и их трудах см.: *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг.
- 77 *Дрейер В.[Н.], фон.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб.: Новое Время, 1914.
- 78 *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. Записки военного корреспондента. М.: Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1913.
- 79 *Мартынов Е.И.* Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913.
- 80 *Юнаков Н.Л.* Балканская война 1912 года. Стратегический очерк. СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1913.
- 81 Болгария: Военно-статистическое описание. Ч. 1. Район Восточной Болгарии / сост. Генерального штаба подполковником Палицыным под ред. генерал-майора Потапова. Пг.: Отд. ген.-квартирмейстера, 1916.

ГЛАВА II

ДОСТИЖЕНИЯ, ОТКРЫТИЯ, ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТЕНАХ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН (1946–2022 гг.)

Чешский вопрос в освещении русских писателей

Тема исследования — не столько чешский вопрос в той формулировке, которую представил в 1895 г. своей книге Т.Г. Масарик, не столько способы рассмотрения в ракурсе его философско-исторических взглядов на прошлое и настоящее чехов как западных славян, их отношений с немцами на территориях Богемии и Моравии, а также их связей с Россией¹. Речь в нем пойдет об особенностях рецепции русскими писателями чешского народа и присущей ему ментальности, то есть строя мыслей и чувств. Предполагается рассмотреть некоторые черты политического менталитета, то есть взглядов и оценок представителей его элиты. Под менталитетом подразумевается то, что «выражается в национальном языке, проявляется в идентичности, соединенности устойчивых когнитивных особенностей и веры, образе мышления, своеобразной системе образов, представлений и умонастроений»². Автор данного определения Н.М. Ракитянский применил его к политико-психологическому исследованию польского менталитета, но введенный им аналитический инструментарий позволяет четче увидеть специфику оценивания русскими писателями и менталитета чешского. Ранее нами отмечалось, что менталитет «формирует как демонстрируемые мотивационно-волевые качества своих носителей, так и их бессознательные установки. Практически каждый носитель таким образом проявляемого менталитета — член узнаваемого общества — политейи с присущими ему языком и традициями, культурой и ценностями»³.

То, что характеризуется данным концептом сегодня, постоянно находилось в поле внимания и получало своеобразное отражение в произведениях гениев русской классической литературы — Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а также

писателя, литературного критика и оригинального социального мыслителя К.Н. Леонтьева, по оценке некоторых авторов, «реакционнейшего из всех русских писателей, у которого не было конкурента на первое место»⁴.

Этих писателей можно разделить на две группы, весьма условно придерживающихся установок на чехофильство («фильство») и чехофобство («фобство») — условно по двум причинам. Во-первых, не все из них посещали Чехию и «злату Прагу» (были Лесков, Достоевский) и напрямую общались с чехами (Лесков, Толстой, Достоевский — совсем мало); во-вторых, в чистом виде и «фильство», и «фобство» у каждого из них не встречается.

Это касается даже Леонтьева, самого жесткого критика чехов. Предысторию его критического отношения к славянам, включая чехов, осветил С.А. Никитин. Он считал, что Леонтьев в своих статьях одним из первых выявил самопротиворечивость линии на панславизм и подчеркнул: хотя все славянские нации стремятся к развитию своей государственности с опорой как раз на Россию. Поэтому позиция Леонтьева и характеризовалась «нападками на “узкий славизм” организаторов съезда 1867 г.»*, декларируемый как раз гостями из Чехии⁵.

Но еще задолго до Славянского съезда в Петербурге и Москве посол России в Вене Е.П. Новиков, как это показал Никитин на архивных документах, выявил критическое отношение к идее австрославянской федерации, продвигаемой на нем старочехами. Глубоко проникнув в ментальность чехов, он мог заинтересовать данной темой Леонтьева. Идея указанной федерации не столько радовала, сколько настораживала как объединявшуюся Германию, особенно в ходе ее войны с Австрией в 1866 г., так и Российскую империю, что осознавали оба дипломата. Можно предположить, что подобный круг идей обсуждался при встречах Новикова и Леонтьева, который по-своему прочел работу перво-

* По случаю Этнографической выставки в мае-июне 1867 г. в Москве и Петербурге состоялся славянский съезд, ставший значимым событием в истории международного движения за славянское единство. В нем принял участие 81 представитель от зарубежных славянских стран, в том числе 29 сербов, 27 чехов, 10 хорватов, 4 русина, а также словаки, болгары и др. 14 мая делегаты удостоились аудиенции у российского императора Александра II // См.: Никитин С.А. Славянские съезды 60-х годов XIX в. // Славянский вопрос и русское общество в 1858–1878 гг. Славянский сборник. М., 1948.

го о Гусе и Лютере, особо выделяя при этом влияние чехов как орудие немецких воздействий на славянство*.

Новиков опасался этого, можно сказать, даже с избытком, но к такого рода предостережениям культурные круги в России прислушивались всё же с большими опасениями и до, и после 1867 г., предпочитая апологию чехизма. Она, в частности, манифестировалась в стихах поэта-дипломата Ф. Тютчева. К известным его словам в знаменитом стихотворении о единстве славян, «спаянных любовью», а не «железом и кровью», Леонтьев относился с большим скепсисом, хотя и не выражал его публично.

Подозрительное отношение к южным славянам, а также к полякам и чехам Леонтьева отмечено В.И. Косиком. Еще четверть века тому назад он предложил на обсуждение ультрапарадоксальные мысли русского автора относительно славянства, славянофильства и панславизма. Один из выводов В.И. Косика в русле идей Леонтьева оказался в чем-то провидческим: еще в конце 1990-х годов можно было говорить «не только об отсутствии славизма, но и славянства!»⁶. Правда, мыслить и говорить так безапелляционно вряд ли следовало тогда и следует теперь: как только тот же Запад в лице тысячелетнего германского рейха подчинил славян, так и вспомнилось, что славянство всё-таки едино — и в 1941 г. был создан Всеславянский комитет⁷.

Тема же неубиенности идеи славянства вызывает дополнительный интерес в связи с теми сегодняшними противоречиями и противостояниями в отношениях России со славянскими странами, причины которых выясняются с такими трудностями. Необъяснимы, в частности, даже поводы к информационным войнам русофобской направленности. Обращения же к тому же Леонтьеву позволяют увидеть в ретроспективе изгибы такой по-

* Еще студентом Е.П. Новиков подготовил в 1848 г. работу «Православие у чехов». В предисловии к ней знаменитый поборник общеславянского дела О.М. Бодянский отметил, что автору удалось продемонстрировать способы «влияния преобразования Славянина на преобразование Немца» (*Новиков Е.П. Гус и Лютер. Критическое исследование. М., 1859. Ч. 1. С. V*). Сам автор писал во второй части своего труда: «В вероисповедной жизни не нам, Славянам, принимать наставления от Немцев ныне, когда мы, в лице Гуса, давали их уже Лютеру за три столетия» (Там же. Ч. 2. С. 468). Надо заметить, что и Леонтьев не раз благожелательно упоминал имя этого великого славянина в своих трудах, но не мог отвернуться от того факта, что чехи в дальнейшем всё же стали во многом проводниками германизма, забывая его предостережения. О том, как Новиков относился к мыслям своего сотрудника, сведений нет.

литики и без того, чтобы безоговорочно принимать его диатрибы в адрес, в первую очередь, западнославянских стран.

Чехи на всем протяжении XIX века, начиная с В. Ганки и Я. Коллара, выражали претензии на то, что, прибегая к лексике века XX-го, они считаются мозговым центром в постановке и решении славянского вопроса. Их идеи в духе славянофильства, а позже панславизма не могли не привлечь к себе внимания российских ученых и политиков, общественных деятелей и публицистов и, конечно же, писателей. Надо сказать, что как раз им, испытывавшим чувства некоего очарования данным западнославянским народом, зорче всех других удавалось выявить и неполную обоснованность претензий чехов на ведущую роль в способах решения данного вопроса. Обращение к наследию указанных писателей помогает четче идентифицировать и некоторые параметры того, что условно можно назвать «чешским вопросом» и сегодня, когда в предлагаемых нынешней чешской политической элитой способах его решения через уже «окончательное» вхождение в Европу просматриваются следы русофобии.

Прежде чем выявить ее рельефные черты в трудах Леонтьева, следует отметить, что первым из рассматриваемых классиков Чехию посетил Лесков, и его впечатления как о данной части Австрии, так и о чехах в Париже были окрашены в самые светлые тона. Своеобразное «-фильство» Лескова пронизывает всё его творчество. Оно проявилось в трех корпусах его текстов: очерках политического характера, письмах и художественном творчестве. В первую очередь, это касается раздела «Парижские чехи» в очерках «Русское общество в Париже» (1862–1863 гг.).

По дороге в Париж Лескова, корреспондента умеренной и дружески настроенной к славянству газеты «Северная пчела», сердечно встретили в Праге, в общественно-политическом клубе «Мещанская чешская беседа», представители самых разных убеждений. В их числе: Ю. Грегр, редактор газеты «Народни листы», позже органа младочехов; В. Шульц (Шульц), возглавлявший печатный орган ультракатолицизма, а также Ф. Палацкий. Участвовал Лесков в похоронах Божены Немцовой; позже он перевел ее сказки. Знакомство с чехами продолжилось в Париже. Их писатель противопоставил полякам: «...чехи, этот едва

ли не самый милый и *самый грамотный* (здесь и далее курсив в оригинале. — Э. З.) во всем славянстве народ, эти честные и работающие чехи, во всём стоят выше польской цивилизации. По характерам своим чехи очень просты, внимательны и приветливы ко всем славянам. Воспитанные в духе неустанной оппозиции немецкому элементу и изведавшие тяжелым опытом свою несостоятельность собственными силами сбросить ненавистное для них австрийское иго, они постоянно мечтают о свободной славянской федерации и никогда не сомневаются в ее возможности»⁸. Именно чехи признают «москалей» лишь одним самостоятельным славянским народом в мире, как раз за это поляки упрекают их в подхалимстве. Всё же и те, и другие, а особенно их жены и сестры — горячие патриоты. При этом Лесков пишет: «...у чехов если что волею или неволею и вкралось где-нибудь немецкое, то всё это они стараются выполоть вон и берегут славянское слово во всей чистоте»⁹. Конечно, это парижские чехи, придерживавшиеся в основном радикальных взглядов; чехи в Австрии вели себя не столь радикально. На это позже обратит особое внимание Леонтьев, да и сам Лесков будет всматриваться в особенности чешского менталитета не столь уж одобрительно.

Тесно сдружился русский писатель с чешским поэтом и демократическим журналистом Й. Фричем, который неоднократно был вынужден покинуть родину. Лесков характеризовал его весьма положительно: «Самоотверженный славянский страдалец, бившийся за свободу с горстью пражских студентов против цезарских войск австрийского императора». Этот корреспондент ряда газет — «в душе своей чистый чех и федералист... Будь он поляк, а не чех, он был бы герой, а теперь он шут»¹⁰.

Надо сказать, что это одна из aberrаций оценки Лескова. Фрич в действительности не был таковым даже в глазах польских эмигрантов, хотя остро критиковал их: они-де «говорят, что и чехам, и тем никакой самостоятельности не нужно! говорят, что мы даже не имеем права быть особым народом, а только можем иметь свое провинциальное управление»¹¹.

И о других знакомых чехах Лесков говорит весьма благожелательно: «Лежащие на них следы несомненной благовоспитанности смягчают их страсти, сглаживают их речь и освобождают ее

от нашей резкости и от польской кичливости или сменяющего ее унижения. Чех, о котором я говорю, неутомимо хлопочет о своих народных делах... Поэт Фрич — это настоящий, урожденный революционер, преданный душою и телом делу восстания против Австрии и забывающий себя для этого дела»¹².

Лесков рассказывал Фричу о русской литературе, они совместно осуждали польских эмигрантов за их мнение о гибельности дружбы с «москалями». Но вот семь лет спустя Фрич, по убеждению Лескова, сменил свое русофильство на русофобство. В статье «Биржевых ведомостей» (14 декабря 1869 г., без подписи) он утверждал, что его старый чешский друг «в последние годы нажил себе своим русофобством очень много врагов между чехами»¹³.

Это не совсем корректная оценка: Фрич критиковал не народ России и его культуру в полемике со старочехами, которые призывали к союзу с царской властью. Примечательно, что Лесков употребил производное от термина «русофобия» слово два года спустя после того, как оно было пущено в широкий оборот Тютчевым в письме дочери, причем на французском языке*.

В самом конце очерка о чехах в Париже Лесков высмеивает русскую даму, которая как-то сказала даме чешской: «“Как вы счастливы, что у вас два родных языка! Это удивительно приятно, что каждый чех в колыбели уже по необходимости говорит по-чешски и по-немецки!”»¹⁴. Это возмутило собеседницу, ибо, считает Лесков, то, что чехи, поработанные немцами, считают несчастьем, русская барыня трактует как счастье.

В письмах Лескова пребывание в Чехии и в 1862, и в 1875, и в 1884 гг. характеризуется едва ли не в радужных тонах. Так, в письме И.С. Аксакову от 23 апреля 1875 г. он писал, что в 1862 г. именно «Прага и Париж помогли мне забыть домашние невзгоды. Я вылечился»¹⁵. 13 лет спустя (12 июля 1875 г.) в Мариенбаде (Марианских Лазнях) Лесков написал А.П. Милюкову, что

* Правда, слово «русофобство» впервые произнес еще в 1844 г. П.А. Вяземский в комментарии на знаменитую книгу де Кюстина 1839 г. (текст, в котором оно появилось, не был пущен в печать и впервые опубликован лишь 100 лет спустя после письма Тютчева — в 1967 г.). См.: Русофобия // Философский словарь. Издание девятое, доработанное и дополненное. Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. М.: Мир философии. Алгоритм, 2021. С. 649–650.

успешно прошел курс лечения — вопреки пущенным врачами-немцами из Карлсбада (Карловых Вар) слухам о том, что из-за дождей там не работают нужные источники. В этом же письме он взял на себя миссию опровержения упомянутых слухов: «Этим Вы дадите мне случай услужить очень ласкающим меня мариенбадским врачам, из коих трое говорят по-русски, а один (Добшевич), как видите, даже может и писать»¹⁶. Лесков отметил наличие на курорте русских книг, включая труды славянофилов. Лечение летом 1884 г. в Мариенбаде, куда он прибыл 16 июня, тоже проходило успешно, здесь он получил статус «почетного гостя» с привилегиями, а чех-библиотекарь оказал ему особое внимание. 16 июля он покинул Мариенбад, чувствуя себе оздоровленным. Но всё же не всё чешское оценивалось Лесковым столь благостно. Так, он отметил относительно Мариенбада: «Жизнь здесь дороже Парижа втрое»¹⁷. 30 июля писателя обворовали в любимой Праге в первый же день пребывания; чешская печать описала «неучтивый случай» с его ограблением, а пражане предложили ему денежную помощь.

Наконец, приведем выдержки из письма И.С. Аксакову от 8 сентября 1875 г. — явно теневого на фоне «-фильства» Лескова; оно не входило в собрания его сочинений. Касательно чехов, причем представителей всех слоев — от интеллигентов и духовных лиц и до пьющих пиво обывателей, — он пишет: «Мне эти люди не по сердцу: у них нет того, на чем зиждется панславизм... Они кичливы, мелкодушны, жадны, мнительны и заносчивы до глупости; они всё-таки хотят быть “главою” славянства, говоря, что это право им принадлежит в силу многих превосходств... по-моему, не возносить их надо, а надо их образумить, и только тогда они могут отвечать здравым надеждам и упованиям славянофильства»¹⁸. Если вернуться на 13 лет раньше, к его парижским очеркам, то можно заметить, что примерно с такой присущей Лескову страстной пристрастностью оценивались как раз поляки... Вот такая смесь «-фильства» и «-фобства», правда, с преобладанием первого, присуща Лескову в частной переписке.

Чехи выступают и как герои художественных произведений классика русской литературы. В романе «Некуда» (1864) он столь же яростно, как и в парижских очерках, обличает поляков как

вдохновителей нигилизма. И на этом фоне один из его героев «ближе всех держался славянского кружка и преимущественно сходил с русскими и поляками. Чехов здесь было немного». Но зато из среды их герой романа Лескова «выбрал себе крепкого друга. Это был Иосиф Коляр, поэт, энтузиаст и славянский федералист»¹⁹. Действительно, Йозеф Иржи Колар (1812–1896) был похож на другого Йозефа — Фрича, чем заслужил внимание Лескова, хотя и оказался близким кружку нигилистов, обличаемых русским писателем.

Полностью чехам посвящен рассказ «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении». В нем Лесков выступил с оправданием общеславянства, с противостоянием швабам (полупрезрительное наименование немцев) и с надеждами на Россию; правда, соответствующую идею выражает старый еврей-ювелир. Сын писателя А.Н. Лесков отмечал: «Здесь чех и русский сочетались в захватнических вожделениях юнкерской Германии, в ее отношении ко всему славянству однородной оказалась и любовь каждого из собеседников к своей родине, готовность служить ей сколько хватит сил»²⁰. Сам Лесков, с одной стороны, ценил рассказ очень высоко и сравнивал его с «Запечатленным ангелом», а с другой, не скрывал его иронического подтекста — ведь выразителем ценностей патриотизма мог предстать и сам чех²¹.

Во всех трех типах произведений Лескова видны его искренние симпатии к чехам; в целом ему присуще «-фильство», всё же не исключавшее критического внимания к ментальности этого западнославянского народа. Так, отношение чехов к народам восточнославянским не всегда отличалось, по словам Лескова, пуризмом и деликатностью. Нельзя пройти мимо и острокритического взгляда писателя на носителей чешского менталитета, выраженного в вышеприведенном письме Аксакову.

Наиболее приверженным «-фильству» в отношении к чехам был Л.Н. Толстой. О восприятии его творчества этим народом написаны сотни трудов, а десятки — о том, как он сам относился к «богемцам и моравам», встречался с чехами и оценивал их. И всё-таки критика Толстым славянофилов и панславистов, а также эйфория в отношении славян в конце 1870-х годов косвенно

затрагивали и чехов. Прямых же следов «-фобства» по отношению к ним практически не обнаруживается.

Из трех писателей Толстой в Праге не был, но именно он демонстрировал постоянную приязнь к чехам, что нашло отражение во всех жанрах его творчества. Это же касается встреч с чехами в России: к нему на своеобразный поклон приезжали будущие великие деятели Чехословакии Т.Г. Масарик (в 1887, 1888 и 1910 гг.) и К. Крамарж (в 1890 г., Толстой ошибочно именовал его «профессором»)*, педагог К. Велеминский (в 1907 г. и в 1910 г.) и писатель З. Неядлы (1900 г.).

Рецепцию великим русским писателем представителей чешского народа, предельно «-фильскую», можно связать с его суждениями относительно двух групп. Вошедшие в первую получили всемирную известность. Это три Яна: Гус, Коменский, Коллар, которые трактуются Толстым как некие космополиты — без негативных коннотаций, связанных с этим термином. Относительно же примыкавшего к ним П. Хельчицкого надо заметить, что он стал известным в мире во многом благодаря самому Толстому. Вторая группа — это упоминавшиеся его гости-современники; с рядом чехов Толстой поддерживал отношения в связи с переводом своих трудов; знал Толстой и некоторых чехов, проживавших в России.

Отдельный сюжет — пребывание в Ясной Поляне словака-врача Д. Маковицкого, выступавшего своеобразным адвокатом и чехов. Примечательный факт: Масарик в качестве гостя имения предпочел ночевать в его тесной комнате, а не в графских покоях.

Интересные сведения об оценке Толстым Масарика содержатся в четырех томах Яснополянских записок Маковицкого²². В первых томах собраны в целом одобрительные суждения писателя, в заключительном, четвертом, томе фиксируется, что Масарик «пишет большое сочинение о России — главное о Достоевском» (Запись от 22 мая 1907 г.). Толстой так комментирует этот факт: «От Масарика ничего не ожидаю. Он ученый. Он в усваивании всяких познаний весь истрагился. У него ничего

* О встречах Толстого с Масариком см.: *Абрамов М.А., Лаврик Э.Г., Малевич О.М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб., 2004. Т. 2. С. 588–655; о его встречах с К. Крамаржем см.: Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006.*

своего не осталось»²³. Правда, в своем самом последнем суждении Толстой уточняет: «Он всё-таки профессор. Именно такого критика мне нужно было»²⁴.

Все гостившие у Толстого чехи показались ему людьми достойными, а через них оценивался и весь западнославянский народ: в его трудах практически невозможно отыскать критических суждений, несмотря на то, что, например, с Масариком он яростно дискутировал²⁵.

К жизни и идеям Яна Гуса Толстой обращался часто, а к последователю его идей Хельчицкому, которые реализовались в создании церкви Чешских (под другим наименованием — Моравских) братьев (1457 г.), — постоянно. Труды епископа этой церкви и великого педагога Коменского Толстой всего лишь дважды упоминал в своем педагогическом творчестве (в статье «О народном образовании»), но детская память о «муравьиных братьях», прообразом которых являлись как раз Моравские братья, так и не была отрефлексирована.

Зато Хельчицкий упоминался им более 100 раз (в именном указателе к полному собранию сочинений — в текстах и примечаниях к ним); есть основание утверждать, что этот проповедник ненасилия из крестьян стал духовной опорой в религиозных исканиях Толстого; как раз поэтому его именовали «чешским Толстым 15 века».

В письме обществу «Славия»* от 8 июля 1909 г. Толстой выразил веру «в исключительное значение славянства для объединения не только христиан, но и всех людей, как прекрасно выражена эта мысль у Коллара»²⁶. Опять-таки, акцент поставлен — как относительно и предшествующих великих чехов — на космополитических, а другими словами, общечеловеческих идеях одного из основоположников славянофильства.

О них же говорилось и в ходе острых споров Масарика с Толстым, которые в письмах и «Дневнике» писателя постоянно характеризовались словами: «Хорошо говорили» (о нем упоминалось в указателе более 50 раз). Известно и одно из писем

* Московское отделение Всеславянского общества «Славия» было основано в 1909 г. См.: *Серapiroнова Е.П.* Чехи и словаки в Москве в конце XIX — начале XX вв. // *Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы.* М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 233.

к Масарику (3 мая 1910 г.)²⁷ — как социальному мыслителю, исследовавшему феномен самоубийства. Книга об этом феномене на немецком языке находилась в библиотеке Толстого, на ней сделано 40 пометок его рукой (остается добавить, что в нее был вложен путеводитель по Чехии и Моравии, тоже на немецком).

Фактически наднациональные проблемы педагогики обсуждались и во время встреч в 1907 г. и 1910 г. с Велеминским (о нем дважды упоминается в «Дневнике» и шесть раз в комментариях). Он стал переводчиком и редактором педагогических сочинений Толстого, восприняв у того мысль, что учителям надо учиться у своих маленьких учеников.

Некой интегральной оценкой паломничества к Толстому можно считать отчет о пребывании в Ясной Поляне чешского писателя и музыковеда З. Неедлы. В статье для журнала «Звон» от отмечал: «Ясная Поляна стала Иерусалимом 19 века», хотя в дальнейшем он же заметил, что Толстой почти ничего о «нас (чехах)» не знает²⁸. Примечательно и то, что он призывал отличать Толстого от толстовцев, хотя позже Неедлы-паломник, став марксистом, приступил к критике его самого и обличал даже Масарика в излишнем поклонении русскому гению.

Принимая во внимание мнение Неедлы о незнании Толстым Чехии (при полном сочувствии к этой земле: осуждениями давления на нее со стороны Австрии наполнены многие его труды) и чехов, надо отметить, что и сами гости графа во многом не знали его — при всем преклонении перед его художественным творчеством и философскими мыслями. Это совместное «неузнавание» зафиксировано самим Толстым в его «Заключении к последнему отчету о помощи голодающим» (1893). «Помню, — пишет он, — как раз, гораздо прежде голодных лет посетивший меня в деревне молодой, нравственно чуткий, пражский ученый, выйдя зимой из избы сравнительно зажиточного мужика, в которую мы входили, и в которой, как и везде, была замученная работою, преждевременно состарившаяся женщина в лохмотьях, накричавший себе грыжу больной ребенок и, как всегда к весне, привязанный теленок и обьягнившаяся овца, и грязь и сырость, и зараженный воздух, и унылый, придавленный жизнью хозяин, — помню, как, выйдя оттуда, мой молодой знакомый начал мне говорить что-то,

и вдруг голос его оборвался, и он заплакал... Ему, в своей богатой и грамотной Чехии, как всякому европейцу, в особенности шведу, швейцарцу, бельгийцу, можно думать, хотя он и будет неправ, что там, где есть относительная свобода, где распространено образование, где каждому дана возможность вступить в ряды образованных, — что роскошь есть только законная награда труда и не губит чужие жизни»²⁹. Мы, заключает писатель и социальный аналитик Толстой, к таким очевидностям не проявляем такого внимания, какое показал «чуткий чех».

Есть основания предполагать, что этим молодым ученым был Масарик, но прямых указаний на это сам Толстой не давал, а в комментариях к его сочинениям на это не указывается. Но пафос взаимо(не)понимания пражского ученого и яснополянского писателя передан очень убедительно, он может характеризоваться как проявление «-фильства» по отношению к чехам.

Примечательно следующее обстоятельство: Леонтьев порицал их за приверженность честности, а, по свидетельству Масарика, Толстой — за поклонение чистоте, которая для его собеседника выступала неким аналогом религии. Эти контрастные мыслители тем самым держали в чем-то одинаковую дистанцию в рецепции особенностей чешского национального характера, а о народе судили с определенной дистанции — «златой Праги» оба не видели. Правда, упоминаний о ней — как зафиксировано в указателе географических названий к трудам Толстого — равно как и о Брюнне (Брно), Карлсбаде (Карловых Варах) и других городах достаточно много.

Упомянутый фрагмент о молодом чехе носит целостный характер; то же можно сказать о рецепции и трансляции жизненного пути и идей Хельчицкого, как это прослежено в монографии отечественного исследователя, сравнивавшего его «Сеть веры» (впервые опубликована в 1521 г.) с трудом Толстого «В чем моя вера?»³⁰.

Всё же, пожалуй, наибольшей цельностью в изображении представителя чешского народа обладает предназначенный для «Детского круга чтения» рассказ о Яне Палечеке; он был написан в 1907 г., но так и не опубликован при жизни Толстого. Этот бывший рыцарь стал добровольно шутом при дворе Иржи (в рас-

сказе — Юрия) из Подебрад в XV веке и характеризовался особым рода мудростью. Толстой по-своему истолковал некоторые обстоятельства жизни этого Ивана из Жукова (так в рассказе) на основе материалов, присланных ему чешскими почитателями. Остается заметить, что и в данном, и в других своих трудах Толстой не уделил внимания самому чешскому властителю, одним из первых выдвинувшему проект мирного сосуществования народов.

Об интересе к чехам Ф.М. Достоевского можно говорить со второй половины 1860-х годов. Вернувшись из сибирской каторги и ссылки, он так или иначе интересовался славянским вопросом, кульминацией которого на русской земле стал Славянский съезд 1867 г. в Москве и Петербурге — с обширным участием гостей из Чехии. С тех пор он из его поля зрения не исчезал, хотя роли чехов в его решении, да и в целом этому западнославянскому народу, Достоевский уделял лишь эпизодическое внимание.

Чешский исследователь Ф. Каутман привел примечательный факт: оказывается, роман «Преступление и наказание» печатался в тех же томах (62 и 63 за 1866 г.) «Русского вестника», что и «Бабушка» Б. Немцовой. Он не только допускал знакомство Достоевского с этим классическим произведением чешской литературы, но и считал возможным его влияние на рассказ «Мужик Марей» с его идеализацией народа³¹. Остается добавить, что к «Бабушке» особое почтение выразил и Лесков, а вот Толстой — нет, хотя можно предположить, что чешские собеседники говорили ему о данном народолюбивом произведении.

В наиболее развернутой форме амбивалентное отношение к чехам было выражено в письме Достоевского поэту и уважаемому им адресату А.Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г.: «(По-моему, друг мой, нам *слишком* (здесь и далее — курсив в оригинале. — Э. З.) гоняться за славянством, право, не надо, то есть слишком. Надо, чтоб они сами к нам пришли.) После Славянского съезда в Москве некоторые из славян же, возвращаясь к себе, подшучивали свысока над русскими за то, что “руководствовать других взяли и как бы импонировать славянам, а у самих-то еще что и какое малое самосознание” и т. д., и т. д.

И поверьте, что многие из славян, в Праге, например, судят нас совершенно с западных точек зрения, с немецкой и с французской, и даже, может быть, удивляются, что у нас славянофилы, например, мало заботятся об общепринятых формах западной цивилизации. Так что нам, например, гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их — дело другое; помочь тоже можно; но брататься лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно»³². Если это и «-фобство», то весьма здравомыслящее.

Помощь без «братания» — одна из причин трехдневного пребывания в Праге Достоевского весной 1869 г. У него даже было желание поселиться на время в этом городе. Но выяснилось, что подходящего жилья там не оказалось, и супруги Достоевские с немалой досадой покинули Прагу, тем более, что писателю не удалось принять участие в празднестве в честь 500-летия Яна Гуса.

Следы восхищения и досады просматриваются в письмах всё тому же Майкову с похвалами его поэмы «Констанцкий собор», в которой прославлялся Я. Гус [письмо от 15 (27 мая) 1869 г.]³³ и в письме из Дрездена [14 (26) августа 1869 г.]. В нем отмечалось: «А между тем я воображал и мечтал о пользе для себя от пребывания в Праге»³⁴. Праздник приобрел всеславянский характер, о чем Достоевский узнавал из газет и свидетельств русских его участников.

Славянский вопрос постоянно находился в поле зрения Достоевского как автора «Дневника писателя» с середины 1870-х годов. При этом роль чехов в его решении принималась во внимание, но не переоценивалась. В 1876 г. он пишет: «Вот почему Европа всеми средствами желала бы взять себе в опеку славян, так сказать, похитить их у нас и, буде возможно, восстановить их навеки против России и русских»³⁵. В подготовительных материалах к «Дневнику» отмечается: «Славяне для нее [России] вовсе не то, что славяне для Европы. Но сами славяне? Это источник будущих несчастий России...делай им добро и проходи мимо. Мы не можем раствориться в славянстве, мы выше. Они внесут к нам начало раздора и разъединения»³⁶. Остается добавить, что об этом говорилось в вышеприведенном письме к Майкову в адрес чехов, только другими словами.

Надо заметить, что эти суждения — некое предуведомление, а в чем-то пророчество к знаменитой диатрибе в «Дневнике писателя» уже в ноябре 1877 г.: «... не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»³⁷. Далее Достоевский пишет: «России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества»³⁸. В основном эти пророчества и диатрибы относились к южным славянам, но упоминания о чехах в этих материалах достаточно часты³⁹.

Весьма любопытно замечание в более раннем «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Если б мы не встречали Палацкого, и кандиотов, то играли бы в карты. Позвольте же нам порадоваться, что мы не играем в карты»⁴⁰. Кандиоты — греческие жители острова Крит. Речь идет о событиях девятилетней давности, однако то, что оно не изгладилось из памяти писателя, что-нибудь да значит.

В чем-то вторя Лескову, в «Записях» к «Дневнику писателя» уже за 1880–1881 гг. Достоевский остро критически отзываясь о чехах-преподавателях гимназий. «У нас, — писал он, — всё вдруг, выдумали чехов — холодных, безучастных, враждебных к юношеству, не знающих русского языка и свысока смотрящих на русский язык. Их ненавидели, презирали и смеялись над ними»⁴¹.

Свидетельств того, как Достоевский воспринимал оценки чехов приверженцами «-фильства» (Лескова) и «-фобства» (Леонтьева) нет, но об эволюции его самого в сторону некоего «-фобства» после влюбленности в Прагу говорить можно.

Явно недостаточно прямых свидетельств о встречах Достоевского с чехами, при этом нелишне заметить, что именно Прага и стала одним из ведущих центров достоевсковедения — в тесном взаимодействии местных исследователей и эмигрантов из России.

Прежде чем приводить оценки Леонтьевым того, что можно назвать национальным своеобразием ментальности чехов, надо учесть одно обстоятельство его биографии. Успешная работа бывшего военного врача и писателя в статусе дипломата на Балканах привлекла внимание высших кругов России, включая канцлера А.М. Горчакова. Обсуждалось его назначение на пост консула в Богемии (Чехии) — не менее остроконфликтном регионе Австро-Венгрии в 1871 г. Однако Константин Николаевич серьезно заболел и находился при смерти. После того, как он дал клятву стать монахом, наступило выздоровление, которое затянулось, и ему пришлось оставить дипломатическую карьеру. Сражение за интересы России он начал на других фронтах, отказавшись заодно от карьеры писателя во имя публицистики. Как раз в ней особенно просматривается присущая ему пристрастность оценок так и не обретенного дипломатического поприща в «золотой Праге» — того места, которое привлекало интерес многих русских людей, включая тех же Лескова и Достоевского.

Главенствующую роль при этом играет работа «Византизм и славянство». Глава третья в ней начинается громогласным вопросом о том, что такое славизм. И не менее громкой констатацией: «Ответа нет!»⁴².

Затем начинаются описания того, что можно назвать крайне контрастными характеристиками национального своеобразия разных славянских народов, они продолжены и в фундаментальном двухтомнике трудов Леонтьева «Восток, Россия и славянство». Пока не завершившееся полное собрание его сочинений и писем может бросить дополнительный свет на указанную контрастность, но, думается, суждения Леонтьева в духе «фильства» в характеристиках места чехов в славянском деле вряд ли превзойдут доминанту суждений в духе «-фобства».

К положительным сторонам национального своеобразия чехов можно отнести, согласно этому «разочарованному славянофилу» (определение философа С.Н. Трубецкого), грамотность и укорененность в исторических традициях, связанных с именами «благородного Гуса и страшного Жижки». Итак, первый фрагмент в духе «-фильства»: «Конечно, чехи — братья нам; они полезны, не говорю, Славизму (ибо, как я сказал, Славизма нет),

а Славянству, т.е. племенной совокупности славян; они полезны как передовая батарея Славянства, принимающая на себя первые удары Германизма»⁴³.

Еще один цельный фрагмент «во здравие» из более ранней статьи «Грамотность и народность»: «Из всех расположенных к нам политически единоплеменников и единоверцев наших — чехи, мне кажется, скорей других могли бы понять и оценить Россию с той точки зрения, на которую я лишь намекнул в первой нашей главе»⁴⁴.

За ними следуют два фрагмента, в них всё же доминирует отрицательное отношение к чехам, которое Леонтьев вряд ли озвучил бы на предполагаемом, но отнятом болезнью посту. Первый: чехов можно назвать «прекрасным орудием немецкой фабрики, которое славяне отбили у немцев, выкрасили чуть-чуть другим цветом и повернули против Германии». При этом «пленение» ею оказалось для них предпочтительнее, чем верность славянскому делу. Этому убеждению, правда, не совсем верному, способствуют не герои, а «только “честные” и “ученые” Ригер и Палацкий»⁴⁵. И как раз перед ними почтительно склоняют головы «писатели наши», в числе которых не только литераторы, но также публицисты и ученые. «Высшая ученость, напр[имер], есть большая сила, но уж, конечно, эта сила не исключительно славянская, она могла только способствовать к изучению, к пониманию древнеславянских, хоть сколько-нибудь своеобразных начал; но от понимания прошедшего и преходящего до творчества в настоящем и даже до прочного охранения еще целая бездна бессилия»⁴⁶, — утверждает Леонтьев. И продолжает: «“Краледворская Рукопись”, “Суд Любуши” и т.п. прекрасные вещи, но эти археологические драгоценности мало приложимы теперь к стране, в которой уже давно тесно, которая обработана по-европейски», где «по-западному правит ученая буржуазия»⁴⁷. Однако ко времени написания статьи Леонтьевым уже возникли сомнения в подлинности рукописи, и их не побоялся подтвердить будущий президент Чехословакии Масарик, исходя как раз из презумпции учености и честности.

Что касается личности чеха, то он, конечно, скромн, стоек, терпелив, а еще и музыкант, утверждает Леонтьев. В то же вре-

мя этого недостаточно для лидерства в славизме. «Политическая история, — подчеркивал он, — сделала чехов осторожными, искусными в либеральной дипломатии. Они вполне по-европейски мастера собирать митинги, делать демонстрации вовремя и не рискуя открытыми восстаниями. Они не хотят принадлежать России, но крайне дорожат ею для устрашения Австрии. Одним словом, всё у них как-то на месте, всё в порядке, всё по-модному вполне»⁴⁸.

Конечно, подверженность германизации ума и быта не уничтожила вполне чувств и стремлений, пригодных для политической борьбы против германизма. Но опоры в ней всего лишь на древнеславянство, гусизм и коммунизм таборитов явно недостаточно. Помогли бы местная аристократия и византизм, но первая была уничтожена, а византизм не прижился; тем более, что они не сочетались с социализмом, по убеждению Леонтьева, пригодным для спасения национальных начал.

Более того, с этим стремлением к духовной свободе чехов, защищаемой мечом, сосуществовало и стремление к восстановлению государственности: Леонтьев в этом ракурсе одобрительно писал о «мечтах о короне Вячеслава и Юрия Подебрадского»⁴⁹.

«Но, — пишет Леонтьев, — история судила иначе, и чехи, войдя раньше всех славян и надолго в общий поток романо-германской цивилизации, раньше всех других славян пришли к ученому сознанию племенного Славизма, но зато, вероятно, меньше всех других славян сохранили в себе что-либо бессознательно, наивно, реально и прочно существующее славянское». Чехи, по его убеждению, уподобились «пожилому мужчине, который утратил силы плодотворные, но не утратил мужества и чувства. Они с восторгом создали бы, вероятно, что-нибудь свое, если бы могли, если бы одной учености, если бы одного хорошего знания начал и судеб славянских было достаточно для творчества, для организации»⁵⁰. Сочиняют эти начала как раз народы менее образованные с учетом того, что как раз *«знание и незнание были (до сих пор, по крайней мере) равносильными двигателями исторического развития»*⁵¹.

В ставшем знаменитом заключительными словами 13-м примечании (в первом издании труда «Византизм и славянство») Ле-

онтьев перешел все границы сдержанности, присущей ему как дипломату. В нем он приводит мнение умеренно либерального француза, расположенного к чехам. «Вы не то, что поляки с их возвышенными неосторожностями (*impudences sublimes*); вы выработали у себя, благодаря близости немцев, *tiers-état* (третьему сословию. — Э. З.); ваши добродетели более буржуазны. Зачем же вам необдуманные поступки и слова? Не нужно более поездок в Москву?»⁵². Сказано это было в 1870 г. — в ходе смертоносного для Франции столкновения с Германией. А вот и слова самого Леонтьева: «Я с ним, впрочем, согласен: на кой нам прах эти чехи»⁵³. И человек с таким настроением, впрочем, пользующийся вниманием самого Горчакова, собирался стать консулом в Богемии...

Можно отметить, что «-фобство» Леонтьева не осталось безответным. Рецензируя вышедший в 1885–1886 гг. двухтомник «Восток, Россия и славянство», отечественный публицист Л.З. Слонимский резко критически прореагировал на слова Леонтьева о том, что чехи — европейские буржуа и «честные либералы из честных либералов». «Честность служит едва ли не ругательным словом, с точки зрения автора и подобных ему патриотов»⁵⁴. И этот либерально ориентированный критик был не один — Леонтьева критиковал и славянофил Аксаков.

Второй фрагмент в духе «-фобства»: 10 лет спустя после неудавшейся дипломатической миссии Леонтьева в Прагу он опубликовал крайне злую заметку о «благоразумных чехах» — без единого благоприятного слова о них. Она представляла комментарий на заметку газеты «Le Nord» из Вены. В ней извещалось, что всё тот же ученый доктор Ригер, которого привечали в России, оказался не столь уж враждебным относительно Германии в вопросе о ее влиянии на Балканском полуострове. В то же время этот старочех не одобрял полного вовлечения независимой Сербии в экономическую сферу Империи.

Особенно беспощаден Леонтьев к стилю политической активности, выводимой из чешской ментальности: «Всё это очень благонамеренно, всё это дышит “умеренностью и аккуратностью”... “И волки сыты, и овцы целы”. Но — увы! — мы сознаемся в одном чувстве, не совсем уместном и приличном, когда речь

идет о серьезных вопросах международной политики. Мы сами не знаем, почему эти *чешские дела* наводят на нас какую-то скуку. Есть что-то несимпатичное в крупных претензиях этой небольшой, но многограмотной славянской нации... Есть что-то мелкое в ее колебаниях между *необходимой* Австрией и *этой* Россией, на которую глядят в Праге, вероятно, свысока, но признают весьма пригодною *для легкого устрашения, от поры до времени, своего же немецкого начальства*⁵⁵.

И — в чем-то наиболее ультрапарадоксальное заключение Леонтьева: «Нам кажется, что и чешские бургеры, давным-давно и притом плохо переведенные с немецкого языка на одно из славянских наречий, очень скоро примирились бы с новыми условиями своей жизни... А с другой стороны, и Всеславянство не почувствовало бы глубокого лишения от утраты этой небольшой и более ученой, чем особенно умной нации, и без того самой географией так далеко втиснутой в немецкий *Gesammt-Vaterland* (общее отечество. — Э. З.)! Несколькими сотнями тысяч либеральных мещан будет меньше...»⁵⁶. Получается в целом, что как раз на примере отношения к чехам Леонтьев демонстрирует полнейшее разочарование в славянофильстве (на которое указывал Трубецкой) — без отказа от претензий на панславизм под эгидой византизма. Ибо как раз из «мелкой зыби богемского болотца» не просматриваются перспективы панславизма: станет он зарей восходящего солнца новой культуры или далеким заревом пожара.

Зато просматривается некая установка на балканскую политику Австрии — в надежде на европеизацию этого региона (сегодня уместно было бы говорить, приводя термин К.В. Никифорова, «натоизацию»⁵⁷, уж явно русофобскую). И отношение к ней, кстати говоря, явленное в знаменитом предостережении Достоевского в ноябре 1877 г. о враждебности славян к России — как раз после их освобождения и «вхождения в Европу». Леонтьев и Достоевский встречались позже — в 1879–1880 гг., но труды друга о славянском вопросе ранее читали.

Помимо указанных фрагментов Леонтьев постоянно обращался к образам древней истории чехов: имена Либуше (он писал Любуше) и Пршемысла, Вацлава (Вячеслава) и Иржи из Подебрад (Юрий Подебрадский) встречались в его писаниях достаточно

часто. Они — герои славизма в прошлом, но в настоящем, в статье «Мой исторический фатализм», он пишет: современный панславизм «грозит всё-таки не чем иным, как всё большей и большей и весьма пошлой буржуазной европеизацией; ибо *вся славянская интеллигенция*, — сплошь от Софии и Филиппополя до Праги — с ничтожными оттенками [как] две капли воды похожа на *среднего европейца*»⁵⁸. Но всё же, в первую очередь, это касалось, по его мнению, насквозь «просвещенных» чехов.

Еще в одной статье — «Национальная революция как орудие всемирной революции» — он отмечал: «Воевать с Австрией *желательно*; победить ее необходимо; но *разрушить* ее — избави нас Боже! Она до поры до времени [...] — драгоценный нам карантин от чехов и других уже *слишком* “европейских” славян»⁵⁹.

Леонтьев утверждал, что как раз чехи скорее других могли бы понять и оценить Россию; можно добавить, что это в разное время и в различных формах как раз и происходило. Но, с другой стороны, по убеждению Леонтьева, их бóльшая по сравнению с другими народами образованность и даже пресыщение западничеством носят во многом амбивалентный характер, поскольку многие чехи пропитаны, но не пресыщены европеизмом.

Если обратиться к реалиям начала 2020-х годов и их интерпретациям некоторыми антироссийски настроенными чешскими политиками, аналитиками и публицистами, то достаточно заменить Германию на США, чтобы убедиться: ряд суждений Леонтьева оказались более чем востребованными. То, что им именуется «эгалитарным либерализмом» славянства, под которым можно сегодня понимать приверженность демократическим ценностям и правам человека в духе гавелизма с элементами русофобии, обнаруживается не только у большей части нынешней чешской политической элиты⁶⁰, но в немалой доле у тех, кого Леонтьев идентифицирует как ученых, трудолюбивых и мещански настойчивых чехов.

Продолжающееся издание трудов Леонтьева может выявить и более смягченные оценки «благоразумных чехов» или, по крайней мере, отдельных представителей этого западнославянского народа. И получить более полный ответ на вопросы: Не была ли причиной столь резких суждений своеобразная ностальгия

по Праге? Можно ли отыскать ее в пока не изданных его трудах? В чем секрет злой актуальности его суждения о чехах? Отвечая на них, нужно признать: сегодня недостаточно всего лишь пересказывать положения трудов Леонтьева, требуется их комплексное истолкование с самых различных ракурсов.

Итак, два первых из характеризующих писателей — Лесков и особенно Толстой — в большей мере склонны по отношению к чехам к «фильству». Достоевский проявлял некую осмотрительность в своих оценках. Взгляды же Леонтьева характеризуются крайним «фобством». К сожалению, они оказываются уместными в те времена, когда чешская политическая элита привела страну, вслед за США, в список «недружественных» России стран; позже этот список резко увеличился. И всё-таки, согласно даже Леонтьеву, как раз на «богемском болотце» могут просматриваться вспышки славянского взаимопонимания.

Примечания

- ¹ *Masaryk T.G.* Česká otázka: snahy a tužby národního obrození. Praha, 2011.
- ² *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. С. 73.
- ³ *Задорожнюк Э.Г.* О новом подходе к изучению политического менталитета профессора Н.М. Ракитянского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 102.
- ⁴ *Мещеряков Н., Дурылин С.* «Моя литературная судьба»: Автобиография Константина Леонтьева // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22. С. 427.
- ⁵ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 292.
- ⁶ *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 138; см. также: *Kosik V.I.* Konstantin N. Leontjew: Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident. Weimar, 2022.
- ⁷ *Досталь М.Ю.* Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) // Славяноведение. 2007. № 2. С. 17–31.
- ⁸ *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений (далее — ПСС) в 30 томах. М., 1996. Т. 3. С. 314.
- ⁹ Там же. С. 316.
- ¹⁰ Там же. С. 321.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 322.
- ¹³ Там же. ПСС. М., 1999. Т. 8. С. 187.
- ¹⁴ Там же. Т. 3. С. 329.
- ¹⁵ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в 11 томах. М., 1958. Т. 10. С. 395.

- 16 Там же. С. 410.
- 17 Там же. С. 411.
- 18 Два письма Лескова. Публикация О.Е. Майоровой // Русская речь. М., 1991. № 1. С. 33–34.
- 19 Лесков Н.С. ПСС. М., 1997. Т. 4. С. 273.
- 20 Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова. М., 1984. Т. 2. С. 283.
- 21 Ильинская Т.Б. Образы камней в структуре рассказов Н.С. Лескова // Русская литература. 2009. № 3. С. 6, 23.
- 22 Маковицкий Д. У Толстого // Литературное наследство. М., 1990. Т. 90. Кн. 1–4.
- 23 Там же. Т. 4. С. 138.
- 24 Там же. С. 215.
- 25 Доланский Ю. Толстой в Чехословакии // Толстовский сборник. Тула, 1962. № 1. С. 18.
- 26 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (далее — ПСС) в 90 томах. М., 1955. Т. 80. С. 10.
- 27 Толстой Л.Н. ПСС. М., 1956. Т. 82. С. 14.
- 28 См.: Неудлы З. В Ясной Поляне // Ясная Поляна. Неизвестные страницы (Чешские и словацкие воспоминания о Льве Толстом). М., 2013. С. 116, 119.
- 29 Толстой Л.Н. ПСС. М., 1954. Т. 29. С. 206–207.
- 30 Порочкина И.М. Л.Н. Толстой и славянские народы. Ленинград, 1983. С. 13–16.
- 31 Каутман Ф. Достоевский в XXI веке // Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до модерна. СПб., 2021. С. 631.
- 32 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений (далее — ПСС) в 30 томах. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 322–323.
- 33 Там же. ПСС. Л., 1986. Т. 29. Кн.1. С. 39.
- 34 Там же. С. 50.
- 35 Там же. ПСС. Л., 1982. Т. 24. С. 63.
- 36 Там же. С. 131.
- 37 Там же. ПСС. Л., 1984. Т. 26. С. 78.
- 38 Там же. С. 80.
- 39 Там же. Т. 24. С. 214, 237 и др.
- 40 Там же. С. 253.
- 41 Там же. ПСС. Л., 1984. Т. 27. С. 67.
- 42 Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем (далее — ПСС) в 12 томах. СПб., 2005. Т.7. Кн. 1. С. 334.
- 43 Там же. С. 336–337.
- 44 Там же. С. 96.
- 45 Там же. С. 336.
- 46 Там же. С. 337.
- 47 Там же.
- 48 Там же. С. 338.
- 49 Там же. С. 368.
- 50 Там же. С. 339.
- 51 Там же. С. 339–340.

- 52 Там же. С. 338.
- 53 Там же.
- 54 Цит. по: *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 2020. С. 167.
- 55 *Леонтьев К.Н.* ПСС. СПб., 2006. Т. 7. Кн. 2. С. 219.
- 56 Там же.
- 57 *Никифоров К.В.* Процессы внешнего доминирования на Балканах в 40–90-е годы XX в.: (фашизация, советизация и натоизация) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 395–403.
- 58 *Леонтьев К.Н.* ПСС. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 270.
- 59 Там же. С. 539.
- 60 На сайте нынешнего чешского премьер-министра можно найти следующие его заявления на встрече с канцлером и президентом Германии 5 мая 2022 г. «Мы договорились о совместном проекте по модернизации чешской армии, которая связана с конкретной поддержкой украинских вооруженных сил. Этот проект распространяется и на тяжелую военную технику» (<https://pfiala.cz/aktualita/22684>. Дата обращения: 10.06.2022). Экс-ректор Брненского университета Т.Г. Масарика так вот и сказал. Историкам это ничто не напоминает? К примеру, совместное производство подобных вооружений — тяжелых танков — на чешских заводах в годы Второй мировой войны. Хочешь — не хочешь, а Леонтьеву верить приходится.

У истоков советского славяноведения. Д. Густинчич в секторе славяноведения Института истории АН СССР (1940–1945 гг.)

После победы Октябрьской революции 1917 г. на русскую славистику обрушились гонения. Большевики считали, что славяноведению нет места в Советской России. К началу 1930-х годов были ликвидированы славистические центры и кафедры славистики в высших учебных заведениях СССР. Ученых-славистов обвиняли в реакционном панславизме и монархизме. После прихода к власти фашистов в Германии к этим обвинениям добавились и новые. Так, например, утверждалось, что славянская филология — расистская наука, «льющая воду на мельницу фашистской идеологии»¹. В 1934 г. было открыто так называемое «дело славистов». Ведущих ученых обвинили в принадлежности к мифической «Российской национальной партии», многие из них были арестованы. Произошла почти полная ликвидация организационных структур славяноведения².

Однако по прошествии всего пяти лет славяноведение начинает возрождаться и интенсивно развиваться. В числе факторов, способствовавших этому процессу, прежде всего следует выделить угрозу начала Второй мировой войны и полного уничтожения славянских народов в Европе, что открыто провозглашалось нацистской пропагандой. В Советском Союзе возрос интерес к другим славянским народам, в которых теперь видели потенциальных союзников. Для новой политики советского государства стала характерна тенденция к подъему престижа науки, в том числе и истории, которой отводилась серьезная роль в воспитании молодежи в духе патриотизма. Возрождению славяноведения в значительной мере способствовали и старания ведущих славистов убедить партийное руководство страны в необходимости развития этой науки³.

В начале 1939 г. в Москве были созданы два крупных славистических центра — кафедра истории южных и западных славян в Московском государственном университете (МГУ) им. М.В. Ломоносова и сектор славяноведения в Институте истории АН СССР. Их возглавил видный ученый-славист, член-корреспондент (с 1946 г. — академик) АН СССР Владимир Иванович Пичета (1878–1947). До 1929 г. он был профессором и ректором Белорусского государственного университета, затем, как и многие его коллеги, пострадал от репрессий — был арестован и в 1931 г. на пять лет сослан в Вятку.

Только что созданному сектору предстояло решить немало задач и прежде всего построить советское славяноведение на новых идеологических основах. В статье «К истории славяноведения в СССР», опубликованной в 1941 г. в журнале «Историк-марксист», В.И. Пичета подчеркнул, что возрождение славяноведения в нашей стране возможно только путем резкого отмежевания от «реакционного панславизма» и критического переосмысления «ценного по своему конкретному материалу» буржуазного наследия. К успеху, по его мнению, могли привести лишь «коренной пересмотр всех вопросов, связанных с историей славянства, и постановка новых проблем для научного исследования на основе марксистско-ленинской методологии»⁴. В секторе ощущалась сильная нехватка специалистов. Крупных славистов в результате эмиграции и репрессий в стране осталось мало, а молодые кадры нужно было еще подготовить. В связи с этим к работе в секторе охотно привлекали политических эмигрантов из славянских стран — Чехии, Болгарии, Югославии. В их числе оказался и словенский коммунист Д. Густинчич.

Родился Драготин Густинчич в 1882 г. в словенском Приморье, в крестьянской семье. Получил три высших образования — в Вене изучал сельское хозяйство, в Цюрихе технику, в Женевском университете естественные науки. До Первой мировой войны он работал инженером-агротехником в Любляне, был владельцем технической фирмы. В 1910 г. стал членом Югославянской социал-демократической партии. Годы Первой мировой войны Густинчич провел в эмиграции — в Италии, Сербии и Швейцарии. На родину он вернулся в 1919 г., вступил в Ком-

мунистическую партию Югославии (КПЮ) и до 1931 г. работал в центральном партийном руководстве.

Густинчич был одним из организаторов компартии в словенских землях, и в 1920-е годы его считали главным теоретиком словенского коммунизма, предложившим «революционное решение» национального вопроса в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС)⁵. Он первым из словенских коммунистов выступил против распространенной в то время унитаристской теории и приложил большие усилия к тому, чтобы КПЮ приняла федералистическую программу. Он доказывал, что сербы, хорваты, словенцы и македонцы являются четырьмя исторически сформировавшимися, зрелыми нациями, имеющими право на самоопределение, а не «племенами» единого югославского народа, и выступал за образование балканско-дунайской федерации республик⁶. После введения монархической диктатуры в 1929 г. Густинчич был арестован и посажен в тюрьму, однако в 1931 г. суд в Белграде оправдал его. По освобождении словенский коммунист с семьей перебрался сначала в Вену, а затем в Москву⁷. Он работал инженером-водопроводчиком, одновременно в 1932–1936 гг. преподавал математику и теорию национального вопроса в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), являлся членом Балканского совета Коминтерна. В 1933 г. по заданию Коминтерна он написал на немецком языке книгу «Национальная проблема словенцев» (так и оставшаяся в рукописи), которую современные историки считают самым значительным из теоретических исследований словенских коммунистов по национальному вопросу первой половины 1930-х годов⁸. В этом труде Густинчич отстаивал право словенцев на самоопределение и создание собственного государства — Объединенной Словении, независимой рабоче-крестьянской республики, которая имеет право свободно присоединиться к той или иной федерации народов. Он выступил за создание средневропейской республики, которая объединила бы словенцев с австрийцами и хорватами.

В 1936 г. Густинчич «по партийному заданию» уехал добровольцем на Гражданскую войну в Испанию, где был начальником почтовой службы и цензором в Интернациональной бригаде.

В 1939 г. он вернулся в Москву, работал в Международном аграрном институте, а после его закрытия, в конце 1940 г., попал в сектор славяноведения Института истории АН СССР.

Первая встреча Густинчича с В.И. Пичетой состоялась осенью 1940 г. Словенец описал ее с юмором. Устраиваться на работу в сектор тогда пришли бывшие сотрудники Международного аграрного института — сам Густинчич, Отто Фишер из Граца, участник австрийского рабочего движения 1934 г., «человек умный, но без высшего образования», и третий сотрудник, фамилии которого Густинчич не запомнил. Пичета спросил, какие у них профессии. «Мне показалось, что он удивился», что к нему в сектор прислали инженера-агротехника и корабельного механика, но «был любезен и ничего не сказал», — вспоминал Густинчич. Его приняли в сектор на должность старшего научного сотрудника, и на следующий день он вышел на работу⁹.

У Густинчича, по его словам, сложилось «очень хорошее взаимопонимание» с Владимиром Ивановичем. Он дал ему весьма лестную характеристику: «Пичета, хоть и был очень нервным человеком, являлся чрезвычайно корректным и приветливым начальником, и он превратил сектор славяноведения в настоящую семью научных сотрудников»¹⁰. Сам сектор был небольшим, всего 15–20 человек, и «очень живописным по своему составу». О некоторых его сотрудниках Густинчич написал в воспоминаниях. Так, он упомянул, что в секторе работали З.Р. Неядлы, А.Д. Удальцов и Р.К. Караколов. Член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский (Густинчич ошибочно называет его Богуславским) запомнился ему как специалист по истории южных славян, из которых были тогда известны «только сербы и болгары», и «очень набожный человек», останавливавшийся перед каждой церковью, чтобы перекреститься.

Наиболее подробно Густинчич рассказал о хорвате Штефане (Степане Ивановиче) Зиниче. Он родился в 1896 г. в хорватском селе Вратичко, в крестьянской семье. В 16 лет эмигрировал в США, где много лет работал на фабрике и одновременно получал образование. Он закончил среднюю школу, затем учился «в каком-то частном университете» в Чикаго. Вскоре стал членом югославской компартии и редактором ее органа «Радник» («Rad-

nik»). В 1931 г. переехал в СССР, поступил в Институт красной профессуры¹¹, который закончил в 1934 г. Затем работал в Институте истории, в 1936–1940 гг. был ученым секретарем сектора новейшей истории, в 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию. В годы Великой Отечественной войны Зинич являлся докторантом сектора славяноведения. Густинчич охарактеризовал его как «серьезного научного сотрудника» и очень сожалел о его скоростижной смерти. (В январе 1945 г. Зинич заболел тифом и скончался в московской больнице, так и не защитив написанную им докторскую диссертацию «Иллиризм в 30–40-е годы XIX века»). У него остались жена и трое детей¹².)

Немало теплых слов адресовал Густинчич чехисту Анне Константиновне Целовальниковой, которую считал своим хорошим другом и впоследствии, уже вернувшись в Югославию, поддерживал с ней переписку.

Поскольку места в Институте не хватало, сотрудники работали на дому, но встречались очень часто — на различных заседаниях, где они слушали доклады коллег и аспирантов и высказывали свои замечания. По словам Густинчича, «этот научный метод показал себя очень полезным», особенно для молодежи. Срок аспирантуры составлял три года. В первой половине обучения аспиранты получали четыре задания от научного руководителя и выполняли их, во второй писали диссертацию и получали должность младшего научного сотрудника. Если аспирант «без оснований не заканчивал своей диссертации за три года аспирантуры, он должен был уйти из института и пойти на другую работу». По мнению Густинчича, это было «движущей силой» для молодых ученых¹³. У В.И. Пичеты в то время было пять аспирантов. Густинчич вспоминал, что он «очень старался воспитать будущих сотрудников»¹⁴.

Высоко оценивал словенец и работу профкома Института, особенно то, что члены профсоюза навещали заболевших сотрудников и помогали им, если они в чем-то нуждались¹⁵.

Густинчичу предложили заниматься историей Хорватии и Словении, специалистов по которым в секторе в то время не было, и он энергично включился в работу. Им было написано много очерков, статей, брошюр, кандидатская диссертация. К сожалению

нию, большинство его трудов так никогда и не были опубликованы, и многие из них сейчас уже не представляется возможным отыскать. Сведения о работе Д. Густинчича в секторе мы черпаем из отчетов В.И. Пичеты о деятельности сектора славяноведения, опубликованных А.Н. Горяиновым и М.Ю. Досталь, из монографии М.Ю. Досталь, а также из неопубликованных воспоминаний самого Густинчича, хранящихся в библиотеке Словенской академии наук и искусств в г. Любляне¹⁶. К тому же, в нашем распоряжении, помимо опубликованных им в советских журналах статей, имеется текст его диссертации, находящийся в личном архиве его сына Или Густинчича¹⁷.

В январе 1941 г. Густинчич для журнала «Историк-марксист» написал статью «Национальное движение словенцев накануне и в период Первой мировой империалистической войны», которую рецензент, один из лидеров Коммунистической партии Болгарии и член Исполкома Коминтерна Василий Коларов резко раскритиковал. Густинчич посчитал его критику некомпетентной, поскольку, по его словам, «сам Коларов словенцев знал только по названию», а Югославия для него ассоциировалась с «Великой Сербией»¹⁸. Статью, вероятно, так и не опубликовали.

После нападения Германии на СССР одной из приоритетных задач гуманитарных наук стало разоблачение фашизма и воспитание чувств патриотизма и солидарности различных народов в борьбе против него. Советские слависты были призваны содействовать сплочению славянских народов и показывать в своих работах, что они внесли немалый вклад в историю человечества. Поскольку знали о югославах мало, сектор получил задание — «в кратчайшие сроки написать несколько маленьких брошюр о югославских народах и их политических условиях»¹⁹. Густинчичу поручили написать брошюру о словенцах. Он вспоминал: «Задача была нелегкой, т.к. в Москве я не нашел необходимой мне литературы», поэтому «в моем распоряжении было только то, что я привез из Словении, и своя голова»²⁰.

Его брошюра «Словения под игом Гитлера и Муссолини» была опубликована в августе 1941 г.²¹. В ней Густинчич дал краткую характеристику словенских земель и народа, очерк истории и культуры словенцев и их национально-освободительного

движения, рассказал о положении славян в Италии при фашистах, о разделе Словении между Германией и Италией во время Второй мировой войны. Он постарался доказать, что словенцы являются зрелым высококультурным народом и имеют собственные традиции. Существенно, что в этом труде Густинчич впервые в советском славяноведении дал характеристику особенностей жизни словенцев, оказавшихся после Первой мировой войны за пределами Югославии. В завершение он высказал убежденность, что словенцы вместе с СССР и другими народами поднимутся на борьбу с фашистскими захватчиками за свое национальное освобождение и «фашизм будет разгромлен»²². Брошюру очень быстро раскупили, несмотря на большой тираж (150 тыс. экземпляров), и уже через две недели после ее выхода автор не смог купить себе дополнительный экземпляр²³.

На научной сессии Отделения истории и философии АН СССР 23 сентября 1941 г. Густинчич выступил с докладом «Югославия и гитлеровская Германия»²⁴, в котором развил идеи солидарности всех югославских народов и Советского Союза в борьбе против фашизма.

В том же ключе написаны еще как минимум две опубликованные работы Густинчича. Статья «Словенцы (историческая справка)», фактически представлявшая структурированную выжимку из вышеупомянутой брошюры, вышла в «Историческом журнале» в 1942 г.²⁵. Статья «Традиции боевого единства народов Югославии» была напечатана в журнале «Славяне» в 1943 г.²⁶. В ней автор рассмотрел особенности развития национально-освободительных движений сербов, хорватов и словенцев с конца XVIII в., когда Балканы стали «узловым пунктом скрещения всех политических интересов великих европейских держав»²⁷. В конце статьи, описав зверства фашистов в Югославии, Густинчич выразил уверенность в том, что с помощью Красной армии и ее союзников югославский народ создаст «прочное боевое единство всех южных славян» «и восстановит свою Югославию, завоеванную кровью на протяжении многих десятилетий самоотверженной борьбы»²⁸. Все рассмотренные статьи не относились к ряду фундаментальных исторических исследований, скорее они имели публицистический и пропагандистский характер. Однако

в них содержалось много ценных и в то время не известных советскому читателю сведений об истории и культуре словенцев, хорватов и сербов.

Осенью 1941 г. по заданию В.И. Пичеты Густинчич приступил к написанию брошюры «Борьба хорватского народа за свою национальную свободу». После ее завершения Владимир Иванович одобрил достаточно обширную рукопись (64 машинописные страницы), однако предложил внести в нее некоторые дополнения. Густинчич выполнил рекомендации руководителя сектора, но тем не менее издать брошюру не удалось. Автор так и не узнал, почему — «из-за военных условий, а, может, и по другим причинам»²⁹. Пичета посоветовал ему на основе этого труда написать обширный очерк истории хорватского народа, еще мало изученной в СССР. Хотя в московских библиотеках было мало источников для этой работы, Густинчич собрал всё, что смог, и написал книгу, состоящую из пяти глав и охватывавшую историю хорватов начиная с древнейших времен и заканчивая современным периодом оккупации. В работе он предложил новую периодизацию истории Хорватии в марксистском ключе, делая главный упор на этапы ее социально-экономического развития. Сектор рекомендовал очерк к печати, однако рецензент академик Н.С. Державин выступил против этого решения, раскритиковав рукопись. По мнению Густинчича, из-за того, что они не сошлись во мнениях по вопросу о происхождении славян (Державин поддерживал теорию Н.Я. Марра о том, что они произошли от готов и этрусков, а Густинчич считал ее неверной). Этот труд так и не был опубликован³⁰.

Труды Густинчича по национальному вопросу в Югославии произвели благоприятное впечатление на Пичету. Он отметил образованность и широкий кругозор словенского коммуниста, а также разнообразие интересующих его тем и проблем и предложил ему разработать какие-нибудь из них более глубоко и написать кандидатскую диссертацию. «Драготин Степанович, разве то, что у Вас нет академической степени, не является упущением для Вас и для нашей работы? ... Вам не нужно будет разрабатывать темы, положенные для первой ступени [аспирантуры. — Л. К.], и сдавать экзамены, поскольку вы выполнили

уже значительно больше заданий, чем мы требуем от наших аспирантов. Вы потом заняли бы у нас другое положение ... Подумайте! Для Вас это было бы не трудно», — убеждал Пичета словенца³¹. От сдачи кандидатских минимумов его действительно освободили. Густинчич принял решение подготовить исследование по давно интересовавшей его теме о южнославянских социал-демократических конференциях 1909–1915 гг. Он являлся непосредственным свидетелем тех событий, был лично знаком со многими южнославянскими социал-демократами, и в целом его отношение к их взглядам и политике уже сформировалось. Нужные ему материалы, по совету Пичеты, он нашел в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Там ему удалось ознакомиться с важными источниками по истории южнославянских социал-демократических партий (прежде всего, болгарской), на основании которых он, по его словам, смог выявить причины разногласий между балканскими социал-демократами, разрушивших их сотрудничество именно тогда, когда оно было «более всего необходимо» — накануне и во время Первой мировой войны. К тому моменту, когда Институт истории начал готовиться к эвакуации из Москвы, Густинчич уже в основном собрал материалы для будущей диссертации.

Осенью 1941 г. Густинчич с младшим сыном Илией отправился в Ташкент, куда эвакуировали сектор славяноведения. После вынужденного трехнедельного пребывания в Алма-Ате, он наконец прибыл на место накануне нового, 1942 года. «Мои сотрудники мне очень обрадовались, поскольку ... не знали, что со мной и куда я делся. Боялись, что со мной случилось что-то плохое»³², — вспоминал он с теплым чувством. Сотрудников Института истории разместили в здании бывшей балетной школы. Кроватей было мало, многим приходилось спать на полу на одеялах и своих вещах. Но, как пишет Густинчич, «мы были счастливы, что имели крышу над головой». Для работы сектору славяноведения выделили большую комнату со столами и стульями, там коллеги и работали большую часть дня³³. К счастью, Густинчич взял с собой материалы для диссертации, собранные в Москве. Его «ничто не отвлекало, кроме разговоров с сотрудниками и совещаний, которые только шли на пользу». Столовая

находилась в том же здании. Сотрудники по очереди контролировали закупки, приготовление и распределение пищи. Жили они впроголодь. («Порции были настолько малы, что каждый мог бы съесть в три раза больше».) А каждый день в семь часов вечера все собирались в вестибюле возле столовой, где был радиоприемник, и «нервно и нетерпеливо ожидали военных сообщений. Почти всегда они были мало оптимистичными и неуспокоительными». Когда радиопередачи заканчивались, все тихо и молча расходились. 20 ноября 1942 г. пришли известия о начале наступления Красной армии под Сталинградом, и после этого все воспряли духом³⁴.

В ноябре 1942 г. Густинчич заболел крупозным воспалением легких, которое свалило его на шесть недель³⁵. Однако уже в середине февраля 1943 г. он представил Пичете готовую диссертацию, защита которой состоялась 5 апреля. В воспоминаниях он не указал, на каком языке она была написана. По-видимому, на немецком, ведь на русский язык ее перевела сотрудница сектора Л.В. Разумовская, занимавшаяся вопросами немецкой колонизации Польши.

К сожалению, исходного текста диссертации не найдено. Однако в 1958 г., уже в Любляне, Густинчич вновь вернулся к этой работе, перевел ее на словенский язык и существенно дополнил новыми материалами. Опубликовать ее ему так и не удалось. Его сын Илия в 2010 г. передал копию этой диссертации словенскому историку Юрию Перовшеку, который в то время занимался исследованием взглядов словенских коммунистов по национальному вопросу в 1920–1930-е годы. Он практически не использовал этот материал в своих трудах, а в 2017 г. передал копию диссертации автору этих строк.

Название словенского варианта диссертации — «К истории национального вопроса на Балканах» (в отчетах Пичеты она фигурировала как «Балканский союз»). Первые пять глав, а также главы семь и восемь Густинчич оставил без изменений, а шестую существенно доработал и написал к диссертации новые введение и заключение. В целом, по словам самого Густинчича, в словенском варианте диссертации он не изменил выводы своего первоначального исследования, но серьезно расширил его

источниковую базу, используя материалы, которые стали ему доступны в послевоенной Югославии³⁶.

В диссертации Густинчич рассмотрел все главные теории по национальному вопросу южнославянских социал-демократов в 1908–1915 гг. и подверг их марксистской критике. В центре его исследования — работа и резолюции трех социал-демократических конференций: Тиволийской (Любляна, 1909 г.), Белградской (январь 1910 г.) и Бухарестской (1915 г.). По мнению Густинчича, они проходили в переломный для южных славян период, когда их национальное движение приобрело такой размах, что стало фактором европейской политики. Но южнославянские социал-демократы не сумели использовать благоприятные обстоятельства. Если бы они в то время не вели неправильную политику и не недооценивали важность национального вопроса, «пролетариат в балканских странах не пережил бы таких поражений и унижений после войны»³⁷.

В первых трех коротких главах Густинчич дал общую характеристику развития национально-освободительного движения южных славян, их экономического развития, рабочего движения накануне Первой мировой войны, а также империалистической политики Австро-Венгрии на Балканах. В четвертой главе он рассмотрел работу Тиволийской и Белградской конференций, тщательно проанализировав их резолюции по национальному вопросу. Тиволийская конференция (болгары в ней не участвовали) призвала к культурному и политическому объединению всех южных славян, на Белградской была выдвинута идея создания Балканской федерации — союза свободных балканских республик, призванного разрешить национальные и социальные проблемы. По мнению Густинчича, принципиальных расхождений в резолюциях этих двух конференций не было. Создать новый народ и новое государство они планировали реформистским путем, и главную роль в решении национального вопроса участники конференции отводили буржуазии³⁸.

В пятой главе были рассмотрены взгляды на национальный вопрос теоретиков научного социализма и социал-демократических реформистов (К. Реннера, В. Адлера, К. Каутского). Шестая глава, наиболее обширная, посвящена анализу национальных

теорий южнославянских социал-демократов. Судя по всему, она была существенно доработана Густиничем в 1958 г., когда он уже мог оперировать более широким кругом источников, поэтому сейчас не представляется возможным выделить исходный текст, написанный в 1943 г. В седьмой главе Густинич проанализировал решения Балканской социал-демократической конференции в Бухаресте в 1915 г., на которую югославы Австро-Венгрии приглашены не были. Там возобладала идея болгарских тесняков (членов Болгарской рабочей социалистической партии тесных социалистов) и их лидера Д. Благоева о создании федерации всех народов Балканского полуострова, включая греков и румын. Автор считает, что ее характеризовала «узкая сектантская замкнутость на тесных рамках Балканского полуострова»³⁹.

В восьмой главе Густинич критически оценивает национальную политику лидеров балканских социал-демократических конференций, выделяя в ней три направления: 1) словенские и хорватские австромарксисты; 2) болгарские тесняки; 3) сербские социал-демократы во главе с Д. Тузовичем. По его мнению, принципиальных различий в понимании национальных проблем между первыми двумя «реформистскими» группами не было, их взгляды различались только по вопросу о составе будущего объединения. Единственно верную позицию занимал Д. Тузович, выступавший за право наций на самоопределение и за объединение всех южных славян⁴⁰. Наконец, в краткой девятой главе дается критика статьи болгарского политэмигранта, историка Христо Кабакчиева, также являвшегося сотрудником сектора славяноведения, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1934 г., в которой он рассматривает политику тесняков на балканских конференциях и во многом выражает несогласие с позицией Д. Благоева. По мнению Густинича, анализ ситуации Кабакчиевым не был достаточно полон и верен, поскольку он продолжал настаивать на правильности выдвижения тогда лозунга «Балканской демократической федеративной республики»⁴¹.

Крупнейшими ошибками южнославянских социал-демократов Густинич считал следующие: 1. Они не видели в национальном движении «широкого массового крестьянского народно-

освободительного движения». 2. Отказавшись от собственной народно-освободительной политики, они предоставили ее проведение буржуазии и не смогли возглавить вместо нее народные массы. 3. Не понимали важности решения крестьянского вопроса и ликвидации феодальных пережитков. 4. Не верили в революционность народных масс⁴². Причины этих ошибок Густинчич видел в молодости и малочисленности партий, их теоретической слабости и стремлении «идти вслед за признанными авторитетами». Он подчеркнул значение конференций как «первой попытки объединения балканского пролетариата» и вместе с тем указал на их неспособность осуществить это объединение⁴³.

Если не акцентировать внимание на естественных для историков-марксистов того времени идеологических установках (тут следует учитывать и то, что Густинчич прежде всего был политиком) и недостаточности источниковой базы, то эта работа производит впечатление добротного и серьезного исторического исследования. Следует отметить широкий кругозор и эрудицию автора, а также его способность охватить большой круг разнообразных проблем. Материал изложен четко, логично, при рассмотрении взглядов южнославянских социал-демократов на национальный вопрос вычленены характерные особенности идеологии каждого из них. Общий тон работы весьма сдержанный, критику их позиций Густинчич проводит достаточно корректно. Его исследование и сейчас может представлять интерес для историков, в том числе и как выражение взглядов современника тех событий.

Возвращаясь в 1943 год, отметим, что защита диссертации Густинчича в Ташкенте в разгар войны стала заметным событием в жизни города. Ее текст был представлен для ознакомления всех желающих за три недели до защиты⁴⁴. На защите, состоявшейся, как уже отмечалось, 5 апреля, присутствовали 12 докторов наук (членов Ученого совета), два оппонента — В.И. Пичета и к.и.н. Розенберг, сотрудники сектора, а также много не известных диссертанту людей. Вопросы ему мог задать каждый присутствующий. Густинчич вспоминает: Пичета «с большим воодушевлением говорил о моей диссертации и лично обо мне, о моем знании марксизма-ленинизма». Высокую оценку диссертации

дал болгарский профессор Ташкентского медицинского института Цветко А. Кристанов, знакомый Густинчича со времен Гражданской войны в Испании. Он хорошо знал события и людей, о которых писал словенец, и подтвердил правильность данных им характеристик. Густинчич был убежден, что его диссертация «открывала новые перспективы для решения национального вопроса на Балканах в будущем», поэтому ее «защита вылилась в настоящую манифестацию в поддержку южнославянских и балканских народов»⁴⁵.

По возвращении в Москву Густинчич продолжал работать в секторе славяноведения. После защиты диссертации его «положение улучшилось»: зарплата увеличилась, стало проще получать подработки. Пичета предложил ему место преподавателя сербско-хорватского языка на своей кафедре в МГУ, и он стал вести занятия со студентами.

В отчетах В.И. Пичеты о работе сектора славяноведения за 1944 год приводится перечень работ, выполненных Густинчичем⁴⁶. Он подготовил и прочитал на заседании сектора доклад «Балканский союз и Россия», по мнению Пичеты, «интересное исследование около 3 п.л., основанное на тщательном изучении официальных документов, а также современной печати различных партийных направлений». Эта работа была написана для так и не опубликованного сборника «Россия и южные славяне». По истории Словении Густинчич написал около 4,5 п.л., но работа его не была закончена «за отсутствием материалов в библиотеках». Кроме того, в 1944 г. им были подготовлены: брошюра «Югославия» — географическо-экономическо-исторический очерк, более 20 статей для иностранных газет, доработана брошюра «Хорваты и национальная их политика» (3 п.л.). Пичета упоминает и о написании Густинчичем в первой половине 1944 г. статьи «Традиции совместной борьбы чехов и южных славян». Еще он сдал в издательство Академии наук «Историю Хорватии», но и она не была напечатана. Кроме того, Густинчич перевел на словенский язык «ряд важнейших документов» — приказы Сталина, Конституцию СССР и др. Также он проводил большую общественную работу — исполнял обязанности профорга (профсоюзного организатора) сектора, читал лекции о Югославии

в партийном кабинете в Кунцеве и в Лефортовской больнице, активно участвовал в деятельности Всеславянского комитета.

Весной 1944 г. Д. Густинчичу и черногорскому коммунисту, сотруднику радиостанции «Свободная Югославия» В. Влаховичу было дано задание написать для Политиздата брошюру о Югославии объемом 4–5 п.л. Влахович вскоре отказался от этой работы, ссылаясь на нехватку времени. Густинчич сам написал брошюру и в октябре заключил договор с издательством, однако вскоре получил уведомление от его руководства, в котором говорилось, что его работа не будет издана — вместо нее опубликуют брошюру русского автора. Однако 60 % гонорара он всё же получил. Брошюру о Югославии, напечатанную вместо его труда, Густинчич оценил негативно, отметив, что это был чисто пропагандистский, популяризаторский текст «без какого-либо глубокого экономического, исторического и политического анализа». Но на этом история с брошюрой Густинчича не закончилась. Через месяц ему позвонила секретарь Всеславянского комитета и предложила выкупить у него брошюру за ту цену, которую он получил бы, будь она издана. Собранные в ней материалы потребовались сотруднику комитета, собиравшемуся в США, для пропаганды среди югославянской эмиграции. Густинчич отказался продать свою брошюру, и тогда ему пригрозили, что его поступок будет разбираться в партии. Однако словенский коммунист не пошел на уступки⁴⁷.

Брошюра о Югославии стала последним научным исследованием, написанным Густинчичем во время его работы в секторе славяноведения. На 1945 год планировалось написание им работы «Балканские войны 1912–1913 гг.» объемом 8–10 а.л.; считалось, что это «тема первостепенной научной важности»⁴⁸. Но эти планы так и не осуществились — весной 1945 г. Д. Густинчич уехал на родину. В.И. Пичета с грустью констатировал, что сектор лишился крупного специалиста, ценного научного сотрудника⁴⁹.

Вернувшись на родину, Густинчич стал деканом и профессором на экономическом факультете Люблянского университета. В 1948 г. он поддержал политику Сталина и резолюцию Информбюро «О положении Компартии в Югославии», исключившую

КПЮ из международной коммунистической организации, что привело к полному разрыву отношений между СССР и Югославией. Последовали репрессии: Густинчича исключили из партии, и с 1948 по 1951 г. он отбывал наказание в лагере на Голом Отоке. В 1951 г. 69-летнего Густинчича, здоровье которого сильно пошатнулось, выпустили на свободу. Ему вернули партийный билет, но в политику и на работу возврата уже не было.

Словенец Драготин Густинчич внес свою, и немалую, лепту в становление славяноведения в СССР. Естественно, эта наука в 1940-е годы могла развиваться исключительно в русле марксистско-ленинской идеологии. В этом ключе и рассматривал Густинчич историческое развитие своего народа. Высокообразованный и талантливый, он не был историком по профессии, однако его исторические исследования написаны на достаточно высоком уровне. Словенский коммунист обладал широким кругозором и эрудицией, что позволило ему создавать труды по истории не только словенцев, но и хорватов, сербов, чехов. Густинчич стал первым специалистом в СССР по словенской истории. Советская общественность в то время почти ничего не знала о словенцах, в нашей историографии еще даже не было устойчивого названия этого народа. Примечательно, что в начале своей статьи «Словенцы» Густинчичу пришлось сделать примечание, что «словенцев, даже в научной литературе, часто неправильно называют словаками», и далее отметить, что это два разных народа, и еще объяснить, что называть словенцев «словенами» «является также неправильным»⁵⁰. Введенные Густинчичем в научный оборот географические названия словенских областей и городов до сих пор используются историками-словенистами.

Примечания

- ¹ *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М.: Индрик, 2009. С. 36.
- ² *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С. 70–71.
- ³ *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... С. 49.

- 4 Пичета В.И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. М., 1941. № 3. С. 62.
- 5 Klopčič F. Desetletja preizkušenj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980. S. 343.
- 6 Ibid. S. 139.
- 7 Подробнее см.: Кирилина Л.А. Словенский коммунист Драготин Густинчич в Москве // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 316–338.
- 8 Perovšek J. Gustinčičev Das nationale Problem der Slowenen // Samoodločba in federacija. Slovenski komunisti in nacionalno vprašanje 1920–1941. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2012. S. 197.
- 9 Gustinčič D. Spomini (rokopis). III knj. Moja tretja emigracija. IV poglavje. Zopet v Sovjetski zvezi. Ljubljana, 1959–1964. S. 24 / Biblioteka Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana. Šk. R 105/II.
- 10 Ibid. S. 29.
- 11 Специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах (1921–1938 гг.). Был преобразован в Высшую школу марксизма-ленинизма.
- 12 Gustinčič D. Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 26–26 а.
- 13 Ibid. S. 27.
- 14 Ibid. S. 26.
- 15 Ibid. S. 28–29.
- 16 Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 97–144; Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла...; Gustinčič D. Spomini (rokopis).
- 17 Gustinčič D. Prispevek k zgodovini narodnega vprašanja na Balkanu. (Dissertacija). Moskva, 1941 — Taškent, 1943 — Ljubljana, 1958 // Личный архив И. Густинчича.
- 18 Ibid. S. 29–31.
- 19 Ibid. S. 38–39.
- 20 Ibid. S. 39.
- 21 Густинчич Д. Словения под игом Гитлера и Муссолини. ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
- 22 Там же. С. 24.
- 23 Gustinčič D. Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 39.
- 24 Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... С. 166.
- 25 Густинчич Д. Словенцы (историческая справка) // Исторический журнал. М., 1942. № 3. С. 155–159.
- 26 Густинчич Д. Традиции боевого единства народов Югославии // Славяне. М., 1943. № 7. С. 35–37.
- 27 Там же. С. 35.
- 28 Там же. С. 37.
- 29 Gustinčič D. Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 40.
- 30 Ibid. S. 44.
- 31 Ibid. S. 47.
- 32 Ibid. S. 64.
- 33 Ibid. S. 65.

- ³⁴ Ibid. S. 74–75.
- ³⁵ Ibid. S. 68–70.
- ³⁶ *Gustinčič D.* Prispevek k zgodovini narodnega vprašanja na Balkanu. S. 2.
- ³⁷ Ibid. S. 3–4.
- ³⁸ Ibid. S. 33–34, 36–37.
- ³⁹ Ibid. S. 103.
- ⁴⁰ Ibid. S. 127–128.
- ⁴¹ Ibid. S. 143–148.
- ⁴² Ibid. S. 132–137.
- ⁴³ Ibid. S. 141–142.
- ⁴⁴ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 71.
- ⁴⁵ Ibid. S. 72.
- ⁴⁶ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения... С. 116, 119, 142.
- ⁴⁷ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 83–87.
- ⁴⁸ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения... С. 121.
- ⁴⁹ Там же. С. 123.
- ⁵⁰ *Густинчич Д.* Словенцы. С. 155.

Изучение истории сталинизма в Восточной Европе в Институте славяноведения РАН (1980–2010-е годы)

Т.В. Волокитина:
О нашем Центре и не только о нём

Термин «сталинизм» возник и закрепился в общественных науках в начале 1990-х годов, в ходе российской «перестройки», когда шли бурные дискуссии в науке и обществе вокруг истории страны. До сих пор существует множество дефиниций этого феномена. Наиболее распространенное толкование принадлежит политологам: тоталитарный государственный режим с такими родовыми признаками, как административно-командная система управления, жесткая репрессивная политика, небрежение законом, попрание прав личности¹. Сегодня отечественные обществоведы изучают сталинизм также и как систему ставших руководством к действию идеологических канонов, психологических установок и даже норм поведения. Применительно к истории Восточной Европы все эти характеристики включены в понятие «советская модель социализма». Она реализовывалась в регионе, вошедшем в сферу влияния СССР после Второй мировой войны. Изучение восприятия и усвоения советской модели в национальных историографиях позволяет хронологически выделить несколько этапов: 1) поздний сталинизм (1949–1953 гг.); 2) первые попытки либерализации политических режимов после смерти И.В. Сталина (1953–1955 гг.); 3) десталинизация под влиянием XX съезда КПСС (1956 г.); 4) вторая волна десталинизации

(начало 1960-х годов); 5) советская модель, действовавшая в модификационных вариантах вплоть до крушения коммунистических режимов в Восточной Европе.

Соотнося эту условную периодизацию с изучением послевоенного сталинизма российскими учеными, следует отметить, что для них точкой отсчета явился доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде партии, после чего последовала антисталинская кампания начала 1960-х годов. Развернувшаяся в годы перестройки исследовательская работа поначалу велась, главным образом, силами философов и политологов. При всем уважении к проделанной ими работе следует признать, что характерный для коллег принцип «абстрактно-общего», безусловно, способствуя осмыслению социально-политических процессов, не позволял, однако, воссоздать полную картину конкретно-исторического развития. Свое слово предстояло сказать историкам, и их час пробил в первой половине 1990-х годов, когда в России началась «архивная революция». К тому времени, на рубеже 1980-х — 1990-х годов, в странах советского блока под антикоммунистическими лозунгами происходили перемены в характере власти, развернулась научная полемика вокруг оценок социалистического прошлого, роли в нем советского политического руководства и лично Сталина, и в научный обиход вошел собирательный термин «советский фактор». Процесс восстановления исторической правды сопровождался не только развенчанием старых мифов, но и новым мифотворчеством, обусловленным, по образной оценке одного из российских журналистов, «болезнью бесконечной радости разоблачения»².

Историографические дискуссии по послевоенной истории стран Восточной Европы выявили острую потребность в новой источниковой базе исследований. Понятно, что с особым вниманием научная общественность ждала появления на источниковом «поле» документов российских архивов. Один из авторитетных американских историков «холодной войны» проф. Йельского университета Джон Гэддис отмечал, что без знания этих документов трудно что-либо понять в послевоенной истории восточноевропейского региона, разобраться в мотивации действий советских руководителей³. Отметим чрезвычайную важность этого тезиса.

Новая геополитическая ситуация напрямую отразилась и на развитии исторической науки. В начале 1990-х годов в Варшаве, Праге, Бухаресте и Будапеште были созданы специальные исследовательские структуры по изучению послевоенной истории Восточной Европы на принципиально новой документальной основе. Формировались и приступали к активной деятельности аналогичные научные подразделения и в России, в структуре РАН: Центр по изучению холодной войны в Институте всеобщей истории, Центр по истории внешней политики и международных отношений в Институте российской истории. Не остался в стороне и наш Инслав: в 1992 г. в нём был создан Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе, руководство которым дирекция Института возложила на Г.П. Мурашко (1932–2018). Выбор был исключительно удачным. Галина Павловна была известна в научном сообществе как высокопрофессиональный ученый-славист, авторитетный специалист по истории Чехословакии, автор многочисленных трудов. От многих коллег её отличали ценнейшие для исследователя качества — особое «чутье» на актуальные и перспективные научные проблемы и четкое представление о путях их разрешения. К тому времени уже сложилось понимание необходимости приступить к переосмыслению послевоенной истории стран советской сферы влияния — Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, что вело к фактическому изменению всей исследовательской парадигмы. Понимая, что на старой источниковой базе решить эту задачу невозможно, Галина Павловна предложила заняться выявлением и введением в научный оборот оригинальных документов. Трудная и кропотливая работа в архивах на несколько лет определила ключевое направление деятельности Центра. А примером увлеченности делом, ответственности и неподдельного интереса стала его руководитель. Следует отметить, что определенный задел у сотрудников имелся: в конце 1980-х годов, когда в секторе истории народно-демократических и социалистических революций и социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы шла работа над монографией «Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг.» (1993),

специально под готовившийся труд Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) рассекретил документы референтур МИД по вышеупомянутым странам. Материалы из коллекций АВП РФ стали «первой ласточкой».

Книга находилась в издательстве, когда открылись ранее не доступные исследователям фонды ЦК ВКП(б), хранившиеся в нынешнем Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а в Государственном архиве РФ (ГА РФ) были рассекречены некоторые готовившиеся для И.В. Сталина и В.М. Молотова материалы секретариата НКВД/МВД СССР. В Центре началась интенсивная работа по выявлению, отбору и подготовке к изданию двухтомника «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.» (отв. ред. Г.П. Мурашко). Публикация увидела свет в 1997–1998 гг. В неё вошли 645 документов объемом более 113 п.л. Помимо сотрудников Центра, в отборе документов и написании комментариев принимали участие д.и.н. Т.М. Исламов, д.и.н. Н.Д. Смирнова, к.и.н. А.С. Стыкалин. Следующий этап работы — подготовка публикации документов «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы» (отв. ред. Т.В. Волокитина) (1999, 2002). В двухтомнике представлены 549 документов. Объем превысил 112 п.л. Среди них — впервые — уникальные «Особые папки» и записи бесед Сталина с политическими и государственными деятелями стран региона, фрагменты его шифрпереписки с советскими послами и лидерами стран. Впервые были опубликованы материалы Государственного комитета обороны с рабочими пометами и правкой Сталина по внутривнутриполитическим, экономическим и военным вопросам Венгрии, Польши, Румынии, Югославии, Чехословакии. Более 50 документов предоставил нам АП РФ — Архив Президента РФ (фонды Сталина и международного коммунистического движения). Позднее фонд Сталина был передан в РГАСПИ, что, к сожалению, отнюдь не упростило решение вопроса о доступе к ценным источникам.

На этом этапе в Центре был подготовлен ряд проблемно-страноведческих сборников документов: «НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» Сталина)» (отв. ред. А.Ф. Носкова) (1994) [Во второе, расширенное издание — «Из Варшавы. Москва, то-

варищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг.» (2001) — вошли также документы о ситуации в Западной Белоруссии, на Западной Украине и в Литве)]; «Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. (отв. ред. Т.А. Покивайлова) (1998); «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов» (отв. ред. Т.М. Исламов) (2000).

В постсоциалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы эти публикации были встречены с большим интересом: включенные в сборники «национальные» коллекции материалов были переведены на румынский, польский, венгерский языки и изданы в Бухаресте, Варшаве, Будапеште⁴. В 2001 г. большую подборку опубликованных документов по проблеме национально-территориальных противоречий в регионе поместил выходящий в Лондоне журнал *Cold War History* («История холодной войны»)⁵.

К сожалению, не обошлось без научного «пиратства»: в 2005 г. в Софии в издательстве РТ Агенция появился сборник «Болгария в секретном архиве Сталина: от правительства Кимона Георгиева до смерти Сталина. Документы, письма, ноты, телеграммы, протоколы, стенограммы»⁶. Перепечатав без ведома российской стороны опубликованные нами документы 1944–1953 гг., в том числе из Архива Президента РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ, Архива внешней политики РФ и др., а также и ряд авторских комментариев, болгары фактически приписали себе выявление и введение в научный оборот оригинальных материалов, нарушив все этические нормы и общепринятые правила републикации источников. Консультировал издание и предпослал ему краткое обращение «К читателям» известный журналист д-р Димитр Генчев, ранее изучавший проблемы европейской социал-демократии; «за оказанное содействие» благодарности болгарских публикаторов удостоился некий Олег Иванов. Любопытно, что адрес РТ Агенции не был указан, а распространением книги занималась госпожа Жени Хаджииванова. Ну, да пусть вся эта некрасивая история останется на совести софийских коллег...

Участие сотрудников Центра в дискуссиях на российских и международных научных форумах, в том числе в Польше, Болга-

рии, Румынии, Чехословакии, США, выступления на заседаниях двусторонних комиссий историков и архивистов, публикации в отечественных и зарубежных изданиях подтвердили своевременность и актуальность публикаторской деятельности. Поэтому её логическим продолжением стало издание двухтомника «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов» (2009) (отв. ред. Т.В. Волокитина). Исследователи получили в свое распоряжение 543 документа объемом 132 п.л., но реально число опубликованных документов было бóльшим, поскольку значительная часть оригинальных материалов полностью была включена в научные комментарии.

Кратко подытоживая публикаторскую работу Центра (а это, по скромным подсчетам, примерно 1500 введенных в научный оборот оригинальных документов), важно отметить, что отраженные в многотомниках вопросы политической истории региона в целом укладываются в русло научной проблемы его «советизации». Дискуссии на эту тему в российской историографии оказались адекватными спорам, которые велись и на Западе, где постревизионистам (Мэлвин Леффлер, Арнольд Оффнер) противостояли нео-традиционалисты (Джон Геддис). Новая источниковая база позволяла ученым работать в едином «историографическом пространстве» и совместными усилиями реконструировать послевоенное прошлое Восточной Европы. Безусловно, различие позиций российских и западных историков в интерпретации источников сохраняется, но объективные западные исследователи (например, американский историк Норман Неймарк) не считают эти различия непримиримыми⁷.

Важно отметить, что коллектив Центра не ограничивался изданием документов: им был избран принцип сочетания подготовки публикаций с исследовательской работой. В серии «Москва и Восточная Европа» были опубликованы: монография «Становление политических режимов советского типа. 1944–1953 гг.» (2002) (второе издание издательство РОССПЭН предприняло в 2008 г. в серии «История сталинизма») и очерки «Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-х — 50-х годов XX века» (2008). Обращаясь к наименее изученным проблемам, авторы сосредоточились на формировании нового правящего

слоя — партийно-государственной номенклатуры, оформлении и функционировании механизма государственной власти, введении ответной информационной блокады региона от Запада и переориентации средств массовой информации на Москву, политических репрессий в обществе и в правящих коммунистических партиях, складывании и деятельности института советских советников и отношении к нему национальных партийно-государственных элит. Читателям была предложена авторская концепция политического развития стран региона, позволявшая ответить на вопрос, были ли сложившиеся в Восточной Европе к 1953 г. авторитарно-тоталитарные режимы аналогами советского строя? В 2008 г. свет увидела и монография Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой «Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы». В апреле 2022 г. после длительной организационной стадии, занявшей более 10 лет, книга была опубликована на румынском языке⁸.

Помимо сотрудников Центра проблематика сталинизма в нашем Институте привлекала и продолжает привлекать внимание и других исследователей. Особо следует назвать Л.Я. Гибанского, А.С. Аникеева, А.Б. Едемского, А.С. Стыкалина.

Л.Я. Гибанский внес заметный вклад в новое прочтение дипломатической истории Второй мировой войны; в начале 1990-х годов участвовал в международных проектах по публикации документов Коминформа⁹, изучению «холодной войны» и такой её важной составляющей, как национально-территориальные противоречия (Триестский и македонский вопросы). Им и А.С. Аникеевым было вложено немало усилий в освоение и интерпретацию новых документов, посвященных советско-югославскому конфликту 1948–1953 гг.

А.С. Аникеев, автор монографии «Как Тито от Сталина ушел. Югославия, США и СССР в начальный период холодной войны. 1945–1957 гг.» (2002), руководил проектами, поддержанными грантами РГНФ и РФФИ, итогом которых в серии «Москва и Восточная Европа» свет увидели очерки «Советско-югославский конфликт и страны советского блока» (2017) и «Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки» (2020)¹⁰. В на-

стоящее время под руководством А.С. Аникеева ведется работа над коллективной монографией «Югославская модель и страны советского блока. 1950-е — 1960-е гг.».

Работающий в широком хронологическом и исследовательском диапазоне А.Б. Едемский отдал дань изучению истории советско-югославского конфликта и, в частности, процессу нормализации двусторонних отношений, его отражению в странах «социалистического лагеря», в оценках аналитиков ЦРУ, ключевым фигурам — Тито, Джиласу, Ранковичу, Мичуновичу и др. Написанная на богатейшем архивном материале монография «От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах» (2008) относится к числу уникальных исследований этого сложного периода.

«По краю» проблематики сталинизма двигался в своих исследованиях и А.С. Стыкалин — автор многих десятков статей по истории Венгрии, Румынии, СССР, международным отношениям сталинского и постсталинского времени¹¹.

Изучение феномена сталинизма в Восточной Европе относится к числу заметных страниц истории Инслава. Этот процесс продолжается и сегодня, хотя и не столь бурными темпами, как прежде. Среди причин — не только откат в процессе рассекречивания документов федеральных архивов, но и отсутствие исследователей-энтузиастов, готовых взвалить на свои плечи ношу регионального, восточноевропейского масштаба. Минуло и время острых дискуссий по актуальным вопросам послевоенного времени, которые кипели ещё 20 лет назад. По-прежнему, однако, наблюдаются различные интерпретационные схемы и, следовательно, трактовки прошлого. Однако сегодня можно говорить об их в целом «мирном сосуществовании», о реальном плюрализме мнений. Понятно, что речь идет о действительно научных концепциях, авторы которых стремятся к максимальной объективности и отказу от конъюнктурных оценок.

А.Ф. Носкова:
«Это было недавно, это было давно...»

К изучению истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы на этапе позднего сталинизма небольшой коллектив научных сотрудников Института славяноведения (тогда ещё АН СССР) приступал в трудное время. Рубеж 1980-х — 1990-х годов может быть сравним с периодом после Великой Отечественной войны, когда наша страна переживала хозяйственную разруху, а в отдельных районах даже голод. В новых условиях тяжелая экономическая ситуация явилась результатом не военных разрушений, а развала социалистического планового хозяйства, исчерпавшего внутренний потенциал развития, и сознательно ускоренного перевода экономики, всех сторон жизни и деятельности советских людей из социализма в капитализм.

Особенность общественно-политической обстановки в стране в ту пору заключалась в том, что значительная часть, если не большинство, населения, уставшего от несвободы, запретов, ограничений, от примитивной пропаганды и обещаний «светлого будущего», с легкостью дававшихся чередой престарелых лидеров с экранов телевизоров, в той же мере, сколь и от пустых прилавков в магазинах и более чем скромных зарплат, была готова принять предлагаемый новой либеральной властью переход к «рынку». Советские люди, толком не зная о реальной жизни рядового гражданина при капитализме, были наслышаны лишь о процветании в странах Западной Европы и США. Они хотели общественных перемен и первые их проявления, а это была свобода слова, встречали с энтузиазмом. По стране катился вал открытых общественных и политических дискуссий и массовых демонстраций, куда их участники, люди разного возраста, социального положения и профессий, шли добровольно и в каком-то смысле как на праздник: окрыляла возможность выразить свои настроения публично и на всю страну.

В дискуссиях и демонстрациях участвовали представители институтов АН СССР, в том числе и нашего. На одной из демонстраций, ставшей в Москве наиболее массовой (говорили, что

тогда на улицы города вышли более 800 тыс. чел.), была замечена небольшая группа наших коллег, которые, «говоря» за весь коллектив, несли скромный плакатик с надписью «Институт славяноведения АН СССР». Но главным проявлением общественной активности в институтах Академии стали откровенные и острые по форме обсуждения событий в стране и её истории. У гуманитариев такие дискуссии оказывались напрямую связанными с профессиональной деятельностью сотрудников. Так было и в нашем историко-филологическом Институте.

В центре споров оказались тогда узловые вопросы советской внешней политики кануна и периода Второй мировой войны, её социально-политические последствия в восточноевропейском регионе. Быстро возникли противостоявшие друг другу группы оппонентов. Одна группа ученых (лидирующие позиции в ней занимал Л.Я. Гибианский) считала, что эта политика была глубоко ошибочной и, более того, преступной по отношению к своей стране. Не обеспечив безопасность самому СССР, она-де продолжилась после войны «захватническими» действиями применительно к странам Восточной и Юго-Восточной Европы¹². Советская сторона, поправ государственный суверенитет и независимость народов региона, силой навязала политический режим, превративший их в сателлитов Москвы. Надо отметить, что в ту пору такое толкование прошлого соответствовало политическому тренду новой, либеральной власти в России, настроениям многих представителей интеллектуальной элиты и немалой части населения страны. Разделяло эту позицию и большинство институтского коллектива.

Другая группа (позднее её участники — Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова — сформировали Центр по изучению сталинизма в Восточной Европе) настаивала на том, что новая обстановка требует новых подходов к указанной тематике, а именно — тщательного научного исследования и новой оценки смысла советской внешней политики. И такая возможность открылась с начавшейся «архивной революцией», когда исследователи получили доступ к документам высшего эшелона советского руководства. Опираясь на качественно иную источниковую базу, требовалось, на наш взгляд, восстановить картину реальных событий, происходивших в освобожденных Красной

армией от гитлеровцев странах восточноевропейского региона, начиная с середины 1944 г. и в первое послевоенное десятилетие. Ответив на этот вопрос, можно было бы попытаться определить объективно многосложную роль и долгосрочные цели советской стороны (советского фактора) в регионе, равно как и адекватно оценить наступившие изменения в политике и общественной атмосфере России и стран бывшего советского блока после 1991 г. Словом, в историческом прошлом следовало искать корни и причины многих событий и неожиданных поворотов нового дня...

А между тем дискуссии в Инславе продолжались. Внимание участников привлекли ключевые внешнеполитические проблемы, приобретенные в те годы в научных кругах европейское измерение: содержание и цели советской внешней политики накануне войны и, в первую очередь, пакт Молотова–Риббентропа, подписанный 23 августа 1939 г. в Москве, замыслы и цели сторон, роль этого документа в возникновении Второй мировой войны. Большинство историков делали акцент как на политической, так и во многом на моральной стороне факта заключения Советским Союзом договора о ненападении с гитлеровской Германией. Выдвигались адресованные советскому руководству политические обвинения участия СССР в развязывании мировой войны. Советскую внешнюю политику толковали как глубоко неверную, не соответствующую интересам народа и советского государства, превращали его лидера Сталина в главного и безусловного виновника, в том числе, нападения Германии на СССР в июне 1941 г.

Дискуссии в Институте «вокруг пакта» приобрели столь эмоциональный накал, что критика и обвинения советского руководства «в преступном сговоре с Гитлером» распространялись на тех коллег по Институту, кто придерживался иной точки зрения и не считал пакт с Гитлером событием исключительным, выходящим тогда из ряда ему подобных. Больше других доставалось В.С. Парсадановой. К её «разоблачению» подключилась и институтская стенгазета, игравшая в Инславе заметную роль. Валентину Сергеевну публично «высекли» за то, что она считала советский договор с Германией в исторических обстоятельствах лета 1939 г. соответствующим текущим интересам СССР,

указывала, что такие же по сути соглашения подписывали тогда с фашистской Германией демократические лидеры, в частности, Великобритании и США. Но на последних оппоненты Парсадановой свои обвинения в аморальности и преступности советских внешнеполитических деяний не распространяли.

Ныне научные и политические страсти улеглись, оценки пакта не вызывают серьезных дискуссий в Институте и сообществе российских историков, хотя подведения позиций под общий знаменатель не произошло. Кто-то и сегодня продолжает «негодовать», кто-то оценивает пакт как ситуативный документ, подписанный по причине временного совпадения краткосрочных интересов сторон, как его характеризовали в свое время и Сталин, и Гитлер.

Упомянутая выше вторая группа историков в спорах «вокруг пакта» практически не участвовала. Было решено пригасить эмоции и сосредоточиться на выявлении и изучении оригинальных исторических источников — свидетельств событий прошлого. Анализируя ранее недоступные важнейшие документы высших советских властных эшелонов, мы всё больше убеждались в неправомерности однозначного толкования процесса установления послевоенной власти в регионе, получившей наименование «народная демократия», как результата исключительно силового внешнего воздействия. Сторонники такого подхода имели в виду освобождение Восточной Европы частями Красной армии и, отсюда, особое внешнеполитическое (действия на международной арене) и внутривнутриполитическое влияние СССР на общественные процессы в регионе с целью превращения его в полностью зависимую от Москвы и контролируемую НКВД СССР территорию. При этом не ставилось под сомнение, что реальную власть якобы с самого начала сосредоточивали в своих руках прямые ставленники Москвы — национальные коммунисты.

А между тем исследуемые архивные документы прорисовывали совершенно иную стратегическую цель советского руководства после освобождения региона от гитлеровцев — обеспечить послевоенную долговременную безопасность СССР. В силу геополитического положения стран Восточной и Юго-Восточной Европы интересы Москвы объективно совпадали со стратегическими интересами безопасности и этих стран, обеспечить которые

в тех конкретно-исторических условиях мог лишь главный победитель в войне — Советский Союз. Совпадение интересов сторон диктовало общность действий для решения ряда первостепенных внешнеполитических задач, встававших перед руководствами СССР и вышеназванных государств региона. В первую очередь следовало не допустить повторения в будущем вооруженной агрессии с Запада (реальная опасность, как тогда считали, могла вновь исходить от Германии), оккупации и лишения независимости одних стран или превращения других в сателлитов агрессора.

Открывшиеся источники подтверждали совпадение и первоочередных внутривнутриполитических задач руководства стран региона и СССР. А именно: предстояло, завершив уничтожение фашизма, примерно наказав коллаборационистов, обеспечить внутренний мир в регионе; начать восстановление и преобразование общественного устройства в интересах большинства населения, не допустив политического реванша довоенных правивших сил. Принципиально важно было при советском содействии перенацелить внутреннюю политику формировавшейся национальной власти с обслуживания социально-политических и экономических интересов имущей части общества, того довоенного меньшинства, политические представители которого совсем недавно привели эти страны к военному поражению, оккупации или превращению в гитлеровских союзников, на удовлетворение общественных интересов численно преобладавших слоев трудящихся, не отягощенных виной за общенациональные и человеческие трагедии периода войны.

Советское руководство, обладая опытом политической организации общества после Октябрьского переворота с целью перехода, строго говоря, в другую, советскую действительность, способствовало оформлению новой объективной потребности момента — складыванию в регионе коалиционной системы власти в составе представителей различных политических сил, в том числе как дружественных, так и лишь невраждебных Москве. В первую очередь, это были рабочие, социалистические (социал-демократические) и коммунистические, партии, а также присущие региону, за исключением Чехословакии, в силу особенностей его экономического развития, особые партийные пред-

ставительства интересов мелких собственников деревни, города и большей части интеллигенции. Учитывалось, что на названные политические организации ориентировалось большинство населения стран региона. Как свидетельствовали документы, право и возможность участия в коалиционной власти получали и некоторые круги национальной «патриотической» буржуазии и интеллигенции, те, кто, не занимая активных антикоммунистических и антисоветских позиций, изъявляли готовность во имя обновления общественного устройства своих стран сотрудничать с национальными компартиями и советской стороной. Это была отличительная особенность обстановки 1940-х годов в регионе, по сравнению с ситуацией первых лет советской власти в СССР.

Документы архивов свидетельствовали о советском содействии вхождению во власть и получению важнейших постов в коалиционных правительствах представителям национальных компартий — идейно-политическим единомышленникам Москвы. Участие коммунистов во власти и их роль в её демократизации и трансформации послевоенных общественных порядков, а также в наказании виновников трагедий военного времени были общим явлением на всём европейском пространстве, находившемся сразу после войны под контролем великих держав. Это определялось решающей ролью армий СССР и его союзников в разгроме гитлеровской Германии и активным участием национальных коммунистов в организации движения Сопротивления на континенте. Причем, в странах Восточной Европы это участие являлось своего рода гарантией слома довоенных порядков, налаживания мирной жизни и последовательного проведения общедемократических социально-экономических и политических преобразований при военно-политическом содействии и экономической помощи СССР. При широкой поддержке общества к управлению страной в центре и на местах категорически не допускались национальные предатели и установленные коллаборационисты.

Происходившие в регионе на рубеже войны и мира общественно-политические и социальные перемены повсеместно сопровождались разным по проявлению и активности сопротивлением носителей старого режима.

Документы зримо подтверждали, что политические репрессии, меры подавления, в том числе силой оружия и при участии соответствующих советских структур, применялись в отношении представителей тех социально-политических групп, которые, утратив власть и собственность, оказывали сопротивление новой власти. Имевшие место вооруженные действия подпольных отрядов превращались в отдельных странах региона (Польша, Югославия) в локальную гражданскую войну. В этих условиях политическое или вооруженное насилие со стороны новой власти становилось правомерной, превентивной или ответной, реакцией на попытки препятствовать реформированию в странах региона прежних общественно-политических и социально-экономических устоев, которые обеспечивали распределение национального богатства в пользу меньшинства.

Анализируя многочисленные архивные документы, мы убедились в том, что в первые послевоенные годы в странах восточноевропейского региона коалиционная власть реализовывала общенациональные программы демократических социально-экономических, политических и культурных преобразований. Речь шла о таких реформах, которые не на словах или бумаге, а на деле изменяли формы владения и распоряжения национальным достоянием, обеспечивали его распределение в пользу рабочего класса, трудящейся интеллигенции, владельцев средних и мелких предприятий в городе и земельных наделов в деревне и государства, представляющего их интересы. Это вело к ликвидации крупной собственности в городе и деревне, к перераспределению земли, в основном, в пользу безземельного и малоземельного крестьянства. Последнее было главной и первой экономической и политической реформой для большинства стран и населения региона.

Такие реформы, ликвидируя крупную и частично среднюю частную собственность, отвечали социально-экономическим интересам самых широких слоев трудящегося населения и новых государств, формировали взаимный общественно-политический контакт этих слоев и новой власти. Становилось понятно и то, что новая власть имела в виду, — ускоренными темпами модернизировать уровень оснащенности промышленности и сельского

хозяйства, обновить сферу образования и культуры, совершить всесторонние преобразования политических порядков и социальных отношений. Приводимые в действие такие реформы, как свидетельствовали документы, делали трудящегося человека главной общественной фигурой в стране. Важно отметить, что эти преобразования, создавая образ будущего, находили отклик в широких массах. И этот образ становился важнейшим фактором постепенного, как оказалось, исторически недолгосрочного, складывания атмосферы стабильности и доверия к новой власти общественно-политически активной части большинства населения.

Политики, ученые, философы, экономисты и историки второй половины 1940-х годов именовали общественные реформы, происходившие в странах восточноевропейского региона, народно-демократическими преобразованиями, а коалиционную политическую власть народно-демократической. При этом переходный режим рассматривался как продолжительный и характеризовался сосуществованием и борьбой между элементами прошлого и рождавшегося будущего. В происходившем тогда процессе они видели начальный этап постепенного и длительного движения к принципиально новой общественной формации, называвшейся социализмом, когда коммунистическая идеология предлагалась в качестве актуального альтернативного «верую».

Так постепенно складывалась наша авторская концепция народно-демократического этапа общественного переустройства стран Восточной и Юго-Восточной Европы, отраженная в монографии «Народная демократия: миф или реальность? Общественные процессы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в 1944–1948 гг.». Книга вышла в 1993 г. Наше толкование первых послевоенных лет в регионе как времени становления народно-демократических режимов, а, по сути дела, модернизации общественного устройства стран региона через управляемые демократические реформы, не встретило тогда понимания среди тех историков в Институте, кто считали 1944–1947/1948–1953 гг. временем советского насилия над Восточной Европой, подавления национальных «патриотов», тех, кто порой с оружием в руках сопротивлялся «советскому диктату». Правда, широких дискуссий вокруг книги в Институте не случилось. Зато были пред-

приняты попытки скомпрометировать наши оценки народной демократии как политически вариативного переходного периода, создав нам у западных коллег имидж «правоверных сталинисток», представлявших «позавчерашний день советской науки», с которыми лучше не иметь дела.

Одна из таких попыток пришлось на крупную международную конференцию в Москве, в которой участвовали коллеги из институтов РАН, а также ученые дальнего Зарубежья, в том числе из Израиля и США. Но случилось непредвиденное: после доклада Т.В. Волокитиной многие российские историки и особенно гости конференции проявили такую заинтересованность к представленной позиции, что все имевшиеся у нас экземпляры книги в считанные минуты были розданы. Для авторского коллектива это событие стало знаковым не только потому, что оказалось распахнутым прежде закрытое для нас «окно» на Запад, но ещё и вследствие изменения отношения к нам со стороны некоторых отечественных коллег-историков.

В то время окрепло наше решение заняться масштабной публикацией советских документов, воспроизводивших цели и политику руководства СССР в регионе. Так случилось, что незадолго до упомянутой конференции директор ГА РФ С.В. Мироненко сообщил, что рассекречена коллекция материалов НКВД СССР о подпольной Армии Крайовой в Польше, подавлении её сопротивления утверждению в стране народной власти. Понимая важность введения в научный оборот этого корпуса документов, мы без промедления приступили к их выявлению и отбору для публикации. Шел 1994 год. Внутренняя экономическая и финансовая ситуация в стране была тяжелейшей. Перестройку экономики на функционирование в условиях «рынка», который «всё сам отрегулирует», мы почувствовали сразу же: предстояло оплачивать сделанные архивом копии отобранных нами документов НКВД. Коллег-архивистов мы понимали: их ведомства, как и академические институты, сидели на голодном пайке...

На первых порах мы обходились средствами из собственного кармана, но вскоре из-за задержек или невыплат зарплат оказались в тупике. Выручила коллега по Институту Елена Юрьевна Гуськова. Благодаря её поддержке, сработала «славянская соли-

дарность»: с нами поделился средствами международный фонд югославянских исследований «Славянская летопись», оплатив партию отобранных в архиве документов НКВД. Затем на помощь пришел тогдашний директор нашего Института В.К. Волков, изыскавший часть нужных средств. В конце 1994 г. сборник документов «НКВД СССР и польское подполье (По “Особым папкам” И.В. Сталина). 1944–1945 гг.» вышел из печати. Это был наш «первенец» — небольшая по объему и очень скромная по оформлению публикация документов.

Одновременно полным ходом велась работа по подготовке первого тома издания «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1948 гг.». Многие технические вопросы решать было непросто. Тогда мы не имели компьютеров, материалы частично копировали, но в основном переписывали от руки в толстые «амбарные» книги, которые удалось «достать» по случаю, заголовки и комментарии печатали на машинке или также писали от руки на оборотах уже ранее использованных черновиков, а затем приклеивали их к тексту документа. Затраты рабочего и внерабочего времени были большими, но ещё большими были наши энтузиазм и надежды на то, что мало-помалу ситуация разрядится. Радовало то, что мы, наконец, получили грант на оплату архивных копий и подготовку рукописи к печати. Однако оставался нерешенным главный вопрос: где и на какие средства публиковать подготовленный том документов? Издатели отказывались принимать в производство рукопись без решения финансового вопроса. Но «слухом земля полнится», да и мир, как известно, «не без добрых людей». Однажды в Институт пришел великолепный издатель, в ту пору владелец «Сибирского хронографа» в г. Новосибирске, Л.С. Янович. Он вызвался опубликовать документы за счет своего издательства. Так началась наша многолетняя дружба с Леонидом Сергеевичем.

Между тем среди историков Института продолжались дискуссии, публиковались статьи, готовились книги в соответствии с новой политической конъюнктурой. Сторонники критического кардинального пересмотра и переоценки истории советской послевоенной внутренней и внешней политики оказывали немалое влияние на общую атмосферу в Институте. Работу нашего кол-

лектива из трех докторов исторических наук (Т.В. Волокитина защитила докторскую диссертацию в 1998 г.) некоторые коллеги, кстати, не только историки, но и активные представители филологической части, считали «несерьезной», а то и «вредной». В такой обстановке мы порой ощущали свою некую «отдельность» в стенах Инслава. Но, действительно, что ни делается, всё делается к лучшему: многолетняя напряженная работа, когда мы дни напролет проводили в стенах Института, буквально утопая в кипах документов, сплотила наш небольшой коллектив в научном и человеческом плане.

Ситуация стала выправляться после «рождения» в Новосибирске в 1997 г. первого тома сборника «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1948 гг.». Мы решили организовать презентацию, пригласив на неё не только коллег-соотечественников, но и представителей стран изучаемого региона. Честно говоря, не ожидали, что на наше приглашение откликнутся сотрудники посольств, теперь уже 13-ти новых и «старых» стран Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе шесть стран были представлены первыми дипломатическими лицами — послами или посланниками. Презентация прошла успешно. Новосибирцы не подвели, прислали бесценный груз — несколько больших коробок с книгами. Всем гостям было подарено по экземпляру тома. Вскоре и коллеги по Институту стали чаще заходить к нам в сектор, чтобы поддержать книгу в руках, посмотреть уникальные новые документы или просто пообщаться...

Спустя год был опубликован второй том сборника, охватывавший события 1949–1953 гг. Представленные в нем документы отражали ускоренный переход региона на более высокий, чем при народной демократии, уровень идеологически мотивированного экономического, социального, политического и культурного развития и одновременно всё большее политическое и экономическое сближение с СССР, содержавшее отчасти элементы зависимости от Москвы. Утверждавшаяся в регионе советская модель социализма характеризовалась, как экономическим, социальным и культурным развитием, позитивно отражавшимся на положении большинства населения, так и нивелирующим успехи ограничением демократических прав граждан и принци-

пов политически широкой организации народной власти в пользу утверждения партийно-государственной номенклатуры — формировавшегося «нового класса».

Публикуемые документы советских и национальных спецслужб свидетельствовали о том, что в те годы власть усиленно применяла меры репрессивного характера против тех, кто был или считался её активным противником. Именно репрессии, воздействуя на массовое сознание населения стран региона, признавались и использовались руководствами в качестве важнейшего инструмента сохранения устойчивости номенклатурной власти. Однако необеспеченность экономическими ресурсами ускоренного общественного развития на длительную перспективу, применение методов насилия и попрание закрепленных в конституциях стран региона, как и в СССР, демократических прав граждан и принципов управления жизнью общества вели и привели в Восточной Европе к масштабным по последствиям событиям 1956 года...

Таким образом, ставшие доступными нашему Центру и введенные в научный оборот в 1999–2009 гг., прежде всего, советские по происхождению, документы отразили процесс поэтапного становления в 1944–1953 гг. новой модели организации общественного бытия в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта модель имела свои социально-политические и национальные особенности, испытывала немалое воздействие ситуации на мировой арене, но генеральным в её общественном развитии было движение к социализму «по-советски». В итоге, несмотря на несомненную специфику, регион вместе с СССР представлял собой альтернативную капитализму XX века, не известную ранее отдельную советскую цивилизацию. По историческим меркам она оказалась недолговечной. Постепенно изживая себя чередой общественно-политических кризисов, она разрушалась, в том числе политическими усилиями старой и новой, существовавшей в 80–90-е годы XX в. постсоветской власти либералов и демократов, чтобы исчезнуть к концу столетия. Так начинался разный по темпам, методам и содержанию переход востока Европы в другую историческую реальность — капитализм XXI столетия.

Примечания

- ¹ Смирнова М.И., Дмитриева И.А. Социокультурные истоки сталинизма: историографический дискурс // *Историография сталинизма. Сб. статей (под ред. Н.А. Симония). М., 2007. С. 7.*
- ² Горбачёвские чтения. М., 2003. С. 103 (выступление Е.В. Яковлева).
- ³ Гэддис Дж. Л. Предварительные оценки послевоенного противостояния // *Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 62.*
- ⁴ Misiunile lui A.I.Vășinski în România (Din istoria relațiilor româno-sovietice, 1944–1946). *Dokumente secrete. București, 1997: NKWD i polskie podziemie, 1944–1945. Z «tehek specjalnych» Józefa W. Stalina. Kraków, 1998: Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich, 1949–1953 (Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 12). Warszawa, 2000: Iratok a magyar-szovjet kapcsolatok történelhöz 1944. október — 1948. június. Dokumentumok. Budapest, 2005.*
- ⁵ *Cold War History. Vol. 1. No. 3 (April 2001): Vol. 2. No. 1 (October 2001).*
- ⁶ България в секретния архив на Сталин: от правителството на Кимон Георгиев до смъртта на Сталин. Документи, писма, ноти, телеграми, протоколи, стенограми. София, 2005.
- ⁷ Naimark N.M. Post-Soviet Russian Historiography on the Emergence of the Soviet Blok // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 5, 3 (Summer 2004). P. 564.*
- ⁸ Islamov T.M., Pokivailova T.A. Europa de Est si politica de forta a Marilor Puteri. *Chestiunea Transilvaniei in anii 1940–1946. Cluj-Napoca, 2022.*
- ⁹ Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М, 1998.
- ¹⁰ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1944–1953 гг. Очерки истории. М., 2017; Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. М., 2020.
- ¹¹ Назовем некоторые работы А.С. Стыкалина: Сталинская культурно-идеологическая экспансия и послевоенная Венгрия // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995; Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011; Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956 // *Славяноведение. 2014. № 1; «Венгерская общественность очень довольна, что СССР начал разрушать здание великой Румынии». Ревизия версальских границ Румынии в контексте советско-венгерских отношений начала Второй мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». № 80 (2019) и др.*
- ¹² Речь шла конкретно о Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии.

Институт славяноведения: изучение современных кризисных явлений на Балканах

Распад двух самых больших федераций в Европе в начале 90-х годов прошлого века — Советского Союза и Югославии — развивался стремительно, во многом непредсказуемо и трагично. Ни народы Югославии, ни тем более Европа не были готовы разрешить лавину возникших в одночасье проблем. А именно от этого зависело перерастание проблемы в конфликт, а последнего в войну. Ситуация осложнялась тем, что республики, вставшие на путь самостоятельности, не хотели ждать принятия согласованного закона о правилах выхода из федерации. Прозвучали Декларации Словении и Хорватии о независимости и решительные требования закрепить за административными границами статуса межгосударственных. При этом не обсуждались вопросы условий сецессии, правопреемственности распадающегося многонационального государства, распределения имущества, установления границ, судьбы армии, прав национальных меньшинств, а также условия признания новых государств.

Для России, а точнее, для российских средств массовой информации, события на Балканах были большой неожиданностью. Журналистов, которые бы специализировались по Югославии, не хватало, опыта работы в конфликтных регионах не было, материальные и технические средства отсутствовали. Единственный журналист первого телевизионного канала, периодически передававший информацию о событиях в Хорватии, Виктор Ногин был убит при невыясненных обстоятельствах в начале сентября 1991 г. Поэтому в 1991 г. в Россию поступала, главным образом, лишь переведенная на русский язык информация западных агентств. Она транслировалась по телевидению, перепечатывалась в газетах. Мелькали незнакомые названия городов и сёл,

фамилии новых политических лидеров, а в сути событий обывателю разобраться было крайне трудно. Несколько лет понадобилось России, чтобы подготовить журналистов, которые могли бы поехать на Балканы.

Директор Института славяноведения РАН В.К. Волков говорил тогда, что мы являемся свидетелями нового так называемого Восточного кризиса. И если первый, разразившийся в 70-е годы XIX в., мы изучаем уже более 100 лет, то и нынешний будем исследовать долго. А для этого надо оставить будущим историкам документы о том, что происходило на Балканах в 1990-е годы. Поэтому Владимир Константинович решил создать в Институте подразделение, которое бы выполняло поставленную задачу.

Центр по изучению современного балканского кризиса был создан в целях дальнейшего совершенствования научно-исследовательской деятельности Института и оптимизации структуры научных подразделений — на базе Группы по изучению современного югославского кризиса, которую возглавляла д.и.н. Елена Юрьевна Гуськова. Первые годы она руководила Центром по совместительству, а с 2002 г. — на постоянной основе. Центр являлся самостоятельным научным подразделением, в нём в разные годы трудились от трёх до пяти сотрудников, к работе постоянно привлекались ученые других подразделений Института, а также югославы ряда академических институтов на внештатной основе.

Главными направлениями работы Центра по изучению современного балканского кризиса являлись: исследование причин, содержания и последствий кризиса на территории бывшей СФРЮ в 90-е годы XX в., социально-политических процессов на Балканах в новых балканских государствах, сравнительный анализ процессов в многонациональных и многоконфессиональных государствах со схожими судьбами. В Центре внимательно изучали проблемы посткризисного пространства, возникающие конфликтные очаги, роль внешнего фактора в урегулировании кризисных моментов, методику переговорного процесса. Поэтому важной задачей Центра являлись **сбор и публикация документов**, помогающих анализу и осмыслению процесса распада многонационального государства, а также обобщение результатов исследований в монографиях и статьях. Кроме того, полученные

данные предполагалось доводить до СМИ в качестве проверенной и объективной информации. Как пример можем отметить, что за период 2001–2007 гг. сотрудниками Центра было опубликовано 60 научных работ общим объемом 120 п.л., даны около 70 интервью в различных средствах массовой информации.

В Центре собрана уникальная библиотека, архивные материалы миротворческих организаций, а также создана компьютерная база данных по проблемам современного кризиса на территории бывшей Югославии.

В самом начале кризиса сбор первого документального материала вылился в публикацию двух сборников: «Югославия в огне: Документы, факты, комментарии. 1990–1992» (1992) и «Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. 1990–1993»¹ (1993). Последняя книга переведена на болгарский и сербский языки². Сборники увидели свет при поддержке Фонда «Славянская летопись» и Института научной информации по общественным наукам РАН. Сотрудники Центра собирали документы по крупицам, ведь не было интернета, до России не доходили югославские газеты и журналы, практически прекратились научные связи с Югославией. Средств на оплату переводов не было, поэтому все материалы переводили российские учёные на безвозмездной основе.

В первый сборник вошли документы, которые расположены в тематическо-хронологическом порядке и дают представление об истоках кризиса, поисках вариантов сохранения федерации, сути межнациональных столкновений в Хорватии, Боснии и Герцеговине, роли международных организаций. Документы распределены по разделам: Политические преобразования и расстановка политических сил в СФРЮ в начале 1990-х годов; Кризис федерации и концепции его преодоления; Межнациональные столкновения, война в Хорватии, Боснии и Герцеговине; Мировое сообщество и интернационализация югославского кризиса; Создание независимых югославянских государств.

Документы второго сборника — это попытка ответить на вопрос, какую позицию заняла Россия в кризисе на территории бывшей Югославии. Собранные материалы показывают взгляды на этот вопрос высших структур власти — президента, прави-

тельства, парламента, Министерства иностранных дел, а также раскрывают роль средств массовой информации, российских учёных в постижении истины о событиях в Югославии.

Во второй половине 1990-х годов возникла идея проследить путь самостоятельного развития бывших республик Югославии. В 1997 г. был опубликован сборник документов «Македония. Путь к самостоятельности»³. Труд был подготовлен коллективами ученых РАН и Македонской Академии наук и искусств в рамках совместных проектов «Россия и Македония: сравнительный анализ политической жизни, истории и культуры», а также «Балканский кризис 90-х годов XX века в документах» Центра по изучению современного балканского кризиса. В него вошли материалы, характеризующие политическое и экономическое становление македонского государства, его внешнеполитическое развитие, борьбу за международное признание. Документы характеризуют экономическое и политическое становление государства, его внешнеполитическое развитие в системе международных отношений. Все они носят официальный характер и были предоставлены Министерством иностранных дел Республики Македонии, Статистическим институтом, парламентской службой информации, ведущими политическими партиями страны.

В сотрудничестве с Министерством науки, образования и спорта Республики Словения и Институтом новейшей истории (Любляна) был опубликован сборник «Словения. Путь к самостоятельности. Документы» (2001)⁴. Этот труд интересен тем, что в нём большое внимание уделяется борьбе Республики за отделение в последние годы существования Югославии. 20 февраля 1991 г. Скупщина Республики Словения оповестила Скупщину СФРЮ о принятии «Резолюции о предложении согласительного разъединения СФРЮ», согласно которой Словения «более не будет являться частью союзного государства СФРЮ». Словения предложила и другим республикам Федерации разъединиться на два (или более) суверенных и независимых государства. Скупщина Словения сослалась на результаты плебисцита 23 декабря 1990 г., на котором 88,5% населения высказались за отделение от Югославии, и оповестила, что начинает процедуру разъединения с СФРЮ. Скупщина Словения готовилась принять по-

становление, которое закрепило бы за Республикой все атрибуты самостоятельного государства, лишало бы СФРЮ права представлять Словению за рубежом и от ее имени подписывать международные соглашения. Правительство начало разработку ряда нормативных документов, таких как: Проект соглашения о будущем экономическом сотрудничестве самостоятельной Словении с отдельными югославскими республиками, Конституционный закон, который передавал полномочия представлять Республику Словению за рубежом от союзных органов республиканским, Закон об иностранных делах Республики Словении, которым регулировалась деятельность представительств Республики Словении за рубежом, включая заключение международных соглашений. Правительство к тому периоду уже сформировало представительства за рубежом (в Вене, Брюсселе) и назначило своих представителей в Вашингтоне, Риме, Праге, Люксембурге, Москве и Абиджане. Республиканский секретариат по международному сотрудничеству разработал приоритетный план дальнейшего функционирования существующих и образование новых представительств за рубежом. В сборник вошли документы, характеризующие становление политической системы нового государства, показывающие его стартовые экономические позиции, внешнеполитические ориентиры в системе международных отношений. Все документы носят официальный характер, собраны и предоставлены словенским Институтом современной истории. Статьи сборника, предшествующие публикуемым документам, раскрывают трудный путь словенцев к своей независимости, современное положение Словении, её связи с Россией.

Важной публикацией стал трёхтомный сборник документов «Международные организации и кризис на Балканах» (2000–2001)⁵. Кризис на территории бывшей Югославии активизировал деятельность международных организаций европейского и мирового масштаба — ОБСЕ, ЕС, ООН, НАТО. Среди них особое место принадлежит ООН, которая стояла у истоков создания Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), принимала решение о посылке миротворческих сил в Хорватию, Македонию, Боснию и Герцеговину. Имея богатый опыт проведения миротворческих операций, ООН подключилась к решению

югославских проблем в сентябре 1991 г., приняв первую резолюцию об эмбарго на поставки оружия в Боснию и Герцеговину. С осени 1991 г. работу МКБЮ возглавлял личный представитель Генерального секретаря ООН Сайрус Вэнс, позже его сменил Ясуши Акаши. Резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН и доклады Генерального секретаря — это история кризиса в документах, всесторонне раскрывающая деятельность конфликтующих сторон и усилия представителей международных организаций. Большая часть материалов — это официальные документы ООН (резолюции Совета безопасности, письма и заявления Генерального секретаря). Значительный интерес представляют планы мирного урегулирования на территории бывшей Югославии. Первый том включает резолюции Совета Безопасности ООН и Доклады Генерального секретаря по ключевым проблемам кризиса в период с 25 сентября 1991 г. по 13 января 1998 г. Во второй том вошли заявления и письма Генерального секретаря ООН, а также письма в ООН постоянных представителей разных стран, в том числе и конфликтующих, по разным аспектам кризиса. Третий том посвящен планам урегулирования кризиса в Хорватии, Боснии и Герцеговине. В нем опубликованы документы Арбитражной комиссии, Международной конференции по бывшей Югославии, доклады Генерального секретаря ООН о раундах мирных переговоров по Боснии и Герцеговине, план урегулирования «Загреб-4» для Хорватии и Дейтонское соглашение.

Результатом обобщения и анализа документов стала монография Е.Ю. Гуськовой «История югославского кризиса (1990–2000)» (2001)⁶, переведённая на сербский язык⁷. На основе большого количества новых материалов, собранных во время работы в штабе миротворческих сил ООН на территории бывшей Югославии, автор впервые в отечественной и зарубежной историографии в монографическом исследовании рассматривает генезис и этапы кризиса на Балканах, от распада югославской федерации в начале 1990-х годов и до 2000 г., анализирует причины распада СФРЮ, политические события и военные действия в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Большое внимание уделяется роли международных организаций — ООН, ЕС, ОБСЕ, НАТО — в югославском конфликте, всесторонне исследуется политика России

на балканском направлении, показываются первые самостоятельные шаги новых государств, появившихся в результате распада Югославии. Событиям в Косове и Метохии и агрессии НАТО в отношении Югославии посвящена отдельная глава. Прекрасно зная регион, Е.Ю. Гуськова рисует политические портреты многих деятелей этого времени, руководителей государств и лидеров партий. Эта работа на сегодняшний день является единственным обобщающим трудом по истории югославского кризиса, выполненным на основе глубокого анализа с привлечением большого количества документов, свидетельств современников, участников событий и личных наблюдений.

В 2002 г. в Центре начала разрабатываться новая тема — роль албанского фактора в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. В российской историографии межнациональные противоречия в Косове и Метохии, Македонии и Черногории не были предметом научного исследования, основанного на широкой документальной базе. Актуальность проблемы заключается в изучении закономерностей, которые выявляются при существовании и распаде многонациональных государств, при возникновении межнациональных противоречий, которые перерастают в конфликт. Для России с ее многонациональным составом населения и перманентными кризисами и межнациональными напряжениями изучение этих процессов необходимо. Поэтому целенаправленно проводились сбор, систематизация и подготовка к публикации большого количества как уже известных специалистам, так и новых, архивных, документов. Так появился проект, поддержанный РГНФ, — четырёхтомное издание документов «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии»⁸. Проект посвящён истории возникновения и развития межнационального конфликта на территории бывшей Югославии — в Косове и Метохии, Македонии и Черногории с конца XIX в. до середины первого десятилетия XXI в.

В первый том вошли документы с 1878 по 1997 гг., касающиеся как истории сербско-албанских, черногорско-албанских и македонско-албанских отношений, так и их современного состояния; часть их отражает историю сербского и албанского населения Косова и Метохии, албанского населения в Македонии

и Черногории. Некоторые материалы ранее были опубликованы в Югославии и других странах и сейчас впервые переведены на русский язык. В сборник также вошли неопубликованные документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) Историко-дипломатического департамента МИД России. Том открывается Программой Призренской лиги, албанской организации, созданной в 1878 г. и поставившей себе цель — «с оружием в руках бороться за защиту всей территории», заселенной албанцами. Последующие документы отражают состояние и трансформацию так называемого «албанского вопроса» в конце XIX—начале XX вв.: после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918), в годы Второй мировой войны и в период существования СФРЮ. Ряд материалов отражают состояние сербско-албанских отношений в период распада федеративного государства и югославского кризиса.

Во второй том вошли документы, освещающие события на территории Косова и Метохии в 1998–1999 гг.: развитие конфликта между албанскими сепаратистами и правительством Югославии и деятельность международных организаций по его разрешению, включая применение блоком НАТО силы с целью заставить правительство страны принять условия урегулирования. В книге — 144 документа, среди которых главное место занимают материалы международных организаций, занимавшихся разрешением межнационального столкновения на территории СРЮ: Контактной Группы, Совета Безопасности ООН, Международной кризисной группы, ЕС, ОБСЕ, Группы 8, Исламской группы, НАТО, Международного трибунала по бывшей Югославии. Представлена также позиция руководства Югославии в лице Президента страны, правительства, министра иностранных дел, министра обороны. Публикуются Статистические данные о деятельности Освободительной Армии Косова в 1998–1999 гг., о задержанных и убитых гражданских лицах на территории Косова и Метохии. Позиции других стран по кризису на территории Югославии в указанный период отражены в письмах и заявлениях, распространяемых в Совете безопасности, а России — в документах Государственной Думы и Федерального Собрания. Значительное место в сборнике занимают документы переговорного процесса

в Рамбуйе и мирных договорённостей после окончания бомбардировок НАТО территории Югославии. Несомненный интерес представляют Распоряжения, изданные Специальным представителем Генерального секретаря ООН с июня по декабрь 1999 г., в так называемый послевоенный период развития автономного края, и определяющие основные тенденции развития Косова и Метохии в последующие годы.

В третьем томе опубликованы более 100 документов, которые охватывают шесть лет истории югославянских государств — с 2000 по 2005 гг. включительно. Выделение документов именно этих лет в отдельный том было вызвано тем, что в это время наступает новый этап в развитии кризиса, связанный с его расширением на территорию Македонии и юг Сербии, а также с углублением конфликта в Косове и Метохии. Этот период характеризуется также присутствием на их территории международных миротворческих сил, главная роль в которых принадлежала войскам НАТО. Документы были призваны показать характер миротворческой деятельности на территории края, внутреннее положение Косова и Метохии после 1999 г., развитие кризиса на территории Македонии в 2001 г., вызванного восстанием албанцев, требовавших расширения своих прав и предоставления автономии, а также деятельность албанцев, направленную на полное достижение независимости.

В последний, четвертый, том вошли документы, которые охватывают пять лет урегулирования очень сложного косовского вопроса с 2006 по 2010 гг. включительно. В это время наступает новый этап в развитии кризиса, связанный с переговорным процессом между Белградом и Приштиной под руководством международного посредника Марти Ахтисаари, а затем «Тройки», созданной Контактной группой. Документы показывают характер переговорного процесса и его содержание, инициативы сторон, позиции разных стран по вопросу статуса южного сербского края. В сборнике также представлены материалы, связанные с провозглашением в феврале 2008 г. Косовом независимости.

Заметным явлением в историографии стал сборник «Наши миротворцы на Балканах» (2007)⁹, который содержит воспоминания, мемуары и дневниковые записи российских миротворцев,

принимавших участие в урегулировании конфликта на территории бывшей Югославии в период с 1992 по 2004 г. Это первый в нашей стране сборник свидетельств россиян и жителей ближнего зарубежья — непосредственных участников миротворческой миссии на Балканах, тех, кто в трудных условиях военного противостояния осуществлял свою нелегкую службу в одной из самых горячих точек мира. Среди авторов — военный наблюдатель, полицейские, начальник штаба сектора «Сараево», сотрудники гуманитарных организаций. Они писали о Боснии, Хорватии, Косове и Метохии, о Гаагском Трибунале. Писали по-разному: кто-то ежедневно вёл дневник, кто-то записывал увиденное в виде литературных зарисовок и даже маленьких рассказов, а некоторые только спустя много лет изложили то, что происходило с ними в 1990-е годы. Все авторы имеют разное образование, воспитание, традиции, возможно, вероисповедание, несхожими являются и их тексты. Но их объединяют та искренность, с которой они писали, далёкий от политики беспристрастный взгляд, честность помыслов и поступков, храбрость в сложных ситуациях, упорство в преодолении трудностей. Все представленные в книге работы — драгоценные свидетельства о нашей эпохе, полной трагических страниц, о наших современниках, о людях и их поступках в условиях межнациональных конфликтов. Презентация книги прошла в Москве, в Информационном центре ООН, она переведена в Сербии на сербский язык под названием «Русские миротворцы на Балканах»¹⁰.

Этот труд вызвал большой интерес у историков, поэтому в последующие годы сбор документов подобного рода был продолжен. В 2016 г. принять участие в новом проекте под названием «Балканский кризис: говорят участники»¹¹ выразили готовность не только российские миротворцы и гражданские специалисты, работавшие в кризисных точках на Балканах, но и политики, журналисты, военные Сербии, Черногории, Хорватии. В новый сборник свидетельств очевидцев событий современного балканского кризиса вошли материалы самого разного характера — дневниковые записи, полевые заметки, воспоминания. Среди авторов — группа российских и сербских медиков, которые в тяжелых военных условиях оказывали помощь всем нуждаю-

щимся, независимо от их национальной принадлежности. Свои воспоминания представили российские миротворцы, работавшие в различных миссиях ООН в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а позднее в Косове в составе международного контингента. Несомненный интерес представляют воспоминания сербских военных и политиков — генерала Ратко Младича, министра иностранных дел Живадина Йовановича, президента Черногории Момира Булатовича и др. Никого не могут оставить равнодушным путевые записи митрополита Амфилохия, приехавшего в край сразу же после провозглашения Косовом независимости. В сборник также вошли воспоминания сербских офицеров, защищавших страну от бомбардировок НАТО, в частности, расчета, который сбил американский самолет-невидимку. Все материалы этого сборника являются бесценными историческими источниками, проливающими свет на сложные события новейшей истории на территории бывшей Югославии.

В третьем сборнике воспоминаний под названием «Югославия. Участники событий вспоминают»¹² публикуются воспоминания свидетелей политических процессов и военных столкновений 90-х годов XX — начала XXI вв. на территории бывшей Югославии. Авторы — сербские политики, участники миротворческих миссий, дипломаты, обычные люди. География сборника охватывает Сербию, Косово и Метохию, Хорватию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. Авторы вспоминают то, что больше всего взволновало, запомнилось, не думая о стиле, художественности текстов, и этим они очень интересны. Кроме того, в этих материалах мы читаем о таких событиях, о которых мало пишут или вообще ничего не знают. Авторы делятся уникальным опытом ведения миротворческой деятельности на территории, охваченной войной. Они входили в состав разных подразделений Миссии — сотрудники по гражданским вопросам, военные наблюдатели, полицейские. О сложности несения службы в условиях кризиса и агрессии НАТО рассказывают офицеры Югославской народной армии и Армии Республики Сербской Краины.

К воспоминаниям следует отнести и книгу посла Македонии в России Ристо Никовского «США и независимая Македония»¹³, переведенную и подготовленную в нашем Центре. Ристо Ников-

ский — македонский дипломат, прошедший 35 лет на государственной службе. После распада Югославии он стал одним из основных лиц молодой македонской дипломатии: в 1992–1993 гг. занял пост заместителя министра иностранных дел, был послом в Великобритании, Ирландии и Исландии, Албании, России (2004–2006). После этого Р. Никовский стал советником президента Македонии и участвовал в переговорах по всему миру. Таким образом, автор книги был непосредственным свидетелем распада Югославии и принимал участие в борьбе за международное признание современного македонского государства. Книга написана в жанре мемуаров с элементами политической публицистики. Объект исследования — внешняя политика Македонии в 1991–2015 гг., предмет исследования — влияние США на ситуацию в Македонии. Р. Никовский не только активно использует, но и публикует ряд источников по проблеме — внешнеполитические документы македонского, американского, европейского происхождения, материалы СМИ и отдельных авторов. Он даёт краткую, но исчерпывающую характеристику этапа борьбы Македонии за международное признание (1991–1994 гг.), оценки ряда исторических фигур, таких, как первый президент Македонии К. Глигоров, С. Милошевич, лорд Дэвид Оуэн. Весьма важной в этом отношении является глава книги, где приводятся высказывания западных (в основном, американских) дипломатов и политиков по македонскому вопросу, сделанные в последние годы. Большую ценность представляют подборки цитат политиков из албанской и македонской печати по всему тексту книги.

К этому же жанру относится книга воспоминаний сербского генерала Ратко Младича, увидевшая свет в 2019 г.¹⁴. В книге впервые публикуются его выступления и интервью, а также воспоминания, которые мне удалось записать во время посещения его в Гаагском Трибунале. Р. Младича на Западе считали великим полководцем и гением тактики, коварным противником и даже безумцем; он был обвинен в преступлениях против человечности, но стал народным героем для сербов. Настоящее издание призвано показать миру подлинного Младича и дать ему слово. Книга адресована всем, кто интересуется историей и современным развитием Балкан.

В Центре по изучению современного балканского кризиса на основе опубликованных документов были написаны несколько монографий. Кроме упомянутой ранее «Истории югославского кризиса», в 2012 г. руководителем Центра была опубликована работа «Балканские дороги и шальное бездорожье»¹⁵. В Белграде она переведена на сербский язык¹⁶. На протяжении многих лет автор исследует историю югославянских народов — сербов, черногорцев, боснийцев, македонцев, хорватов, албанцев в Косове и Македонии. В книге собраны основные работы автора, написанные в период с середины 1990-х годов по 2012 год. В первой её части проанализированы важные вехи истории славянских народов Балкан, показаны этапы российской политики в этом регионе, становление и развитие русско-сербских и русско-черногорских отношений, истоки взаимных симпатий и искренней дружбы. Вторая часть посвящена событиям 90-х годов XX в. на территории бывшей Югославии: причинам кризиса и войн, деятельности международных организаций, в том числе Международного трибунала по бывшей Югославии, агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 г., позиции России в отношении событий на Балканах на протяжении последних 20 лет. В третьей части представлены личные воспоминания автора о встречах на балканских дорогах с главными акторами боснийской войны — Радованом Караджичем и генералом Ратко Младичем, о работе в штабе миротворческих сил в Загребе в 1994 г., об участии в качестве научного эксперта на процессе генерала Станислава Галича в МТБЮ.

Главной темой книги «Агрессия НАТО 1999 г. против Югославии и процесс мирного урегулирования»¹⁷ стала проблема Косова как повод для агрессии сил НАТО против Югославии в конце XX в. В Сербии её издали в Приштинском университете с местом пребывания в Косовска-Митровице (Косово) под названием «Косово и Метохия: война и условия мира»¹⁸. Автор показывает картину происшедшего на Балканах в конце прошлого века комплексно, обращая внимание также на причины и последствия событий 1999 года. Монография повествует об истории возникновения «албанского вопроса» на Балканах, в ней анализируется новый виток кризиса в Косове в 1997–1998 гг.,

ставший предтечей агрессии НАТО против Югославии. Событиям марта-июня 1999 г. посвящена отдельная глава. В ней рассматривается ход и последствия 78 дней агрессии НАТО против Югославии: планирование операции, вооружение НАТО и югославской армии, этапы бомбардировок, роль международных организаций и Совета Безопасности ООН, позиции европейских государств, в частности, России. Особое место в книге занимает исследование переговорного процесса в апреле-июне 1999 г., который возглавляли трое посредников — М. Ахтисаари, С. Тэлботт и В.С. Черномырдин. Переговоры закончились капитуляцией Югославии на унижительных условиях, вводом войск НАТО на территорию Косова и сменой режима в Югославии. Последняя глава посвящена тем политическим событиям, которые характеризовали последующее развитие Югославии (Сербии и Черногории), Косова и переговорный процесс между Белградом и Приштиной вплоть до апреля 2013 г. Книга выдержала второе издание: в 2020 г. она вышла в Санкт-Петербурге под названием «Югославия: Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования»¹⁹.

В декабре 2021 г. и январе 2022 г., почти одновременно, на сербском и русском языках увидела свет монография «Внешняя политика России в годы югославского кризиса 1985–1995»²⁰. На основе опубликованных документов, югославских и российских архивных материалов в ней рассматриваются этапы внешней политики СССР/России на Балканах в 1985–1995 гг., в период правления М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, когда министром иностранных дел был А.В. Козырев, а также анализируются факторы, влиявшие на её формирование.

Кризис югославской федерации — тяжёлое испытание не только для народов её населяющих, но и для всей Европы. Европейские страны, США, Россия и всё мировое сообщество искали пути решения множества сложнейших проблем, порождённых распадом СФРЮ и СССР.

Политика СССР последних лет и новой России в отношении распадающейся Югославии складывалась сложно и неоднозначно. Югославское направление балканской внешней политики СССР во второй половине 1980-х годов в трудных внутриво-

литических условиях не было серьёзно востребованным. Когда над югославской федерацией в 1990 г. отчётливо нависла угроза конфликта между республиками, Белграду крайне важна была позиция Москвы. Тогда она была однозначной — у руководства СССР необходимость единства Югославии не вызывала никакого сомнения. На позицию руководства страны не могли не оказывать влияния сложная кризисная экономическая ситуация, зависимость в этом от Запада, необходимость выполнять определённые условия, чтобы получить финансовую поддержку и кредиты, иллюзорная надежда на равноправное международное сотрудничество со странами Европы и США, необходимость дистанцироваться от возможных попыток инкриминировать Москве поддержку «великосербской» идеи.

В 1992 г., после распада СССР, внешняя политика России формировалась с нуля, так как министр иностранных дел А.В. Козырев пытался кардинально изменить её суть — перейти от отношений противостояния с Западом к отношениям союзническим. Он декларировал Россию как новое демократическое государство и многое делал для того, чтобы доказать, что Россия стала естественным союзником западного мира. Министр стремился к сотрудничеству, приоритет в отношениях отдавал Западу и главными направлениями определил партнёрство с Европой и стратегический союз с США. Но Запад преследовал иные цели — стремился ограничить влияние Москвы в решении европейских и, особенно, балканских проблем. Поэтому позиция России на мировой арене была скорее робкой, оборонительной, поддакивающей и непротиворечащей общей линии европейских стран.

Особенностью внутренней организации структуры власти в Российской Федерации было то, что МИД обладал большой самостоятельностью в принятии решений, в том числе и по югославским проблемам. А.В. Козырев выработывал стратегию, дипломаты её осуществляли, и сам же министр это контролировал. Приоритет единоличного принятия решений и полная бесконтрольность со стороны государственных структур не могли не привести к ряду серьёзных ошибок в балканской политике.

Оценивая внешнюю политику Российской Федерации в этот период, автор отмечает плюсы и минусы в деятельности мини-

стра и МИД. Но главное — в России при А.В. Козыреве отсутствовала тщательно выверенная стратегия внешней политики на Балканах. А тактические шаги рассчитывались западными партнёрами. Ошибки этого периода пришлось исправлять уже новым дипломатам в XXI веке.

Кроме чисто научных изданий, Центр по изучению современного балканского кризиса стал инициатором публикации научно-публицистической работы под названием «Листая страницы сербской истории»²¹. Авторский коллектив состоял из семи российских и трёх сербских учёных. В книге рассказывается о важных и интересных событиях сербской истории, победах и поражениях в битвах, ярких личностях и, конечно, о русско-сербских отношениях. Начинается повествование с эпохи славных Неманичей, Косовской битвы 1389 г., роли сербской православной церкви в истории народа, с описания жизни средневекового общества. XIX век представлен разделами о двух сербских династиях того времени — Карагеоргиевичах и Обреновичах, а также о выдающейся личности, самом крупном политике независимой Сербии и «строителе» Первой Югославии Николе Пашиче. История XX века начинается с рассказа о не известной ранее гуманитарной помощи России балканским народам в годы Балканских войн и Первой мировой войны, а также о короле Александре Карагеоргиевиче, убитом хорватско-македонскими заговорщиками 9 октября 1934 г. Значительный интерес представляет раздел о русских эмигрантах, нашедших на Балканах сначала временное пристанище, а потом и постоянное место проживания после революции в России 1917 года. Важное место в книге отводится личности югославского лидера Йосипа Броза Тито и рассказу о сути конфликта между СССР и Югославией в 1948 г. Заканчивается книга изложением позиции России в отношении балканских народов бывшей Югославии в 90-е годы прошлого и начале нынешнего века.

В 2009 г. Центр организовал научную конференцию, посвящённую деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии В ее работе принимали участие более 30 учёных из России, Сербии, Республики Сербской (Босния и Герцеговина), Болгарии, Англии, Голландии, США. Результаты обсуждения

нашли отражение в опубликованном сборнике «Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность. Результаты. Эффективность»²². Он тематически состоит из двух частей. Первая посвящена анализу исторических, политических и правовых аспектов создания и деятельности МТБЮ. В частности, рассмотрены такие проблемы, как специфика правовой доктрины и процессуального права Трибунала, структура и характер обвинительных актов, роль, место и значение Трибунала в современных политических процессах как глобального, так и регионального (балканского) уровня. Во второй части представлены статьи, анализирующие историческую достоверность событий в Сребренице и их интерпретацию в судебных заседаниях МТБЮ.

Кроме научной и издательской деятельности, Центр с самого начала вёл большую просветительскую работу: сотрудники проводили консультации, экспертные оценки, выступали в средствах массовой информации с научным анализом и комментариями о современных событиях на Балканах, организовывали круглые столы и научные конференции, а также принимали участие в работе научных симпозиумов в России и за рубежом. С 1990 г. по декабрь 2021 г. включительно они участвовали в 282 международных и российских научных конференциях и круглых столах, прочитали 189 лекций в Сербии, Боснии и Герцеговине, Македонии, России, участвовали в 460 передачах на радио и в 340 — на телевидении, дали комментарии 431 газете, агентствам и сайтам, консультировали 10 фильмов на телевидении по проблемам Югославии.

В Центре велась большая научно-учебная работа — Е.Ю. Гуськова читала лекции на историческом факультете МГУ, в Государственном университете гуманитарных наук (ГУГН), проводила мастер-классы в Екатеринбургском государственном университете, Пермском государственном университете, выступала оппонентом на защите девяти кандидатских и докторских диссертаций в Москве, Екатеринбурге и Казани. В Центре защищены четыре и подготовлена к защите одна диссертация.

Е.Ю. Гуськова — доктор исторических наук, автор более 650 научных публикаций. В 2006 г. она избрана иностранным членом Сербской Академии наук и искусств по отделению исторических наук, в 2015 г. — иностранным членом Академии наук Республи-

ки Сербской. В 2009 г. и 2017 г. она избиралась сенатором Республики Сербской (БиГ) с мандатом на 7 лет. Е.Ю. Гуськова является членом Международной комиссии экспертов по выявлению правды о Ясеноваце в годы Второй мировой войны, членом Российско-сербской комиссии историков при Отделении историко-филологических наук РАН, членом Международного консультативного научного комитета Института международной политики и экономики (Белград), членом Общественной палаты Союзного государства Россия — Белоруссия, членом Международного комитета Всемирного Русского Народного Собора, председателем жюри в номинации «Литература по истории славянских народов» Литературного Форума «Золотой Витязь», членом Попечительского совета Русского Балканского центра в Белграде, членом редколлегии ряда научных российских и зарубежных журналов.

Центр участвовал в совместных с Академиями наук балканских стран проектах: по проблемам государственного строительства и межнациональных отношений в Македонии, становления государственности Республики Хорватии (1990–2005 гг.), общественно-политического развития Черногории в современных условиях и др. Сотрудники планировали также продолжить работу по исследованию приоритетных для Центра проблем — об урегулировании кризиса и переговорном процессе в Косове после 1999 г., о нарушении прав человека на постъюгославском пространстве, о деятельности Гаагского Трибунала и пр.

В 2020 г. Центр по изучению современного балканского кризиса в Институте славяноведения РАН был закрыт. Надеемся, что изучение постъюгославских проблем конца XX — начала XXI вв. будет продолжено будущими поколениями историков на основе тех документов, которые были выявлены и опубликованы сотрудниками Центра за 25 лет его существования.

Примечания

¹ Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992): Современная история Югославии в документах. Т. 1 / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.; Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии: Современная история Югославии в документах. Т. 2 / Автор, составитель, отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1993. 504 с.

- 2 Jugoslovenska kriza i Rusija. Dokumenti, fakta, komentari (1991–1995) / Dr. Jelena Guskova — autor, priredivač, urednik. Beograd: IMPP, 1996. 404 s.; Югославската криза и Русија. Документи, факти, коментари: Съвременна историја Југославији в документ. Софија, 1994. 616 с.
- 3 Македонија. Путь к самостоятельности: Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. 528 с.
- 4 Словения. Путь к самостоятельности: Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2001. 552 с.
- 5 Международные организации и кризис на Балканах: Документы. Т. 1–3 / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2000.
- 6 Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
- 7 Guskova J. Istorija jugoslavenske krize 1990–2000. Т. 1–2. Beograd: IGAM, 2003.
- 8 Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1–4. (1878–2010 гг.) / Автор-составитель и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2006–2011.
- 9 Наши миротворцы на Балканах / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2007. 360 с.
- 10 Руски миротворци на Балкану. Нови Сад: Друштво српско-руског пријатељства и руске дијаспоре, 2007. 347 с.
- 11 Балканский кризис: говорят участники. Сб. статей / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Инслав РАН, 2016. 400 с.
- 12 Югославия. Участники событий вспоминают / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. СПб.: Владимир Даль, 2020. 528 с.
- 13 Никовский Ристо. США и независимая Македония (1991–2013) / Перевод с македонского. М.: Инслав РАН, 2017. 234 с.
- 14 Ратко Младич: Я признаю только суд моего народа: выступления, интервью, воспоминания / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Гуськова. СПб.: Владимир Даль, 2019. 168 с.
- 15 Гуськова Е.Ю. Балканские Дороги и шальное бездорожье. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 614 с.
- 16 Гуськова Е.Ю. Балкански путеви и сумануто беспуђе: мишљење руског историчара. Београд: Catena Mundi, 2013. 544 с.
- 17 Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО 1999 г. против Югославии и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 310 с.
- 18 Гуськова Е.Ю. Косово и Метохија: рат и услови мира. Косовска Митровица, 2014. 446 с.
- 19 Гуськова Е.Ю. Югославия: Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. СПб.: Владимир Даль, 2020. 512 с.
- 20 Гуськова Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса 1985–1995. СПб.: Владимир Даль, 2022. 462 с.; Гуськова Елена. Спољна политика Русије у годинама југословенске кризе (1985–1995). Нови Сад: Матица Српска, 2021. 384 с.
- 21 Листая страницы сербской истории / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2014. 368 с.
- 22 Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность. Результаты. Эффективность. М.: Индрик, 2012. 544 с.

ГЛАВА III

СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН С ЗАРУБЕЖНЫМИ АКАДЕМИЯМИ НАУК: КОЛЛЕГИ, СОРАТНИКИ, ДРУЗЬЯ

Из истории международного научного сотрудничества Института славяноведения РАН. Как создавались фундаментальные публикации документов

С 1 января 1947 г. в Москве, в структуре Академии наук СССР, начало свою деятельность новое научно-исследовательское учреждение — Институт славяноведения. Одним из его основателей стал Сергей Александрович Никитин (1901–1979), в то время профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1947 г. — зав. кафедрой истории южных и западных славян. В Институте он возглавил сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

В качестве главной, ключевой темы исследований для этого немногочисленного вначале научного подразделения профессор Никитин определил проблему русско-балканских связей, включающую вопросы политики России и отношения русского общества к событиям на Балканах — в период от Крымской войны 1853–1856 гг. до Берлинского конгресса 1878 г.

Следует подчеркнуть, что уже с начала 1940-х годов С.А. Никитин целенаправленно работал как исследователь по данной тематике и в 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Русское общество и вопросы балканской политики в 1853–1856 гг.»¹. При её подготовке, во время интенсивных архивных поисков и изучения русской периодической печати, он вскрыл громадные пласты в большинстве своём не известных ранее документов и материалов, относящихся к истории Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Познакомившись с их содержанием, профессор Никитин пришёл к выводу, что выявление, издание и обстоятельный их анализ — важнейшая задача славистической

науки. Новые документы были необходимы, в первую очередь, для углубленных исследований в области недостаточно изученной и односторонне трактуемой в тот период балканской политики России. Также это давало профессору Никитину возможность создавать труды, свободные, в какой-то степени, от «марксизма-ленинизма», активно насаждаемого в науке. Следует отметить, что с самого начала Сергей Александрович, следуя традициям дореволюционного славяноведения, придавал этому виду работы очень большое значение, считая его особой формой научно-исследовательского труда, когда исторические проблемы, в отличие от статей и монографий, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

В советскую эпоху для выполнения какого-либо научного замысла прежде всего была необходима поддержка соответствующих вышестоящих структур, и не только академических. После окончания Великой Отечественной войны советским руководством был взят курс на укрепление формирующегося социалистического лагеря. Применительно к славяноведению это означало, что в первую очередь «разрешались» и поддерживались те труды, в которых исследовались проблемы возникновения и развития дружественных связей России/СССР и зарубежных славянских народов, их боевого содружества в борьбе с общими врагами на разных исторических этапах. С.А.Никитин прекрасно ориентировался в послевоенных реалиях и поэтому из всего многообразия тем будущего документального труда «из истории феодализма и капитализма» (тематика его сектора) выбрал проблему «Роль России в освобождении Болгарии от турецкого ига». Это направление научного исследования было важно ещё и потому, что позволяло, помимо русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и создания Болгарского государства, осветить целый ряд других значимых вопросов, а именно: этапы Великого Восточного кризиса, балканскую политику России и других великих держав, отношение русского общества к национально-освободительной борьбе балканских славян, роль русских дипломатов, военных, общественных деятелей и организаций в происходивших на Балканах событиях — то есть давало возможность изучить главную тему комплексно.

В 1947 г., когда были созданы Институт славяноведения и возглавляемый С.А. Никитиным сектор, исполнилось 70 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а к 90-летию юбилею этого выдающегося исторического события издательство «Наука» АН СССР выпустило три тома фундаментального труда «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Эти 20 лет были наполнены кропотливой, целенаправленной, интенсивной работой, изыскательской и исследовательской одновременно, — в архивах, библиотеках, хранилищах музеев, в которой участвовали десятки преданных своему делу учёных-славистов, архивистов, переводчиков. К тому же это был один из первых опытов международного научного сотрудничества в Институте славяноведения, в данном случае с болгарскими коллегами. Бесспорные достижения этого периода — навыки и наработки по выявлению, обработке, изучению, комментированию и подготовке к изданию документов — станут ценнейшим «капиталом» создателей «Освобождения Болгарии...» и в последующие десятилетия будут использоваться ими при осуществлении других институтских международных проектов, в том числе и по проблеме «Россия и зарубежные славяне в XIX веке».

Период подготовки публикации был очень важен еще и потому, что в эти годы был сделан решающий шаг по пути формирования научной школы историков-славистов профессора С.А. Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлёк к выявлению и комментированию документов, составлению именного и географического указателей к этому изданию, — А.А. Улунян, Н.В. Зуева, Е.М. Шатохина, К.Л. Струкова, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасёв, И.В. Козьменко, Н.И. Хитрова, В.Д. Конобеев, В.М. Хевролина и др. — являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Всё это впоследствии, став известными учёными — болгаристами и югославистами, они использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая тем самым преемственность научных исследований.

С конца 1950-х годов под руководством профессора Никитина в Советском Союзе были проведены невиданные ранее по масштабу работы по выявлению архивных документов по вышеуказанной тематике, которые осуществлялись не только в хранилищах столичных городов, но и в регионах — на Кавказе, в европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей — в Болгарии.

В подготовке труда активное участие приняли болгарские историки: академик Д. Косев, А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, Н. Жечев, Хр. Гандев, К. Каратеодорова, Р. Стоянова и др. Они также выявляли документы, писали комментарии, отстаивали позиции болгарской исторической науки на заседаниях совместной советско-болгарской редколлегии, регулярно проходивших в Москве и Софии.

Работа над публикацией «Освобождение Болгарии...» стала не только вехой в становлении советской болгаристики, но и важным этапом в истории Института славяноведения, его международных контактов. Огромную роль этот труд сыграл и в жизни его создателей — отечественных учёных-болгаристов. Благодаря ему были установлены тесные, очень нужные для работы и просто дружеские связи со многими коллегами, продолжавшиеся затем долгие годы.

Первый том публикации вышел в издательстве «Наука» в 1961 г., второй — в 1964 г., третий — в 1967 г. Вскоре после завершения этого фундаментального труда появились положительные рецензии в советской и зарубежной печати, а его участники были награждены высокими болгарскими наградами. Но на том этапе развития славяноведения уникальность этой публикации, как мне кажется, в полной мере ещё не осознавалась. Должно было пройти немало времени, чтобы оценить её научное значение, всё то, что дает современным исследователям основание считать «Освобождение Болгарии...» непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания. А сделали его таким «научно-образцовым» они, мои незабвенные старшие коллеги, наставники и друзья, неутомимые труженики науки, бесконечно преданные своему призванию и порученному делу.

Мне уже приходилось писать о них. Но сейчас, в коллективной монографии, посвященной 75-летию создания Института славяноведения, совершенно необходимо, на мой взгляд, ещё раз рассказать о тех, кто своей кропотливой, неустанной, каждодневной работой на протяжении десятилетий создавал уникальные труды, составившие впоследствии славу отечественной науки. В случае с проектом «Освобождение Болгарии...», над которым работали десятки высокопрофессиональных специалистов из разных учреждений, помимо С.А. Никитина, бесспорного научного лидера, координатора и руководителя, следует выделить группу историков-болгаристов, внесших наибольший вклад в создание этого труда. Это были: Василий Дмитриевич Конобеев, Нина Владимировна Зуева, Екатерина Мелентьевна Шатохина и Акоп Арутюнович Улуян.

Василий Дмитриевич Конобеев (1916–1978) являлся одним из руководителей работы по выявлению документов в архивах, хотя в 1950-е годы он еще не был сотрудником Института славяноведения (стал им в 1966 г.). Этот высокий, статный полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, преподавал историю КПСС в Военно-воздушной инженерной академии и вёл занятия с будущими космонавтами (впоследствии он часто рассказывал нам о Юрии Алексеевиче Гагарине и других). Профессор Никитин, разумеется, не мог всё лично контролировать, организовывать каждодневную работу и сводить воедино результаты деятельности различных поисковых групп во многих городах. Поэтому помощь Василия Дмитриевича, человека военного, ответственного и дисциплинированного, к тому же специалиста по истории русско-болгарских отношений*, была весьма значительна.

Семь лет я работала в одном секторе с В.Д. Конобеевым, вплоть до его внезапной кончины в августе 1978 г. (как и многие бывшие фронтовики, он не отличался крепким здоровьем).

* В 1950 г. В.Д. Конобеев защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию «Роль России в создании вооруженных сил Болгарии в период её освобождения от турецкого ига (1878–1879 гг.)». В 1953 г. она была опубликована под названием «Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (впоследствии была переведена на болгарский язык).

И хотя труд «Освобождение Болгарии...» уже был завершен, издан и очень высоко оценен научным сообществом в СССР и за рубежом, Василий Дмитриевич не сбавлял темпа и по-прежнему интенсивно трудился в архивах — выявлял документы для новой советско-болгарской публикации «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876 гг.». При этом он писал докторскую диссертацию (защищённую в Болгарии в 1973 г.) и находился в постоянном научном контакте с болгарскими коллегами.

В «болгарской» группе сектора новой истории балканских народов успешно трудился Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003). В Москве бывший фронтовик появился в 1953 г., после окончания Ереванского университета. Он приехал в столицу учиться в аспирантуре по специальности «История Болгарии», и с тех пор почти полвека его жизни было отдано Институту славяноведения.

Как аспиранту профессора Никитина, Акопу Арутюновичу была предложена тема «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Она стала главным направлением его научных исследований на все последующие десятилетия.

Во второй половине 1950-х годов уже полным ходом шло выявление в архивах документов для «Освобождения Болгарии...», и, разумеется, аспирант Улунян с его «военной» темой был привлечен к этой сложной и трудоемкой работе, требующей много времени и сил. Конечно, это мешало ему в его исследованиях по диссертации, тем более, что его научный руководитель, он же зав. сектором, он же ответственный редактор публикации был чрезвычайно требовательным и не допускал возражений и уклонения от работы над главным, по его убеждению, трудом Института. Помню, с какой обидой рассказывал Акоп Арутюнович мне, молодой сотруднице в начале 1970-х годов, когда все три тома «Освобождения Болгарии...» уже были изданы, как «беспощадно эксплуатировал» Никитин его и других участников этого проекта, особенно молодых, давая одно задание за другим, не считаясь ни с чем и ни с кем, а те не смели ему возражать. Эти мысли высказывали и другие мои старшие коллеги.

Но, с другой стороны, диктаторские методы Сергея Александровича в какой-то степени были оправданы масштабностью и

грандиозностью проекта, какого ещё не было в истории славяноведения, а также жесткими сроками, заранее согласованными и установленными во всех инстанциях. «Не только искусство требует жертв!» — это слова профессора Никитина. Однако был в этой ситуации и положительный момент. Несмотря на «эксплуатацию» во имя науки, Акопу Арутюновичу, я считаю, очень повезло, ибо во время работы над «Освобождением Болгарии...» в центральных и региональных архивах был выявлен огромный корпус уникальных документов, до этого не известных ученым. Многие из них не вошли в публикацию, ограниченную листажом, а отправились в так называемый «отсев». И эти материалы оказались в полном распоряжении аспиранта Улуныяна, став, наряду с опубликованными, основной источниковой базой его будущей диссертации, а затем и монографических исследований. Да он и сам впоследствии признавал, что без работы над «Освобождением Болгарии...» он не смог бы написать свои последующие труды. А.А. Улуныян — автор трех книг: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. (М., 1971. Переведена и издана в Болгарии в 1972 г.), «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. Очерки» (М., 1978), «Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1994), а также Биобиблиографического словаря «Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв.» (Т. I–II. М., 1996). Его перу принадлежат также около 50 статей и рецензий.

Кроме того, именно в аспирантские годы, благодаря Сергею Александровичу, Акоп Арутюнович открыл для себя безбрежное море русской периодической печати и определил значение этого вида источников для изучения русско-болгарских связей и формирования общественного мнения в России по болгарскому вопросу. И хотя он отнюдь не идеализировал своего шефа и даже позволял себе в кулуарах, в отличие от большинства «никитинцев», критические высказывания в его адрес, тем не менее он много перенял от своего научного руководителя, в первую очередь, в плане работы с архивными документами и прессой XIX века. И не подлежит сомнению то, что никто из учёных-славистов того поколения не привлекал в своих трудах такого количества периодических изданий, в том числе малоизвестных

региональных. И ещё хочется подчеркнуть один момент. Обладая удивительным даром исключительно эмоционального восприятия окружающего мира, Акоп Арутюнович переносил его на события прошлого, в данном случае русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И это чувствуется при чтении его трудов.

В секторе новой истории балканских народов Института трудились и две замечательные женщины, подруги со студенческих времён и на всю жизнь, — Нина Владимировна Зуева (1926–2013) и Екатерина Мелентьевна Шатохина (1924–2003). Среди создателей труда «Освобождение Болгарии...» они занимают особое место. Обе — выпускницы исторического факультета МГУ, обе — ученицы профессора Никитина, обе — болгаристки. Тема их научных исследований — взаимодействие российской дипломатии и болгарского национально-освободительного движения в контексте международных отношений на Балканах в 50–70-х годах XIX в. К сожалению, так сложилось (главным образом ввиду их нагрузки по подготовке публикаций документов), что проработав в Институте более 30 лет, они не защитили диссертаций и не издали индивидуальных монографий. Вместе с тем их перу принадлежат десятки статей, опубликованных в авторитетных научных изданиях СССР и Болгарии, и разделов в обобщающих трудах: «История Болгарии» (Т. I. М., 1954), «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986), «Болгаро-русские общественно-политические связи в 50–70-е гг. XIX века» (Кишинёв, 1986). Несмотря на отсутствие степеней, они были признаны в научном сообществе болгаристов как высококвалифицированные специалисты.

Особенно значим был вклад Н.В. Зуевой и Е.М. Шатохиной в создание публикации «Освобождение Болгарии...». Именно на них лежала значительная часть огромной текущей работы по выявлению и комментированию документов, по технической подготовке их к печати, по контактам с иногородними и болгарскими коллегами и т.д. и т.п. В общем, тот, кто когда-нибудь трудился на публикаторском поприще, знает, что это такое. К тому же Нина Владимировна была секретарём С.А. Никитина, руководителя очень требовательного, превыше всего ставившего интересы науки и служение ей. Такие личные качества Н.В. Зуевой и

Е.М. Шатохиной как редкостное трудолюбие, добросовестность и скрупулёзность в работе, доброжелательное и уважительное отношение к коллегам, преданность своему делу, профессионализм, любовь к Болгарии и болгарам, ярко проявились при подготовке рассматриваемого труда и, в конечном счёте, способствовали его успеху.

Особо хочется подчеркнуть их роль в развитии научных связей нашего Института с болгарскими коллегами, установившихся ещё в 1950-е годы. Мне, молодой и неопытной сотруднице начала 1970-х годов, давали они в этом плане настоящие «мастер-классы».

Международное научное сотрудничество — дело совсем не простое, это знают все, кто участвовал в подобных проектах. И здесь немаловажную роль играют, помимо профессиональных, человеческие качества участников, их интеллигентность, готовность помочь, талант слушать оппонентов, вести с ними дискуссию в уважительной форме, умение убеждать в своей правоте. Такими и были Нина Владимировна и Екатерина Мелентьевна. Я не могла не видеть, с каким уважением и симпатией общались с ними болгарские историки, приезжавшие в Институт славяноведения, — и рядовые сотрудники, и мэтры с орденами и званиями. И в Болгарии Нину Владимировну и Екатерину Мелентьевну знали и уважали, что неизменно проявлялось во время их зарубежных командировок.

Как и их друг Акоп Арутюнович Улунян, Н.В. Зуева и Е.М. Шатохина свою задачу как исследователей, ту, которая была им по силам, прежде всего видели в том, чтобы сделать как можно больше открытий в библиотеках и архивах, собрать как можно больше нового материала, создав таким образом необходимую источниковую базу для изучения русско-болгарских отношений в Новое время, в том числе будущими поколениями российских и зарубежных историков. В этом плане они были типичными представителями отечественного исторического славяноведения второй половины XX в., когда накопление новых фактов и документов являлось одним из главных направлений деятельности учёных. И на этом поприще они трудились всю свою жизнь, трудились честно, самоотверженно, добросовестно и профессионально.

Документальная публикация «Освобождение Болгарии...», подготовленная отечественными и болгарскими учёными, стала образцом, эталоном для будущих работ такого типа, значительным вкладом в болгаристику, в историю Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и международных отношений на Балканах. Она явилась не только собранием уникальных материалов, но также, благодаря многочисленным развёрнутым комментариям (фактически мини-исследованиям), серьёзным, во многом новаторским научным трудом по указанной проблематике.

Первый том публикации, с подзаголовком «Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877» (М., 1961), — это документальная предыстория русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он включает 460 документов (78 — за 1875 г., 322 — за 1876 г., 60 — за 1877 г.), из которых 26 уже были ранее опубликованы в других изданиях. Хронологические рамки первого тома — от начала восстания в Герцеговине летом 1875 г. до 12 (24) апреля 1877 г., дня объявления войны. Для его подготовки участники проекта обследовали материалы 72 архивных фондов в хранилищах СССР и свыше 60 фондов в Болгарии.

В первом томе отчётливо проявилась одна из главных особенностей данного труда — широта тематического охвата. В него были включены документы, позволившие по-новому осветить ряд важных вопросов освободительного движения болгарского и других балканских народов, балканской политики России в начале Великого Восточного кризиса, о позиции других великих держав. Несомненной заслугой создателей труда являлась публикация документов об общественных связях между Россией и южными славянами, что не нашло ещё на том этапе развития отечественного славяноведения отражения в других изданиях. Это главная тема первого тома, хотя и дипломатическая история представлена целым рядом уникальных документов, ранее не известных исследователям. Донесения консулов: А.С. Ионина из Дубровника, А.Н. Карцова из Белграда, Я.П. Славлюбова из Мостара и др. — позволяют сделать вывод о значительной роли русских дипломатических представителей, одновременно

являвшихся агентами славянских комитетов на Балканах, в деле оказания разноплановой помощи герцеговинским и боснийским беженцам, болгарам, сербам, черногорцам (раздача денежных пожертвований, покупка продовольствия и вещей, организация санитарной службы и т.д.).

Впервые в историографии были опубликованы документы из фондов III отделения е.и.в. канцелярии, хранящих материалы политического сыска. В труд были включены донесения губернских жандармских управлений, копии перлюстрированных писем, характеризующие отношение различных социальных групп населения Российской империи к событиям на Балканах. Бесценный материал по теме «Русское общество и освободительная борьба южных славян» содержится в опубликованных документах Московского благотворительного комитета и его С.-Петербургского отделения, принимавших самое активное участие в организации денежных и вещевых сборов по всей России уже с осени 1875 г., в компании по посылке добровольцев в Сербию после начала сербо-турецкой войны летом 1876 г., в связях с болгарскими комитетами, а также с благотворительными организациями в Сербии, Черногории, Боснии и с Международным комитетом помощи семьям и раненым Герцеговины и Боснии, созданным в Париже 16(28) августа 1875 г. под председательством сербского митрополита Михаила.

Большую научную ценность представляют материалы первого тома, касающиеся событий в Болгарии, в первую очередь, деятельности болгарских революционных комитетов и подготовки Апрельского восстания 1876 г. Из архивов Болгарии были извлечены личные письма, документы Болгарского центрального революционного комитета, Болгарского центрального благотворительного общества, местных комитетов, т.е. организаций нелегальных или полулегальных. Часть этих материалов написана симпатическими чернилами и была расшифрована, многие источники оказались повреждёнными. Данная группа документов потребовала большой предварительной работы. В первый том были также включены выявленные в Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи) уникальные дипломатические документы по болгарар-

ской тематике: донесение российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева от 27 апреля (9 мая) 1876 г. в МИД о начале Апрельского восстания в Болгарии и его же донесение лично Александру II от 7(19) мая о его подавлении и др.

На страницах первого тома впервые в историографии нашло отражение добровольческое движение в Сербию в 1876 г. Эту тему освещает весьма значительный блок документов. Они характеризуют социальную среду, давшую добровольцев, мотивы, ведшие их в Сербию, показывают совместные действия русских и болгарских добровольцев, а также ту огромную помощь славянских комитетов, во главе с И.С. Аксаковым, которую они оказывали добровольцам, начиная с их обмундирования и отправки на Балканы.

Документы первого тома затрагивают многие вопросы, которые и по сей день являются ключевыми, а некоторые и дискуссионными, неизменно привлекающими внимание исследователей. Среди них — позиция русского правительства, отношение различных слоёв русского общества к событиям на Балканах, деятельность славянских комитетов. В советскую эпоху было принято всячески подчеркивать сочувствие к борющимся против турецкого ига славянам широких масс населения Российской империи — крестьян, рабочих, служащих и интеллигенции, в меньшей степени дворян и купечества, что выражалось в значительных материальных пожертвованиях. При этом в исторических трудах иные мнения, имевшие место в русском обществе по поводу необходимости и целесообразности этой помощи, практически не рассматривались. Поэтому самой высокой оценки заслуживает объективная позиция создателей «Освобождения Болгарии...», которые, несмотря на существовавшие в историографии «стандарты», поместили в первом томе документы, свидетельствующие о том, что далеко не все в России приветствовали «славянский порыв». Из включенных в том копий перлюстрированных писем, а также донесений начальников губернских жандармских управлений следует, что некоторые представители интеллигенции, в целом сочувствуя «страждущим славянам», тем не менее, выступали против помощи им в таких масштабах. Они считали, что собранные по всей Империи сотни тысяч рублией необходимо

было потратить на нужды не балканцев, а самих русских. Так, впервые была опубликована примечательная записка III отделения от 7 ноября 1875 г., в которой отмечалось следующее: «Несмотря на сильное содействие прессы к подогреванию чувств благотворительности к страдающим герцеговинцам, в обществе уже открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные внутренние свои нужды...»².

12(24) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Длилась она около года, была тяжёлой, кровопролитной, с огромными человеческими жертвами и финансовыми затратами. Военные издержки составили 1.113 млн руб.³

События русско-турецкой войны — с её начала до 19 февраля (3 марта) 1878 г., дня подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, — отражены в документах **второго тома** «Освобождения Болгарии...», с подзаголовком «Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878».

Всего во втором томе — 499 документов (362 — за 1877 г., 137 — за 1878 г.); 26 из них ранее уже были опубликованы. Для подготовки этого труда учёными, архивистами и музейными работниками двух стран были обследованы материалы 295 фондов в хранилищах СССР и 118 фондов в архивах Болгарии.

Особенностью второго тома является то, что составители не включили в него материалы о военных действиях, так как, по их мнению, этот вопрос уже детально был освещён в различных изданиях, начиная с XIX века.

В течение всего периода войны, наряду с военными действиями против турецких армий, Россия вела тяжёлую дипломатическую битву с Англией и Австро-Венгрией, которые «поставили себе целью превратить военные победы России в её политическое поражение»⁴. Создатели рассматриваемого труда, не ставя своей задачей полное освещение этих вопросов, включили в него значительное число секретных инструкций министра иностранных дел Российской империи князя А.М. Горчакова, писем и заметок Александра II, телеграмм и докладов посла в Лондоне

в 1874–1879 гг. П.А. Шувалова, посла в Константинополе графа Н.П. Игнатьева, а также ряда других документов, которые раскрывают многие важные моменты дипломатической истории русско-турецкой войны.

Среди материалов этого блока следует выделить важнейший документ — впервые опубликованные инструкции А.М. Горчакова П.А. Шувалову от 18 мая 1877 г. об англо-русских переговорах относительно соблюдения интересов сторон и о позиции России по вопросам о Суэцком канале и Черноморских проливах. Документ опровергает утверждение британского кабинета о стремлении России захватить Суэцкий канал и таким образом угрожать Англии в Средиземном и Красном морях. Примечательна часть инструкций относительно намерений русского правительства урегулировать вопрос о Константинополе и Проливах «с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»⁵. В документе подчеркивается, что захват Константинополя «не входит в планы его величества императора». Русское правительство надеется, продолжал далее Горчаков, что Лондон «примет во внимание особые интересы России, удовлетворение которых зависит от этой войны и из-за которых Россия идёт на такие жертвы. Эти интересы состоят в абсолютной необходимости положить конец несчастному положению христиан, находящихся под властью турок, и постоянным кризисам, которые из этого вытекают... При каждом из этих кризисов России ставят в вину её политику, смотрят на нее косо: кризисы влияют на международные отношения, торговлю, финансы, кредиты». Однако Россия, по словам министра, не может постоянно находиться «во власти... разрушительных случайностей, которые мешают её мирному развитию и наносят ей неисчислимый вред». Вот почему российский император «решился возложить все расходы по войне на плечи своей страны». В заключение Горчаков подчеркнул, что «этот жизненно важный для России вопрос не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке»⁶.

В «дипломатическом» блоке документов также опубликована секретная телеграмма Горчакова Шувалову в Лондон от 30 мая 1877 г., свидетельствующая об изменении позиции русского пра-

вительства по болгарскому вопросу. Если раньше допускалось разделение Болгарии на северную и южную, то теперь, как отмечал министр, «после зрелого исследования вопроса мы не можем согласиться на разделение Болгарии на две части: она должна быть единой и автономной»⁷.

Документы по дипломатической истории войны раскрывают также колебания, непоследовательность и нерешительность в известные моменты русской дипломатии, которые успешно использовали западные державы для нажима на русское правительство с целью уменьшить, насколько возможно, результаты победоносной для России войны. В представленных материалах содержится немало уникальных свидетельств о том, какую важную роль играли в ходе дипломатической борьбы личные качества и способности отдельных дипломатов, например, Н.П. Игнатьева — с его широкой осведомленностью и твердостью как дипломата, глубоким пониманием болгарского вопроса.

Авторы включили во второй том много документов о помощи болгар русской армии, рассматривая её как продолжение национально-освободительной борьбы болгарского народа. Тем самым опровергались утверждения ряда западных историков о том, что болгары во время войны были пассивны. Из документов следует (док. № 169, № 171 и др.), что и созданное русскими болгарское ополчение, и другие вооружённые отряды принимали непосредственное участие в военных действиях; болгары действовали также в качестве разведчиков, переводчиков, проводников и санитаров, оказывали помощь в снабжении русской армии продовольствием, в строительстве и укреплении оборонительных сооружений, дорог, мостов и т.д.

Следует отметить, что существовавшая в историографии на протяжении десятилетий точка зрения о значительной помощи болгар русской армии, в XXI столетии, с появлением новых, многочисленных фактов, пересматривается. Так, российская исследовательница М.М. Фролова в своих работах⁸, посвящённых различным аспектам истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и написанных с привлечением обширного корпуса источников — воспоминаний русских участников войны, архивных материалов, официальной документации, убедительно проверяет ряд исто-

рических мифов, в том числе даёт иную, чем ранее, оценку действий болгар, их якобы «значительной» помощи русской армии и отношения к своим освободителям. Разумеется С.А. Никитину и его «команде», вследствие их скрупулезной, высокопрофессиональной и вдумчивой работы в архивах, были известны из документов факты, отчётливо противоречившие официальной концепции русско-болгарских отношений во время войны (об этом они не раз говорили в устных беседах). Однако представители тех инстанций, которые курировали этот проект, следуя государственному курсу на «укрепление советско-болгарской дружбы», никогда бы не разрешили в тот период опубликовать «недружественные» материалы.

Целый блок документов второго тома «Освобождения Болгарии...» посвящён созданию и деятельности болгарского ополчения во главе с генералом Н.Г. Столетовым. Сформированное и обеспеченное обмундированием в основном на частные пожертвования, собранные славянскими комитетами, оно до конца войны находилось на финансовом содержании России. Только благодаря опубликованным документам известно, что общие расходы на болгарское ополчение на 1 января 1878 г. составили 834174 руб.⁹.

Важную и значительную по объёму часть второго тома составляют материалы о деятельности русских по гражданскому устройству освобождённых болгарских земель уже с лета 1877 г. В прежних публикациях по данной теме начала XX в. (Н.Р. Овсянный и др.) были помещены главным образом общие положения, инструкции и другие материалы, которыми должны были руководствоваться русские деятели по гражданскому управлению; отчёты и переписка императорского комиссара в Болгарии генерала А.М. Дондукова-Корсакова и пр. Конкретная же работа русских и болгар по гражданскому устройству болгарских земель была отражена слабо, особенно в период, когда шли военные действия. Именно поэтому авторы «Освобождения Болгарии...» решили опубликовать во втором томе значительное число документов, которые проливают свет на многоплановую и неустанную деятельность русских по организации хозяйственной жизни, охране городов и сел, сбору налогов и в других областях гражданского

управления. Немалую роль в успехе этой деятельности сыграл видный общественный деятель, близкий к славянофилам, в 1868–1870 гг. московский градоначальник, а с ноября 1876 г. — заведующий гражданскими делами при главнокомандующем Дунайской армией, князь Владимир Александрович Черкасский (умер в Сан-Стефано в день подписания мирного договора). Из документов, опубликованных во втором томе, становится совершенно ясно, какой вклад внёс этот деятель в создание новой Болгарии. Русское гражданское управление под его руководством, исходя из главной своей задачи — заложить основы Болгарского государства, стремилось постепенно комплектовать весь государственный аппарат из лиц болгарской национальности. Русские занимали только высшие должности, которые впоследствии должны были быть также замещены болгарями.

Третий том публикации, с подзаголовком «Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879», включает 390 документов: 244 — за 1878 г. и 146 за 1879 г. Главная его тема — действия российских дипломатов, военных и общественных деятелей, направленные на формирование болгарской государственности и привлечение самих болгар к этому процессу. Для подготовки труда участниками проекта были обследованы материалы 160 фондов в архивах СССР и 100 фондов в хранилищах Болгарии.

По территориальному охвату документы третьего тома относятся к Болгарскому княжеству и Восточной Румелии — областям, где было введено русское гражданское управление. Наряду с этим здесь опубликованы также материалы о Македонии, в которых речь идет о национально-освободительной борьбе населения этой области против решений Берлинского конгресса, и о Южной Фракии.

Одна из важнейших тем третьего тома — международные отношения и дипломатическая борьба великих держав в период от Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора до Берлинского конгресса. Многочисленные документы, приведённые в издании, свидетельствуют о той тяжёлой ситуации, внутри- и внешнеполитической, в которой оказалась Россия после победоносного окончания войны. Страна пребывала в политической

изоляции, и реальная опасность создания враждебной коалиции во главе с Великобританией вызывала серьёзную тревогу у правящей элиты. Этим объяснялись как попытки быстрее договориться с Турцией о превращении прелиминарного мирного договора в постоянный, так и стремление руководителей внешней политики России лавированием и уступками смягчить в какой-то степени ситуацию. Все эти вопросы детально освещались в представленных документах, в том числе о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатьева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне.

В третьем томе впервые были полностью опубликованы инструкции русским уполномоченным на Берлинском конгрессе, раскрывающие отношение русских правящих кругов к различным вариантам решения вопроса о создании Болгарского государства. Документы тома убедительно свидетельствуют о борьбе западных держав против действий России и против интересов воссоздавшейся Болгарии. Она велась в Европейской комиссии по организации Восточной Румелии, наглядно проявилась в румелийском финансовом вопросе, в вопросах о возвращении мусульманских беженцев на прежние места жительства, о турецких преступниках и многих других. Это, безусловно, замедляло и осложняло деятельность русского гражданского управления в Болгарии, отвлекало его силы от решения основных, созидательных задач.

Содействие государственному формированию двух болгарских политических объединений, образованных по настоянию западных держав вместо Сан-Стефанской Болгарии, основанных на разных статутах, создание, вопреки желаниям противников России, предпосылок для последующего их объединения и упрочения их независимости — такова была главная политическая линия правящей российской элиты. Авторы рассматриваемого труда включили в третий том примечательный документ — инструкцию МИД России русскому генеральному консулу в Филиппополе А.Н. Церетелеву, в которой подчеркивалось: «Отделение Берлинским конгрессом Южной Болгарии от Северной и образование из неё особой области под названием Восточной Румелии представляет... ненормальное положение вещей...». В связи с этим консулу предписывалось «употреблять все старания к поддержанию ... связей между обеими половинами Болгарии и к противо-

действию всем влияниям, направленным к разъединению их»¹⁰. Такое же «задание» получил и дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.П. Давыдов в инструкции МИД от 7 сентября 1878 г.¹¹.

Всё болгарское — и шире — всё славянское население Балканского полуострова было глубоко взволновано пересмотром Сан-Стефанского мира, произведенным в Берлине. Борьба против решений Берлинского конгресса — такой была общая линия действий, объединявшая болгарское население разъединённых теперь территорий. На страницах третьего тома подробно освещены все формы борьбы, с которыми приходилось иметь дело русской администрации, и её отношение к ним.

В документах также прекрасно представлена созидательная атмосфера, сложившаяся после освобождения Болгарии, которая была результатом усилий многих русских людей, действовавших в это время в Болгарии. Имея в своём распоряжении военных и штатских сотрудников, озабоченных судьбой нового государства, русский комиссар в Болгарии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (с мая 1878 г. по июнь 1879 г.), боевой генерал, в период войны — командующий XIII армейским корпусом, а затем — Восточным отрядом русской армии на Балканах, сумел в труднейших условиях оперативно и чётко организовать работу своих подчинённых. На страницах третьего тома приведено немало сведений об этих людях, на разных участках приложивших свой труд к делу государственного строительства Болгарии.

Завершая обзор основного содержания публикации «Освобождение Болгарии...», хотелось бы остановиться еще на нескольких моментах. Прежде всего, необходимо отметить тщательный, профессионально выполненный отбор документов, при вдумчивом прочтении которых перед нами предстаёт масштабная картина сложнейшей международной ситуации периода Великого Восточного кризиса, национально-освободительной борьбы южных славян, общественного движения в России в их поддержку, различных аспектов освобождения болгарских земель и строительства новой Болгарии.

Всего в издание вошло 1349 документов. И это только небольшая часть того обширного материала, который был выяв-

лен участниками проекта. «Отсев» «Освобождения Болгарии...» (т.е. выявленные, но не вошедшие в публикацию документы) огромен. Разумеется, он не пропал — его в полной мере использовали ученые нашей страны и Болгарии в своих статьях, монографиях и диссертациях. Важно подчеркнуть, что труд «Освобождение Болгарии...» положил начало многим исследованиям в СССР по истории Болгарии, российско-болгарских связей, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (работы С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.А. Улуняна, И.В. Козьменко, Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, В.М. Хевролиной и др.). Ранее эта тематика была почти не разработана. И в этом огромное значение публикации для развития отечественного славяноведения.

В 1967 г. «эпопея» по изданию «Освобождения Болгарии...» успешно завершилась. А тем временем в секторе новой истории балканских народов шла планомерная, интенсивная работа по следующему международному научному проекту, зародившемуся ещё в конце 1950-х годов. И вновь им руководил профессор Никитин, который в 1968 г. перестал быть заведующим сектором (его сменил Ю.А. Писарев). Теперь должность Сергея Александровича в штате Института обозначалась как «научный консультант», и она абсолютно точно соответствовала той деятельности, которую вплоть до своей кончины в декабре 1979 г. он осуществлял.

Следует отметить, что с 1960-х годов в Институте, при изучении истории XIX века, приоритетными стали коллективные обобщающие труды, в первую очередь, по истории формирования наций, национально-освободительных движений, международных отношений на Балканах, об образовании национальных государств, о создании в странах региона политических партий, их программах и деятельности. Отношение руководства к документальным трудам и коллективам, их создающим, было довольно пренебрежительным. «Публикаторы» — так называли сотрудников сектора, который возглавлял С.А. Никитин. Но несмотря на это, он твёрдо стоял на своём — готовить труды, которые необходимы для развития науки и которые, как он часто повторял,

никогда не устареют. И дирекция Института была вынуждена «смириться», тем более что стало активно развиваться международное сотрудничество, и учёные славянских стран, где авторитет профессора Никитина был необычайно высок, выражали желание, чтобы именно он руководил проектами по изданию документов, главным образом, из советских архивов.

Проект, о котором далее пойдёт речь, был посвящён изданию архива протоиерея Михаила Фёдоровича Раевского (1811–1884), настоятеля русской посольской церкви в Вене в 1843–1884 гг. Согласно Плану международного научного сотрудничества АН СССР, в его осуществлении участвовали советские, чехословацкие и югославские учёные. Но вначале немного предыстории.

В 1950-е годы в Москве, в Институте славяноведения, в качестве стажёра находился молодой тогда словацкий учёный Владимир Матула (1928–2011). Он окончил истфак МГУ, прекрасно говорил по-русски и собирал материал для своей диссертации по истории русско-словацких связей, а также о видном словацком деятеле Л. Штуре. Именно В. Матула первый «напал» в архивах на письма к М.Ф. Раевскому ряда выдающихся славян. В результате последующих целенаправленных поисков им был обнаружен не известный исследователям фонд в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), а затем документы и в других архивах. Родившейся у него идеей — издать все эти «сокровища» — В. Матула поделился со своим научным руководителем С.А. Никитиным. Тот идею одобрил и, пользуясь своим положением в Институте славяноведения (в то время он ещё являлся заведующим сектором), стал «пробивать» данный проект на организационном уровне. И как это не удивительно — пробил! Оценивая данный факт спустя несколько десятилетий, не перестаёшь поражаться — как это ему удалось, в тот период и в тех условиях развития исторической науки в СССР? Ведь фактически этот проект был связан с личностью священника, протоиерея, имевшего связи при императорском дворе, общавшегося с великой княгиней Еленой Павловной, с камер-фрейлиной императрицы графиней А.Д. Блудовой и её отцом царским министром Д.Н. Блудовым. Да и остальные корреспонденты отца Михаила были отнюдь не революционными

демократами. В 1960-е годы, когда вышестоящими инстанциями, академическими и партийными, поощрялись научные исследования совсем иного рода, подготовка к изданию архива М.Ф. Раевского являлась, безусловно, смелым шагом, в первую очередь, для руководителя проекта. Не представляю, как С.А. Никитин «защищал» перед институтским начальством протоиерея Раевского, но факт остается фактом — проект утвердили, включили в перспективный план работы Института и даже сделали международным, разрешив привлечь к его осуществлению коллег из Чехословакии и Югославии.

В конце 1960-х годов было заключено соглашение между АН СССР, Чехословацкой АН и Историческим институтом в Белграде о совместной деятельности по изданию материалов архива М.Ф. Раевского в трех томах, в том числе I-го тома — в Москве, II-го тома — в Праге и III-го тома — в Белграде. Была утверждена редколлегия I-го, московского, тома — С.А. Никитин (отв. редактор), В.Г. Карасёв, И.В. Чуркина, чех Й. Кочи, словак В. Матула и серб Н. Петрович. Составителями тома являлись В. Матула и И.В. Чуркина.

Михаил Фёдорович Раевский, проживший более 40 лет в Вене, на этом перекрёстке политических и национально-культурных стремлений славянских народов, установил самые широкие связи с их представителями, выдающимися и менее известными. Это общение происходило, с одной стороны, по поручению МИД России и Св. Синода, с другой — при поддержке российских общественных, научных и культурных организаций. Через Раевского шла разнообразная помощь от Св. Синода, правительственных кругов и частных лиц, различных обществ — славянским газетам и журналам, православным церквям, многим национальным деятелям, учащейся молодёжи, культурным и общественным организациям. Контакты с ними нашли отражение в переписке, часто длившейся долгие годы.

Из славянских земель М.Ф. Раевскому писали общественно-политические деятели: С. Милетич, Ф. Палацкий, Ф. Браунер, В. Пелагич, М. Полит-Десанчич, К. Сладковский, Й. Суботич, Я. Францисци, Л. Штур и др.; учёные и литераторы: Д. Даничич, А.В. Духнович, В. Караджич, Й. Коларж, К. Кузмань, М. Маяр,

Ф. Миклошич, Ф. Рачки, К.Э. Эрбен, В. Ягич; видные государственные деятели: сербский министр И. Гарашанин, черногорский митрополит Петр II Петрович Негош, черногорские князья Данило и Никола; представители высшего духовенства, как православного, так и католического: патриарх Й. Раячич, сербский митрополит Михаил, хорватский епископ Й.Ю. Штросмайер и др.

Среди русских корреспондентами М.Ф. Раевского были: учёные — О.М. Бодянский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.С. Будилович, И.И. Срезневский, А.Н. Пыпин; активные деятели славянских комитетов — И.С. Аксаков, В.А. Бильбасов, Н.А. Попов, Ф.В. Чижов; известные дипломаты — А.Е. Влангали, Н.П. Игнатъев, А.С. Ионин, В.Ф. Кожевников, П.Н. Стремоухов; деятели культуры — М.А. Балакирев, Д.А. Агренов-Славянский; правительственные чиновники и лица, приближённые к императорской семье: Д.Н. Блудов, А.Д. Блудова, Н.К. Гирс, А.М. Горчаков, Д.А. Милютин, Д.А. Толстой.

Письма всех этих многочисленных деятелей отложились в личном архиве М.Ф. Раевского. Однако после его смерти архив подвергся раздроблению. Позже рукописное наследие по частям попало в собрания частных коллекционеров или научных учреждений (музеев, архивов, библиотек). Что же касается писем, записок и отчётов самого М.Ф. Раевского разным лицам, учреждениям и организациям, то они сохранились в фондах соответствующих лиц и учреждений и ныне находятся в российских архивах, в личных фондах рукописных отделов библиотек и музеев — как России, так и тех стран, где проживали адресаты писем.

Основная часть архива М.Ф. Раевского (приблизительно $\frac{3}{4}$) в настоящее время находится в ОПИ ГИМ. Ранее эти материалы принадлежали известному русскому коллекционеру П.И. Щукину (1853–1912), который передал их в 1905 г. императорскому Российскому Историческому музею. Остальная часть архива М.Ф. Раевского находится в его личном фонде в Архиве внешней политики Российской империи (ф. 365), в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук и в отделе рукописей Российской национальной библиотеки¹².

Работа по выявлению и изучению архива М.Ф. Раевского была начата В. Матулой в 1957 г. и в основном завершена к 1965 г. Более подробное обследование выявленных материалов проводилось им с 1966 г. совместно с И.В. Чуркиной под руководством С.А. Никитина.

Основные принципы публикаторской работы, уже выработанные, проверенные и отточенные Сергеем Александровичем в предыдущий период, приобретённый им опыт многолетнего общения на деловой основе с иностранными коллегами при подготовке публикации «Освобождение Болгарии...» очень помогли впоследствии в деятельности совместной редколлегии по изданию архива М.Ф. Раевского. Следует отметить, что иностранные её члены практически безоговорочно приняли те принципы издания документов, которые были предложены советскими коллегами, включая развёрнутые комментарии и научно-справочный аппарат. При этом, без сомнения, большую роль сыграла личность самого С.А. Никитина, который воспринимался ими не только как авторитетный учёный, но и как наследник и продолжатель традиций дореволюционного российского исторического славяноведения, признанного во всём научном мире. Кроме того, иностранные члены редколлегии были хорошо знакомы с трудом «Освобождение Болгарии...» — он вызывал их восхищение и желание создать нечто на таком же высоком уровне.

Я присутствовала в качестве секретаря и члена рабочей группы издания на всех заседаниях редколлегии начала 1970-х годов и могу свидетельствовать, что проходили они на редкость мирно, без «сражений» и очень конструктивно. Это, пожалуй, был самый ответственный этап работы, связанный с отбором уже выявленных документов для публикации. Сложность заключалась в том, что нужно было выбрать из уникального самое уникальное. Ведь материала было выявлено в несколько раз больше, чем возможно было опубликовать, и весь он был такой, что иностранные коллеги постоянно восторгались и разводили руками. Как сказал однажды наш чешский коллега Йозеф Кочи: «Это чудо, каких не бывает на свете! Я не могу поверить своим глазам — неизвестные письма Ганки!!!». Ему вторил сербский профессор Никола Петрович, обычно сдержанный и невозмутимый, но в данный момент весь

сияющий и крайне взволнованный. «Вы только подумайте, коллеги, письма самого Вука Караджича! Просто потрясающе!» — восклицал он. Этих писем было 13, в большинстве своём это были даже не письма, а короткие записки — ведь реформатор сербского языка и отец Михаил жили в одном городе и часто виделись, так что все вопросы могли обсуждать при личных встречах. Помню, что особенно умилило Николая Лазаревича (так мы на русский манер называли Н. Петровича) небольшое письмецо Караджича от 5 (17) сентября 1861 г., в котором тот сетует, что болен и не может по ступенькам (уз басамаке) прийти к Раевскому (дом батюшки находился в возвышенной части Вены), и поэтому приглашает его к себе (каждый день после обеда он дома), чтобы увидеться и поговорить. «Конечно, у Вука была больная нога, и ему было трудно подниматься по ступенькам», — объяснил нам, участникам заседания, Николай Лазаревич.

Отбор документов осуществлялся с учетом значимости имен корреспондентов М.Ф. Раевского и, разумеется, исходя из содержания эпистолярного материала. На долгих, многочасовых заседаниях редколлегии обсуждался практически каждый предложенный составителями документ, и С.А. Никитин подводил итог и утверждал то или иное решение. Помню лишь единственный случай на грани конфликта, когда Н. Петрович выступил против публикации одного из писем (автора не помню), касавшегося македонских дел. В те годы македонский вопрос был весьма болезненным в отношениях Югославии и Болгарии, да и в нашей стране «македонская» тематика была фактически запретной для историков-славистов. На том заседании Н. Петрович, имея в виду содержание документа, довольно резко заявил, что у югославской исторической науки существует своё особое мнение по этому вопросу, и с этим необходимо считаться, если речь идёт о сотрудничестве. На это заявление Сергей Александрович, уже закалённый в 1960-е годы в «боях» с болгарскими историками, невозмутимым тоном ответил, что, по его мнению, историческая наука не имеет национальности, и её главная задача — служить ИСТИНЕ. Однако затем он всё же дипломатично согласился не публиковать этот «конфликтный» документ. Н. Петрович остался доволен.

Сформировавшаяся в ходе работы творческая атмосфера, дружеские отношения членов редколлегии, их высочайшая квалификация и постоянная взаимопомощь стали залогом успеха и на остальных этапах подготовки публикации. Члены редколлегии проявили себя как настоящие «многостаночники»: наряду с отбором материала они ещё осуществляли его языковую обработку на сербско-хорватском, чешском, словацком и словенском языках, составляли резюме к документам, участвовали в подготовке указателей и, главное, писали комментарии к письмам. Последнему виду работы С.А. Никитин придавал особое значение и сам подавал в этом отличный пример. Его комментарии (всего к 39 документам) часто являлись настоящими небольшими исследованиями, написанными с присущей ему эрудицией, в прекрасной академической манере. Остальные члены редколлегии прокомментировали: В.Г. Карасёв — 17 писем, Й. Кочи — 39, В. Матула — 55, Н. Петрович — 33, И.В. Чуркина — 34.

При написании комментариев понадобилась помощь целого ряда наших коллег, специалистов по истории Чехии, югославянских земель и русинов. Это непростая, кропотливая работа отвлекала их от собственных научных занятий, но, разумеется, Сергею Александровичу они не могли отказать в помощи. В результате эти исследователи также стали участниками данного научного проекта, прокомментировав: К.П. Гогина — 10 писем, Л.Н. Климова — 10, Л.П. Лаптева — 22, Е. Рудловчакова — 18, В.И. Фрейдзон — 31, Н.И. Хитрова — 27.

В языковой обработке документов участвовали: В.М. Хевролина (на русском языке), Н. Петрович (на сербско-хорватском и немецком), Й. Кочи (на чешском и немецком), В. Матула (на словацком), Е. Рудловчакова (на украинском). Общая археографическая обработка документов издания была проведена В.М. Хевролиной. Перевод немецких текстов на русский язык был осуществлён Р.Ш. Гладштейн. Краткое изложение текстов (резюме) на сербско-хорватском языке было выполнено С.И. Бочкарёвой (Данченко), на чешском — Й. Кочи, на словацком — В. Матулой, на словенском — И.В. Чуркиной. Указатели были составлены Э.А. Джапаридзе, которая использовала сведения, предоставленные комментаторами. Авторами терминологического словаря являлись А.И. Рогов и В.М. Хевролина.

Это было подлинное научное сотрудничество, которое привело к блестящему результату. Книга «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века», вышедшая в 1975 г. в издательстве «Наука», является уникальным изданием. Вспоминаю слова С.А. Никитина, которые он торжественно произнёс, держа в руках только что вышедший солидный том (около 47 п.л.) в красивой голубой суперобложке: «Этот труд никогда не устареет». И теперь, спустя десятилетия, мы можем это подтвердить. 467 писем славянских деятелей (русских и зарубежных) — от словака Петра Августины до одного из лидеров уставобранителей в Сербии Пауна Янковича, включенные в книгу, содержат богатейший и разнообразный материал о национально-политическом, социальном и культурном развитии южных и западных славян, а также об отношении участников национальных и общественных движений этих народов к России, их связях с определёнными кругами русской общественности, главным образом, со славянофилами. В издании представлено много новых данных о помощи различных кругов русского общества национальным движениям угнетённых славянских народов Австрийской и Османской империй, о роли М.Ф. Раевского и его многочисленных корреспондентов в установлении и расширении русско-славянских контактов. Кроме того, труд содержит интересные сведения о развитии славянского движения в России.

Большое научное значение имела публикация не известных ранее писем черногорского владыки Петра II Петровича Негоша, Вука Караджича, сербского митрополита Михаила, знаменитого чеха В. Ганки, лидера словацкого национального движения Л. Штура, хорватского деятеля И. Кукулевича-Сакцинского, русина Я. Головацкого и др.

После завершения первого этапа научного сотрудничества — выхода в свет книги «Зарубежные славяне и Россия» — предстояло продолжить работу на тех же принципах и издать ещё два труда — письма М.Ф. Раевскому чехов и словаков и письма к нему же югославянских деятелей. Материала, не вошедшего в первую книгу, было более чем достаточно. Кроме того, международная редколлегия высказала пожелание — по возможности выявить и опубликовать сохранившиеся в архивах Чехословакии и Югославии ответные письма отца Михаила своим корреспондентам.

Однако ни в 1970-е, ни в 1980-е, ни в 1990-е годы письма чехов и словаков М.Ф. Раевскому не были изданы, хотя ответственный за этот проект В. Матула широко использовал их в своих трудах. И только в 2006 г. в Праге вышла в свет публикация «Дорога на восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского (Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského)», которую подготовил В. Доубек. А в 2014 г. была издана книга, содержащая письма словаков к отцу Михаилу, подготовленная В. Матулой и М. Данишем¹³.

Более успешной на первых порах была работа по «югославскому» тому. Югославянских корреспондентов отца Михаила было больше, чем адресатов из других славянских земель: около 130 — из Сербии, 80 — из Хорватии и Славонии, 65 — из Воеводины, более 40 — из Словении, 30 — из Далмации, около 20 — из Боснии и Герцеговины, 10 — из Черногории. И это явилось причиной большого объёма эпистолярного материала, который нужно было дополнительно выявить, обработать, прокомментировать и подготовить к печати.

В 1979 г. скончался С.А. Никитин, и руководителем данного проекта с советской стороны стала И.В. Чуркина. В связи с тем, что «югославский» том должен был издаваться в Белграде, была создана расширенная редколлегия, в которую, наряду с советскими учёными И.В. Чуркиной, С.И. Данченко, В.Г. Карасевым и В.И. Фрейдзоном, вошли югославские историки, представители разных республик тогдашней Югославии: от Сербии — В. Крестич, С. Терзич, Д. Милич, Д. Петрович-Милоевич, от Хорватии — Н. Станчич, от Боснии и Герцеговины — М. Экмечич, от Словении — В. Мелик. Главным редактором тома стал Н. Петрович. Рабочая группа состояла из И.В. Чуркиной и С.И. Данченко — с советской стороны, и Д. Петрович-Милоевич и Н. Урича — с югославской.

Теперь «штаб-квартира» издания архива М.Ф. Раевского переместилась в Белград. Именно здесь с конца 1970-х годов регулярно проходили заседания редколлегии, а в 1980-е годы шла работа по подготовке книги к изданию. С этой целью, согласно Плану международного академического сотрудничества, начиная с 1978 г. члены редколлегии и составители И.В. Чуркина и

С.И. Данченко почти ежегодно выезжали в научные командировки в Белград. К сожалению, эти поездки были непродолжительны — от 7 до 12 дней, что вкупе с большим объёмом выявленного материала и трудностями, в отсутствие интернета, общения с югославскими коллегами в течение года явилось причиной нарушения сроков работы.

Следует подчеркнуть, что югославские коллеги приняли решение — публиковать документы на тех же принципах, что и в предыдущем труде «Зарубежные славяне и Россия». И это было очень важно для нас, советских историков. Разумеется, были и некоторые отличия. Во-первых, и это совершенно естественно, комментарии и развёрнутые указатели должны были быть на сербско-хорватском языке. Во-вторых, нашим коллегам так понравилась идея краткого изложения содержания писем, что они решили снабдить резюме все документы, даже на своём родном языке, чего в первом труде не было.

Вначале предполагалось издать письма М.Ф. Раевскому по югославянской тематике в одном томе. Но оказалось, что это нереально — из-за слишком большого объёма. Поэтому подготовленный сборник был разделён на две книги: в первую вошли 333 документа — письма М.Ф. Раевскому русских и югославянских деятелей, чьи фамилии начинались с букв А–Л: от К.Н. Алексича, писавшего корреспонденции для русских периодических изданий «Библиотека для чтения» и «Санкт-Петербургские новости» в 1859–1860 гг., до хорватского публициста А. Лукшича.

Корреспонденты М.Ф. Раевского из югославянских земель могут быть поделены на несколько основных групп. Первую, самую многочисленную, составляют национальные, общественные и культурные деятели. Среди них: М. Бан (3 письма), В. Богишич (15 писем), С. Веркович (3 письма), Л. Вукотинович (5 писем), Дж. Даничич (11 писем), Н. Дучич (15 писем), В. Караджич (13 писем), Е. Кватерник (3 письма), И. Кукулевич-Сакцинский (42 письма), Дж. Николаевич (60 писем), Ф. Рачки (10 писем), К. Станкович (20 писем) и др.

Во вторую группу корреспондентов отца Михаила, также весьма многочисленную, входят представители духовенства: сербский митрополит Михаил (84 письма), епископ С. Кнежевич

(18 писем), мостарский архимандрит И. Памучина (18 писем), черногорский митрополит Иларион (8 писем), герцеговинский монах П. Чокорило и др. В архиве М.Ф. Раевского сохранилось немало посланий простых сельских священников, содержащих просьбы о посылке церковной утвари и богослужебных книг в их приходы, а также о денежной помощи для восстановления разрушенных или находящихся в упадке церквей и монастырей.

Третью группу корреспондентов М.Ф. Раевского составляют политические и государственные деятели Сербии и Черногории — сербский министр И. Гарашанин, черногорский митрополит Пётр II Петрович Негош, черногорские князья Данило и Никола, княгиня Даринка (жена князя Данило). Правда, их письма немногочисленны.

В четвёртую группу входят учителя и преподаватели гимназий, среди которых следует отметить Н. Вукичевича, инспектора народных школ в Сомборе (29 писем), и зятя В. Караджича, преподавателя белградского Лицея А. Вукомановича (9 писем).

В письмах целого ряда корреспондентов М.Ф. Раевского, например, В. Богишича, И. Кукулевича-Сакцинского и особенно композитора К. Станковича, содержатся важные, ранее не известные биографические сведения.

Среди корреспондентов из югославянских земель было также немало студентов, учеников гимназий, богословских школ и училищ, которые обращались к отцу Михаилу, «батюшке Раевского», с конкретными просьбами о помощи, многие из которых он выполнял. Писали М.Ф. Раевскому и крестьяне, чиновники, торговцы, военные. Их письма представляют для исследователей порой не меньший интерес, чем послания выдающихся людей, так как они воссоздают атмосферу давно минувшего времени в мельчайших деталях, «оживляя» таким образом историю, содержат массу уникальной информации «из XIX века».

В первую книгу «югославского» тома вошли письма не только югославян, но и русских деятелей — камер-фрейлины императрицы, графини А.Д. Блудовой, весьма интересовавшейся славянским вопросом; дипломатов — Л.В. Березина, А.Е. Влангали и А.С. Ионина; известных ученых-славистов — А.Ф. Гильфердинга, В.И. Григоровича и В.И. Ламанского.

Первая книга «югославского» тома была издана в декабре 1989 г. (в типографии Матицы Сербской, которая находится в г. Нови-Сад) под названием «Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80. године XIX века» (объём около 35 п.л.). В это время автор данного раздела и И.В. Чуркина в очередной раз находились в командировке в Белграде. И, разумеется, нам очень хотелось сразу же увидеть долгожданную книгу, в которую было вложено столько труда. Коллеги из Исторического института пошли нам навстречу и предложили съездить на машине в Нови-Сад за тиражом.

Вспоминаю наше ликование, когда необычайно любезные работники типографии вынесли из складского помещения (без всяких согласований и проволочек) увесистые пачки в плотной бумаге, а также показали нам отдельный экземпляр книги в красивом ярко-голубом переплёте. Они поздравили нас и на прощание пожелали почаще приносить к ним свои труды.

Это было начало праздника по случаю выхода книги в свет. А продолжением стала её презентация (промоција), которую в последний день перед нашим отъездом в Москву организовало руководство Исторического института. На эту церемонию были приглашены многие известные сербские историки — из Университета и научных институтов. Все они поздравляли нас, участников проекта, с блестящим завершением работы, восторгались содержанием книги и уровнем её подготовки к изданию. Вспоминается в этой связи выступление очень авторитетного академика М. Экмечича. Он дал высокую оценку нашему труду, подчеркнул большой вклад в его осуществление нас, советских историков, а затем восторженно говорил о том, какие замечательные документы, в том числе и по югославянской истории, хранятся в советских архивах, говорил об этом со знанием дела, так как не раз бывал в научных командировках в Москве и Ленинграде.

Это было в конце 1989 г. Публикация второй книги «югославского» тома была запланирована на 1991 год (буквы от М до Я). К сожалению, в связи с событиями в Югославии она была вначале временно отложена, а затем югославская сторона отказалась от данного проекта.

Сама же книга, полностью подготовленная к изданию (в единственном экземпляре) ещё в 1989 г., таинственным образом исчезла из сейфа Исторического института в Белграде, и все попытки отыскать её, в том числе предпринятые нынешним директором Института славяноведения К.В. Никифоровым, оказались тщетными. Проект, таким образом, остался незавершённым.

Вместе с тем, изданная в 1989 г. книга, как и первый труд «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века» (М., 1975), — важный, значимый результат в деятельности научного подразделения, в рамках которого этот проект осуществлялся (с 1968 г. оно стало называться сектором новой истории балканских народов — во главе с будущим академиком Ю.А. Писаревым). Эти солидные документально-исследовательские труды обогатили науку новыми материалами, знаниями и идеями и не утратили своего значения и поныне. Кроме того, благодаря им на протяжении многих лет интенсивно развивалось международное научное сотрудничество отечественных, чехословацких и югославских историков, и таким образом обеспечивалась непрерывность контактов славянских народов в научной сфере.

Наше сотрудничество уже стало историей, одним из «эпизодов» в развитии славяноведения второй половины XX века. Вопреки утверждениям, звучавшим в 1990-е годы (в нашей стране, во всяком случае), — об «удушающей атмосфере», «идеологическом прессинге» и других негативных условиях развития советской исторической науки, не могу не отметить необычайно творческую и неизменно дружескую атмосферу при работе нашего международного коллектива.

С конца 1960-х годов в секторе новой истории балканских народов началась подготовка ещё одного документального труда — на этот раз по истории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Это также был международный проект, советско-югославский. Соответствующее соглашение — об издании архивных документов по истории Первого сербского восстания — было заключено в 1967 г. между Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Сербской Академией наук и искусств (САНИ).

Югославские историки ещё до начала сотрудничества с советскими учёными проявляли большой интерес к документам «русско-го» происхождения по данной проблеме, одной из ключевых в сербской истории. А то, что эти материалы существуют, в Югославии было известно, так как некоторые учёные уже побывали в СССР и познакомились с обширными фондами в советских архивохранилищах. Но, как позднее вспоминал академик Васа Чубрилович, руководитель проекта с югославской стороны, ни он, ни его сотрудники даже не мечтали, что архивных материалов по Первому сербскому восстанию и русско-сербским связям этого периода в СССР будет так много. «И их нужно обязательно издать, потому что без них история восстания и вообще история Сербии начала XIX века будет неполной!» — убеждал знаменитый «атентатор» своё академическое начальство и различного рода функционеров, курирующих международное научное сотрудничество в Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ). Разумеется, такого же мнения придерживались и советские ученые-югославы в главе с профессором С.А. Никитиным. Сергей Александрович уже в начальный период работы Института славяноведения выделял проблему Первого сербского восстания среди тех, которые нужно изучать в первую очередь, и прежде всего документально. И он-то, как никто другой, знал, сколько и каких уникальных материалов хранят по этой теме отечественные архивы.

Так начиналось это сотрудничество с югославскими коллегами. Было много предварительных согласований с различными инстанциями в СССР и Югославии. С советской стороны к работе над публикацией были привлечены, помимо Института славяноведения и балканистики АН СССР, учреждения Историко-дипломатического управления МИД СССР и Главного архивного управления при Совете Министров СССР, с югославской — Отделение исторических наук САНИ.

В подготовке будущего труда участвовало несколько десятков человек. Их вклад в общее дело был различен, но все они добросовестно и профессионально выявляли документы, исследовали и комментировали их, осуществляли необходимую археографическую обработку текстов, переводили материалы с французского языка и т.д.

Напряжённо и ответственно работала редколлегия. Советскую её часть, куда входили как сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, так и работники Архива внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи, АВПРИ), возглавлял, как и в прежних изданиях, С.А. Никитин.

Первая книга фундаментального документального труда «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» вышла в Москве, в издательстве «Наука», в 1980 г., вторая — в 1983 г. Сергей Александрович скончался в декабре 1979 г. и, к сожалению, не увидел своё очередное научное «детище» изданным. В последние годы жизни он много болел и поэтому не был так активен и креативен, как в предыдущие десятилетия. Он, конечно, осуществлял общее руководство проектом — консультировал, направлял, давал ценные указания, но, как говорится, постепенно отходил от дел. Основное бремя по этому изданию был вынужден взять на себя старший научный сотрудник сектора, бывший фронтовик, в то время ещё кандидат наук Виктор Петрович Грачёв (1926–2010). Он являлся членом редколлегии, выявителем документов и составителем, т.е. ответственным за содержание этого документального труда. Вместе с ним составителем была и Нина Павловна Данилова (1920–1993), но она в основном вела статистику выявленных документов и участвовала в подготовке и проведении совместных с югославскими коллегами заседаний редколлегии в Москве и Белграде.

Составитель публикации — это не рядовая фигура в процессе издания документов. Помимо профессионализма, глубоких знаний проблемы, это и большая ответственность, а в случае международного сотрудничества ещё и дипломатические способности, а также твердость в отстаивании собственных научных позиций, которые иногда встречают возражения зарубежных коллег. И все эти качества были присущи В.П. Грачёву, деятельность которого заслуживает, на мой взгляд, особого, благодарного внимания. В том, что труд «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» был подготовлен и вышел в свет, его заслуга бесспорна. Тем более, что до этого проекта он занимался совсем другой историей — средневековой: это была его научная специализация.

Но Дирекция Института «перебросила» его на новый научный объект, что в те годы было в порядке вещей. И, работая в отечественных и югославских архивах по выявлению необходимых материалов, открывая уникальные, ещё не известные науке свидетельства русско-сербских связей в начале XIX в., Виктор Петрович проникался важностью данной темы. Постепенно она стала для его научного творчества ключевой. Он сам признавал, что участие в вышеуказанном проекте буквально перевернуло всю его жизнь.

Сотрудничество с югославскими коллегами развивалось успешно. У В.П. Грачева, как и у других участников проекта с советской стороны, появилась возможность научных командировок в Югославию и не только для заседаний совместной редколлегии, но и для работы в архивах (например, в Цавтате, где хранится фонд В. Богишича). Установились дружеские отношения с югославскими учёными — академиком Васой Чубриловичем, Неманей Маджаревичем, Климентом Джамбазовским и др., продолжавшиеся и в последующие десятилетия.

Международное научное сотрудничество — дело непростое и очень ответственное. Здесь немаловажную роль играют, помимо профессиональных, человеческие качества участников — их интеллигентность, умение слушать оппонентов, вести с ними дискуссию в уважительной форме, убеждать. Всеми этими чертами в полной мере обладал Виктор Петрович. И югославские коллеги очень ценили его как учёного и как личность. Я помню, как на одном из заседаний редколлегии этой публикации, проходившем в Москве, на котором я случайно оказалась (я не была участником проекта), мне довелось увидеть отнюдь не тихого, скромного, деликатного Виктора Петровича, к которому мы, его коллеги, уже привыкли, а совсем иного — настоящего «борца за правое дело»: другой голос, другой взгляд. Это так он отстаивал перед югославами необходимость включения в издание какого-то документа, против чего они вначале возражали. Но они, как и я, были, видимо, поражены образом «нового Грачёва», ещё не виданного ими, что полностью с ним согласились. И впоследствии, на всех этапах подготовки публикации, с его мнением очень считались участники этого проекта.

Двухтомная публикация дипломатических документов из архивов СССР по истории Первого сербского восстания и русско-сербских отношений в этот период стала важным вкладом в историографию проблемы и заметным явлением отечественной исторической науки начала 1980-х годов. Следует отметить, что до этого труда в распоряжении исследователей уже имелось немало документов о Первом сербском восстании, которые начали публиковаться ещё в XIX веке (В. Караджич, Л. Ранке, Н.Ф. Дубровин, Н.А. Попов, А.Н. Петров, М. Вукичевич, Ст. Новакович и др.). Однако эти материалы были или привлечены издателями крупных публикаций попутно и фрагментарно, или же являлись более или менее специальными небольшими подборками, освещающими какой-то частный вопрос и основанными на ограниченном круге архивных фондов. К тому же, несмотря на наличие в научном обороте значительного числа документов по данной проблеме, многое оставалось неизвестным. Вот почему значение этого документального труда не подлежит никакому сомнению, что и признано научным сообществом в нашей стране и в Сербии.

Издание было подготовлено в результате обследования ряда архивов Москвы, Ленинграда, а также региональных хранилищ (Молдавия, Украина) — всего 11.

Уникальные материалы этого труда впервые систематизированно освещают политику России в отношении Сербии в начале XIX в. Признание необходимости оказания восставшим в 1804 г. сербам всей возможной помощи в условиях сохранения мира с Османской империей — вот что определяло русскую политику в сербском вопросе в начальный период восстания, в 1804–1806 гг. Русская дипломатия в те годы, в сложной международной обстановке, чреватой военными столкновениями, не могла взять на себя какие-либо другие обязательства, кроме обещания дипломатической поддержки сербов в Константинополе, оказания им помощи деньгами и оружием.

Дипломатические, военные и иные связи между Сербией и русским правительством, а также главным командованием русской армии (после начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг.) и российским МИД осуществлялись через постоянного представителя России в Сербии и русских консулов в Молдавии и

Валахии, что отражено в опубликованных документах. С русской стороны в переписке участвовали правительственные чиновники, главнокомандующие армией, командиры отдельных её отрядов, представитель МИД в Сербии К.К. Родофиникин и российские консулы, с сербской стороны — предводитель восстания Карагеоргиев и другие старейшины. Имела место также переписка духовных лиц с той и другой стороны. Эти документы составляют основное содержание публикации. Представленные материалы отражают различные стороны русско-сербских отношений — военное сотрудничество, дипломатическую помощь со стороны России, денежную поддержку сербам, присылку военных специалистов. Многообразна тематика документов и с сербской стороны: обращения повстанцев к русскому правительству с просьбами о помощи, планы совместных боевых действий против турок, сообщения о борьбе сербских старейшин за власть и пр.

В первую книгу публикации вошли документы (всего 328: 33 — за 1804 г., 83 — за 1805 г., 76 — за 1806 г., 136 — за 1807 г.) с начала восстания до русско-турецкого перемирия, заключённого в Слободзее в 1807 г. Значительный интерес представляет обширный блок материалов (в большинстве своём ранее не известных): о сербских депутациях, отправлявшихся в Петербург с прошениями к царскому правительству о «защите интересов» сербов в их борьбе с османами; о контактах Карагеоргия и черногорского митрополита Петра I Петровича Негоша с русскими дипломатическими представителями; о посылке из России в Сербию немалых денежных средств (3 тыс., 10 тыс., 13 тыс. червонцев) для покупки оружия и боеприпасов и о передаче их сербам «самым скрытнейшим и секретнейшим образом».

Немало новых документов было впервые опубликовано о русско-турецких отношениях накануне войны 1806–1812 гг. Они свидетельствуют о том, что русским дипломатическим агентам приходилось действовать и исполнять указания МИД в очень сложной обстановке, с чем они достойно справлялись.

Среди документов, вошедших в первую книгу, хотелось бы выделить по-настоящему уникальные, обнаружение которых в АВПР вызвало настоящий восторг сербских коллег. Это подлинник письма Карагеоргия к Александру I от 30 ноября 1805 г.

с просьбой предотвратить вступление турецких войск в Сербию (с печатью Правительствующего Совета сербского); подлинник послания Карагеоргия главнокомандующему Молдавской армией от 18 июня 1806 г. с просьбой о предоставлении оружия, а также подлинники писем правителя Черногории Петра I Петровича Негоша Карагеоргию и в Петербург (он подписывался «черногорский митрополит и ордена св. Александра Невского кавалер»).

Ответственным редактором второй книги публикации с югославской стороны был по-прежнему академик В. Чубрилович, а советскую её часть вместо С.А. Никитина возглавила известный учёный-балканист И.С. Достян. Всего в этой книге был опубликован 331 документ: 43 — за 1808 г., 81 — за 1809 г., 67 — за 1810 г., 51 — за 1811 г., 44 — за 1812 г., 42 — за 1813 г., 3 — за 1814 г. Эти материалы подробно освещают развитие русско-сербских отношений, начиная с 1808 г. и заканчивая временем поражения восстания. В этот период военные действия на Балканском фронте не велись, что способствовало ускорению процесса формирования основ сербского государства, его социальной структуры и системы управления. Но вместе с тем началось назревание внутреннего кризиса в повстанческой Сербии. Многочисленные опубликованные документы второй книги свидетельствуют о том, что русское правительство и военное командование продолжали оказывать сербам помощь деньгами, в том числе для покупки продовольствия, а также оружием и боеприпасами. Однако в это время русско-сербские отношения стали усложняться. Сербь, судя по представленным материалам, ожидали от России более действенной помощи, чем она была в состоянии им оказать. В этой ситуации Карагеоргий и его окружение делали попытки получить помощь и поддержку со стороны Австрии и Франции, что также нашло отражение в опубликованных документах. Среди уникальных материалов второй книги — подлинные письма Карагеоргия главнокомандующим русской армией (А.А. Прозоровскому, П.И. Багратиону, Н.М. Каменскому, М.И. Кутузову, П.В. Чичагову), донесения К.К. Родофиникина о ситуации в Сербии, а также письмо А.А. Прозоровского Карагеоргию от 26 апреля 1809 г. о намерении России в переговорах с Портой отстаивать независимость Сербии.

Документы второй книги содержат немало сведений о предыстории Бухарестского мира, заключённого 16(28) мая 1812 г. и завершившего очередную русско-турецкую войну. Специальная статья о политическом статусе Сербии была включена в этот трактат несмотря на упорное сопротивление турецких уполномоченных — Порты обязывалась предоставить сербам права внутреннего самоуправления. В дальнейшем, уже после Второго сербского восстания 1815 г., это обязательство сыграло важную роль в борьбе сербов за политическую самостоятельность и дало возможность русскому правительству оказывать давление на Порту с целью заставить её пойти на расширение автономных прав Сербского княжества.

В целом представленные в документальном труде «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» материалы позволили его создателям сделать главный вывод: Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов в указанный период оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым большую положительную роль в создании национального Сербского государства.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что именно благодаря профессору Никитину в Институте славяноведения было положено начало деятельности учёных по изданию документов по истории связей России со славянскими народами в XIX веке. Её результатом стали первоклассные научные труды. Последователи Сергея Александровича, в основном его ученики и ученики его учеников, и дальше развивали это направление в новых документальных трудах, а их немало, и все они хорошо известны специалистам, ценны и очень нужны. А те, которые в рамках международного научного сотрудничества были подготовлены в 50–80-х годах прошлого столетия, не устарели, как и предсказывал профессор Никитин, к ним постоянно обращаются новые поколения славистов и балканистов, изучающих русско-балканские связи в XIX веке, «равняются» на них и применяют бесценный опыт участников этих проектов в своей научной деятельности.

Примечания

- 1 Защита докторской диссертации С.А. Никитина прошла успешно. Вскоре её автор подготовил данный труд к публикации в издательстве АН СССР. Однако цензура сочла невозможным, по идеологическим соображениям, его напечатать, и набор был рассыпан (Об этом см.: *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // *Путь учёного. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992*). Изданные в 1940-е годы главы из книги С.А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1856 гг.» (кое-что ему удалось опубликовать в некоторых своих работах) смогли увидеть свет в полном объёме лишь спустя 65 лет, в 2013 г., в труде «Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. Сборник статей» (С. 161–372). Это стало возможным благодаря тому, что в архиве профессора Никитина чудом сохранилась вёрстка текста книги с его авторскими пометками.
- 2 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том первый. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 152.
- 3 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том второй. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964. С. 23.
- 4 Там же. С. 9.
- 5 Там же. С. 82.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 107.
- 8 См.: *Фролова М.М.* Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XIX–XXI вв. К столетию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. М., 2017. С. 87–113; она же.* Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко и болгары (лето 1877 г.) (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // *Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира XVIII–XX вв. (Мифы и реальность). М., 2019. С. 198–232; она же.* Шипка (июль–август 1877 г.): русские и болгары (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // *Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 134–156; она же.* Штурм Троянского перевала 26 декабря 1877 г. и болгары: историографические мифы и реальность // *Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 77–99.*
- 9 Освобождение Болгарии... Т. 2. С. 161.
- 10 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1877–1879. М., 1967. С. 207.
- 11 Там же. С. 221–222.
- 12 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 9–10.
- 13 *Daniš M., Matula V. M.F.* Rakjevskij a Slováci v 19. storočí. Bratislava: Univerzita Komenského, Filozofická fakulta, 2014.

Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран*

Сотрудничеству советской и польской академий наук и историков двух стран принадлежало особое место в развитии государственных, политических, экономических, культурных, научных контактов европейских стран и разносторонних творческих связей стран социалистического содружества в середине XX в.

После Второй мировой войны, в условиях практически полностью разрушенной научно-исследовательской базы, закрытых в большинстве стран университетов, научных учреждений, библиотек, архивов, историки постепенно возобновляли исследования по изучению прошлого стран возникшего социалистического лагеря. В СССР с 1947 г. научно-технические связи стали самостоятельной областью сотрудничества. С этого времени заключаются специальные межправительственные соглашения, определявшие принципы содействия «развитию науки и техники, обмена информацией и опытом в области промышленного производства»¹.

В Польской Народной Республике (ПНР) организация и развитие научных контактов с зарубежными странами возлагались на Комитет культурного сотрудничества с границей, образованный в 1950 г. при Совете министров ПНР², и созданную в 1951 г. Польскую академию наук (ПАН)³. Первое отделение ПАН курировало деятельность общественных наук, при котором был организован Комитет исторических наук, «выполнявший функции научного совета и национального комитета историков»⁴. В 1960 г. ПАН была объявлена «высшим научным учреждением в стране,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00368.

представляющим польскую науку перед государственными органами, общественностью и зарубежными научными организациями»⁵, а в 1963 г. был создан Комитет по науке и технике⁶.

Исторические исследования в Польской академии проводили Институт истории, Институт социалистических стран, Институт истории материальной культуры, Польско-советский институт. Разработкой проблем исторических наук занимались при ЦК ПОРП Академия общественных наук и Институт истории рабочего движения, Военно-исторический институт, Польский институт международных проблем, а также Институт истории крестьянского движения Главного комитета Объединенной крестьянской партии⁷.

В СССР, среди организованных во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов славистических исследовательских центров в Ленинградском университете, Институте истории АН УССР, Киевском университете, в университетах Львова, Воронежа и Саратова, ведущая роль принадлежала созданному на основании постановления Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. при Отделении исторических наук АН СССР Институту славяноведения, сотрудниками которого к 1963 г. были подготовлены обобщающие труды по истории зарубежных славянских стран, в том числе трехтомная «История Польши» (М., 1954–1958) и в 1965 г. дополнительный том — «Очерки истории народной Польши»⁸.

Вместе с тем расширение тематики исследований напрямую зависело от источниковой базы, что предполагало длительную работу польских и советских историков в архивах. Огромное значение в этой связи имели межправительственные соглашения о культурном и научном сотрудничестве, заключенные в 1956–1957 г. между СССР и другими социалистическими странами. В этот период в странах — членах СЭВ завершилось формирование академий, которые стремились всесторонне развивать различные формы международного сотрудничества, координировать исследования и проводить совместные работы⁹. Пятилетнее соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и ПНР, подписанное 30 июня 1956 г.¹⁰, предусматривало взаимный обмен между академиями наук. С этого соглашения «двусторонние научные контакты превращаются в систематические и длительные»,

а взаимовыгодное сотрудничество строится «на плановых началах»¹¹. Основой для расширения научных контактов, координации исследований и проведения совместных работ на уровне институтов и отдельных коллективов стали соглашения, подписанные с академиями наук Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, в которых на эквивалентной безвалютной основе определялись общие принципы сотрудничества¹². Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской академией наук на 1957 год было подписано 27 марта¹³, а 21 декабря 1957 г. — Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и ПАН сроком на три года. Несмотря на связанные с реализацией соглашения трудности, прежде всего организационного и координационного характера, оно было пролонгировано «без ограничения срока действия» 8 декабря 1960 г.¹⁴.

Способствовать расширению международного сотрудничества, укреплению связей «советских историков с зарубежными историками, <...> с их национальными комитетами» должен был основанный в 1956 г. Национальный комитет историков¹⁵.

В 1958 г. были созданы комиссии по международным делам при Отделении истории АН СССР и комиссии по международным научным связям при институтах. В Институте славяноведения комиссия была сформирована в следующем составе: председатель комиссии — Иван Александрович Хренов, ученый секретарь — Юрий Васильевич Богданов. Члены комиссии: Дмитрий Федорович Марков, Генрих Эдуардович Санчук, Никита Ильич Толстой¹⁶.

С марта 1962 г. начали регулярно проводиться координационные совещания академий наук социалистических стран, участвующих в многостороннем научном сотрудничестве. В сфере общественных наук представители академий наук и научных центров Болгарии, Венгрии, ГДР, Вьетнама, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии участвовали в разработке, «в зависимости от своей заинтересованности», истории Великой Октябрьской социалистической революции, занимались исследованиями современного империализма, а также вопросами идеологической борьбы в условиях сосуществования двух мировых систем¹⁷.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г. планирование международных научных связей в области общественных и естественных наук было возложено на Академию наук СССР¹⁸, которая, как и академии наук социалистических стран, включилась «в сотрудничество в рамках СЭВ»¹⁹.

К середине 1960-х годов показала свою эффективность очень важная форма международного сотрудничества — двусторонние комиссии историков, первая из которых — Комиссия историков СССР–ГДР под руководством академиков Владимира Михайловича Хвостова и Лео Штерна была создана в 1957 г.²⁰.

В создании Комиссии историков СССР–ПНР большую роль сыграл Институт славяноведения АН СССР. 7 августа 1959 г. исполняющий обязанности директора Института И.А. Хренов направил в ЦК КПСС письмо, в котором информировал, что во время визита в СССР польских историков — академика Натальи Гонсеоровской и директора Института истории партии при ЦК ПОРП профессора Тадеуша Данишевского — в Институте славяноведения состоялась встреча с советскими историками. Во время обсуждения вопроса о совместном «издании документов и материалов по истории советско-польских отношений» польские коллеги высказали предложение создать «постоянно действующую Советско-польскую историческую комиссию», цель которой — «дальнейшее расширение и укрепление научных связей и творческих контактов между польскими и советскими историками». По мнению польских ученых, «главными направлениями работы Советско-польской исторической комиссии должны быть — взаимная информация о научных планах и координация исследований в области исторической науки, проведение научных конференций по наиболее важным историческим проблемам; осуществление совместных советско-польских изданий; организация сотрудничества между советскими и польскими архивами; содействие взаимному участию специалистов обеих сторон в научных исторических журналах; организация научных семинаров с участием специалистов обеих сторон; организация сотрудничества ученых обеих сторон на международных конгрессах». Поддерживая предложение польских историков-

марксистов, И.А. Хренов отмечал, что «Советско-польская историческая комиссия откроет значительно бóльшие, чем это было до сих пор, возможности научного контакта, а тем самым и поддержки в условиях напряженной идеологической борьбы в Польше марксистско-ленинского направления в польской исторической науке». По его мнению, «деятельность комиссии могла бы внести свой вклад в дело укрепления польско-советской дружбы; совместные конференции и семинары содействовали бы решению многих проблем, разрабатываемых польскими и советскими историками». Комиссия «могла бы также содействовать улучшению порядка работы польских историков в советских архивах и библиотеках, а советских историков-полонистов в польских архивах и библиотеках». По мнению И.А. Хренова, «значительное участие в работе комиссии придется принимать Институту славяноведения АН СССР», «имевшему с польскими историками более или менее тесные контакты» и «уже осуществлявшему с польскими историческими учреждениями совместные труды (издание материалов о восстании 1863 г., издание документов о советско-польских отношениях)». В состав комиссии, помимо научных сотрудников Института: Ильи Соломоновича Миллера, Владимира Дорофеевича Королюка, Игоря Борисовича Грекова, Ивана Ивановича Костюшко, Михаила Васильевича Миско, Александра Яковлевича Манусевича, Федора Григорьевича Зуева, Павла Васильевича Галенко, Ивана Александровича Хренова, Ура Абрамовича Шустера, было предложено включить представителей «Института истории, Института истории материальной культуры, Института этнографии АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московского, Ленинградского, Киевского и Львовского университетов, Институты истории АН Украинской, Белорусской и Литовской ССР; Главного архивного управления МВД СССР». Значительный количественный состав советской части Комиссии (20–25 человек) мог затруднить организационную и оперативную работу, поэтому предлагалось выбрать бюро советской части Комиссии из 5–7 человек. И.А. Хренов отмечал, что академик Евгений Михайлович Жуков на Бюро Отделения исторических наук АН СССР поддерживал «предложение о создании Советско-польской исторической

комиссии». Руководитель Института славяноведения АН СССР полагал, что «в случае положительного решения вопроса о создании комиссии» было бы целесообразно «поручить т.т. Миллеру и Хренову, выезжающим в сентябре с.г. [1959 г. — Л.М.] в Польшу в научную командировку, обсудить все вопросы относительно плана работы комиссии с руководством польской части комиссии и наметить срок первого совместного заседания комиссии». Однако в ЦК КПСС в результате договоренностей «с Отделением исторических наук АН СССР (т.т. Жуковым и Хреновым)» вопрос был «снят с рассмотрения»²¹.

31 августа 1959 г. академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР академик Е.М. Жуков в письме в Отдел науки ЦК КПСС отмечал, что после создания Комиссии историков СССР–ГДР «в Президиум АН СССР, Отделение исторических наук и его учреждения поступили письменные и устные предложения от исторических учреждений и отдельных ученых других стран народной демократии о создании аналогичных комиссий». В ответ на обращения историков Румынии, Чехословакии, Польши и Венгрии Отделение исторических наук АН СССР считало целесообразным создание в Институте истории АН СССР специальных групп историков по контакту с соответствующими историческими учреждениями стран народной демократии, призванных координировать плановые научно-исследовательские работы, «для наиболее успешного выполнения которых требовались совместные усилия историков СССР и других социалистических стран», а также обмениваться информацией «о научной деятельности в области исторической науки». Группы должны были «находиться при директоре Института истории и действовать под его непосредственным руководством и при контроле со стороны Бюро Отделения исторических наук»²².

Несмотря на то, что разносторонние научные связи «историков Советского Союза с историками ряда европейских социалистических стран в форме совместных работ, проведения консультаций, работы в архивах стран-партнеров, обмена публикациями, участия в конференциях, съездах, симпозиумах и других научных мероприятиях» отвечали настоятельной потребности объединения усилий специалистов-историков по изучению

взаимной и всемирной истории, однако «многообразии форм научного сотрудничества, многотемность, <...> принадлежность ученых к различным учреждениям и ведомствам», затрудняли «координацию исследований», не способствовали концентрации «усилий ученых на разработке наиболее актуальных проблем». В этой связи создание двусторонних комиссий предоставляло «широкую возможность для проведения совместных обсуждений и выработки общих точек зрения советских историков и историков отдельных социалистических стран по наиболее важным и острым историческим проблемам, представляющим взаимный интерес», позволяло «усилить координацию работы советских историков по истории отдельных европейских социалистических стран, ведущейся в разных учреждениях» Советского Союза. Кроме того, необходимо было уделить особое внимание и выработать ответные меры расширявшимся контактам «историков европейских социалистических стран с буржуазными учеными», которые стремились «оказывать влияние на развитие исторической науки в этих странах». Поэтому Академия наук СССР обращалась в ЦК КПСС с просьбой «разрешить ей дать положительный ответ на инициативу историков ряда европейских социалистических стран и образовать, наряду с существующей комиссией историков СССР и ГДР, комиссии историков СССР и Болгарии, СССР и Венгрии, СССР и Польши, СССР и Югославии». Однако в первую очередь Академия просила разрешить создать советско-польскую историческую комиссию, в связи с тем, «что между историками СССР и ПНР уже проведены предварительные переговоры»²³.

О необходимости создания советско-польской комиссии историков говорил во время своего приезда в СССР по приглашению Президиума Академии наук главный ученый секретарь ПАН, академик Генрик Яблоньский. 21 января 1965 г. «в Отделении истории Академии наук СССР состоялась беседа Генрика Яблоньского с видными советскими историками академиками Евгением Михайловичем Жуковым, Владимиром Михайловичем Хвостовым, Исааком Израилевичем Минцем, членами-корреспондентами АН СССР Александром Андреевичем Губером и Виктором Ивановичем Шунковым», во время которой, наряду

с обсуждением важных для двустороннего сотрудничества научных и научно-организационных вопросов, «было признано целесообразным создание Комиссии историков СССР и ПНР» и достигнута договоренность, что от каждой стороны в состав Комиссии должны «войти историки, представляющие как академические, так и неакадемические учреждения, в первую очередь высшие учебные заведения», что позволило бы «Комиссии координировать все формы научных связей между историками СССР и ПНР»²⁴.

28 января 1965 г. академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е.М. Жуков обратился с письмом к вице-президенту АН СССР академику Петру Николаевичу Федосееву, в котором отмечал наметившиеся в последние годы «некоторое ослабление научных связей между историками СССР и историками европейских социалистических стран» и «заметное расширение контактов историков этих стран с буржуазными учеными». В этой связи важным представлялось «дальнейшее развертывание научных связей между советскими историками и историками отдельных социалистических стран, в частности, в форме двусторонних комиссий, подобных Комиссии историков СССР и ГДР, работа которой себя полностью оправдала». Так как было признано целесообразным создание Комиссии историков СССР–ПНР, по Отделению истории необходимо было подготовить предложения о составе советской части Комиссии, председателем которой намечался академик Борис Александрович Рыбаков²⁵.

26 февраля 1965 г. Отделение истории АН СССР направило в академии наук союзных республик письма с просьбой рекомендовать кандидатов для работы в Комиссии историков СССР и ПНР, на которые в течение марта 1965 г. были получены ответы из Институтов истории Молдавской, Литовской, Украинской и Белорусской академий наук Советских социалистических республик²⁶.

29 апреля 1965 г. на заседании Бюро Отделения истории АН СССР был утвержден состав Бюро Комиссии историков СССР и ПНР, в которое вошли: академик Борис Александрович Рыбаков, чл.-корр. АН СССР Виктор Иванович Шунков, к.и.н. Иван Александрович Хренов, д.и.н. Владимир Терентьевич Пашуто,

к.и.н. Илья Соломонович Миллер и к.и.н. Владимир Анатольевич Дьяков (ученый секретарь)²⁷.

О составе польской части Комиссии историков СССР и ПНР во главе с профессором, доктором Генриком Ловмянским в июле 1965 г. сообщил начальнику Отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР Игорю Николаевичу Киселеву начальник Бюро научного сотрудничества с границей ПАН Ежи Гроновский. Членами Комиссии стали: директор Генрик Альтман²⁸, профессор, доктор Людвик Базылев, генерал Бронислав Бэднаж, профессора, доктора: Тадеуш Данишевский, Тадеуш Цесляк, Витольд Гензель, Леон Гросфельд, Стефан Кеневич, Казимеж Маевски, доцент Збигнев Вуйчик, Анджей Верблян²⁹.

5 октября 1965 г. заместитель ученого секретаря ПАН академик Игнаций Малецкий в письме в Президиум АН СССР отмечал, что «в результате ряда бесед между советскими и польскими историками образовалась историческая советско-польская Комиссия с целью обеспечения постоянного и планового сотрудничества в области исторических исследований». Далее в письме говорилось о том, что «во время последней встречи в Варшаве с проф[ессором] Рыбаковым, участвовавшим в Конгрессе славянской археологии*, возник проект организации собрания Комиссии в полном составе в Москве во второй половине ноября мес[яца] т[екущего] г[ода], во время которого можно было бы установить формы и календарный план работ Комиссии»³⁰.

В ответном письме академику Игнацию Малецкому заместитель ученого секретаря Президиума Академии наук СССР Владимир Алексеевич Виноградов писал, что «вопрос о создании советско-польской исторической комиссии рассматривается нашими учеными. По-видимому, встречу советских и польских историков было бы целесообразно перенести на первое полугодие 1966 года». Далее отмечалось, что «о персональном составе советской части комиссии» будет сообщено дополнительно³¹.

* Конгресс проходил 14–18 сентября 1965 г. в Варшаве. Советский Союз «на конгрессе представляла большая делегация под руководством директора Института археологии Академии наук СССР академика Б.А. Рыбакова» (Третьяков П.Н. Конгресс по славянской археологии в Варшаве // Вестник Академии наук СССР. 1966. № 2. С. 127–129; Он же. Конгресс археологов-славистов в Варшаве // Советское славяноведение. 1966. № 3. С. 107–111).

14 октября 1965 г. Постановлением Бюро Отделения истории Академии наук СССР был одобрен состав советской части Комиссии. Председателем был назначен академик Б.А. Рыбаков; заместителем председателя к.и.н. И.А. Хренов, ученым секретарем к.и.н. В.А. Дьяков; членами бюро: к.и.н. И.С. Миллер, д.и.н. В.Т. Пашуто, чл.-корр. АН СССР В.И. Шунков. Среди 20 членов Комиссии шесть представляли Институт славяноведения АН СССР (д.иск. Игорь Федорович Бэлза, д.и.н. Иван Иванович Костюшко, д.и.н. Владимир Дорофеевич Королюк, к.и.н. Александр Яковлевич Манусевич, к.и.н. Игорь Борисович Греков, к.ф.н. Борис Федорович Стахеев), пять — Институт истории АН СССР. В состав Комиссии вошли представители Ленинградского отделения Института истории, Центрального Правления Общества советско-польской дружбы, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления, Академий наук Украинской, Молдавской, Литовской Советских социалистических республик, Московского и Львовского университетов³².

Несмотря на то, что польская часть Комиссии историков СССР–ПНР, которая должна была координировать исследования советских и польских историков, обмениваться информацией и проводить конференции, начала свою работу 6 ноября 1965 г.³³, встретиться советским и польским историкам в первой половине 1966 г. не удалось. На некоторое время замедлить организационную деятельность Комиссии могло проведение торжественных мероприятий, приуроченных к важным в истории Советского Союза и Польши датам. 1966 год проходил под знаком празднования 1000-летия Польского государства и подготовки к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции³⁴. Положительное решение ЦК КПСС, рассматривавшего в течение года вопрос о создании советской части Комиссии, последовало в начале 1967 г., о чем 17 февраля начальник Отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР Игорь Николаевич Киселев сообщил в Секцию общественных наук Президиума АН СССР³⁵.

Состав советской части Комиссии историков СССР–ПНР рассматривался на заседании Бюро Отделения истории АН СССР 21 марта 1967 г.³⁶, а 10 мая 1967 г. он был утвержден Секцией

общественных наук Президиума АН СССР. Председателем советской части Комиссии стал академик Б.А. Рыбаков, заместителем — академик АН Литовской ССР Юозас Ионович Жюгжда, ученым секретарем — к.и.н. И.Б. Греков. От Института славяноведения АН СССР в Комиссию вошли: д.и.н. И.А. Хренов, д.иск. И.Ф. Бэлза, д.и.н. В.А. Дьяков, д.и.н. В.Д. Королук, д.и.н. И.С. Миллер. Институт истории АН СССР был представлен д.и.н. Лукой Степановичем Гапоненко, д.и.н. Анатолием Филипповичем Смирновым; Институт истории искусств — чл.-корр. АН СССР Алексеем Алексеевичем Сидоровым; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — чл.-корр. АН СССР Дмитрием Михайловичем Кукиным; Главное архивное управление — к.и.н. Клавдией Степановной Кузнецовой; АН Белорусской ССР — чл.-корр. АН БССР Ниной Васильевной Каменской; Институт истории АН Украинской ССР — к.и.н. Федором Павловичем Шевченко³⁷.

8 июня 1967 г. Б.А. Рыбаков в письме к Генрику Ловмянському писал, что «в начале мая с[его] г[ода] решением Президиума АН СССР была сформирована советская часть Комиссии историков СССР и ПНР <...> Теперь, когда укомплектованы обе части Польско-советской исторической Комиссии, нам надлежит организовать встречу польских и советских представителей этой Комиссии с тем, чтобы определить общее направление нашей совместной работы, наметить комплекс конкретных проблем, который мог бы представлять наибольший интерес для ученых обеих стран, установить организационные формы дальнейшего сотрудничества»³⁸.

Осенью 1967 г. в Польшу, для участия в юбилейной сессии Польской академии наук, посвященной 50-летию Октябрьской революции, были направлены советские историки во главе с академиком Б.А. Рыбаковым³⁹. 25 ноября, после завершения проходившей в Варшаве конференции, состоялось совместное заседание польской и советской частей Комиссии, на котором обсуждались предложения к плану научного сотрудничества, программа дальнейшей деятельности Комиссии, календарный план совместной работы⁴⁰.

26 декабря 1967 г. Б.А. Рыбаков информировал Бюро Отделения АН СССР о результатах поездки в Польшу делегации со-

ветской части Комиссии историков СССР–ПНР. Бюро утвердило план ее работы на 1968–1971 гг., в соответствии с которым первая конференция, посвященная проблемам историографии двух стран с древнейших времен до начала XX в., прошла в Москве с 10 по 12 июня 1968 г. в Институте славяноведения АН СССР⁴¹.

Закрывая конференцию, академик Рыбаков «выразил убеждение в том, что возникшая недавно Комиссия историков СССР и Польши будет содействовать дальнейшей интенсификации нашей совместной работы, а вместе с тем и дальнейшему развитию славяноведческой науки в наших странах»⁴².

Таким образом, соглашения, принятые в 1940-е — начале 1960-х годов на межгосударственном, в рамках СЭВ, и межакадемическом уровнях позволяли развивать научные связи стран социалистического содружества. Изучение совместного прошлого невозможно без взаимных контактов, поэтому создание двусторонних исторических комиссий, в том числе и Комиссии историков СССР–ПНР, в середине — второй половине 1960-х годов явилось результатом настоятельной потребности координировать двусторонние связи в период возросшего объема международного научного сотрудничества⁴³. Деятельность Комиссии должна была способствовать расширению «представлений о важнейших узловых проблемах всего восточноевропейского исторического процесса» и преодолению «исторически не оправдавших себя старых концепций, сложившихся <...> в польской и отечественной историографии XIX — начала XX вв.», но оказавшихся «живучими и в более поздние времена»⁴⁴.

По различным причинам Комиссия историков СССР–ПНР, как и другие двусторонние комиссии, не могла реализовать в своей деятельности наиболее эффективные формы сотрудничества на основе договоров, контрактов, соглашений, проводить в полном объеме совместные исследования и взаимные консультации, осуществлять подготовку, повышение квалификации и обмен специалистами. Вместе с тем, проведение конференций, на которых советские и польские историки рассматривали важные проблемы средневековой истории и исторического развития народов двух стран в новое и новейшее время⁴⁵, непосредственный обмен мнениями и постоянный диалог, происходивший в рамках двусторон-

ней Комиссии, способствовали расширению тематики научных исследований, возникновению коллективных и индивидуальных работ⁴⁶, укреплению личных контактов и разносторонних связей академий и институтов. В этом процессе большую роль сыграл и Институт славяноведения АН СССР.

Примечания

- ¹ *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ 1957–1967. М.: Наука, 1974. С. 5–6.
- ² Ustawa z dnia 18 lipca 1950 r. o organizacji współpracy kulturalnej z zagranicą // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1950. Nr. 36. Poz. 324 // URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/organizacja-wspolpracy-kulturalnej-z-zagranica-16781144> (дата обращения: 27.05.2022).
- ³ *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР. С. 22–24; Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 222. Л. 190.
- ⁴ *Костюшко И.И.* Историческая наука в Польше // К истории славяноведения (Из личного архива проф. И.И. Костюшко. М., 2009. С. 94–95.
- ⁵ Закон о Польской академии наук от 17 февраля 1960 г. // Польская академия наук. Справочник. Ossolineum. Wrocław: WND, 1971. С. 13–26. См. также: *Киселев И.Н.* Научные связи Академии наук СССР с Польской академией наук // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 45.
- ⁶ Польская академия наук. Справочник. Варшава: Национальный институт имени Оссолинских. Издательство Польской академии наук, 1964. С. 7.
- ⁷ *Костюшко И.И.* Историческая наука в Польше. С. 95; *Wyszomirska-Kuźmińska O.* Więzi humanistów polskich i radzieckich (1944–1980). Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1988. S. 5–6, 63–67, 77–83; *Wyszomirska-Kuźmińska O.* Деятельность Польско-советского института // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 11–20; *она же.* Польско-советские связи в области общественных наук в 1945–1980 годах // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 169.
- ⁸ Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). М.: Наука, 1977. С. 3; *Королюк В.Д.* Советские историко-славистические исследования (1917–1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 37–52.
- ⁹ *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР. С. 33.
- ¹⁰ Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой от 30 июня 1956 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1983. Т. 11. Январь 1956 г. — декабрь 1960 г. С. 44–47.
- ¹¹ *Wyszomirska-Kuźmińska O.* Польско-советские связи в области общественных наук. С. 169; *Wyszomirska-Kuźmińska O.* Więzi humanistów polskich i radzieckich. S. 6.
- ¹² *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР. С. 34.
- ¹³ Соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской Академией наук на 1957 год. Микрофотокопия. 31 л. Соглашение на польском и русском языках // Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 579. Оп. 1 доп.

- Д. 687. Публикации: Соглашение о научном сотрудничестве в 1957 году между Академией наук СССР и Польской Академией наук от 27 марта 1957 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1983. Т. 11. Январь 1956 г. — декабрь 1960 г. С. 104–109 (соглашение было опубликовано без приложения); Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше). М., 2011. С. 13–52.
- 14 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 131. Л. 19–27, 32–33, 61–71, 77–97, 105–111. См. также: *Bucharin M., Wyszomirska-Kuźmińska O.* Polsko-radziecka współpraca naukowa 1944–1986. Warszawa: Instytut Krajów Socjalistycznych PAN, 1987. S. 32; *Вышомирская-Кузьминская О.* Польско-советские связи в области общественных наук. С. 170.
- 15 АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 128. Л. 82–86; Д. 255. Л. 132–137.
- 16 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 153. Л. 75, 142.
- 17 *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР. С. 172–173, 181–189; *Вышомирская-Кузьминская О.* Польско-советские связи в области общественных наук. С. 170.
- 18 *Киселев И.Н.* Научное сотрудничество социалистических стран // Вестник Академии наук СССР. 1968. № 9. С. 29–30.
- 19 *Киселев И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР. С. 52.
- 20 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 59. Л. 2–7.
- 21 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 118. Л. 166–168; *Szumski J. S.* Polityka a historia: ZSRR wobec nauki Historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016. S. 336–341.
- 22 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 293. Л. 34–35.
- 23 Архив Комиссии историков России и Польши (находится в Институте славяноведения РАН). Ф. 1. Оп. 1. Л. 24–25.
- 24 Там же. Л. 1–2. См. также: *Ильин В.И.* Пребывание в СССР зарубежных ученых // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 4. С. 95.
- 25 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 495. Л. 106–107.
- 26 Там же. Л. 108–111.
- 27 Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л 3; АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 485. Л. 38.
- 28 Генрик Альтман с 1952 по 1965 гг. возглавлял Генеральную дирекцию Государственных архивов Польши.
- 29 Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л. 4; АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 495. Л. 112.
- 30 Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л. 6.
- 31 Там же. Л. 10.
- 32 Там же. Л. 12–13.
- 33 *Biuletyn Informacyjny Studiów z Dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich.* R. 1. Warszawa, 1966. № 1. Styczeń–marzec. S. 38.
- 34 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 510. Л. 8–13; Стенограмма научной сессии, посвященной 1000-летию Польского государства // АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 508. 122 л.; См. также: В честь 1000-летия Польского государства // Вестник Академии наук СССР. 1966. № 12. С. 7–9; *Цесляк Т.* Польская наука к 50-ле-

- тию Великой Октябрьской революции // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 99–102.
- ³⁵ Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л. 20.
- ³⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 527. Л. 69.
- ³⁷ АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 81. Л. 91; Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Л. 21.
- ³⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 532. Л. 41.
- ³⁹ Там же. Л. 53; Д. 533. Л. 8–9, 18–19.
- ⁴⁰ Там же. Л. 53; Д. 533. Л. 8–9, 18–19. См. также: *Skrzypek A. Obrady polsko-radzieckiej Komisji historycznej* // *Kwartalnik Historyczny*. 1968. № 2. S. 507–508; *Греков И.Б.* Юбилейная сессия Польской академии наук // Советское славяноведение. 1968. № 3. С. 114.
- ⁴¹ Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–36. См. также: *Греков И.Б., Заборовский Л.В., Флоря Б.Н.* Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии // Советское славяноведение. 1968. № 6. С. 124–125; *Греков И.Б.* Встреча польских и советских историков (Конференция в Москве) // Вестник Академии наук СССР. 1968. № 12. С. 92–95; *Фалькович С.М.* Краткий обзор выступлений по докладам // Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии. Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М., 1969. С. 213–229; *Skrzypek A. Stosunki polsko-radzieckie* // *Kwartalnik Historyczny*. 1968. № 4. S. 1013–1014.
- ⁴² Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 36. См. также: *Греков И.Б., Заборовский Л.В., Флоря Б.Н.* Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии. С. 125; *Bucharin M., Wyszomirska-Kuźmińska O.* *Polsko-radziecka współpraca naukowa 1944–1986*. Warszawa: Instytut Krajów Socjalistycznych PAN, 1987. S. 40, 73–75.
- ⁴³ Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). С. 30.
- ⁴⁴ *Греков И.Б.* О работе двусторонней комиссии историков СССР–ПНР // Актуальные задачи изучения истории Польши, российско-польских и советско-польских отношений. Экспресс-информация о Всесоюзном совещании 1989 г. Калинин, 1989. С. 10.
- ⁴⁵ Там же. С. 11.
- ⁴⁶ *Сарновская-Тэмэриуш Э., Тазбир Я.* Польско-российское сотрудничество: гуманитарные науки и обществоведение // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 12. С. 1107–1117.

Работа Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики (середина 1990-х годов — 2022 г.)

Известный российский ученый В.В. Марьина в 2014 г. опубликовала небольшую, но очень интересную работу, посвященную деятельности Советско-чехословацкой комиссии историков с конца 1960-х до конца 1980-х годов¹. В эти годы Валентина Владимировна являлась секретарем, а затем заместителем председателя советской части Комиссии, и у нее сохранились многие документы, связанные с ее работой. До 1979 г. советскую часть Комиссии возглавлял академик П.Н. Поспелов, а после его кончины — действительный член АН УССР и ее вице-президент П.Т. Тронько. После В.В. Марьиной на должность секретаря советской части Комиссии утвердили Э.Г. Задорожнюк.

Соглашаясь быть рецензентом книги В.В. Марьиной, я даже не предполагала, насколько эта мини-монография любопытна и как много может дать знакомство с ее текстом. Автор рассказала о сотрудничестве с чешскими и словацкими коллегами на широком фоне политических процессов, проходивших в то время, а также обозначила основные тенденции развития историографии в то двадцатилетие. Официально Комиссия была создана в 1966 г., а ее первое заседание состоялось в Праге в мае 1967 г., можно сказать, в канун так называемой Пражской весны². Первым председателем Комиссии с советской стороны, как уже указывалось, стал академик П.Н. Поспелов, с чехословацкой — директор Института истории ЧСАН академик Й. Мацек. Главной задачей Комиссии стало развитие сотрудничества между историками двух стран.

Несмотря на бурное развитие политической ситуации в конце 1960-х годов, связанное с подавлением Пражской весны, репрессиями в отношении неугодных историков и началом «нормали-

зации», работа Комиссии, вначале приостановленная, с 1972 г. продолжилась. С чехословацкой стороны Комиссию возглавил директор Института археологии ЧСАН академик Й. Поулик. Изменился и состав чехословацкой части Комиссии.

Заседания проходили ежегодно, попеременно в двух странах. С 1980 г. чехословацкую часть Комиссии возглавлял вице-президент ЧСАН, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ, академик З. Снитил. Последнее, XX-е, заседание Комиссии состоялось в сентябре 1989 г., буквально накануне бархатной революции.

Новый этап сотрудничества с чешскими историками в рамках двусторонней Комиссии начался лишь в середине 1990-х годов, уже после распада СССР в 1991 г. и Чехословакии в 1993 г. В 1995 г. начала действовать Комиссия историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики, а с 2000 г. — Комиссия историков Российской Федерации и Словацкой Республики. Естественно, что и в новых условиях работа Комиссий основывалась на уже имевшемся опыте двустороннего сотрудничества в рамках Советско-чехословацкой комиссии историков. Преемственность в работе Комиссий обеспечивалась и тем обстоятельством, что секретарем российской части Комиссии вновь стала Э.Г. Задорожнюк, на плечи которой легла подготовка учредительного заседания Комиссии историков и архивистов России и Чехии.

Настоящая работа — попытка подведения итогов деятельности Российско-чешской комиссии историков за последнюю четверть века, так как решением директора Института истории АН ЧР 24 февраля 2022 г. Комиссия, в связи с началом Россией специальной военной операции на Украине, была ликвидирована, двусторонние контакты прерваны, и многие члены Комиссии с чешской стороны посчитали необходимым заявить о выходе из нее. Таким образом, закончился еще один этап российско-чешского сотрудничества.

В отличие от Советско-чехословацкой комиссии, которой придавалось большое значение, а ее заседания и совместные публикации централизованно финансировались, работу вновь созданной в середине 1990-х годов Комиссии приходилось вести в совсем других, уже рыночных условиях, и хотя она находилась

под патронатом Национальных комитетов историков, но никак не финансировалась. И это сразу же стало проблемой при организации ее заседаний. Их было решено проводить не ежегодно, как в советское время, а раз в два года, так же поочередно в каждой стране. Тематика заседаний обсуждалась совместно, но приоритет имели идеи и предложения принимающей стороны, которая обеспечивала проживание участников научных мероприятий, проводимых в рамках заседаний. Как правило, и публикацию книг, основанных на материалах научных форумов, брала на себя принимающая сторона.

Председателем российской части Комиссии в 1995 г. стал академик Г.Н. Севостьянов, а ученым секретарем — Э.Г. Задорожнюк. С чешской стороны Комиссию возглавил д.и.н. Ф. Яначек, ученым секретарем стал П. Рафай, сотрудник Главного Архивного управления при МВД ЧР, много сделавший для начала работы Комиссии в новом формате. По свидетельству Э.Г. Задорожнюк, самую активную роль в установлении сотрудничества сыграл также известный чешский историк В. Пречан (в то время возглавлявший Институт современной истории АН ЧР), который позже, после смерти Ф. Яначека в 1997 г., сменил его на посту председателя чешской части Комиссии.

Первое заседание Комиссии состоялось в Праге в ноябре 1995 г. и было посвящено истории Второй мировой войны и освобождения Чехословакии от фашистской оккупации. Большую организационную помощь в проведении этого мероприятия оказало Посольство РФ в Чешской Республике (лично посол И.В. Лебедев, а также советники В.Я. Орлов и А.Б. Яшкин). Члены российской делегации проживали в гостинице при Посольстве, по случаю начала деятельности Комиссии в российском Посольстве в Праге был устроен прием.

Задачами Комиссии стали поддержка сотрудничества историков и архивистов двух стран, проведение научных форумов, издание совместных трудов, содействие доступу к архивным источникам, научным стажировкам и командировкам, студенческому обмену, совместное информирование о развитии исторической науки в обеих странах, организация книжного обмена, а также перевод и публикации книг и статей.

В апреле 1997 г. в Москве было проведено 2-е заседание Комиссии. В его рамках состоялась международная научная конференция, посвященная февральским событиям 1948 г. в Чехословакии и позиции Москвы, а также круглый стол, приуроченный к 60-летию со дня смерти первого чехословацкого президента, философа, социолога Т.Г. Масарика и 85-летию со дня издания его книги «Россия и Европа». Часть заседаний состоялась в Доме Русского Зарубежья при участии научных сотрудников этого учреждения. Участники мероприятия плодотворно обсудили ряд вопросов, связанных с советско-чехословацкими отношениями после Второй мировой войны и февральским кризисом 1948 г. в Чехословакии. На основе ставших доступными архивных документов прозвучали новые оценки событий тех лет. Участники круглого стола сосредоточились на отношении Масарика к России, его пребывании в этой стране.

По итогам заседания была опубликована книга «Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека»³. В нее вошли четыре работы чешских и семь работ российских авторов, среди которых были специалисты из МГИМО, Института экономики РАН, не только богемисты, но и историки, специализирующиеся по истории Польши, Венгрии и Болгарии из Института славяноведения РАН. Материалы круглого стола подготовили чешские и российские специалисты: преподаватели Карлова университета, МГУ, Российской академии государственной службы, сотрудники Института философии РАН и Института славяноведения РАН.

Заседание Комиссии 1999 г. прошло в Праге, в рамках большой международной конференции, на которой рассматривались различные аспекты бархатной революции 1989 г. Острые дискуссии состоялись с участием тогдашнего директора Института славяноведения В.К. Волкова и его заместителя Ю.С. Новопашина. Скажу, что я, тогда еще молодой специалист, гордилась полемическими способностями моих старших коллег. Это заседание мне хорошо запомнилось, так как тогда я уже, как секретарь Комиссии, участвовала в его организационной подготовке. На конференции выступил президент ЧР В. Гавел, диссиденты, уехавшие из Чехословакии после 1948 г. и 1968 г. и вернувшиеся в нее уже после 1989 г. Большое впечатление на меня тогда про-

извели воспоминания непосредственных участников бархатной революции, членов чешского Гражданского форума и словацкой Общественности против насилия⁴.

В дальнейшем заседания проходили за редким исключением регулярно, раз в два года, нередко в них принимали участие и словацкие коллеги. Но вопрос о создании трехсторонней комиссии, хотя и обсуждался, но как-то забуксовал. В начале 2000-х годов секретарем российской части Комиссии стала Н.В. Коровицына. С чешской стороны Комиссию возглавил заместитель директора Института истории АН ЧР, крупный специалист по истории Второй мировой войны Я. Немечек, ее секретарем стал доктор наук, специалист по истории России и чешско-российским отношениям Э. Ворачек.

Заседание Комиссии в Москве в 2004 г. было посвящено событиям 1968 года. В нем активное участие принимал директор Института славяноведения чл.-корр. В.К. Волков, а также сотрудники Института современной истории АН ЧР. В рамках четвертого заседания был проведен круглый стол «Чешско-российский диалог: 1945, 1968, 1989-1991 гг.».

Информация о пражском заседании Комиссии в 2006 г. была опубликована в журнале «Славяноведение»⁵. В его рамках прошла научная конференция «Новые документы по истории чешско-российских (советских) отношений» и состоялся круглый стол «Чешско-российские культурные и научные связи на рубеже XIX–XX вв.». За заслуги перед чешской наукой В.В. Марьину наградили медалью в честь чешского историка Франтишека Палацкого. В заседании приняли участие: директор Федеральной архивной службы РФ проф. В.П. Козлов, его заместитель Т.Ф. Павлова, зам. директора историко-документального департамента МИД РФ и член российской части Комиссии Н.М. Барина, директор Российского Государственного архива социально-политической истории К.М. Андерсон. Обсуждался вопрос о совместных документальных публикациях. Выступали историки-богемисты и русисты. Н.В. Коровицына представила первые выпуски международного журнала по социальным и гуманитарным проблемам «Восточноевропейские исследования». В здании Президиума Академии наук ЧР состоялась пресс-конференция,

на которой представители чешских СМИ интересовались результатами деятельности Комиссии, большой интерес они проявляли и к работе российских архивов.

Осенью 2009 г. в Институте славяноведения РАН прошла большая международная конференция «Трансформационные процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков: двадцатилетний исторический опыт. 1989–2009 гг.», в которой приняла участие Российско-чешская комиссия историков и архивистов⁶. В рамках ее заседаний был организован круглый стол «Чешская историческая русистика и российская историческая богемистика: основные тенденции развития после 1989 г.». В дальнейшем усилиями российской стороны вышел сборник статей по историографии двух стран⁷.

При подготовке и проведении заседания Комиссии на этот раз пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, связанными с изменением руководства и состава ее российской части. Вместо академика Г.Н. Севостьянова, попросившего освободить его от должности председателя в связи с состоянием здоровья, был представлен новый председатель российской части Комиссии, в то время чл.-корр. РАН, ректор РГГУ Е.И. Пивовар. Секретарем Комиссии стал к.и.н., доцент РГГУ А.С. Левченков. Частично изменился и состав российской части Комиссии.

С 2010 по 2018 гг. состоялись четыре заседания Комиссии, одновременно сопровождавшиеся научными мероприятиями. В 2011 г. Российско-чешская комиссия историков и архивистов стала одним из организаторов и участников международной конференции в Праге под названием «Теория и практика социального государства в Европе в XX веке». Впоследствии вышла коллективная монография на английском языке с работами авторов, участвовавших в конференции, где были опубликованы статьи членов российской части Комиссии — В.Ю. Афиани, Э.Г. Задорожнюк и Е.П. Серапионовой⁸. Заседание самой Комиссии на этот раз посвящалось роли и месту архивов в развитии российско-чешских научно-образовательных и культурных связей. В 2012 г. подробный обзор работы Комиссии, начиная с 2010 г., был опубликован А.С. Левченковым и А.Г. Матвеевой в журнале «Новая и новейшая история»⁹. Подводя итоги работы за двухлетний пе-

риод, авторы подчеркнули особый интерес историков и архивистов двух стран к общим сюжетам в истории чешского и русского народов и высказали пожелание расширить спектр обсуждаемых проблем и компаративных исследований.

В 2013 г. в Москве прошло заседание под названием «Научные, культурные и общественные связи России и Чехии», а также состоялся круглый стол «Т.Г. Масарик в общественной жизни Чехии и России». Затем доработанные материалы научных форумов вошли в сборник статей¹⁰. Чешская сторона представила солидный коллективный труд с материалами заседаний Комиссии, состоявшихся в Праге в 2002 и 2006 гг.¹¹, так как по установленному регламенту принимавшая участников научных мероприятий сторона публиковала и материалы конференций. На заседании была проведена презентация двух книг: уже упоминавшегося сборника статей «Современные историографические исследования в России и Чехии» и монографии В.В. Марьиной «Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948»¹².

В 2015 г. в Праге состоялось совместное заседание «Теория и практика публикаторской деятельности в области истории и архивоведения России и Чехии». Было заявлено о поддержке исследовательских проектов о роли международных структур (Коминтерн, ООН, СЭВ, ОВД) в двусторонних отношениях, о вкладе российской эмиграции в культурное и научное наследие ЧСР, взаимном восприятии русских и чехов в истории, документальной публикации о Чехословацком корпусе в России в годы Первой мировой и Гражданской войн. В 2018 г. усилиями архивистов и историков-богемистов вышел второй том двухтомной публикации «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920»¹³.

В 2018 г. в Институте славяноведения была организована большая международная конференция в связи со 100-летием распада Австро-Венгерской империи и образования национальных государств, а также международная конференция, посвященная событиям 1968 г. в Чехословакии. В обоих мероприятиях деятельное участие приняли члены Российско-чешской комиссии историков и архивистов. По материалам конференций опубликованы книги¹⁴.

В 2020 г. под редакцией члена Комиссии В.Ю. Афиани и под грифом Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР коллективом авторов были изданы труды А.В. Флоровского по истории России, Центральной Европы и историографии. Вступительную статью подготовил М.В. Ковалев¹⁵.

Дальнейшей работе Комиссии помешали пандемия коронавируса, закрытие границ, что стало причиной двукратного перенесения сроков очередного заседания. А в феврале 2022 г. Комиссия, по решению чешской стороны, прекратила работу.

За четвертьвековой период были проведены 10 заседаний Комиссии, организованы научные конференции и круглые столы, изданы монографии, сборники статей, научные обзоры. Обсуждались наиболее значимые проблемы истории двух стран в XIX–XXI вв. Среди них: распад Австро-Венгерской империи и образование ЧСР, советско-чехословацкие отношения, Чехословацкий корпус в России в годы Первой мировой войны и русская послереволюционная эмиграция в Чехословакии, революционные повороты и сдвиги в обеих странах, место СССР / России, Чехословакии / Чешской Республики в региональной и европейской системе международных отношений, Мюнхенский стовор, коллаборационизм и Движение Сопротивления в годы Второй мировой войны, роль отдельных исторических личностей в истории, в том числе первого президента ЧСР Т.Г. Масарика и первого премьера Чехословакии К. Крамаржа, Февральские события 1948 г. в Чехословакии, Пражская весна и ее подавление странами Варшавского договора в 1968 г., переговорная революция 1989 года и последующие преобразования, распад СССР и Чехословакии, проблемы расширения источниковой базы исследований, привлечение новых архивных массивов и их публикация, спорные историографические моменты.

К сожалению, ввиду малочисленности специалистов, гораздо меньше внимания в работе Комиссии уделялось древности и Средним векам. Правда, отчасти акцент на новейшую историю был оправдан тем, что оценки именно событий XX века после демократических изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов подлежали всестороннему пересмотру.

Привлечение к работе Комиссии архивистов дало возможность русистам и богемистам получать «из первых рук» инфор-

мацию о рассекреченных и открытых для доступа архивных фондах, узнавать о новых публикациях документов и каталогах, подготовленных архивистами. С другой стороны, тесные контакты с историками позволили архивистам привлекать их к совместной публикаторской деятельности. Так, двухтомная публикация документов и материалов «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус в России 1914–1920»¹⁶, в которой участвовали члены комиссии З.С. Ненашева и Е.П. Серапионова, в 2022 г. была удостоена диплома 1-й степени на конкурсе Росархива.

Комиссия поддерживала научные связи историков и архивистов двух стран, ее члены занимались переводческой деятельностью, обменивались книгами, публиковали статьи в совместных и периодических изданиях, обсуждали научные проблемы, устраивали культурные программы для участников заседаний. Жаль, что политические условия не позволили Комиссии существовать дальше, но смею надеяться, что ситуация изменится и рано или поздно научные связи будут восстановлены, возможно, в каких-то иных формах.

Примечания

- ¹ *Марьина В.В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х — 80-е годы XX века). М., 2014.
- ² Из последней литературы о событиях тех лет см.: 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива: сборник статей. М.: РОССПЭН, 2010; 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / редкол.: Т.В. Волокитина (отв. ред.), А.Р. Лагно, А.Ф. Носкова, Б.С. Новосельцев. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021; *Шевченко К.В.* Славянский треугольник. Альянс Варшава — Москва и Пражская весна 1968 года. Минск: Колорград, 2022.
- ³ Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. Материалы второго заседания комиссии историков и архивистов России и Чехии. Москва 26–30 апреля 1997 г. / Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998.
- ⁴ *Серапионова Е.П.* Международная научная конференция «Демократическая революция в Чехословакии, 1989. Предпосылки, ход, непосредственные результаты» // *Славяноведение*. 2000. № 3. С.116–119.
- ⁵ *Коровицына Н.В.* Заседание комиссии историков РФ и ЧР // *Славяноведение*. 2008. № 1. С. 122–125.
- ⁶ *Серапионова Е.П.* Российско-чешская комиссия историков и архивистов: очередное заседание в Москве // *Славяноведение*. 2010. № 4. С. 106–108.
- ⁷ Современные историографические исследования в России и Чехии. Материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / Отв. ред. Е.И. Пивовар. СПб.: Алетей, 2014.

- ⁸ Z. Zudová-Lešková, E. Voraček et al. Theory and Practice of the Welfare State in Europe in 20th Century. Prague: Historický ústav, 2014.
- ⁹ Левченко А.С., Матвеева А.Г. Работа комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики в 2010–2011 годах // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 245–250.
- ¹⁰ Россия и Чехия: научные, культурные и общественные связи. Материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики / Отв. ред. Е.И. Пивовар. СПб.: Алетейя, 2014.
- ¹¹ Česko-ruské vztahy v 19. a 20. století. Чешско-российские отношения в 19–20 веках / Red. Jan Němeček a Emil Voráček. Praha: Historický ústav, 2011.
- ¹² Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М., 2013.
- ¹³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. М., 2013; Т. 2. М., 2018.
- ¹⁴ Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. Колл. монография / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020; 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / редкол.: Т.В. Волокитина (отв. ред.), А.Р. Лагно, А.Ф. Носкова, Б.С. Новосельцев. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021.
- ¹⁵ А.В. Флоровский. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии. Из архивного наследия. СПб., 2020.
- ¹⁶ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус в России 1918–1920. Т. 1. Чехословацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. 1016 с.: илл.; Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.: илл.

Комиссия историков России и Словакии. История заседаний (2005–2022 гг.)

Основания для координации сотрудничества историков Российской Федерации и Словацкой Республики были заложены еще в предыдущие десятилетия — в период деятельности Комиссии историков СССР и ЧССР. Данная двусторонняя Комиссия, созданная в 1966 г. в рамках взаимодействия между академиями наук СССР и ЧССР, функционировала до конца 1980-х годов. Благодаря щедрому государственному финансированию, советские и чехословацкие историки регулярно встречались в разных уголках Советского Союза и Чехословакии¹.

Однако в первые годы после распада СССР и ЧСФР, когда национальные историографии постсоветских государств, как и Чехии и Словакии, находились в напряженном поиске собственного «я», сотрудничество между российскими и словацкими историками поддерживалось лишь в формате личных инициатив отдельных исследователей. Положительным примером для выстраивания научного взаимодействия между учеными России и Словакии стало создание в 1995 г. российско-чешской комиссии историков². После этого, естественно, назрела необходимость организации аналогичной комиссии со словацкими коллегами.

Решение о создании Комиссии историков России и Словакии (КИРС) было принято в 2005 г.³. Председателем ее российской части стал тогдашний директор Института этнологии и антропологии РАН, член-корреспондент РАН В.А. Тишков, вице-председателем стала В.В. Марьина (ИСл РАН), ученым секретарем — М.Ю. Досталь (ИСл РАН). Словацкую часть Комиссии возглавил Михал Барновский, вице-председателем стала Татьяна Ивантышинова, ученым секретарем — Даниела Кодайова [все — сотрудники Института истории Словацкой академии наук (САН)].

Первое заседание КИРС. 2005 г., Братислава⁴

Первое мероприятие новой структуры прошло в сентябре 2005 г. Главными организаторами этой встречи стали словацкие коллеги. Был избран классический формат: сочетание международной научной конференции для расширенного круга участников, заседания членов обеих частей Комиссии и, в дополнение, культурная программа.

21 сентября в конференц-зале Университета им. Я.А. Коменского начала свою работу конференция «СССР — Словакия на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. К 60-летию победы над фашистской Германией». Пленарное заседание открыл директор Института истории САН Валериан Бистрицкий, который представил коллективный труд словацких историков «История Словакии», в переводе на русский язык. Русское издание подготовили сотрудники ИСл РАН (научный редактор — Ю.В. Богданов; переводчики — И.А. Богданова, В.В. Марьина, О.В. Хаванова) при финансовой поддержке Посольства Словацкой Республики в Российской Федерации (РФ)⁵. Несмотря на то, что в этой книге нет упоминания КИРС, фактически издание данного перевода стало ее первым реализованным проектом. С приветственным словом выступил посол РФ в Словакии А.И. Удальцов.

На конференции обсуждалось два блока проблем, а именно вопросы, связанные с освобождением Словакии от фашизма, а также конфессиональная политика в Восточной Европе в 1940–1950-е годы. Так, в рамках первой тематической панели выступили Й. Бистрицкий (Ин-т военной истории, Братислава), Н.В. Волостнова (МГУ им. М.В. Ломоносова), Ю. Гаутова (Словацкий нац. архив, Братислава). М.Ю. Досталь зачитала доклад отсутствовавшей В.В. Марьиной о роли СССР в Словацком национальном восстании 1944 г. Во второй части конференции выступили Т.В. Волокитина (ИСл РАН), Л. Гарбулёва (Прешовский ун-т, Прешов), А.Ф. Носкова (ИСл РАН), Я. Пешек (Ин-т истории САН, Братислава), Г.П. Мурашко (ИСл РАН) и М. Барновский.

Активные дискуссии при обсуждении докладов, вскрывающие порой диаметрально противоположные точки зрения российских и словацких историков на отдельные исторические события, возникали как на этой конференции, так и на всех последующих мероприятиях КИРС. Это объясняется отказом от единых официальных установок и плюрализмом мнений, идеологическим размежеванием ученых в обеих странах.

22 сентября в здании Института истории САН состоялось внутреннее заседание Комиссии, на котором прозвучали доклады о состоянии исследований русско-словацких связей в России (М.Ю. Досталь) и истории России в Словакии (Л. Гарбулёва). На этом заседании члены КИРС детально обсудили Положение о ее работе, регламентирующее цели и задачи Комиссии, а также основные направления ее деятельности. Были намечены перспективы совместной работы (правда, некоторые планы, например, создание интернет-сайта Комиссии, реализовать не удалось). В итоговом протоколе фиксировались место и тематика очередной научной конференции. Подобная модель внутренних заседаний с минимальными отличиями сохранилась вплоть до 2021 г.

В целом первая, брагиславская, встреча 2005 г. прошла на высоком уровне. Интерес к КИРС проявили местные СМИ: брагиславская радиостанция, вещающая на русском языке, подготовила по данному поводу специальную передачу (к сожалению, так было не на всех последующих заседаниях).

В 2006 г. словацкая часть Комиссии издала сборник под редакцией М. Барновского и Д. Кодайовой «Конец Второй мировой войны и проблемы церковной политики в последующий период»⁶. В книгу вошли 10 статей, подготовленных на основе докладов конференции. Работы российских коллег были переведены на словацкий язык.

Второе заседание КИРС. 2007 г., Москва⁷

Если первая встреча Комиссии состоялась в словацкой столице, второе заседание прошло в Москве, 2–4 октября 2007 г. К нему была приурочена конференция «Русские и словаки

в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействие, стереотипы». Незадолго до этого в виде отдельной брошюры вышли тезисы докладов⁸.

Первый день работы конференции проходил в Словацком институте при Посольстве СР в РФ. Участников российско-словацкого научного форума приветствовали: председатель Национального комитета российских историков акад. С.Л. Тихвинский, Чрезвычайный и полномочный посол СР в РФ А. Чисар, директор ИСл РАН К.В. Никифоров, председатель Общества дружбы со Словакией И.А. Черкасов и др.

Несмотря на название конференции, звучавшие на ней научные доклады касались гораздо более широкой тематики. Так, например, докладчики первого дня размышляли о российском народе (В.А. Тишков), словацкой идентичности (Т. Ивантышынова), словацких национальных символах (Д. Шкварна, Ун-т в г. Банска-Бистрица). Разным аспектам русско-словацких исторических связей в XIX — начале XX вв. были посвящены доклады Г.В. Рокиной, М.Ю. Досталь, Д. Кодайовой, проф. Л.П. Лаптевой (МГУ им. М.В. Ломоносова), проф. И.В. Крючкова (Ставропольский гос. ун-т), Э.Г. Задорожнюк (ИСл РАН).

Первый день конференции завершился торжественным обедом, данным Послом Словакии в честь ее участников.

На следующий день заседания проходили в Институте славяноведения РАН. Здесь прозвучал целый ряд докладов, посвященных контактам между русскими и словаками в XX столетии (Е.П. Серапионова, Ю.В. Богданов, В.В. Марьина, Д.В. Кузнецов, Д. Кодайова, Е.В. Гурко-Кряжина). Два доклада были посвящены проживающим в Словакии карпаторусинам (М. Барновский, М.Ю. Дронов) и одно выступление — идентичности славянского населения в Средней Азии (О.И. Брусина, Ин-т этнологии и антропологии РАН).

Рабочее заседание КИРС, на котором были подведены итоги конференции, состоялось 4 октября.

В том же 2007 году на базе Марийского государственного педагогического университета был издан сборник материалов московской конференции под редакцией В.А. Тишкова (ответственный редактор), М.Ю. Досталь и Г.В. Рокиной⁹. Всего в том вошли 22 текста на русском и словацком языках.

Третье заседание КИРС. 2010 г., Братислава¹⁰

Третья встреча КИРС по инициативе словацкой стороны была перенесена на год. 5 октября 2010 г. в Малом зале заседаний САН в Братиславе состоялось торжественное открытие международной научной конференции «Россия и Словакия: проблема Восток — Запад». Ее особенностью стало привлечение организаторами кроме словацких и российских ученых также чешских коллег.

В официальном открытии приняли участие секретарь Национального комитета историков СР Э. Иваничкова, Чрезвычайный и полномочный посол РФ в СР П.М. Кузнецов и председатели обеих частей КИРС, В.А. Тишков и Т. Ивантышинова.

В рамках первой панели, «Россия и Европа», прозвучали доклады Р. Влчека (Брненский филиал Ин-та истории АН ЧР), В. Доубека (Карлов ун-т, Прага), О.В. Павленко (РГГУ, Москва), Я. Немечека (Ин-т истории АН ЧР, Прага), Э.Г. Задорожнюк, Ю. Марушияка (Ин-т политологии САН) и С.И. Михальченко (Брянский гос. ун-т).

Вечером участники конференции присутствовали на торжественном открытии выставки «Петр I в Братиславе», устроенной в Российском центре науки и культуры (РЦНК). Ее концепция родилась в недрах словацкой части КИРС, а реализована Л. Качиреком (Ун-т Я.А. Коменского) и его студентами. Выставку открыл директор РЦНК А.И. Бушуев. Научный доклад о пребывании Петра I в Братиславе прочла коллега из Австрии — доцент Венского ун-та И. Шварц.

Второй день конференции, 6 октября, прошел в РЦНК. Два доклада, В.А. Тишкова и Э. Ворачека (Ин-т истории АН ЧР, Прага), были посвящены евразийству. В этот день на конференции присутствовал известный словацкий политик Я. Чарногурский, который выступил с обширной речью, подчеркнув значимость сотрудничества двух стран.

В рамках блока «Словакия между Востоком и Западом» прозвучали доклады Г.В. Рокиной, П. Подолана (Ун-т им. Я.А. Коменского), М.Ю. Досталь, Д. Кодайовой и И.В. Крючкова.

Заключительный день конференции прошел в здании Института истории САН. Выступления 7 октября касались карпаторусинской проблематики [П. Шолтес (Ин-т истории САН), М.Ю. Дронов], Первой мировой войны [Ю. Бенко (Ин-т истории САН), Е.П. Серапионова], разных аспектов отношений СССР и Словакии в межвоенный (Л. Гарбулёва) и послевоенный (Д. Чиерна-Лантайова, Ин-т истории САН) периоды. Прозвучали доклады о русской эмиграции [Д. Костлан (Ин-т социологии САН, Братислава)], словацком будителе Людовите Штуре [Т. Ивантышинова и В. Матула (Ин-т истории САН)] и о словацкой историографии гуситского движения (А. Рандин, Ун-т Я.А. Коменского).

Секретарь российской части КИРС М.Ю. Досталь и новый председатель словацкой части Т. Ивантышинова (сменившая М. Барновского после его кончины в 2008 г.) подвели итоги трехдневной работы ученых. После этого состоялось заседание членов Комиссии, на котором обсуждались дальнейшие перспективы сотрудничества историков двух стран.

Продолжение братиславского заседания Комиссии состоялось через несколько дней в Москве. 13 октября в Словацком институте при Посольстве СР в РФ прошла презентация русскоязычной версии книги «Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии»¹¹, выпущенной авторским коллективом во главе с Т. Ивантышиновой при содействии российской части КИРС. Авторы не без гордости отметили, что им удалось подарить свой труд президенту РФ Д.А. Медведеву во время его визита в Словакию в апреле того же года. После обсуждения книги состоялся показ документального фильма о словацком legionере М. Гацке, сопровождавшийся биографическими комментариями Е.П. Серапионовой.

Практическим результатом октябрьской братиславской конференции стало оперативное издание словацкими коллегами сборника «Восточная дилемма Центральной Европы»¹². В него вошли 18 статей, причем тексты россиян были переведены на словацкий язык.

Четвертое заседание КИРС. 2012 г., Москва¹³

Последнее в истории КИРС московское заседание прошло в октябре 2012 г. 16 октября в Институте славяноведения РАН состоялось открытие международной научной конференции «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память». Участников и гостей приветствовали председатель российской части КИРС В.А. Тишков, 2-й секретарь Посольства СР в РФ П. Вилчак, директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров, ученый секретарь словацкой части КИРС Д. Кодайова, президент Общества дружбы со Словакией И.А. Черкасов и др.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады членкорр. РАН Л.П. Репиной (Ин-т всеобщей истории РАН) о феномене памяти и Й. Бистрицкого о современной словацкой историографии по проблеме освобождения Словакии от фашистской Германии (1944–1945 гг.).

Сюжеты, связанные с периодом Первой мировой войны, были освещены в выступлениях Д. Кодайовой, А.Н. Птицына (Северо-Кавказский фед. ун-т, г. Ставрополь), З.С. Ненашевой (МГУ им. М.В. Ломоносова), И.В. Крючкова и Г. Дудековой (Ин-т истории САН).

Во второй половине дня прозвучали выступления, касающиеся межвоенной социальной политики (Е.П. Серапионова), имагологии (С.И. Михальченко), национальной идентификации (С.М. Слоистов, ИСл РАН) и исторической памяти (Г.П. Мельников, ИСл РАН).

17 октября конференция продолжила свою работу. Обширный блок, посвященный Второй мировой войне, составили доклады М. Завацкой (Ин-т истории САН), О.В. Павленко, д-ра С. Мичева (Музей Словацкого национального восстания, г. Банска-Бистрица), Л.П. Лаптевой и Н.В. Волостновой.

Докладчики следующей панели говорили о национальных меньшинствах в Словакии (М.Ю. Дронов, Г.П. Мурашко) и о различных общественных процессах в 1940–1960-е годы [Л.Я. Гиб-

анский (ИСл РАН), А.С. Стыкалин (ИСл РАН), Э.Г. Задорожнюк]. В заключение прозвучали три литературоведческих доклада: Я.Ю. Кресан (Словацкий ин-т, Москва), Н.В. Шведовой (ИСл РАН) и Л.Ф. Широковой (ИСл РАН). Всего в заседаниях 16 и 17 октября приняли участие более 40 человек.

18 октября в московском Словацком институте состоялось рабочее заседание КИРС. В права председателя российской части Комиссии вступила Л.П. Репина, заменив В.А. Тишкова. Вместо В.В. Марьиной вице-председателем российской части КИРС стала Э.Г. Задорожнюк. М.Ю. Досталь (1947–2011) на посту секретаря заменил автор этих строк. На заседании также прошла краткая презентация журналов «Меценат и мир» и «Словакия», сделанная гостями мероприятия — И.А. Черкасовым и В.В. Вольновым.

В 2014 г. был издан сборник статей по материалам конференции под редакцией Е.П. Серапионовой (ответственный редактор), М.Ю. Дронова, Э.Г. Задорожнюк и С.М. Слоистова¹⁴. В том вошли 27 статей. Словацкие тексты были переведены на русский язык.

Пятое заседание КИРС. 2014 г., Банска-Бистрица¹⁵

В конце августа 2014 г. в Словакии состоялось первое в истории КИРС заседание, организованное не в столице, а в одном из областных центров страны. Местом проведения мероприятия стал Музей Словацкого национального восстания (СНВ) в г. Банска-Бистрица. На этот раз заседание КИРС явилось составной частью общегосударственного празднования 70-летней годовщины СНВ. Научная конференция была озаглавлена «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории».

Торжественное открытие конференции состоялось 27 августа. Гостей приветствовали директор Музея СНВ С. Мичев, его заместитель В. Ковачова и секретарь словацкой части КИРС Д. Кодайова.

Первые доклады были посвящены связям Т.Г. Шевченко со Словакией (Э.Г. Задорожнюк) и врачу семьи Толстых в Ясной

Поляне — словаку Душану Маковицкому (Г.В. Рокина). Магистральной же темой первого дня научного форума стало пребывание словаков и чехов в России — в период Первой мировой и Гражданской войн. Данная проблематика рассматривалась в выступлениях Е.П. Серапионовой, д-ра Ф. Врabela (Фонд М.-Р. Штефаника, Ин-т политических наук САН), Ю. Бабьяка и М. Кшиняна, Л. Гарбулёвой и д-ра Я. Вацулика (Ун-т им. Т.Г. Масарика, Брно). Также ученые касались советско-чехословацкого сотрудничества во время Гражданской войны в Испании (П. Сораз), русско-русинских контактов (М.Ю. Дронов) и семейной памяти о войне (Д. Кодайова).

Вечером того же дня прошло рабочее заседание КИРС, на котором обсуждались актуальные задачи Комиссии. Кроме ближайших планов по проведению через два года очередной конференции, было одобрено предложение проф. М. Даниша (Ун-т Я.А. Коменского) об издании документов по истории русско-словацких связей. К большому сожалению, этот востребованный проект не был реализован.

Утренние доклады 28 августа были посвящены профильной для Музея СНВ теме Второй мировой войны. В частности, выступили: К. Фремал (Ун-т Матея Бела, Банска-Бистрица), В. Ковачова, П. Мичьяник (Ун-т Матея Бела, Банска-Бистрица), С.И. Горбунова (Центральный музей Великой Отечественной войны, Москва), С. Мичев, Н.В. Волостнова и Й. Бистрицкий. После обеда прозвучало несколько разноплановых докладов: теоретические размышления Л.П. Репиной о природе исторических событий, сообщение аспирантки М. Якубецовой (Ун-т Матея Бела, Банска-Бистрица) о космическом сотрудничестве и литературоведческие наблюдения Л.Ф. Широковой.

Итоги конференции были подведены Л.П. Репиной. Вечером того же дня и 29 августа оставшиеся в Банска-Бистрице члены КИРС приняли участие в целом ряде праздничных мероприятий, посвященных 70-летней годовщине СНВ. Благодаря удачному включению Пятого заседания Комиссии в программу празднования юбилея Словацкого национального восстания, банска-бистрицкая встреча КИРС запомнилась многим как одна из лучших по уровню организации.

Сборник материалов конференции был опубликован в 2018 г. В книгу вошла 21 статья. Примечательно, что его составители во главе с В. Ковачовой избрали ранее не практиковавшийся вариант: все тексты, и словацких, и российских ученых, как и справочный аппарат, были помещены в двух языковых версиях. Таким образом, опубликованные материалы банска-бистрицкого заседания, очевидно, самые объемные — в общей сложности 560 страниц¹⁶.

Шестое заседание КИРС. 2016 г., Йошкар-Ола¹⁷

Согласно постановлению КИРС в Банска-Бистрице, очередная встреча Комиссии была организована в г. Йошкар-Ола, столице Республики Марий Эл. Проведение мероприятия на базе Марийского государственного университета (МарГУ), несомненно, было замечательным решением, способствовавшим расширению познаний о России как у словацких, так и у российских ученых.

21 сентября состоялось торжественное открытие международной научной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Присутствующих тепло поприветствовали главный местный организатор Г.В. Рокина, ректор МарГУ М.Н. Шевцов, представитель МИД РФ в г. Йошкар-Ола Л.В. Полушина, председатель российской части КИРС Л.П. Репина и официальный представитель председателя словацкой части Комиссии М. Даниш.

В рамках первого блока, «На рубеже столетий», прозвучали доклады о природе исторической памяти (Л.П. Репина), русско-словацких связях в XVII веке (М. Даниш), национальном вопросе в Венгерском королевстве (И.В. Крючков), словаках в дореволюционной России (А.Н. Птицын), словакистике в Казанском университете (проф. Г. П. Мягков совместно с Н.И. Недашковской), о русско-русинских и русско-словацких контактах за океаном (М.Ю. Дронов) и развитии славистики в Чебоксарах (проф. Т.Н. Иванова, Чебоксарский гос. ун-т). Также был представлен стендовый доклад председателя словацкой части КИРС Т. Ивантышиновой.

Проблематике Первой мировой войны и ее последствий были посвящены доклады второго блока, в частности, Е.П. Серапионовой, М. Кшиняна, Г.В. Рокиной, С.В. Старикова (МарГУ, г. Йошкар-Ола) и А.Н. Кудрявцева (Марийский научно-исслед. ин-т им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола).

Третья, самая краткая, сессия конференции касалась межвоенного периода и Второй мировой войны [доклады С. Мичева, А.В. Зорина (Вятский гос. ун-т, г. Киров), В. Ковачовой и Й. Бистрицкого].

Заключительный блок конференции «Русско-словацкие взаимосвязи в послевоенный период» составили доклады С.М. Слоистова, Ю. Бенко, М. Завацкой и Л.Ф. Широковой. Также был представлен стендовый доклад Г.П. Мурашко, посвященный чешско-словацким дипломатическим отношениям.

22 сентября прошел круглый стол «Изучение истории и культуры славянских народов на исторических факультетах российских университетов», в котором приняли участие, прежде всего, председатели и члены региональных отделений Российского общества интеллектуальной истории, созданного в 2001 г. для содействия научным исследованиям (президент — Л.П. Репина).

Во второй половине дня состоялось заседание членов КИРС. Кроме прочего, на нем обсуждалась деятельность внутренней рабочей комиссии по военно-мемориальной работе (Й. Быстрицкий, С. Мичев, Г.В. Рокина и С.М. Слоистов). Также были представлены новые члены российской части Комиссии — А.Н. Птицын и С.М. Слоистов, которые заменили скончавшуюся Л.П. Лаптеву (1926–2016) и переключившегося на другие исторические сюжеты С.И. Михальченко.

В заключение мероприятия гости Йошкар-Олы посетили ректорат МарГУ и комнату-музей поискового отряда «Воскресение» (руководитель П.И. Бусыгин). В рамках визита был подписан договор о сотрудничестве между МарГУ и банска-бистрицким Музеем СНВ. Также ученые приняли участие в «этнотуре» по Марийскому краю, посетив священные рощи и родники местных язычников.

Вскоре после сентябрьской конференции была издана брошюра с информационными статьями М.Ю. Досталь и М.Ю. Дро-

нова о первых пяти заседаниях КИРС (составители М.Ю. Дронов и Г.В. Рокина)¹⁸.

Материалы конференции, включая тексты словацких коллег, вышли по-русски на страницах йошкар-олинского научного ежегодника «Запад — Восток»¹⁹ (главный редактор Г.В. Рокина).

Седьмое заседание КИРС. 2018 г., Прешов²⁰

В 2018 г. членов КИРС принял восточнословацкий город Прешов (Пряшев). 12 сентября в Прешовском университете (ПУ) состоялось торжественное открытие международной научной конференции «Словакия и Россия в переломных моментах истории: люди, идеи, события». Организаторы приурочили ее к целому ряду «юбилейных восьмёрок»: 1918, 1938, 1948 и 1968 годам. Именно на них в европейской истории пришлось судьбоносные перемены. С приветствиями выступили декан философского факультета (ФФ) ПУ проф. В. Глухман, директор Института истории ФФ ПУ д-р П. Дерфиняк, председатель словацкой части КИРС Т. Ивантышинова и глава российской делегации Г.В. Рокина.

В рамках богатой программы первых заседаний прозвучали: доклады по историографии М. Даниша, Г.В. Рокиной и А. Рандина, рассказ о новой документальной публикации Е.П. Серапионовой, выступления доц. Р. Влчека (Исторический ин-т АН ЧР, филиал в г. Брно) о чешском и словацком русофильстве, М. Шмигеля и Э. Ворачека о вопросах репатриации, Ю. Бенко о коммунистах Подкарпатской Руси, Д. Кодайовой о российском словаке Владимире Кривоше (1865–1942) и Я. Немечека о словацко-советских дипломатических контактах в 1939–1941 гг. Также было уделено внимание вопросам библиографии (О.С. Крылова, МарГУ) и литературоведения (Л.Ф. Широкова).

13 сентября конференция продолжила свою работу. С. Мичев обратился к теме взаимоотношений Словакии и СССР. Однако главное внимание докладчиков было сосредоточено на событиях 1968 г. Основная часть докладов — М. Завацкой, д-ра Яна Джуйко (Ин-т истории ПУ, г. Прешов), М.Ю. Дронова и Т. Ивантышиновой — была посвящена различным аспектам чехословацких

событий 1968 г. Также был зачитан доклад отсутствовавшей Э.Г. Задорожник об А. Дубчеке и Г. Гусаке.

Следующим пунктом программы стала лекция директора Исл РАН К.В. Никифорова «Славяноведение в современной России», прочитанная в читальном зале Университетской библиотеки ПУ. Докладчик передал в дар принимающей стороне новейшие славистические издания, выпущенные в Институте славяноведения РАН.

В конце первого рабочего дня состоялось заседание КИРС. Члены Комиссии выразили благодарность главному организатору мероприятия, зам. председателя КИРС со словацкой стороны Л. Гарбулёвой, за великолепную подготовку конференции. На заседании также состоялась презентация изданных материалов предыдущих банска-бистрицкой и йошкар-олинской конференций.

Вечером участников конференции официально приняла мэр г. Прешова Андреа Турчанова. Для гостей была подготовлена богатая культурная программа. 14 сентября желающие российские и чешские ученые приняли участие в экскурсии по маршруту Прешов — Спишский град — Спишска капитула — Левоча — Прешов.

Материалы прешовского мероприятия были опубликованы в 2020 г. в качестве XXXVII тома авторитетного продолжающегося издания «Acta Historica Posoniensia»²¹ — 17 статей на словацком и русском языках.

К сожалению, встреча в Прешове стала последним «очным» заседанием КИРС. Распространение covid19 и последовавшие за ним ограничения передвижения граждан заметно осложнили международное научное сотрудничество.

Восьмое заседание КИРС. 2021 г., Ставрополь²²

Эпидемиологическая ситуация не позволила организовать заседание КИРС в намеченные сроки. Было принято решение провести научную встречу в смешанном режиме осенью следующего, 2021 года. Российские ученые прибыли в г. Ставрополь, а словацкие коллеги выходили на связь через интернет.

15 октября в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) состоялось открытие международной научной конференции «Феномен границ в истории и исторической памяти» — мероприятия с очень широким тематическим диапазоном. Собранных приветствовали главный организатор И.В. Крючков, проректор СКФУ по стратегическому развитию Н.В. Авралева, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института СКФУ И.В. Зозуля, а также дистанционно председатели обеих частей КИРС — Л.П. Репина и Л. Гарбулёва.

На пленарном заседании прозвучали три доклада: выступление Л.П. Репиной и Т.А. Булыгиной (СКФУ) были посвящены теоретическим проблемам, а Е.П. Серапионовой — конкретно историческим сюжетам (чехословацко-польскому пограничью в 1920–1950-е годы).

Основная работа конференции проходила в рамках трех секций. Первая секция, «Границы в исторической памяти», состояла из 10 докладов, касавшихся самых разных периодов и географии. В частности, прозвучали доклады Г.В. Рокиной — об историческом сознании в Словакии, Л.П. Нелиной (Севастопольский гос. ун-т) — об Институте национальной памяти, Л. Гарбулёвой и Ю. Бенко — с межвоенными сюжетами, М. Завацкой — о сестрах словацкого Красного Креста на Восточном фронте. Некоторые участники, включая словацких коллег, как уже было отмечено, выступали дистанционно.

Вторая секция была посвящена проблематике территориального разграничения в центре и на востоке Европы. Словакии прямо или косвенно были посвящены доклады: М.В. Ведерникова (Ин-т Европы РАН) о Центральной Европе как политическом проекте, М.Ю. Дронова о русинско-словацком этническом пограничье в 1849 г., О.В. Сапрыкиной (РГГУ) об университетах Габсбургской монархии, С.М. Слоистова о материалах российских архивов, П.В. Мошечкова (ИСл РАН) о плане Милана Годжи и А.Н. Птицына о миграциях между Австро-Венгрией и Россией.

Третья секция, «Границы на Юге России и Кавказе: история и современность», касалась кавказоведения.

После окончания работы секций состоялось первое в истории КИРС онлайн-заседание. Дистанционное руководство присутст-

вовавшими в Ставрополе осуществляли Л.П. Репина и Л. Гарбулёва, в качестве модератора выступил М.Ю. Дронов. В состав российской части Комиссии была принята О.В. Сапрыкина. Важным пунктом программы стало взаимное информирование о новейших публикациях по российской истории в Словакии (презентация Ю. Бенко) и словацкой истории в России (И.В. Крючков, Е.П. Серапионова, С.М. Слоистов). Было решено, что очередная встреча КИРС должна пройти в словацкой столице в 2023 г.

Ставропольские организаторы заранее попросили прислать свои тексты выступлений для публикации. Поэтому готовый сборник материалов конференции²³ раздавался уже на ее открытии. Увы, далеко не все успели заранее прислать итоговые тексты, поэтому из 46 опубликованных текстов — только восемь статей российских и две словацких членов КИРС (статьи иностранных коллег были оставлены на языке оригинала).

К сожалению, в начале 2022 г., в связи с напряженной общественно-политической обстановкой, повлекшей серьезное ухудшение взаимоотношений между Россией и Словакией, КИРС де-факто приостановила свою работу. Братислава в одностороннем порядке прекратила сотрудничество с Москвой. Отрадно, что словацкие члены КИРС, насколько нам известно, не устраивали никаких публичных демаршей, а часть словацких коллег сохранила личные научные и дружеские контакты с российскими историками.

За время функционирования Комиссии в 2005–2022 гг. было проведено восемь заседаний, каждое из которых сопровождалось научной конференцией — их материалы были опубликованы. Всего на этих встречах прозвучало около 200 докладов, посвященных различным аспектам русско-словацких связей, истории Словакии, России и сопредельных территорий, историографии, литературоведению. КИРС способствовала укреплению научного сотрудничества путем снабжения коллег новейшей литературой, а также помощи при переводе текстов для публикации.

Очень бы хотелось верить, что со временем Комиссия возобновит свою деятельность и российско-словацкое научное сотрудничество продолжится.

Примечания

- ¹ О деятельности этой Комиссии см. исчерпывающую монографию бывшего учебного секретаря, а затем заместителя председателя ее советской части д.и.н. Валентины Владимировны Марьиной: *Марьина В.В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х — 80-е годы XX века). М., 2014. 160 с.
- ² О деятельности Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики см. раздел Е.П. Серапионовой в настоящей коллективной монографии.
- ³ В литературе встречаются разные датировки. Так, например, В.В. Марьина утверждает, что КИРС возникла в 2000 г. (см.: *Марьина В.В.* Советско-чехословацкая... С. 98).
- ⁴ См.: *Досталь М.Ю.* Первое заседание Комиссии историков России и Словакии (Братислава, сентябрь 2005 г.) // *Славяноведение*. 2007. № 1. С. 120–122; то же // *Заседания Комиссии историков России и Словакии (2005–2014 гг.)* / Сост. М.Ю. Дронов, Г.В. Рокина. М.; Йошкар-Ола, 2016. С. 1–6.
- ⁵ *История Словакии* / Пер. со слов. яз. И.А. Богдановой, В.В. Марьиной; с англ. яз. О.В. Хавановой; науч. ред. Ю.В. Богданов. М., 2003. 436 с.
- ⁶ *Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období* / Zost. M. Barnovský, D. Kodajová. Bratislava, 2006. 160 s.
- ⁷ *Досталь М.Ю.* Второе заседание Комиссии историков России и Словакии в Москве 2–4 октября 2007 года // *Славяноведение*. 2008. № 5. С. 116–121; то же // *Заседания Комиссии...* С. 6–15.
- ⁸ Русские и словаки в XIX–XX вв.: Контакты, взаимодействие, стереотипы. Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 2–4 октября 2007 г.), приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии / Отв. ред. М.Ю. Досталь. М., 2007. 56 с.
- ⁹ Русские и словаки в XIX–XX вв.: конфликты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.) / Редкол.: В.А. Тишков (отв. ред.), М.Ю. Досталь, Г.В. Рокина. М.; Йошкар-Ола, 2007. 224 с.
- ¹⁰ *Досталь М.Ю.* Третье заседание Комиссии историков России и Словакии в 2010 году // *Славяноведение*. 2011. № 4. С. 116–118; то же // *Заседания Комиссии...* С. 16–22.
- ¹¹ *Ивантышинова Т. и кол. авторов.* Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии. Братислава; Йошкар-Ола, 2010. 145 с. Словацкая версия издания: *Ivantyšinová T. a kol. Mýtus — stereotyp — obraz. Rusko v slovenských dejinách a kultúre*. Bratislava, 2011. 148 s. Обе версии были изданы под грифом КИРС.
- ¹² *Ivantyšinová T., Kodajová D. a kol.* Východná dilema strednej Európy. Bratislava, 2010. 253 s.
- ¹³ См.: *Дронов М.Ю.* Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память» // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2013. № 2. С. 126–129; то же // *Славянский альманах*. 2012. М., 2013. С. 492–495; то же // *Словакия*. 2012. № 1. С. 12–17; то же // *Заседания Комиссии...* С. 22–26.

- 14 Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб., 2014. 340 с.
- 15 См.: Дронов М.Ю. Пятое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории» // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 366–369; то же // Запад — Восток. 2014. № 7. С. 153–155; то же // Заседания Комиссии... С. 26–30.
- 16 Kováčová V. a kol. Rusko (Sovietský Zväz) a Slovensko v priesečníkoch dejín. Banská Bystrica, 2016. 260 s. + Ковачова В. и кол. авторов. Россия (Советский Союз) и Словакия на общих перекрестках истории. Банска Быстрица, 2016. 300 с.
- 17 См.: Дронов М.Ю., Рокина Г.В. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (г. Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 164–167; Рокина Г.В., Дронов М.Ю. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память». Шестое заседание Комиссии историков России и Словакии (г. Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.) // Запад — Восток. 2016. № 9. С. 185–188.
- 18 Заседания Комиссии... 33 с.
- 19 Запад — Восток. 2017. № 10. 257 с.
- 20 См.: Дронов М.Ю., Серапионова Е.П. Седьмое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Словакия и Россия в переломных моментах истории: люди, идеи, события» // Славяноведение. 2019. № 4. С. 131–132.
- 21 Slovensko a Rusko v zlomových okamihoch dejín: Ľudia, idey, udalosti (Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, konanej 12.–14.9.2018 v Prešove) / Editori M. Daniš, Ľ. Harbuľová // Acta historica Posoniensia XXXVII. Bratislava, 2020. 250 s.
- 22 См.: Дронов М.Ю., Рокина Г.В., Слоистов С.М. Международная научная конференция «Феномен границ в истории и исторической памяти» // Запад — Восток. 2021. № 14. С. 105–111.
- 23 Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы международной научной конференции (Ставрополь, 14 октября — 17 октября 2021 г.) / Ред. кол.: Л.Н. Величко и др. Ставрополь, 2021. 387 с.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА В ЛИЦАХ

Из истории русской славистики: Евгения Ивановна Рябова, Майя Ильинична Рыжова

Очередной, на этот раз 75-летний юбилей Института славяноведения, — это прекрасная возможность вспомнить наших замечательных ветеранов, тех, кто были первыми, кто в непростых условиях развития отечественной славистики еще в прошлом столетии создавали труды академического уровня, послужившие основой для будущих исследований новых поколений ученых. Они же внесли свой бесценный вклад в становление международного научного сотрудничества, так необходимого для расширения связей с коллегами из зарубежных славянских стран. Отдавая дань памяти двум представительницам старшего поколения русских славистов и славистов, хотелось бы обратиться к их биографиям, научному и творческому наследию и обозначить их вклад в развитие русской славистической науки, а также русско-словенских культурных и научных связей.

Евгения Ивановна Рябова (1925–1976) родилась 19 июля 1925 г. в Твери и после окончания средней школы (семья к тому времени уже переехала в Москву) поступила на филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова на кафедру славянской филологии (специализация — сербо-кroatистика), затем, в 1952 г., — в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. Под руководством д.ф.н. Николая Ивановича Кравцова (1906–1980), крупнейшего специалиста по истории фольклора и литературы народов Югославии, она подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Август Шеноа и его роман “Крестьянское восстание”», посвященную истории хорватской литературы XIX в. и творчеству крупнейшего ее представителя. Однако после успешной защиты диссертации (26 июня 1956 г.) Евгения Ивановна главным направлением своих будущих научных иссле-

*Евгения Ивановна
Рябова*

дований определила историю словенской литературы. В центре ее научных изысканий оказался период рубежа XIX–XX вв. и особенно творчество выдающегося словенского писателя Ивана Цанкара (1876–1918)*.

Вместе с тем, в качестве научного сотрудника Института (сначала, с 1954 г. до 1975 г., — младшего научного сотрудника, затем — старшего научного сотрудника) Е.И. Рябова сразу активно включилась во все крупные плановые проекты сектора истории славянских литератур.

* Трудно сказать, было ли это самостоятельное решение, или она должна была принять его в силу необходимости, для сектора и Института, расширения направлений изучения литературы народов Югославии.

Она, по справедливому замечанию М.И. Рыжовой, была нашим «первопроходцем в области изучения словенской литературы», талантливым, серьезным исследователем, обратившимся к изучению важных аспектов периодизации литературного развития у словенцев и к характеристике наиболее ярких и значимых фигур словенской литературы¹.

Этому во многом способствовали командировки и научные стажировки Е.И. Рябовой. Первая командировка в Югославию (протяженностью 13 недель — по приглашению Союза словенских писателей) состоялась в конце 1957 г. — начале 1958 г.

Безусловно, основной задачей молодой исследовательницы было изучение словенского языка и сбор материалов по разным темам, а также активное погружение в новую литературу. Результатом ее научных исследований стали статьи, посвященные словенской литературе межвоенного периода. Одна из ее работ, «Словенская революционная поэзия 20-х годов» (1967), была опубликована в переводе на украинский язык в Киеве в сборнике «Октябрь и зарубежные славянские литературы» (1967) (см.: Приложение I).

Как свидетельствуют черновики ее отчетов о научной деятельности за 1961–1963 гг., т. е. период, предшествовавший ее второй командировке в Югославию, Евгения Ивановна одновременно работала над главами для двухтомной «Истории Югославии», посвященными истории литературы народов Югославии разных периодов, собирала материал для главы по литературе 1941–1945 гг.²

О второй командировке в Словению, которая продолжалась с 6 января по 12 марта 1965 г., то есть более двух месяцев (последнюю неделю Е.И. Рябова провела в Белграде), сохранился первый вариант ее отчета, подготовленного для Отдела науки ЦК КПСС (см.: Приложение II).

Этот текст позволяет многое понять и об атмосфере того времени, и о характере самой исследовательницы. В первой части отчета, как нам кажется, Евгения Ивановна постаралась не выходить за рамки официальных требований к подобным материалам и, словно отвечая на поставленные вопросы, дает свою характеристику общественно-политической ситуации, сложившейся в Югославии к середине 1960-х годов: выделяет две группы нацио-

нальной интеллигенции как в стране в целом, так и в Словении, в частности. Во второй части отчета, когда ученый обращается к оценке ситуации в сфере литературы и искусства, в тексте ощущается бóльшая свобода в формулировании оценок и предложений. Ее обоснованные рекомендации касаются самых разных вопросов: от более тщательного подбора советских фильмов для югославского зрителя до необходимости создания лингафонных курсов русского языка (в связи с расширением числа интересующихся его изучением). Для высшей школы Югославии она ратует за утверждение практики обмена преподавателями русского языка. И тут же приветствует положительное решение соответствующих структур Московского университета (в ответ на просьбу из Люблянского университета) осуществлять обмен и лекторами по разным литературоведческим дисциплинам (от словенцев она предлагает кандидатуру профессора Бориса Патерну).

В заключение Е.И. Рябова сравнивает свои впечатления от первой поездки в Югославию (в конце 1957 г. — начале 1958 г.) и констатирует, что «в улучшении отношений между нашими двумя странами достигнут несомненный прогресс, и это с радостью воспринимается огромным большинством населения» (см.: Приложение II).

Но главной ее задачей было продолжение сбора материала для коллективного труда «Очерки литератур народов Югославии XX века»*.

После возвращения в Москву Е.И. Рябова снова включается в активную исследовательскую работу, которая в первой половине 1970-х годов, как пишет заведующий сектором истории славянских литератур Сергей Васильевич Никольский (1922–2015), была посвящена изучению «дальнейших судеб реализма, тех новых качеств, которые он приобрел в изменившихся условиях исторического и духовного бытия, в контексте новых литературных течений»³. В это время появляются статьи Евгении Ивановны («Основные направления в межвоенной словенской литературе», 1970; «Становление марксистской критики в Словении», 1972; «О литературе “измов” и ее службе революции»,

* Подготовленные Е.И. Рябовой тексты по этой теме вошли в соответствующие главы двухтомной «Истории Югославии» (т. II, 1963 г. — см.: Приложение I).

1973), в которых раскрываются разные аспекты литературного процесса в Словении межвоенного периода, а также даются развернутые портреты с характеристикой творчества крупнейших авторов того времени. Значимый для будущих исследователей экскурс в историю развития словенской поэзии предлагает ее статья (1975 г.) о вышедшей в 1904 г. антологии Н.Н. Бахтина (1866–1940) «Словинские поэты»⁴. В ней представлен развернутый портрет самого автора-составителя, его многолетний труд по созданию уникальной картотеки, фиксирующей переводы зарубежных писателей и поэтов на русский язык, а также скрупулезно и бережно раскрывается вклад Н.Н. Бахтина в процесс взаимного ознакомления и сближения русской и словенской литератур. Е.И. Рябова упоминает сборники и антологии славянской поэзии (начиная со второй половины XIX в.), предшествовавшие появлению книги Н.Н. Бахтина; отмечает новую фазу в развитии этого процесса в конце XIX в., когда «возрос уровень информированности о состоянии славянских литератур..., углубился интерес к художественной индивидуальности писателей»⁵. И это отражается в содержании анализируемой антологии, где представлены имена крупнейших представителей словенской поэзии XIX — начала XX вв. При этом в статье Е.И. Рябовой книга Н.Н. Бахтина ставится в ряд других изданий, вышедших в 1901 г. как в России (переводы стихотворений Франце Прешерна (1800–1849) Фёдора Корша⁶), так и в Словении («Русская антология» Антона Ашкерца и Ивана Весела⁷). Исследовательница проводит подробный анализ и оценивает значимость характеристик автора-составителя, касающихся литературных тенденций в целом и творчества отдельных поэтов; сравнивает их с мнением других авторов антологий (например, Сергея Штейна (Николая Гумилёва) «Славянские поэты». СПб., 1908). Она вводит в статью, наряду с текстом перевода, текст оригинала того или иного стихотворения. Завершая свое исследование, Евгения Ивановна раскрывает и еще одно важное направление деятельности Н.Н. Бахтина: с 1928 г. его заметки и обзоры (о детском театре и кино в СССР, о переводах из современной зарубежной литературы, о праздновании 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина и др. — в переводах Веры Брнчич) печатались в ведущем словенском журнале «Люблянски

звон» («Ljubljanski zvon» — «Люблянский колокол») и знакомили читателей с новостями культурной жизни в Советской России.

Такие же основательность и скрупулезность отличают рецензию Е.И. Рябовой на монографию известного словенского литературоведа Франца Задравца (1925–2016), посвященную творчеству (до 1935 г.) крупного словенского прозаика Мишко Кранца (1908–1983)⁸. Она выделяет особо значимые стороны книги (глубокое исследование стиля писателя), а также спорит с её автором по некоторым позициям. Всё это демонстрирует большое разнообразие исследовательских приемов ученого, свидетельствует о достаточно широком диапазоне её научных интересов и стремлении как можно глубже раскрыть разные грани словенского литературного процесса.

Уже после кончины Евгении Ивановны были напечатаны её статьи, свидетельствующие о работе над будущей докторской диссертацией, посвященной творчеству И. Цанкара, а также исследования, тесно связанные с этой важной темой, которые заложили фундамент отечественного цанкароведения: «Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX века» (1976), «Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении» (1978), «Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара» (1982).

Первая работа из этого перечня определяет место крупнейшего словенского писателя в контексте литературных процессов рубежа XIX–XX вв. Отметим, что она стала основой многих вступительных статей к изданиям переводов его произведений в нашей стране. Вторая статья Е.И. Рябовой о И. Цанкаре, также не потерявшая своей значимости и актуальности и сегодня, раскрывает особенности формирования его эстетических и общественно-политических взглядов, эволюцию его философского мировоззрения, и всё это представлено на фоне развернутой картины политической ситуации в словенских землях рубежа XIX–XX вв.

Очень высоко вклад Е.И. Рябовой в развитие советской и российской словенистики оценили её коллеги. Так, Людмила Норайровна Будагова (1932–2022) в статье из сборника 1989 г. по материалам конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой

и В.В. Витт отмечала, что в работе Евгении Ивановны, как и в работах других советских славистов (Г.Я. Ильиной, Р.Ф. Дорониной) не только констатировалась сложность модерна в славянских литературах рубежа XIX–XX вв., но также уточнялось, в чем же состояла эта сложность. «Е.И. Рябова указывала, к примеру, что словенский модерн получал импульсы не только от декаданса, но и из русского реализма и национального фольклора, и что после 1900 г., как показывает эволюция творчества О. Жупанчича и И. Цанкара, он определяется “как течение с сильно развитой гражданской и реалистической направленностью”»⁹.

В другой статье, опубликованной в сборнике 2007 г. к 50-летию Института, Людмила Норайровна вспоминает Евгению Ивановну не только как первого редактора своих ранних трудов, но и ставит её в ряд тех литературоведов, которые определяли творческую атмосферу в нашем Институте и в секторе истории славянских литератур (наряду с С.В. Никольским, Б.В. Стахеевым, В.В. Витт, А.П. Соловьевой, Р.Ф. Дорониной, В.А. Хоревым, Ю.В. Богдановым)¹⁰.

Как и многие ее коллеги, Е.И. Рябова внесла большой вклад в дело популяризации изучаемой ею литературы, в установление и укрепление связей со словенскими коллегами и представителями широкой общественности (и во время своих научных стажировок в Югославию, и в период участия в работе Семинара словенского языка, литературы и культуры в Любляне в 1967 г., вместе с коллегами-славистами: Л.В. Куркиной и И.В. Чуркиной¹¹). Ей принадлежат блестящие переводы произведений писателей Югославии (Иво Андрича, Цирила Космача, Ивана Потрча и др.), среди которых главное место занимали, разумеется, переводы произведений И. Цанкара: его рассказы, повести, роман «На крутой дороге» («Na klancu»)¹².

Наряду с научными исследованиями, Рябова вела большую работу по редактированию и подготовке к печати коллективных сборников, которые готовились литературоведами Института. В 1950-е — начале 1960-х годов эти небольшие по объему издания имели общее название «Литература славянских народов», при этом у каждого выпуска был специальный тематический подзаголовок. Е.И. Рябова была ответственным редактором 3-го

выпуска, посвященного истории возникновения и развития критического реализма в литературе народов Югославии (М., 1958), и членом редколлегии четырех последующих выпусков (№ 5–8, 1957–1963), одновременно выступая и как автор статей для некоторых из них. С 1964 г. сборник литературоведов Института стал выходить сначала под названием «Развитие зарубежных славянских литератур. XX век» (Евгения Ивановна снова вошла в состав его редколлегии), а в 1970-е годы — «Зарубежные славянские литературы. XX век», где были напечатаны некоторые ее работы.

Если Евгению Ивановну Рябову я знала только по воспоминаниям коллег и отношу себя к тем, кто шел по её стопам, изучал её труды, развивал темы, которые ей не удалось раскрыть в полном объеме¹³, то о Майе Ильиничне Рыжовой я могу говорить и писать, опираясь и на свои личные впечатления от встреч и бесед с ней, начиная с далекого 1990 г. (когда она согласилась стать рецензентом моей кандидатской диссертации «Романы и повести Ивана Цанкара 1900–1907 годов»).

М.И. Рыжова родилась 1 июля 1927 г. в селе Гостилицы (ныне — Ломоносовского района Ленинградской области) в семье служащих*. Её школьные годы, уже в Ленинграде, пришлось на один из самых трагических периодов в истории нашей страны: вместе с мамой, братом и бабушкой она пережила весь период Ленинградской блокады**.

После окончания школы в 1947 г. Майя Ильинична поступила на филологический факультет Ленинградского государственного университета и в 1952 г. успешно окончила его славянское отделение по сербо-кroatистике***.

* Мама, дочь священника, Галина Александровна Люцернова, работала агрономом, а отец, Илья Федорович Рыжов, был партийным работником, председателем волостного исполкома.

** Это время оставило в душе юной Майи тяжелые и горькие воспоминания, связанные со смертью родных и знакомых, а еще память о летних поездках в 1942 и 1943 гг. в окрестности Ленинграда для работы на совхозных огородах, чтобы поддержать изнемогающих от голода детей и взрослых.

*** Во время учебы она изучала сербскохорватский язык под руководством Ирины Владимировны Арбузовой (автора знаменитого учебника по этому языку); слушала лекции по истории сербской и хорватской литературы.

*Майя Ильинична
Рыжова*

Но уже в студенческие годы произошли два события, во многом повлиявшие на будущий выбор ученого-слависта: еще на третьем курсе ей в руки попал сербский перевод рассказов И. Цанкара, а позже она познакомилась со стихами Ф. Прешерна (сборник переводов Ф. Корша 1901 г.), которые вызвали у нее большой интерес. Благодаря этим «открытиям» словенская литература и словенский язык, о которых будущие слависты пока еще не имели представления, поскольку тогда о них на лекциях даже не упоминалось, становились более понятными и близкими.

Уже в годы учебы у Рыжовой-студентки сложилась твердая убежденность продолжить образование в аспирантуре, однако в родном университете сделать этого не удалось¹⁴. И тем не менее Майя со своими блестящими рекомендациями и твердой решимостью поступать в аспирантуру и заниматься далее научным трудом была приглашена в Москву, где в период с 1952 г. по 1975 г. работала младшим научным сотрудником в составе получившей название «ленинградской группы» Института славяноведения АН СССР, причем сначала — в секторе лингвистики, который возглавлял будущий академик РАН Н.И. Толстой, (1923–1996). Однако постепенно у Майи Ильиничны крепнет решение оставить лингвистику и обратиться к литературоведческим исследованиям. Она переходит в сектор истории славянских литератур, которым руководил известный ученый-славист, богемист С.В. Никольский, и там, после долгих консультаций и обсуждений с Н.И. Кравцовым (будущим научным руководителем исследовательницы) и другими сотрудниками Института, был сделан окончательный выбор темы кандидатской диссертации, касающейся истории словенской поэзии конца XIX — начала XX вв. и ее связей с русской литературой.

Работа над первой статьей по этой теме («Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца», 1960) давалась молодой исследовательнице непросто: приходилось выслушивать серьезные замечания коллег (в частности, Е.И. Рябовой), вносить исправления и дополнять текст новыми материалами. В дальнейшем скрупулезное изучение русско-словенских культурных и литературных связей, особенностей восприятия русской литературы в Словении стало для Майи Ильиничны основой для погружения в творчество ведущих представителей литературного течения «Словенская модерна»: поэтов Отона Жупанчича, Драготина Кетте, Йосипа Мурна, каждому из которых ею была посвящена отдельная статья или ряд статей (некоторые из них были опубликованы в ведущих словенских изданиях — см.: Приложение I).

Кандидатская диссертация М.И. Рыжовой была успешно защищена в 1973 г., но, к сожалению, вскоре ленинградская группа Института славяноведения и балканистики (с 1968 г.) АН СССР по целому ряду причин (в том числе, и из-за её малочисленности)

была расформирована, и с 1975 г. Майя Ильинична продолжила свою научную работу в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) младшим научным сотрудником в секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур, которым руководил в то время академик М.П. Алексеев (1896–1981). Здесь М.И. Рыжова проработала до выхода на пенсию в 1983 г. В центре ее исследовательского внимания по-прежнему оставались тема словенско-русских литературных связей и история словенской поэзии и прозы. В этот период выходят её статьи: «Русская литература в словенском журнале “Люблянски звон” (1881–1918)» (1978), «Творчество М. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX — начала XX вв.» (1979), «Периодизация русско-словенских литературных связей и некоторые особенности их развития» (1986) и др. Отдельно хотелось бы выделить объемное исследование М.И. Рыжовой «Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.)» (1981), где автор подробно останавливается на биографии Ф. Прешерна, выделяет ту часть его творческого наследия, о которой в нашей науке в то время было мало известно.

Помимо статей и рецензий Майя Ильинична выступала составителем сборников избранных произведений классиков словенской поэзии, подготовленных издательством «Художественная литература»: Франце Прешерна («Лирика», 1970) и Антона Ашкерца («Избранное», 1987), к книге которого она написала развернутое предисловие и комментарии. Она также стала автором статей о словенских писателях для ведущих советских литературных энциклопедических изданий (Краткая литературная энциклопедия: в 9-и т., 1962—1978; История всемирной литературы: в 8-ми т., 1983–1994).

В начале 1990-х годов её, как одного из авторитетных словенистов старшего поколения, пригласили участвовать в коллективном труде Института славяноведения РАН — трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997, 1997, 2001). Для третьего тома ею была написана глава о словенской литературе рубежа XIX–XX вв., которая позже вошла в двухтомную «Историю словенской литературы» (М., 2010, 2014), ставшую результатом совместного российско-словенского проекта

под руководством Н.Н. Стариковой. В 2012 г. выходит из печати «Лексикон южнославянских литератур»¹⁵, для которого Майя Ильинична подготовила восемь статей, посвященных крупнейшим словенским поэтам и прозаикам: Ф. Прешерну, С. Енко, А. Ашкерцу, О. Жупанчичу, Д. Кетте, Й. Мурну, А. Граднику, Прежихову Воранцу, М. Кранецу.

В том же 2012 г. вышел из печати, приуроченный к 85-летию юбилею М.И. Рыжовой, труд «Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература»¹⁶, в котором были объединены её статьи из разных научных сборников и журналов. При этом некоторые положения и выводы были автором пересмотрены и сделаны важные дополнения — с учетом новых исследований по теме, появившихся как в нашей стране, так и за рубежом.

Как и Е.И. Рябова, М.И. Рыжова также внесла большой вклад в установление и развитие всесторонних контактов со словенскими коллегами. В 1958 г. она приняла участие в первом послевоенном IV Международном съезде славистов, который прошел в Москве. Эта встреча ученых разных стран принесла ей удивительные знакомства со словенскими коллегами, которые составляют цвет словенской науки. Среди них: Борис Патерну, Марья Боршник, Антон Слодняк, Франц Задравец и др. Патерну (с ним Майя Ильинична некоторое время переписывалась) привлек ее к сотрудничеству в «Славистическом журнале» («Sla­vistična revija», Ljubljana), на страницах которого были напечатаны некоторые из её статей о поэтах «словенской модерны» («Д. Кетте и русская литература», 1974; «Отон Жупанчич в России: к истории переводов произведений Жупанчича на русский язык», 1979 — см.: Приложение I). Позже, уже в Санкт-Петербурге (в 2003 г., в период работы международной конференции «Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова»), она познакомилась и с молодыми словенскими учеными: русистами Михой Яворником, Блажем Подлесником, Дарьей Маркоя.

Не раз во время наших телефонных разговоров Майя Ильинична делилась впечатлениями от своей единственной командировки в Словению в 1995 г. В рамках поездки она, к тому времени уже ставшая членом Союза писателей России (с 1990 г. — по сек-

ции перевода), приняла участие в международном симпозиуме и выступила с докладом, посвященным переводам поэзии Ф. Прешерна на русский язык. Во время пребывания в Словении её тепло встречали словенские коллеги и друзья, отдавая дань её профессионализму и большим заслугам в деле многолетнего изучения и популяризации словенской литературы и культуры в России.

Особое значение для своего профессионального становления и развития Майя Ильинична придавала периоду сотрудничества в 1970–1980-е годы с издательством «Художественная литература»*. Сама М.И. Рыжова называла это время «улыбкой судьбы»: её приглашали как переводчика и составителя, а одновременно погружали в творческую лабораторию литературного редактирования. С глубокой благодарностью она вспоминала сотрудничество с лучшими литературными редакторами страны: Ольгой Дмитриевной Кутасовой, известным переводчиком Александром Дмитриевичем Романенко, Татьяной Николаевной Кустовой, Риммой Петровной Грецкой. Участвуя в разных проектах, связанных с переводами произведений югославских писателей, М.И. Рыжова обращалась к текстам Прежихова Воранца, Мишко Кранца, Франца Бевка, Цирила Космача, Юша Козака и других словенских авторов, но главное — к творчеству так любимого ею Ивана Цанкара.

В 2011 г., в преддверии 85-летнего юбилея Майи Ильиничны, её лучшие переводы малой словенской прозы были объединены в книгу «Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой» и изданы «Центром книги Рудомино» при финансовой поддержке Государственного агентства книги Республики Словения и Фонда Трубара при Обществе словенских писателей. В небольшом вступлении от издательства («Полна творческих замыслов») подчеркивался значимый вклад Майи Ильиничны в сближение и взаимопонимание двух славянских народов. В том же году вышел перевод (совместно с М.Л. Бершадской¹⁷) исторического романа известного словенского прозаика Радо Янчара (род. в 1948 г.) «Катарина, павлин и иезуит».

* Это было время издательского бума в нашей стране, когда произведения славянских писателей переводились на русский и другие языки народов СССР и издавались массовыми тиражами, при этом книги славянских авторов были востребованы читателями.

М.И. Рыжова также активно откликалась на приглашения участвовать в различных сборниках и альманахах как переводчик словенской поэзии, представив, например, русскому читателю сонеты Каэтана Ковича, стихи Цирила Злобеца, Лойзе Кракара, Тоне Павчека, Марко Кравоса и др.

Но особое место в ее переводческом багаже, несомненно, было отведено И. Цанкару. Помимо его малой прозы, М.И. Рыжова обращалась и к переводам его крупных произведений: первым в печати появился роман «Чужие» (1987), затем «Обитель Марии Заступницы» (2003 г. — в рамках издательского проекта Юста Ругеля). С начала 2010-х годов, благодаря поддержке Православного Благотворительного Фонда «Святого Иоанна Предтечи» (основатель Фонда — игумен Евстафий, настоятель храма Рождества св. Иоанна Предтечи), одна за другой стали выходить небольшие книжечки новых переводов произведений И. Цанкара: роман «Крест на горе» (2014), повести «Грешник Ленарт» (2015), «Моя жизнь» (2016), «Алеш из Разора» (2016), «Поездки Николая Никича» и «Сосед Лука» (2017).

Евгения Ивановна Рябова и Майя Ильинична Рыжова, наши словенисты первого поколения, оставили о себе добрую память и великолепное научное наследие. И хотя у них не было аспирантов, соискателей, учеников, которыми бы они руководили и вели по непростому пути научного поиска, они воспитывали и продолжают воспитывать и вдохновлять — своими трудами, примером необычайной преданности науке, уважением к стране, которую они изучали, внимательным отношением к коллегам. Их научные исследования поражают глубоким проникновением в материал, скрупулезным анализом историко-культурной обстановки, в которой развивается рассматриваемое явление, смелостью в постановке новых проблем и отстаивании своей позиции, огромным желанием представить во всем многообразии изучаемую ими литературу и культуру словенцев. Думается, что и новые поколения российских славистов и словенистов будут обращаться к литературоведческим работам наших первопроходцев, а их переводы будут служить образцом для тех, кто захочет попробовать свои силы на этой стезе.

Приложение I

**Список научных статей
и других работ Е.И. Рябовой**

- Роман Августа Шеноа «Крестьянское восстание». Автореф. дис. на соиск. учен. степени кандидата филологических наук (10.01.04) / АН СССР. Ин-т славяноведения. М., 1956. 18 с.
- Роман Августа Шеноа «Крестьянское восстание» // Литература славянских народов (ЛСН). Вып. 3. Из истории критического реализма в литературе народов Югославии / Отв. ред. Е.И. Рябова. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- В лабиринте модернизма (О некоторых тенденциях в современной югославской литературе) // Иностранная литература. 1959. № 6 (в соавт. с Б. Николиным).
- К характеристике «социального реализма» в словенской литературе (на материале прозы) // Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян / Редкол.: Д.Ф. Марков и др. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1963.
- Югославская культура в 1918–1945 гг. Художественная литература // История Югославии: в 2-х тт. М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. Т. II / Под ред. Л.Б. Валева, Г.М. Славина, И.И. Удальцова (в соавт. с Ю.В. Богдановым).
- У истоков словенского реализма // Критический реализм в литературах западных и южных славян / Редкол.: Ю.Д. Беляева и др. М.: Наука, 1965.
- Рец. на: *Franc Zdravec*. Miško Kranjec. 1908–1935. Ljubljana, 1963 // Советское славяноведение. 1965. № 1.
- Словенская революционная поэзия 20-х годов // Советское славяноведение. 1967. № 3.
- Словенська революційна поезія 20-х років // Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури. Київ, 1967.
- Основные направления в межвоенной словенской литературе // Зарубежные славянские литературы: XX век / Редкол.: Ю.В. Богданов и др. М., 1970.

- Становление марксистской критики в Словении в 20–30-е гг. // Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах / Редкол.: Д.Ф. Марков и др. М., 1972.
- О литературе «измов» и ее службе революции // Советское славяноведение. 1973. № 3.
- Антология Н.Н. Бахтина «Словинские поэты» // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века / Редкол.: Ю. Беляева и др. М.: Наука, 1975.
- Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX века // Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения / Редкол.: Л.Н. Будагова и др. М.: Наука, 1976.
- Новое в спорах о реализме и модернизме в Словении // Литературная критика европейских социалистических стран. Выпуск 2. Революционные традиции социалистической литературы / Редкол.: Ю.В. Богданов и др. М.: Худож. лит., 1978.
- Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах / Отв. ред. Г.Л. Арш. М.: Наука, 1982.

*Переводы и предисловия Е.И. Рябовой
к изданиям произведений И. Цанкара*

- Иван Цанкар (1876–1918) // *Цанкар И. Избранное* / Пер. со словен., предисл. Е. Рябовой. М.: Политиздат, 1958.
- Иван Цанкар и его роман «На улице бедняков» // *Цанкар И. На улице бедняков* / Пер. со словен., послесл. Е. Рябовой. М.: Худож. лит., 1961.
- Иван Цанкар. Крестный путь. Собаки. Грех. Рассказы* / Пер со словен. и вступление Е. Рябовой (К 100-летию со дня рождения) // Иностранная литература. М., 1976. № 5.
- Иван Цанкар (1876–1918) // *Цанкар И. Избранное*: в 2-х тт. Т. 1 / Пер. со словен. Е. Рябовой, М. Рыжовой и др.; предисл. Е. Рябовой. Т. 2. На улице бедняков / Пер. со словен. Е. Рябовой. М.: Худож. лит., 1981.
- Иван Цанкар (1876–1918) // *Цанкар И. Чужие; На улице бедняков; Мартин Качур. Романы* / Пер. со словен. М. Рыжовой, Е. Рябовой, С. Урбана. М.: Худож. лит., 1987.

Литература о Е.И. Рябовой

- Zdravec F.* Na zgrešeni poti // *Naši razgledi.* 1962. 07.IV. — Рец. на: *Рябова Е.И., Николин Б.* В лабиринте модернизма (О некоторых тенденциях в современной югославской литературе) // *Иностранная литература.* 1959. № 6.
- Zdravec F.* Socijalni realizem in socijalistični realizem // *Naši razgledi.* 1964. Št. 6. — Рец. на: *Рябова Е.И.* К характеристике «социального реализма» в словенской литературе (на материале прозы) // *Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян.* М., 1963.
- Kmecl M.* Odličен ruski prikaz slovenske književnosti med dvema vojnama // *Jezik in slovstvo.* L. XVII. 1971/72. Št. 1–2. — Рец. на: *Рябова Е.И.* Основные направления в межвоенной словенской литературе // *Зарубежные славянские литературы: XX век.* М., 1970.
- Будагова Л.Н.* Модернизм и славянские «модерны» // *На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.). Материалы конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт / Отв. ред. Л.Н. Будагова.* М., 1989. С. 9, 12.
- Прокофьева Д.С.* Конференция памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт // *Советское славяноведение.* 1989. № 6.
- Славяноведение в СССР. Биобиблиографический словарь.* New York, 1993.
- Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь.* М., 2012.

**Список научных статей
и других работ М.И. Рыжовой**

- Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца // Литература славянских народов (ЛСН). Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Шептунов.* М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Письма Антона Ашкерца А.В. Суворову, Ф.Е. Коршу, Д.Н. Вергуну, А.Л. Волынському (публикация М.И. Рыжовой) // Литература славянских народов. Вып. 5.* М., 1960.
- Антон Ашкерц и русская литература // Литература славянских народов. Вып. 6 / Отв. ред. С.В. Никольский.* М.: Изд-во АН СССР, 1961.

- Стихотворение Антона Ашкерца «Русский язык» // Международные связи русской литературы / Под ред. М.П. Алексева. М.–Л., 1963.
- Творческий путь Отона Жупанчича и его вклад в развитие словенской прогрессивной поэзии // Развитие зарубежных славянских литератур в XX в. М., 1964.
- Жизнь и творчество Прежихова Воранца // Зарубежные славянские литературы: XX в. / Редкол.: Ю.В. Богданов и др. М.: Наука, 1970.
- Реализм Франце Бевка // Зарубежные славянские литературы: XX в. М., 1970.
- Творческий путь Алойза Градника // Зарубежные славянские литературы: XX в. М., 1970.
- Мотивы поэзии А. В. Кольцова в творчестве Йосипа Мурна // Советское славяноведение. 1972. № 5.
- Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература. Автореф. дис. на соиск. учен. степени кандидата филологических наук (10.01.04) / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. Москва, 1973. 25 с.
- Dragotin Kette in ruska literatura // Slavistična revija. L. 22. Ljubljana, 1974. Št. 2.
- Йосип Мурн и русская литература // Русско-югославские литературные связи. М., 1975.
- Русская литература в словенских переводах Отона Жупанчича // Русская литература. Л., 1977. № 3.
- Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон» (1881–1918) // Зарубежные славяне и русская культура / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1978.
- Художественная литература народов Югославии в переводах на языки народов СССР (словенская литература, хорватская литература) // Leksikon pisaca Jugoslavije (Matica srpska). Bibliografija. T. 1, 2, 3, 1972–1978 (совместно с А. А. Зайцевой).
- Творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX — начала XX в. // Русская литература. Л., 1979. № 3.
- Oton Župančič v Rusiji: k zgodovini prevodov Župančičevih del v ruščino // Slavistična revija. L. 27. Ljubljana, 1979. Št. 1.
- Крупный вклад в изучение русско-югославских литературных связей (Рец. на: *Беляева Ю.Д.* Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX — начало XX в. М.: Наука, 1979) // Русская литература. Л., 1980. № 3.

- Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1981.
- Исследования, посвященные Отону Жупанчичу (рец. на кол. труд: Oton Župančič. Simpozij, 1978. Ljubljana, 1979) // Советское славяноведение. 1981. № 5.
- Симон Енко и М. Ю. Лермонтов // Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). (Obdobja 3). Ljubljana, 1982.
- Миле Клопчич — переводчик и популяризатор русской литературы // Русская литература. Л., 1983. № 3.
- Поэты словенского модерна и творчество А. В. Кольцова (Некоторые типологические жанровые аналогии и вопросы творческой рецепции) // Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). (Obdobje 4) I. del. Ljubljana, 1983.
- Русская поэзия первой половины XIX в. в творческом восприятии Отона Жупанчича (ранние этапы) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1983.
- Словенский поэт Миле Клопчич — переводчик стихотворений Пушкина // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История / Редкол.: М.П. Алексеев и др. Л.: Наука, 1983.
- И. С. Тургенев и развитие словенской литературы. — Рец. на: *Barbarič Š. Turgenjev in slovenski realizem*. Ljubljana, 1983) // Русская литература. Л., 1985. № 4.
- Периодизация русско-словенских литературных связей и некоторые особенности их развития // Советское славяноведение. 1986. № 1.
- Изучение русской литературы в Словении (научная деятельность Александра Сказы и Миши Яворника // Русская литература. СПб., 1996. № 4.
- «Сонеты несчастья» Франце Прешерна в русских переводах Федора Корша и Александра Гитовича // Sonet in sonetni venec. Mednarodni simpozij. (Obdobje 16). Ljubljana, 1997.
- Н.А. Некрасов в Словении (обзор переводов и критики с 1866 г.) // Русская литература. СПб., 1998. № 1.
- Словенская литература // История литератур западных и южных славян: в 3-х т. Т. 3. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Редкол.: Л. Н. Будагова (отв. ред.), Р. Ф. Доронина, С. В. Никольский. М., 2001.

Prešernovi dnevi v Kranju. Simpozij ob 150-letnici smrti dr. Franceta Prešerna // Славяноведение. 2002. № 4.

Словенская литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). Реализм, натурализм, модерн // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2010.

Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература. СПб., 2012. (Библиотека журнала «Невский альманах»).

*Статьи М.И. Рыжовой
в энциклопедических и справочных изданиях*

Краткая литературная энциклопедия: в 9-и тт. / Под ред. А.А. Суркова. М.: Сов. энцикл., 1962–1978: Жупанчич Отон (т. 2, 1964); Инголич Антон, Керсник Янко, Кетте Драготин, Космач Цирил (т. 3, 1966); Левстик Фран (т. 4, 1967); Прешерен Франце, Приятель Иван (т. 5, 1968); Стритар Йосип (т. 6, 1971); Трдина Янез, Трубар Примож (т. 7, 1971); Юрчич Йосип (т. 8, 1975).

Большая советская энциклопедия: в 30-и тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1969–1978: Космач Цирил, Кранец Мишко (т. 13, 1973), Прешерн Франце (т. 20, 1975).

История всемирной литературы: в 8-и тт. М.: Наука, 1983–1994. Т. 8 / отв. ред. тома И.М. Фрадкин. М.: Наука, 1994 (глава «Словенская литература 1890–1918 гг.»).

Лексикон южнославянских литератур / редкол.: Г.Я. Ильина (отв. ред.), И.И. Калиганов, Н.Н. Пономарева, Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2012.

Ашкерц Антон, Бевк Франце, Градник Алойз, Енко Симон, Жупанчич Отон, Кетте Драготин, Кранец Мишко, Мурн Йосип, Прежихов Воранц, Прешерн Франце.

*Избранные переводы М.И. Рыжовой
со словенского на русский язык
и предисловия к изданиям словенской прозы и поэзии:*

Прежихов Воранц. Ландыши. Рассказы / Пер. со словен. М. Рыжова и др.; послесл. А. Романенко. М.: Гослитиздат, 1959.

Инголич А. Первые ступеньки. Роман / Пер. со словен. М. Рыжовой и М. Бершадской; предисл. Г. Медынского. М.: Прогресс, 1967.

- Кранец М.* Лиственницы над долиной / Пер. со словен. М. Рыжовой и М. Бершадской; предисл. М. Рыжовой // *М. Кранец.* Лиственницы над долиной. *И. Потрч.* В деревне. *Б. Зупанчич.* Поминки. Романы. М.: Прогресс, 1977.
- Цанкар И.* Рассказы // *Цанкар И.* Избранное: в 2-х тт. Т. 1 / Пер. со словен. М. Рыжовой и др. М.: Худож. лит., 1981.
- Цанкар И.* Чужие / Пер. со словен. М. Рыжовой // *Цанкар И.* Чужие. На улице бедняков. Мартин Качур. М.: Худож. лит., 1987.
- Кович К.* Импровизация. Бывает борьба // Поэзия Словении. XX век / Пер. со словен.; предисл. Т. Павчека. М.: Худож. лит., 1989.
- Кович К.* Диалог. Два сонета / Пер. со словен. Ю. Гусева, М. Бородинской, Г. Агафонова, М. Рыжовой // Иностранная литература. 2002. № 12.
- Цанкар И.* Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы / Пер. со словен. М. Рыжовой. М.: «Д-р Франце Прешерн», 2003 (проект «Словенская классика»).
- Из словенской поэзии // Литературное содружество «ИЗ ВЕКА В ВЕК»: Поющие письмена. II Международный поэтический фестиваль славянской поэзии / Пер. со словен. Ж. Перковской, М. Рыжовой, С. Гловюка, Е. Лесина. Тверь, 2010.
- Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой / Послесл. М. Рыжовой, отв. редакторы: Ю.А. Созина, Ю.Г. Фридштейн. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2011 (Серии «Словенский глагол» и «Мастера художественного перевода»). (В книгу вошли рассказы и новеллы И. Цанкара, Прежихова Воранца, Мишко Кранеца, Франце Бевка и Юша Козака.)
- Янчар Д.* Катарина, павлин и иезуит. Роман / Пер. со словен.: М.Л. Бершадская, М.И. Рыжова. СПб., 2011.
- Цанкар И.* Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы / Пер. со словен., предисл. М. Рыжовой. Любляна, 2011.
- Цанкар И.* Крест на горе / Пер. со словен. и предисл. М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург — Шлиссельбург, 2014.
- Цанкар И.* Грешник Ленарт / Пер. со словен. М. Рыжовой; предисл. А. Бодровой. СПб., 2015.
- Из века в век. Словенская поэзия / Пер. со словен. / Сост. С.Н. Гловюк и др. М.: Изд-во ООО МАГИ «Из века в век», 2015 (Серия «Из века в век. Славянская поэзия XX–XXI»). (В книгу вошли переводы М.И. Рыжовой стихотворений: Ц. Злобеца, Л. Кракара, Т. Павчека, К. Ковича, М. Кравоса).

- Цанкар И.* Моя жизнь / Пер. со словен. М. Рыжовой. СПб., 2016.
- Цанкар И.* Алеш из Разора / Пер. со словен. и предисл. М.И. Рыжовой. Санкт-Петербург — Шлиссельбург, 2016.
- Цанкар И.* Поездки Николая Никича. Сосед Лука / Пер. со словен. М. Рыжовой. СПб., 2017.

Работы о М.И. Рыжовой

- Logar-Pleško A.* Maja Iljinična Ryžova: slovenska poezija iz konca 19. do začetka 20. stoletja in ruska literatura // Jezik in slovstvo. Ljubljana. L. XIX. 1973–1974. Št. 8.
- Rojs J.* Slovenska poezija na prelomu stoletja // Jezik in slovstvo. Ljubljana. L. XIX. 1973–1974. Št. 8.
- Rojs J.* Novejša slovenska proza v ruskih prevodih // Sodobnost. Ljubljana. L. XXVI. 1978. Št. 3.
- Rojs J.* Sedemdeset let Maje Iljinične Ryžove // Slavistična revija. Ljubljana. L. 45. 1997. Št. 3–4.
- Rojs J.E.* Osemdeset let Maje Iljinične Ryžove // Slavistična revija. Ljubljana, 2007. L. 55. Št. 4 (статья включает список научных трудов и переводов словенской поэзии со словенского на русский язык М.И. Рыжовой до 2007 г.).
- Чепелевская Т.И.* Памяти Майи Ильиничны Рыжовой (1927–2017) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 2017.
- Чепелевская Т.И.* Из истории российской словенистики. Майя Ильинична Рыжова — жизнь в науке // SLOVENICA IV. Российско-словенские отношения в XX веке / Гл. ред. К.В. Никифоров, отв. ред. Л.А. Кирилина. М.: ИСл РАН, 2018.

Приложение II

Ниже публикуется очень интересный и содержательный, на мой взгляд, документ (без даты) — аналитический (а не формальный!) отчет Е.И. Рябовой о её второй командировке в Югославию (зимой – весной 1965 г.), подготовленный ею для представления в Отдел науки ЦК КПСС, курировавший в то время учреждения Академии наук СССР, в том числе наш Институт — таков был порядок. Машинописная копия отчета чудом сохранилась (с 1965 г.!) в архиве сектора (ныне — отдела) истории славянских литератур, в котором работала Евгения Ивановна. Содержание публикуемого документа нуждалось в комментировании, которое я взяла на себя. В этом мне помогли, в лучших традициях нашего Института, коллеги-историки, замечательные профессионалы и эрудиты — Т.В. Волокитина, А.Б. Едемский, А.М. Дронов, Л.А. Кирилина, а также ведущий словенист-литературовед Института Н.Н. Старикова. Им всем я признательна и благодарна.

Документ публикуется впервые

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ В ЮГОСЛАВИЮ

С 6 января по 12 марта 1965 г. я находилась в Югославии в научной командировке, целью которой был сбор материалов для коллективного труда «Очерки литератур народов Югославии XX века», подготавливаемого в Институте славяноведения АН СССР. Около двух месяцев я пробыла в Словении, последнюю неделю — в Белграде.

Во всех учреждениях и организациях, куда мне приходилось обращаться, мне постоянно оказывали необходимое содействие и относились с большим дружелюбием. Словенцы, которым, как и всякой малой нации, приходится затрачивать особые усилия для сохранения и развития национальной культуры, очень заинтересованы в признании достижений этой культуры в нашей стране.

Люди, с которыми я общалась, принадлежали главным образом к гуманитарной интеллигенции и по своей идейной ориентации делились на две весьма отчетливо различающиеся категории. Первая — это те, кто еще до войны примыкал к прогрессивному движению или состоял в коммунистической партии, а затем участвовал в партизанском движении. Это люди старшего или среднего поколения, к которым примыкает (видимо, не очень большая)

часть молодежи*. Представители искусства, принадлежащие к этой категории, в большинстве случаев стоят на позициях реализма, их произведения отражают жизнь народа. В силу своего демократизма и старых революционных традиций они за редким исключением остались друзьями Советского Союза, хотя некоторые из них в свое время выступали в печати против известных резолюций Информбюро¹⁸. В современной общественной жизни Югославии они играют позитивную роль, противостоя (хотя и не всегда последовательно) проявлениям буржуазной идеологии, тенденциям дегуманизации и аристократизации искусства, исходящим из лагеря модернистов. К сожалению, этот их отпор редко принимает форму открытой идеологической борьбы, публицистических или литературно-критических выступлений. В этой области инициатива всё еще находится в руках модернистов.

Другую категорию составляют люди прозападного направления. Она довольно многочисленна, особенно в Словении, издавна подвергавшейся западному влиянию в большей мере, чем какая-либо иная часть Югославии. К этой категории относятся представители самых разных взглядов: от воинствующих католиков, связанных с реакционной эмиграцией и Ватиканом, до мирных обывателей, поклонников западной «демократии», западного комфорта.

Насколько можно было судить, значительная часть молодежи стоит ближе к этой категории. Не говоря уже о примитивных формах «западничества», состоящих в преклонении перед всяческой мишурой современной буржуазной цивилизации, довольно широкое распространение получили скептически-нигилистическое отношение ко всему, что связано с югославскими революционными традициями, критика существующего строя с анархо-индивидуалистских позиций, проповедь экзистенциализма и т. п. В литературе и искусстве носителями экзистенциалистских настроений и поборниками «крайних» модернистских течений являются главным образом люди, вступившие на это поприще в середине пятидесятых годов. Они группируются вокруг последовательно сменявших друг друга журналов «Беседа», «Ревия 57» и «Перспективы»¹⁹. Эти издания успешно (если судить по степени деморализации, в кото-

* Что касается этой части молодежи, то её характеризует такой интересный факт: в Любляне в последнее время среди школьников старших классов возникают кружки по изучению революционного движения и теории марксизма-ленинизма. Создаются они самими школьниками, без всякой помощи «взрослых» (прим. Е.И. Рябовой).

рую они повергли своих оппонентов) боролись против реализма и пропагандировали реакционные модернистские теории, получая дотацию от государства. Но так как при этом они выступали с критикой политических порядков в Югославии, являясь глашатаями мелкобуржуазно-интеллигентской оппозиции, их периодически закрывали. В конце прошлого года были закрыты «Перспективы» и сменена редколлегия центрального словенского литературного журнала «Наша содобност» («Наша современность»)²⁰. Предсказывают, что новая редколлегия во главе с М. Меяком²¹ будет придерживаться более демократического и реалистического направления.

Неоднородность идейно-политических позиций, наличие разных ориентаций среди интеллигенции придает противоречивый характер культурной жизни Словении. При этом, если очень явственно можно было ощутить проявления некоторых негативных тенденций, то гораздо труднее было увидеть борьбу идеологического руководства против этих тенденций. Так, например, чрезвычайно тревожной и острой проблемой в современной Югославии стал национальный вопрос. Об этом свидетельствуют материалы VIII съезда СКЮ* и прошедшего в марте этого года V съезда Союза коммунистов Словении.

В Словении мне часто приходилось слышать выражение недовольства тем, что слишком большая, по мнению моих собеседников, часть словенского национального дохода перекачивается в менее развитые республики, что к словенской национальной культуре в Сербии и Хорватии относятся без должного уважения и т. п. Независимо от того, насколько оправданны эти упреки, ясно, что идее пролетарского интернационализма нанесен большой ущерб. В Словении создалась благоприятная атмосфера для развития национального эгоизма, пренебрежительного отношения к другим нациям. Существующее в Словении отталкивание от так называемых «южных братушек»** ведет к еще большему усилению ориентации на Запад, на буржуазную культуру и западную «демократию».

Общественные дисциплины, теория марксизма-ленинизма преподаются в университете*** в гораздо меньшем объеме, чем у нас.

* СКЮ — Союз коммунистов Югославии (прим. Т. Ч.).

** Приводится ироническое обращение (вместо «братья-славяне») к южным славянам (болгарам, македонцам, сербам, черногорцам, бошнякам — они же босняки, славяне-мусульмане, муслимане), которое использовалось русскими солдатами во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (прим. Т. Ч.).

*** Речь идет о Люблянском университете (прим. Т. Ч.).

Иных форм популяризации марксистской теории мне наблюдать не приходилось, как и каких-либо форм антирелигиозной пропаганды. Верующих — огромное количество, причем всех возрастов. В последнее время влияние католической церкви как будто даже возросло. Мне говорили, что в Хорватии тираж органа загребского капитула газеты «Даница»²² вырос за несколько последних лет с 5 до 65 тысяч. В Словении происходит нечто вроде реабилитации католической и христианско-социалистической²³ литературы: усиленно подчеркивается прогрессивность христианских социалистов*, превозносятся их экспрессионистическая и экзистенциалистская поэзия. В реабилитации этой поэзии участвуют и литераторы, считающие себя марксистами. Одним из возможных объяснений этого явления может быть, на мой взгляд, влияние национализма, приводящее к ослаблению классового критерия за счет критерия национального (это мне приходилось замечать и в ходе разговоров со словенскими литературоведами).

В югославской печати появлялись материалы о затруднениях, возникших в системе народного просвещения в связи с децентрализацией, т. е. переходом школ, библиотек, некоторых музеев и других культурных учреждений на «иждивение» общин. Во многих районах эта мера явилась тормозом в деле народного просвещения, и в первую очередь — в ликвидации высокого процента неграмотности. Многие школы и читальни пришлось закрыть, так как у общин не хватало средств на их содержание. Культурно-научные учреждения, больницы и др. объекты, не приносящие прибыли, оказались в большинстве общин на положении пасынков, которым предпочитают объекты, дающие доход; театры и кино в погоне за прибылью в своей репертуарной политике всё больше ориентировались на коммерческий эффект в ущерб идейно-эстетическому воспитанию масс. На V съезде СК Словении говорилось о значительной нехватке кадров со средним и высшим техническим образованием, создавшейся вследствие того, что общины неохотно выделяют средства на стипендирование** студентов. Говорилось о том, что высшее образование мало доступно для детей рабочих и

* Например, в предисловии Б. Крефта к вышедшему в 1964 г. сборнику статей Ф. Водника, одного из главных представителей христианского социализма в Словении (прим. Е.И. Рябовой). (Имеется в виду издание: *Vodnik F. Ideja in kvaliteta: krrike in eseji*. Ljubljana, 1964 — прим. Т. Ч.)

** Использована калька со словенского языка: имеется в виду выплата стипендий студентам (прим. Т. Ч.).

крестьян в силу их материальной необеспеченности, что неблагоприятно влияет на социальный состав интеллигенции. Отмечалось стремление части интеллигенции (особенно гуманитарной) отрицать руководящую роль СК, приписывая себе роль самодовлеющей элиты. Э. Кардель²⁴ в своей речи на этом съезде констатировал необходимость создания «самостоятельной национальной базы» для просвещения и здравоохранения и недопустимость такого положения, при котором школам приходится «непрестанно бороться с фабриками и другими учреждениями за свою долю прибыли» («Борба»²⁵, 19 марта 1965 г., стр. 4). Однако относительно способов создания вышеупомянутой «самостоятельной материальной базы» ясности еще нет. Это явствует, например, из следующих слов Э. Карделя: «Возникает вопрос, в чем причина такого отставания в области неэкономической деятельности? Я думаю, что причина прежде всего заключается в том, что до сих пор наше общество не было способно создать самостоятельную материальную базу для учреждений и деятельности в этой области. Кроме того, мы остановились после первых же шагов, сохранив теперешнюю форму связи этих учреждений с общиной, несмотря на хорошо известные недостатки. Однако я думаю, что это решение лучше какого бы то ни было административно-централистского объединения (культурных учреждений. — *Е. Р.*) через государственный бюджет, разумеется, при условии, что в ближайшие годы мы в этой области двинемся вперед. Поэтому вопрос о том, как финансировать неэкономические виды деятельности — одна из центральных проблем в этой сфере» (там же).

На основе материалов, публикуемых в югославской печати, и собственных наблюдений у меня создалось впечатление, что на многих участках идейно-воспитательной работы среди населения присутствие СК ощущается слабо. (Об этом говорили и некоторые писатели из числа предвоенных коммунистов.) В трактовке значительной части печати и в сознании многих людей проблематика борьбы за социализм сводится к проблеме повышения материального благосостояния личности. Среди интеллигенции довольно распространено убеждение в том, что если бы СК совершенно отказался от руководства развитием культуры и формированием общественной морали, это означало бы только подлинную демократизацию духовной жизни. На деле ослабление такого руководства привело к оживлению элементов буржуазной идеологии и морали,

к уступкам буржуазным вкусам (газеты бульварного типа и т. п.). В связи с этим было бы особенно важно, чтобы критика общественных явлений в области культуры, которая развернулась на VIII съезде СКЮ и республиканских съездах, принесла как можно больше практических результатов.

Что касается положения в литературе и искусстве, то от сторонников реализма мне приходилось слышать и в Любляне, и в Белграде, что модернизм зашел в тупик, утратил связь с читателем и начинает терять свои позиции. Действительно, модернистская литература и драматургия с их субъективизмом, разными видами зашифровывания картины действительности, нарочитой усложненностью формы при скудости содержания, с их философией цинизма не привлекают широкую публику. Она стихийно тянется к реализму, что особенно заметно в словенских театрах: даже третьесортные пьесы (главным образом, западных авторов), представляющие собою суррогат реализма, смотрятся охотнее, чем пьесы модернистские. Отвечая на мой вопрос: «Кого из словенских писателей вы любите?», люди неизменно называли прозаиков и поэтов, принадлежащих к реалистическому направлению. Выставки художников-абстракционистов посещаются лишь в первый — второй день, затем залы пустуют. Постоянная экспозиция «Современной галереи»*, в которой послевоенная словенская живопись представлена одними модернистами, пустовала даже в дни каникул. Всё это свидетельствует о неизбежной утрате интереса к модернистскому искусству, отвернувшемуся от реального мира и его реальной проблематики. А в условиях господства модернизма и почти полного отсутствия других художественных направлений это приводит к ослаблению интереса публики к изобразительному искусству вообще, к огромным потерям в деле эстетического воспитания масс. Тем не менее, неверно было бы думать, что модернизм терпит поражение. В сущности, он сохраняет почти все те ключевые позиции, которые были ему предоставлены в период наибольшего обострения отношений между Югославией и социалистическим лагерем. Модернисты по-прежнему представляют культуру Югославии на международной сцене. Они действуют более сплоченно и несравненно более активны в теоретическом отношении, чем

* Имеется в виду Галерея современного искусства, расположенная в центре Любляны, в парке Тиволи (прим. Т. Ч.).

реалисты. Улучшение отношений с Советским Союзом, однако, оказало сдерживающее влияние на модернистскую критику, и моральное давление на реалистов, большую часть которых эта критика трактовала как ретроградов, ощутимо уменьшилось. Пропаганда советского искусства, главный смысл которого составляют глубочайшая связь с жизнью народа и утверждение революционного мировоззрения, является одним из видов помощи подлинно прогрессивным и патриотическим деятелям культуры Югославии в их стремлении создавать искусство того же типа. Однако сейчас авторитет нашего искусства в Югославии стоит несколько ниже, чем авторитет нашей науки и техники, пользующихся большим уважением. Наряду с огромным интересом и симпатией к нашей стране в Югославии еще сохраняется и известное предубеждение против нашей литературы, изобразительного искусства, драматического театра и даже отчасти кино. Предубеждение это в течение долгих лет прививалось модернистской критикой, внушавшей читателям представление о том, что советское искусство официально и догматично, сентиментально и старомодно. Судя по тому, что мне приходилось слышать, борьба с этим предубеждением ведется не всегда удачно с нашей стороны: недостаточно строго и взыскательно отбираются фильмы, в результате чего в Югославию наряду с первоклассными картинами, получающими высокую оценку зрителей, попадают вещи слабые, снижающие впечатление от нашей кинематографии; при организации художественных выставок не учитываются вкусы югославской публики. Между тем, наше изобразительное искусство достаточно многообразно, чтобы, не идя ни на какие уступки в идейно-эстетическом отношении, показать то, что наверняка будет иметь успех, те жанры и творческие манеры, к восприятию которых югославский зритель подготовлен отечественными традициями. У наших художников и искусствоведов, побывавших в Югославии, несомненно, нашлись бы соответствующие рекомендации.

Было бы чрезвычайно полезно, на мой взгляд, приглашать в Советский Союз в первую очередь и преимущественно тех деятелей югославской культуры, которые питают к нашей стране подлинно дружеские чувства, людей, для которых это приглашение — и честь, и поддержка, ибо быть другом Советского Союза югославу писателю или художнику и сейчас, в условиях продолжающегося засилья модернистской критики, не совсем просто. С другой сто-

роны, политическая ситуация сейчас такова, что внимание, проявленное Советским Союзом к этим людям, не повлечет за собой никаких неприятных для них последствий. В разговоре с И.К. Киселевым²⁶, советником нашего посольства в Белграде, я назвала имена нескольких таких людей: писателя Ивана Потрча²⁷, переводчика русской поэзии Миле Клопчича²⁸ (оба из Любляны), критика и литературоведа Марьяна Юрковича²⁹ (Белград) и др. Они и подобные им люди, без сомнения, могли бы дать объективное освещение жизни Советского Союза, которого жадно ждут югославские читатели. Нужно сказать, что попытка небезызвестного М. Михайлова³⁰ спекулировать на этом читательском интересе в общем и целом потерпела неудачу. Большая часть читающей публики осудила его очерки как фальсификацию, а опубликование их модернистским журналом «Дело»³¹ расценила как недопустимый недружественный акт по отношению к нашей стране.

В этом свете особое значение приобретает вопрос об отношении к тем югославским деятелям культуры, которые в самое трудное для этого время остались верными друзьями нашей страны. Перед некоторыми из них и в первую очередь перед черногорским поэтом Радованом Зоговичем³², который за его преданность Советскому Союзу был в течение шестнадцати лет лишен возможности печататься, мы находимся в неоплатном долгу. Несколько лет назад в Издательстве иностранной литературы (нынешнем «Прогрессе»)³³ был подготовлен к печати сборник стихов Зоговича в хороших переводах видных советских поэтов, с предисловием Назыма Хикмета³⁴. Выход сборника в свет не состоялся вследствие протеста с югославской стороны. В то время Зоговича не печатали. Сейчас загребский журнал «Форум»³⁵, в редакции которого решающую роль играет крупнейший югославский писатель Мирослав Крлежа³⁶, принял для опубликования в одном из ближайших номеров цикл стихов Зоговича. Не устраняется ли тем самым единственное препятствие к выходу его сборника на русском языке?

После большого перерыва в Югославии возобновилось широкое изучение русского языка. Не говоря уже о гимназиях и университетах, уроки русского языка передаются по телевидению, печатаются в газетах. Преподаватели-русисты, побывавшие в Москве, пытались приобрести курс русского языка в граммофонной или магнитофонной записи. Однако такой курс, представляющий неопценимое подспорье в изучении языка, у нас отсутствует. Высказыв-

валось и желание расширить обмен преподавательскими кадрами в области литературоведения и лингвистики. В конце 1964 г. в МГУ с большим успехом прочел цикл лекций хорватский литературовед И. Франгеш³⁷. Было бы во всех отношениях полезно аналогичным образом представить и другие национальные литературы Югославии. Из словенских литературоведов хорошей кандидатурой мог бы быть доктор Б. Патерну³⁸ из Люблянского университета. В свою очередь, как мне рассказывали, кафедра славистики Люблянского университета приложила много усилий, чтобы получить преподавателя русского языка из Советского Союза, и известие о том, что этот вопрос решен положительно, было там встречено с большим удовлетворением.

В заключение, сравнивая впечатления, полученные во время этой моей второй поездки в Югославию, с впечатлениями от первой поездки, состоявшейся в 1957/58 г., я могу констатировать, что в улучшении отношений между нашими двумя странами достигнут несомненный прогресс, и это с радостью воспринимается огромным большинством населения.

ЕРябова
(подпись)

Примечания

- ¹ *Чепелевская Т.И.* Из истории российской словенистики. Майя Ильинична Рыжова — жизнь в науке // SLOVENICA IV. Российско-словенские отношения в XX веке / Главн. ред. К.В. Никифоров; отв. ред. Л.А. Кирилина. М.: ИСл РАН, 2018. С. 35.
- ² Институт славяноведения РАН. Отдел истории славянских литератур. «Архив Е.И. Рябовой». Папка II. С. 1–2. Формат А 4.
- ³ *Никольский С.В.* Разработка проблематики литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы от древности до 1945 года // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет / Отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Индрик, 1996. С. 176.
- ⁴ *Нович Н. (Бахтин).* Словинские поэты. СПб., 1904.
- ⁵ *Рябова Е.И.* Антология Н.Н. Бахтина «Словинские поэты» // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века / Редкол.: Ю. Беляева и др. М.: Наука, 1975. С. 262.
- ⁶ Стихотворения Франца Преширна со словенского и немецкого подлинников перевел Ф. Корш. М., 1901.
- ⁷ *Aškerc A., Vesel I.* Ruska antologija. Ljubljana, 1901.
- ⁸ *Рябова Е.И.* Рец. на: *Franc Zdravec.* Miško Kranjec. 1908–1935. Ljubljana, 1963 // Советское славяноведение. 1965. № 1. С. 96–99. Отметим, что в полном объеме монография Ф. Задравца вышла позже: *Zdravec F.* Poet prekmurskih ravnin Miško Kranjec. 1908–1983. Ljubljana, 1968.

⁹ Будагова Л.Н. Модернизм и славянские «модерны» // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.). Материалы конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М., 1989. С. 9, 12. Речь идет о статье: *Рябова Е.И.* Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX века // Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX веков. Реализм и другие течения / Редкол.: Л.Н. Будагова и др. М.: Наука, 1976. С. 225–261.

¹⁰ Будагова Л.Н. Институт мой, Институт... // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / Отв. ред. Е.П. Аксенова. М., ИСл РАН, 2007. С. 110.

Коллеги старшего поколения помнят и активную работу Е.И. Рябовой по созданию стенной газеты Института «Советский славист и балканист»: она занималась и ее художественным оформлением, и содержательным наполнением. Как вспоминает д.и.н. Светлана Ивановна Данченко, в начале 1970-х годов молодая сотрудница, рабочий стол которой в комнате № 12 на втором этаже здания Института в Трубниковском переулке соседствовал со столом Евгении Ивановны, та была очень увлечена этой своей, как она говорила, «публицистической деятельностью» в «Советском слависте и балканисте» — даже в «присутственные», весьма суматошные дни что-то сочиняла и редактировала. И однажды сказала со своей чудесной улыбкой: «Знаете, Светлана, когда я умру, на моей могильной плите вполне могут написать: “Она жила и умерла в газете”».

¹¹ Куркина Л.В., Чуркина И.В. Семинар словенского языка, литературы и культуры // Славяноведение. 1968. № 3. С. 118–119.

¹² Дав произведению заголовок «На улице бедняков» (по названию финальной главы романа), Е.И. Рябова написала предисловие к его первому изданию на русском языке (1961), а в 1981 г. и в 1987 г. текст перевода романа под этим названием вошел в новые издания произведений словенского классика (См.: Приложение I). Впоследствии, по инициативе М.И. Рыжовой, было предложено заменить это название на новое — «На крутой дороге», как раскрывающее символический смысл авторского замысла (с 2001 г. этот перевод названия романа «Na klanpci» используется в научных, справочных и энциклопедических изданиях).

¹³ С опорой на труды Е.И. Рябовой я работала над первыми своими статьями, вошедшими в текст кандидатской диссертации; над главами по истории словенской литературы для коллективных трудов Института славяноведения РАН; её исследования становились важными импульсами и в разработке новых тем, посвященных творчеству И. Цанкара и других крупных словенских писателей. См.: *Чепелевская Т.И.* Повести и романы Ивана Цанкара 1900–1907 гг. // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.) // Материалы конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: ИСБ АН СССР, 1989; *она же.* Интеграционные и национальные процессы в Словении на рубеже XIX–XX вв. глазами писателя (творчество И. Цанкара) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: ИСБ АН СССР 1997; *она же.* Тема жизни и смерти в повести Ивана Цанкара «Курент» (1909) // Категории жизни и смерти в славянской культуре / отв. редакторы: М.В. Лескин, Л.А. Софронова. М.: ИСл РАН, 2008; *она же.* Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении / отв. ред. Л.А. Софронова. М.: СПб.: Нестор-История, 2013. 304 с., ил.; *она же.* Первая мировая война в словенской литературе (И. Цанкар, Прежихов Воранц, Ст. Майцен) // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / гл. ред. К.В. Никифоров, отв. ред. Л.А. Кири-

- лина. М.: ИСл РАН, 2014; *она же*. *Koncepta poti in doma v literarnem delu Ivana Cankarja // V sanjah preleti človek stoletje*. Mednarodni zbornik ob stoletnici smrti Ivana Cankarja. (Acta comparativistica Slovenica, št. 5) / Ur. Matic Kocijančič. Ljubljana, 2021 и др.
- 14 После получения в 1952 г. университетского диплома М.И. Рыжова недолгое время работала в должности помощницы заведующей кафедрой славянской филологии лингвиста Эрики Антоновны Якубинской-Лемберг (1895–1961) и одновременно готовилась к поступлению в аспирантуру, но вскоре в университете был введен запрет на совмещение преподавательской и научно-исследовательской деятельности, что фактически перечёркивало её планы.
- 15 Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2012.
- 16 *Рыжова М.И.* Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература. СПб., 2012. (Библиотека журнала «Невский альманах»).
- 17 Бершадская Марианна Леонидовна (род. в 1937 г.), кандидат филологических наук, автор многих работ по истории словенской и других славянских литератур, известный переводчик с сербскохорватского и словенского языков на русский язык.
- 18 Имеются в виду резолюции Коминформбюро от 29 июня 1948 г. и 19 ноября 1949 г., отразившие эскалацию советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. На втором совещании Коминформа (июнь 1948 г.) югославское партийное руководство обвинялось в «измене коммунистическому движению», «троцкистском перерождении» и «буржуазном национализме». Третье совещание (ноябрь 1949 г.) указало, что югославская компартия (СКЮ) находилась «во власти убийц и шпионов». Резолюции определили борьбу против «титовизма» как одну из важнейших задач для компартий советского блока. — См. подр.: «Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Редакторы: Г.М. Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М.: РОССПЭН, 1998.
- 19 «Беседа» («Beseda» — «Слово», 1951–1957), «Ревия 57» («Revija 57» — «Журнал 57», 1957–1958) — люблянские литературно-критические журналы, пришедшие на смену партийным изданиям. Они объединили литературную молодежь, поэтов, писателей и критиков нового поколения, «выступавших за духовную свободу, возможность самостоятельного выбора тем и средств выражения, за открытость всем течениям современной эстетической мысли». См.: *Старикова Н.Н.* Литература 1950–1960-х годов // *Словенская литература XX века / Отв. ред. Н.Н. Старикова*. М.: Индрик, 2014. С. 139.
- «Перспективе» («Perspektive» — «Перспективы», 1960–1964) — люблянский журнал, объединивший сотрудников двух первых демократических изданий и новые молодые силы. Начав с критики социалистической культуры и этики, журнал вскоре приобрел социальную, а затем и политическую направленность. — Там же. С. 142–143.
- 20 «Наша содобност» («Naša sodobnost», Любляна, 1953–1962). После смены редакционной коллегии журнал начал выходить под названием «Содобност» («Sodobnost» — «Современность», 1963 г. — н./вр.).
- 21 Мейяк Митя (Mejāk Mitja, 1926–1975) — критик, эссеист и редактор; после окончания славянского отделения Философского факультета Люблянского университета сотрудничал в ряде словенских изданий, был редактором культурно-литературных передач на Радио Любляны, соредактором (1947–1951) журнала «Младинска ревија» («Mladinska revija» — «Молодежный журнал») и редактором (1965–1968) журнала «Содобност».
- 22 Имеется в виду Загребская архиепископия, или Загребский капитул (хорваты ее называют также «Капол»). В 1868 г. загребский архиепископ Юрай Хау-

лик учредил католическое литературное общество им. св. Иеронима, которое с 1869 г. начало издавать ежегодный католический календарь «Даница» (издается до настоящего времени).

- 23 Христианский социализм — направление общественной мысли, стремящееся объединить идеи социализма с христианской этикой; в словенских землях — течение, сформировавшееся в 1890-е годы в рамках Словенской Народной партии (СНП); идеологом и лидером христианских социалистов был Янез Евангелист Крек (1865–1917), ратовавший за решение социальных проблем путем взаимодействия церкви, государства и всех слоев населения и предлагавший разные формы социальной поддержки (введение социального страхования, создание кооперативов, касс взаимопомощи и др.).
- 24 Кардель Эдвард (Kardelj Edvard, 1910–1979) — словенский политик и публицист, главный идеолог КПЮ, занимал высшие партийные должности в СФРЮ, генерал-полковник Югославской народной армии, национальный герой.
- 25 «Борба» («Борьба») — ежедневное (с 1945 г.) общественно-политическое издание, выпускавшееся Коммунистической партией Югославии (первоначально в Загребе — с 1922 г.); с 1948 г. по 1987 г. газета одновременно выходила в Белграде и Загребе.
- 26 Киселёв Иван Кузьмич (1917–?) — советник Посольства СССР в Белграде (9 февраля 1964 г. — 12 августа 1969 г.); в 1969–1971 гг. — эксперт-консультант Отдела культурных связей с зарубежными странами МИД СССР; далее — в отставке.
- 27 Потрч Иван (Potrč Ivan, 1913–1993) — словенский прозаик, драматург. Перед Второй мировой войной за свою политическую деятельность был приговорен к 11 месяцам тюрьмы; в 1941–1943 гг. заключен в концлагерь Матхаузен, после побега присоединился к партизанам. Во время и после войны работал редактором и журналистом (начинал в партизанских изданиях). В 1947 г. стал главным редактором, а затем директором издательства «Младинска книга» («Mladinska knjiga», Любляна). Как писатель формировался в 1930-е годы, один из ярких представителей литературного направления «социальный реализм». Его рассказы и повесть («Сын», 1937) предвоенных и военных лет, близкие жанру физиологического очерка, посвящены жизни сельских бедняков. В послевоенные годы издаются его драматическая трилогия о распаде семьи Урфлов (1947, 1949, 1953) и роман «В деревне» («Na kmetih», 1954). Дважды удостоен главной национальной литературной награды — Премии Франце Прешерна (1947, 1955). С 1977 г. — член-корр., с 1983 г. — академик Словенской академии наук и искусств (SAZU).
- 28 Клопчич Миле (Klopčič Mile, 1905–1984) — словенский поэт-экспрессионист, одна из самых ярких фигур социального протеста межвоенного периода (сб. «Пламенеющие оковы» — «Plameteči okovi», 1924; сб. «Простые стихи» — «Preproste pesmi», 1934). Переводил и популяризировал произведения немецких (Г. Гейне) и русских (И.А. Крылов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Блок) поэтов. В годы Второй мировой войны участвовал в партизанском движении, писал стихи, некоторые из которых становились походными маршами и песнями; его пьеса «Мать», созданная в годы войны, получила широкую известность среди партизан Словении, Хорватии и Сербии (была сыграна более 200 раз).
- 29 Юркович Мариян (Jurkovič Marijan, 1906–1966) — литературный критик, публицист, переводчик с русского языка; работал в Белграде и Загребе.
- 30 Михайлов Михаил Николаевич (1934–2010) — югославский ученый-литературовед и публицист из семьи русских эмигрантов первой волны. Окончил университет в Загребе (Хорватия) и стал преподавателем Философского факультета университета г. Задр (кафедра русского языка и литературы). В 1964 г. в рамках культурного обмена был на стажировке в Москве, в МГУ им. М.В. Ломоносова. По результатам 5-недельного пребывания в СССР им было написано

объемное литературное эссе (очерк), получившее при публикации название «Лето московское. 1964 год». В нем он знакомил читателей с жизнью (не только литературной) советской столицы и Ленинграда. Но в свет вышли только первые две части (журнал «Delo», Белград, 1965 г. № 1–2), затем публикация была остановлена, а вышедшие номера пытались изъять, хотя текст уже получил широкую международную известность. Автор очерка был осужден за допущенные «полевические преувеличения» и «реакционную трактовку истории Октябрьской революции и СССР» (в разделе «Лагерные темы» констатировалось — раньше Солженицына — создание концлагерей в Советской России еще при Ленине, в 1921 г.). И. Броз-Тито публично (на совещании прокуроров в начале февраля 1965 г.) подверг М. Михайлова острой критике как человека, «клеветующего на Советский Союз»; автору очерка был приспан «джиласизм», т. е. разрыв с марксизмом и следование взглядам Милована Джиласа. В социалистической Югославии М. Михайлов, обретший имидж «известного югославского диссидента», не раз подвергался арестам (около семи лет он провел в заключении). Благодаря правозащитной кампании, организованной президентом США Дж. Картером, в 1977 г. был освобожден и в 1978 г. выслан на Запад; жил и работал в США (в 1985 г. получил американское гражданство). Преподавал историю русской литературы в ряде университетов страны, а также в Великобритании и Западной Германии; в 1985–1994 гг. работал комментатором на радиостанции «Свободная Европа» (Мюнхен), сотрудничал с радиостанцией «Голос Америки». С 1980-х годов неоднократно бывал на родине, в 2001 г. вернулся в Сербию. Поселившись в Белграде, продолжал писать, активно участвовал в общественной жизни страны, выступал за глубокие демократические преобразования в сербском обществе и за сближение Сербии с Евросоюзом и НАТО. В 2000 г. читал лекции в Высшей школе экономики в Москве. Скончался в Белграде 7 марта 2010 г., похоронен на Алее почетных граждан на Белградском новом кладбище. — Об истории публикации очерка М. Михайлова и последующих событиях см. подробнее: *Едемский А.Б.* Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское. 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.* М.: ИСл РАН, 2012. С. 188–201.

- ³¹ Дело» («Delo», Белград, 1955–1992) — один из ведущих сербских и югославских литературных журналов; его первым редактором был А. Исакович, позднее — известные сербские литераторы того времени: О. Давичо, М. Первич, Й. Анчин и С. Благович. Считался модернистским изданием и во времена социалистической Югославии часто подвергался цензуре. В двух номерах журнала, за январь и февраль 1965 г., были опубликованы первые две части эссе М.Н. Михайлова «Лето московское. 1964 год» с описанием впечатлений от его пребывания в СССР.
- ³² Зогович Радован (Зоговић Радован, 1907–1986) — черногорский и сербский поэт, прозаик, публицист и партийный деятель, автор нескольких сборников гражданской лирики («Кулак», 1936; «Упрямые строфы», 1947; «Артикулированное слово», 1965; «Лично, совсем лично», 1974 и др.).
- ³³ В 1964 г. «Издательство иностранной литературы» (с 1946 г.) и «Издательство литературы на иностранных языках» (с 1938 г.) были реорганизованы: гуманитарные редакции, а также специальная редакция «Издательство иностранной литературы» перешли в подчинение издательству «Прогресс», а естественнонаучные и технические редакции обоих издательств — издательству «Мир».
- ³⁴ Назым Хикмет (Nâzim Hikmet Ran, 1902–1963) — турецкий поэт, прозаик, сценарист, драматург и общественный деятель, основоположник турецкой революционной поэзии; коммунист (с 1922 г.), лауреат Международной премии мира (1950).

- 35 «Форум» («Forum», Zagreb, 1962 — наст./вр.) — литературный журнал, созданный Отделом современной литературы Югославянской академии наук и искусств, до сих пор сохраняющий позиции одного из основных литературных органов Республики Хорватии.
- 36 Крлежа Мирослав (Krlježa Miroslav, 1893–1981) — хорватский поэт, прозаик, драматург, эссеист, признан величайшим хорватским писателем XX века.
- 37 Франгеш Иво (Frangješ Ivo, 1920–2003) — хорватский литературовед, историк литературы, переводчик (с итальянского и французского языков); с 1960 г. — член-корр., с 1968 г. — академик Югославянской академии наук и искусств (JAZU).
- 38 Патерну Борис (Paternu Boris, 1926–2021) — литературный критик, историк и теоретик литературы, славист широкого профиля, профессор (с 1972 г.), заслуженный профессор (с 1994 г.) Люблянского университета, с 1979 г. — член-корр., с 1985 г. — академик Словенской академии наук и искусств (SAZU).

Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики

17–18 мая 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялись XII Никитинские чтения по теме: «Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения». Данное исследование написано вслед за моим на этом мероприятии выступлением. Оно основано на глубоком убеждении, что если речь идет о 75-летней истории Института, то необходимо сказать о человеке, плодотворно проработавшем в нем без малого 30 лет и посвятившем всю свою жизнь науке — Андрее Леонидовиче Шемякине (1.05.1960–8.03.2018), ученом-слависте, учителе для тех, кому, как мне, посчастливилось обретать свой путь в науке под его руководством, подвижнике на поле развития сербистики и шире — славистики.

Андрей Леонидович был и остается крупным и признанным специалистом по истории Сербии и Балкан в Новое время и русско-сербских связей и отношений.

Практически все из присутствовавших на конференции и, вероятно, многие из тех, кто будет держать в руках этот текст, трудились бок о бок с Андреем Леонидовичем, хорошо знали его, некоторые были его соратниками по научным проектам, друзьями, учениками. О нем самом и его научных изысканиях в печати уже появились тексты его коллег и близких людей¹. Я никоим образом не претендую на открытие или полноту изложения и надеюсь, что основательные биографические и историографические работы о нем и его трудах еще будут созданы. Многие из того, о чем будет сказано ниже, уже известно и что-то, наверняка, лучше, чем автору этого исследования. И тем не менее мне хочется рассказать об Андрее Леонидовиче и его вкладе в развитие науки и Института и от себя, разделяя одновременно

единое мнение о нем знавших его людей как о талантливом, ярком и выдающемся ученом, обладавшем к тому же прекрасными личными качествами, человеке, который оставил большой след в науке и сердцах людей.

В связи с этим напомним, что на безвременный уход Андрея Леонидовича из жизни сразу отреагировали многие в России и за ее пределами — в частности, его коллеги из Сербии, изучению истории которой он себя посвятил. Они выразили горечь от постигшей всех нас утраты и глубокую признательность за его научный вклад и, разумеется, не только за это.

Мы не будем сейчас цитировать поступившие в Институт в те горестные для всех нас мартовские дни 2018 г. соболезнования, отметим лишь, что они направлялись как в частном порядке, от его научных соратников, друзей и знакомых, так и из различных учреждений или от их имени [в частности, Посольства Республики Сербия в Российской Федерации, Философского факультета Белградского университета (Центра по изучению России и Восточной Европы, кафедры современной истории, кафедры истории Югославии), Исторического института в Белграде, Института новейшей истории Сербии, Института современной истории, Архива Сербии, Матицы сербской, Отделения исторических наук Сербской академии наук и искусств (САНИ), Института балканистики САНИ, Исторического института Черногории]².

Вскоре, уже в 2018 г., в Москве, в периодических изданиях Института славяноведения, вышли две мемориальные работы об А.Л. Шемякине, его научном пути и вкладе в изучение истории Сербии, Балкан и русско-сербских отношений, его друзей и коллег — директора Института Константина Владимировича Никифорова «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...»³ и Александра Александровича Силкина, который является также и учеником Андрея Леонидовича, — «Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина»⁴. В начале 2019 г. в журнале «Новая и новейшая история» был опубликован мемориальный текст другого его ученика и коллеги, Никиты Сергеевича Гусева, — «Памяти Андрея Леонидовича Шемякина»⁵, который 1 мая 2020 г. поместил на сайте Института еще один текст об учителе — «60-летие со дня рождения Андрея Леонидовича Шемякина»⁶.

Практически одновременно, в 2018 г., в Белграде вышли памятные тексты (In Memoriam), написанные сербскими коллегами Андрея Леонидовича: Далибором Дендой — «Доктор Андрей Леонидович Шемякин, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Тула, 1 мая 1960 — Тула, 8 марта 2018)»⁷ и Радомиром Поповичем — «Андрей Шемякин (1960–2018)»⁸.

В 2019 г., благодаря стараниям коллег и друзей ученого, состоялись две международные научные конференции, посвященные его памяти: 5 марта в Москве — «Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина» и 19–20 апреля в Белграде — «Россия и Сербия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина». Их материалы вошли в состав опубликованных позже двух коллективных трудов.

После конференции в Белграде был издан сборник статей «Россия и Сербия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина», содержащий две части авторских текстов: одна посвящена Андрею Леонидовичу и его научному наследию, другая преимущественно раскрывает различные аспекты истории сербско-русских отношений в XIX–XX вв.; а также опубликованные в приложениях — письмо А.Л. Шемякина профессору Джордже Станковичу (1944–2017) (25 декабря 1993 г.), его рецензию на рукопись книги «Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)» (25 октября 2017 г.), некролог и соболезнования, опубликованные ранее на сайте Института славяноведения⁹.

Об Андрее Леонидовиче и его научно-исследовательской деятельности, о сотрудничестве с сербскими и российскими специалистами и учреждениями в книге говорится во вступительных текстах от редакции (отв. ред. Алексей Юрьевич Тимофеев)¹⁰ и Миле Белаяца¹¹ и в текстах из ее первой части под названием «Андрей Шемякин — человек и ученый». А именно: «Сотрудничество и дружба с Андреем Шемякиным» Алексея Борисовича Арсеньева¹², «“Русские о Сербии и сербах”: между первым и вторым томом» Михаила Валерьевича Белова¹³, «Андрей Шемякин, Мирослав Йованович и российско-сербские исторические связи (1990-е — 2010-е годы)» Юрия Аркадьевича Борисенка¹⁴, «Народ и власть в независимой Сербии в оценках А.Л. Шемя-

кина» Ярослава Валериановича Вишнякова¹⁵, «Сотрудничество Андрея Л. Шемякина с Отделением военной истории Института стратегических исследований Министерства обороны Республики Сербия» Д. Денды¹⁶, «На родине Николы Пашича» Людмилы Васильевны Кузьмичёвой¹⁷, «Андрей Л. Шемякин — друг и коллега» Данко Леоваца¹⁸, «Андрей» Марии Войттовны Лескинен¹⁹, «Андрей Шемякин о Сербии и сербах» К.В. Никифорова и А.А. Силкина²⁰, «Дружба и сотрудничество с А.Л. Шемякиным» Латинки Перович (1933–2022)²¹, «Сербско-русские темы в изданиях Исторического института — вклад Андрея Шемякина» Р. Поповича²², «Политика и общество Сербии в 19 и начале 20 века — парадигмы Андрея Шемякина» Сузаны Раич²³, «А.Л. Шемякин — как автор серии коллективных трудов “Славяне и Россия”» Марины Михайловны Фроловой²⁴.

Мы сочли необходимым назвать здесь эти работы для наглядности и в качестве источников, поскольку ознакомление с ними, как и с упомянутыми выше мемориальными текстами, позволяет в определенной степени представить круг профессионального и личного общения Андрея Леонидовича (об этом свидетельствует и состав авторов статей во второй части книги), его собственный образ, запечатлевшийся в памяти окружающих его людей, а также области его научных занятий и результаты исследований.

С подобной же, помимо прочего, общей целью необходимо отметить и коллективный труд «Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018)» (отв. ред. А.А. Силкин), который был подготовлен вслед за вышеупомянутой московской конференцией и вышел в 2020 г.²⁵ Он содержит тексты коллег и друзей Андрея Леонидовича из России и Сербии. В двух из них рассмотрено его научное наследие: в небольшом предисловии, написанном А.А. Силкиным²⁶, и в статье М.В. Белова «Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича»²⁷, в остальных освещаются различные вопросы истории славянских народов и России в XVIII–XXI вв. (в некоторых из них затронуты и исследования Андрея Леонидовича).

Особое внимание стоит обратить на то, что в этой книге впервые полностью издан обширный очерк А.Л. Шемякина «Сербы

в Австро-Венгрии»²⁸, в сокращенном варианте опубликованный в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки» (М., 2018)²⁹. К слову сказать, в том же 2018 г., когда ученого уже не стало, увидели свет и некоторые другие его тексты, в их числе последние, по всей видимости, подготовленные им для печати: некролог «Джордже Станкович (1944–2017)»³⁰ (опубликован и в Сербии³¹) и статья «Московские адреса Никола Пашича (1885–1916 гг.)»³². Наряду с указанными, в 2018 г. в Сербии появились его статьи: «Россия, Никола Пашич и режим Милана Обреновича (1883–1889)»³³ и «Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования)»³⁴. А в начале 2020 г. в России увидел свет третий том документальной публикации «Русские о Сербии и сербах» [Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского)], продуманный и составленный Андреем Леонидовичем, подготовку которого к печати завершили его друзья и ученики³⁵.

9–12 октября 2021 г. в Сербии (г. Алексинац) состоялись первые, посвященные памяти Андрея Леонидовича, «Шемякинские чтения» на тему: «145 лет русского военного добровольческого движения на Балканах», в которых приняли участие российские и сербские историки. Их работы вошли в изданный в 2022 г. тематический сборник «Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.» (отв. ред. А.Ю. Тимофеев)³⁶. В контексте данного исследования, назовем переизданную в книге статью Андрея Леонидовича «Новые сведения о полковнике Раевском (между двумя изданиями книги “Смерть графа Вронского”))»³⁷ и историографическую статью А.А. Силкина «А.Л. Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г.»³⁸.

Всё изложенное, на наш взгляд, уже немало говорит о том, какое место занимал Андрей Леонидович в научном мире, о его вкладе в славистику и развитие русско-сербских связей. Скажем об этом и в другом ракурсе.

А.Л. Шемякин был историком-славистом, сербистом, специалистом по истории Сербии и Балкан в Новое время, а также русско-сербских связей и отношений. Высшее образование он получил в Московском государственном университете; учился

на историческом факультете, избрав для специализации кафедру истории южных и западных славян, где стал учеником Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991)³⁹. Под его руководством будущий славист начал, в частности, изучать историю радикального движения в Сербии, а также жизнь и деятельность Николы Пашича, крупнейшего политика Сербии и «первой Югославии».

О начале же этих исследований сам Андрей Леонидович вспоминал в работе, посвященной другому ученому и педагогу. «Данная статья, — писал он, — посвящена светлой памяти Хариса Хасьяновича Хайретдинова — историка-слависта и начальника курса истфака МГУ (выпуска 1986 г.)⁴⁰, одним только обаянием своей личности повлиявшего на научный выбор многих его студентов, включая автора этих строк. В памяти хорошо сохранилась картина весеннего дня 1983 г., когда в коридоре у кафедры истории южных и западных славян столпилось три с половиной десятка второкурсников: за дверью проходило собеседование с кандидатами в будущие слависты. И в результате на кафедру было принято 17 человек. Такой успех, дотоле не часто встречавшийся в ее истории, во многом объясняется тем, что второкурсников, столь массово вдруг “проникнувшихся” интересом к *славянской* истории, чутко и ненавязчиво “курировал” именно Харис Хасьянович»⁴¹.

«И позднее, — продолжал далее Андрей Леонидович, — на кафедре, он всегда помогал сомневающимся сориентироваться в тематике их будущих работ. Подтверждение тому — случай с автором... Решившему заниматься историей Югославии, мне поначалу было трудно разобраться в своих пристрастиях — на момент зачисления, кроме общего выбора, они еще стойко не сформировались. В таких раздумьях меня и застал Харис Хасьянович. И не забыть его шепота: “Андрей! Идите к шефу!”* И затем, в своей излюбленной манере, повторил еще дважды: “Идите к шефу! Идите к шефу!” Не окажись он рядом в нужное время, выбор, возможно, был бы иным. Но тут, испытывая полное к нему доверие, я сразу решился и без колебаний двинулся к “шефу” — профессору Виктору Георгиевичу Карасеву, на сербский XIX век»⁴².

* В это время В.Г. Карасев являлся заведующим кафедры истории южных и западных славян.

А далее Андрей Леонидович говорил о своих будущих темах: «С тех пор история Сербии; борьба идей, идеологий и политических партий; жизнь и деятельность Николы Пашича и созданной им Народной радикальной партии; Первая мировая война и рождение Югославии — стали моими любимыми исследовательскими сюжетами»⁴³. И еще о роли Виктора Георгиевича в определении направления его научной работы: «<...> Так, в сборнике, посвященном В.Г. Карасеву, была помещена статья «Никола Пашич: человек и политик»*, что совершенно логично, ибо именно он сориентировал начинающего тогда сербиста на изучение этой фигуры»⁴⁴.

Дипломная работа Андрея Леонидовича на тему «Образование Сербской народной радикальной партии в 1881 г.» была защищена в 1986 г. В ее продолжение им была подготовлена и кандидатская диссертация — «Образование Радикальной партии в Сербии в 1881–1883 годах», также под руководством Виктора Георгиевича. Защита ее состоялась в 1990 г., когда Андрей Леонидович уже являлся младшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР (с 1997 г. — Институт славяноведения РАН), куда поступил на работу в декабре 1989 г. Три года спустя, в 1993 г., вышла первая монография ученого — «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)», которую он посвятил памяти своего учителя, профессора В.Г. Карасева⁴⁵. Результатом дальнейших исследований Андрея Леонидовича стала фундаментальная монография «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)»⁴⁶, которую в 1998 г. он защитил в Институте славяноведения в качестве докторской диссертации. Эту книгу он посвятил своей матери — Анне Сергеевне Шемякиной, которую очень любил и с которой был близок.

Отметим, что еще в студенческие и аспирантские годы Андрей Леонидович стал бывать в Сербии. В то время, судя по всему, завязались и первые, очень значимые для него научные и дружеские контакты с сербскими учеными и не только.

* Речь идет о статье: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич: человек и политик // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991) / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, Л.В. Кузьмичева. М., 2002. С. 193–204.

Приведем, к примеру, свидетельство известного сербского ученого Латинки Перович. В начале упомянутого выше текста она отметила, что многие годы была другом и коллегой А.Л. Шемякина, «практически с его первого приезда в Сербию в 1986 г.*» и до его смерти⁴⁷. И далее она воспоинала: «В начале 80-х гг. прошлого века кафедра истории западных и южных славян Московского университета им. М.В. Ломоносова поддерживала хорошие профессиональные связи со всеми историческими институтами в Белграде и со многими историками отдельно. Во главе кафедры в то время находился профессор Виктор Георгиевич Карасев. Связывала нас и одна область изучения. <...> Как хороший педагог профессор Карасев очень заботился о своих учениках. Так и своего аспиранта, А.Л. Шемякина, для которого приезд в Сербию был первой поездкой за границу, направил к доктору Надежде Йованович, которую знал еще со времени, когда она жила в Советском Союзе, и ко мне. Мы обе тогда работали в Институте истории рабочего движения Сербии, нынешнем Институте новейшей истории Сербии. <...>»⁴⁸.

А.Л. Шемякину, другу и коллеге, посвятила Л. Перович свою книгу «Русские идеи и сербские реплики»⁴⁹, к которой он написал большое предисловие (датированное 23 февраля 2017 г.)⁵⁰. Уместно добавить, что в первом номере журнала «Славяноведение» за 2018 г. вышла большая историографическая статья Андрея Леонидовича «Новый тип исторического труда в контексте дискуссии о природе сербского радикализма», созвучная упомянутому предисловию, где, в частности, анализировались указанное и другие произведения Л. Перович, а также говорилось о его контактах и плодотворном сотрудничестве с сербской коллегой⁵¹.

В 1989 г. произошло знакомство Андрея Леонидовича с Джордже Станковичем — крупным исследователем, наряду с другими темами, «жизни, мысли и дела» Н. Пашича, который в дальнейшем стал его другом⁵². О начале их «теплых и дружеских отношений» Андрей Леонидович вспоминал в посвященном старшему коллеге мемориальном тексте так: «Мы познакомились с ним

* Это неточность — впервые Андрей Леонидович побывал в Сербии раньше, еще студентом.

в 1989 г.: я находился в Белграде на полугодовой стажировке для написания кандидатской диссертации; его же новаторские книги гремели тогда в сербской науке, меняя во многом представления о Пашиче и его роли в процессе образования Югославии. Он принял меня крайне благосклонно, надавал массу драгоценных советов, одарил своими работами, сориентировал — в общем, с ходу заложил фундамент для моей работы, что позволило не тратить время на первичное освоение научного поля»⁵³.

Старший товарищ помог Андрею Леонидовичу ознакомиться с обнаруженными им и Любодрагом Поповичем несколько лет назад в подвале особняка Н. Пашича его рукописными материалами, которые в тот момент находились уже в Архиве Сербии, но были «в самом произвольном порядке, даже без первичной архивной обработки и пагинации», и читателям не выдавались. «Профессор Станкович, — читаем далее, — как первооткрыватель этого богатства, конечно же, использовал его в своих первых книгах. Вторым пользователем, минуя все официальные процедуры, оказался я. Л. Попович по просьбе Дж. Станковича предоставил мне новейшие материалы Пашича буквально на два дня. За это время удалось снять сливки с данного эксклюзивного собрания, и текст диссертации, а затем и монография, написанная на ее базе, буквально заблистали никому ранее не ведомыми источниками»⁵⁴. (Помощь и участие старшего коллеги были очень своевременны и важны для научной работы Андрея Леонидовича, но лишь вкупе с его собственным исследовательским талантом, азартом ученого, скрупулезностью, поразительными трудолюбием и работоспособностью.) А профессору Джордже Станковичу («нашему ушедшему старшему товарищу») он хотел посвятить находившуюся в то время в работе монографию «Балканский детектив. Никола Пашич в эмиграции: Болгария, Румыния, Россия (1883–1889)»⁵⁵. Но, увы, уже не вышло...

Нельзя не сказать и о талантливом, видном сербском историке, уже из более молодого поколения, с кем Андрея Леонидовича связывали близкая дружба и плодотворное научное сотрудничество, — Мирославе Йовановиче (1962–2014). О Мирославе и их сотрудничестве писал сам Андрей Леонидович⁵⁶, а также его друзья и коллеги по историческому цеху — Ю.А. Борисёнок и

М.В. Белов⁵⁷. О профессиональном сотрудничестве двух ученых еще будет сказано. Пока же процитируем слова М.В. Белова, которые здесь, пожалуй, более чем уместны: «Андрей Леонидович Шемякин и Мирослав Йованович — почти ровесники. Йованович младше на два года и раньше ушел из жизни — в 2014 г. Его смерть для Шемякина была страшной потерей, он словно предчувствовал и свой скорый уход.

Они познакомились в Москве в начале 1990-х (А.Л. часто вспоминал это знакомство) и сразу подружились. Похожими были стартовые траектории научной карьеры, стремление к обновлению исторического знания, взгляды на жизнь и на мир вокруг. Они постоянно общались, помогали друг другу, участвовали в совместных научных проектах, знакомили своих учеников и коллег. Хотя темы их научных работ не всегда совпадали, они постоянно находились в профессиональном, а не только дружеском общении. Одно на самом деле трудно отделить от другого, поскольку реальный диалог причудливо переплетён и многогранен»⁵⁸.

Андрей Леонидович был очень привязан к Сербии, сербам, сербскому, связан с Сербией душой и жизнью. Это было очевидно для всех, кто его знал.

Мне и моим однокурсницам по аспирантуре он с начала обучения говорил, что нужно непременно побывать в Сербии. Настаивал на том, что при подготовке диссертации, до защиты, обязательно нужно поехать в Сербию, поработать в архивах и библиотеках; это было неременным условием (очень правильным, к слову). Благодаря его участию и помощи я учила сербский язык в МГУ (в оконченом мною ранее РГГУ его не преподавали) и затем оказалась в Сербии: в 2003 г. с ознакомительной целью и для языковой практики, а в 2004 г. уже для исследований. Всё это, несомненно, было очень важным и ценным для меня опытом.

Плодотворные научные и товарищеские взаимоотношения складывались у Андрея Леонидовича с коллегами из разных поколений и на родине. В частности, в Институте славяноведения он работал под началом и много сотрудничал с Риттой Петровой Гришиной (1930–2015), которую очень уважал и ценил⁵⁹; ее смерть он очень тяжело переживал, как и безвременный уход из жизни чуть раньше своего друга Мирослава. Профессиональ-

ные и дружеские отношения связывали Андрея Леонидовича и с другими коллегами в Институте и Отделе истории славянских народов периода мировых войн, где он трудился, притом и с более молодыми — нами, его учениками. Уверена, что нам очень повезло, посчастливилось учиться у Андрея Леонидовича и с ним общаться. Он всегда был готов помочь, поддержать, направить, щедро делился знаниями и опытом. В то же время был требователен — как к себе, так и к другим, и, конечно, к нам, его «научным детям».

Работал Андрей Леонидович очень много, работал на совесть. Многое успел сделать и немало дал начало.

В Институте славяноведения он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, в его середине заведовал Отделом истории славянских народов периода мировых войн (1998–2004 гг.) и трудился на посту заместителя директора Института (2004–2009 гг.). И на этом, весьма нелегком, научно-административном поприще тоже внес свою лепту в развитие славистики.

Отметим сразу, что результатами его научных исследований стали, в частности, три монографии (две из них переведены на сербский язык), многочисленные статьи в отечественных [в их числе: «Славяноведение», «Славянский альманах», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Исторический архив», «Родина»] и зарубежных периодических изданиях [среди них: «Токови историје», «Историјски часопис», «Војно-историјски гласник», «Годишњак за друштвену историју», «Настава историје» (Нови-Сад), «Историјски записи» (Подгорица), «Revue des Etudes Sud-Est Europeennes» (București)] и в сборниках, разделы в коллективных трудах, а также документальные публикации. О последних заметим, что Андрей Леонидович публиковал документы по всем крупным темам, которыми занимался, при этом в двух случаях это было результатом российско-сербского сотрудничества. Кроме того, он много выступал на конференциях в России и за ее пределами, причем, в Сербии — на сербском языке, который знал великолепно. А в ходе исследований активно включался в научные дискуссии.

Главное внимание Андрея Леонидовича было сосредоточено на изучении истории Сербии второй половины XIX — первых

десятилетий XX вв., а также русско-сербских связей и отношений. Крупными темами его исследований, как уже упоминалось, были, прежде всего, история радикального движения в Сербии, личность Н. Пашича и его наследие. В рамках данной проблематики им были, в частности, опубликованы две уже названные монографии 1993 и 1998 гг. (последняя переведена на сербский язык)⁶⁰, многочисленные статьи и два сборника документов: «Пашич Н. Письма, статьи и речи (1872–1891)», подготовленный совместно с Л. Перович (вышел в Белграде в 1995 г.)⁶¹ и «Митрополит Михаил и Никола Пашич: эмигрантская переписка (1884–1888)», подготовленный самостоятельно (увидел свет там же в 2004 г.)⁶².

Другим исследовательским сюжетом Андрея Леонидовича стала Первая мировая война: участие в ней Сербии и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев. Результатами его работы в этом направлении явились, в частности, различные статьи и главы в коллективных трудах⁶³, а также публикации документов, к примеру: в 1994 г. — «“Главнейшие задачи юго-славян”». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г.»⁶⁴, а в 2014 г. — «Балканские воспоминания» российского дипломата Василия Николаевича Штрандмана (1877–1963), во второй части которых освещаются события Первой мировой войны в Сербии в 1914–1915 гг.⁶⁵.

Добавлю, что с прочтения первой из указанных публикаций («“Главнейшие задачи юго-славян”...») на четвертом курсе РГГУ — по рекомендации моего будущего научного руководителя Ольги Вячеславовны Павленко (историка-слависта и друга Андрея Леонидовича) для выбора возможной темы курсовой/дипломной работы — началось мое знакомство с исследованиями Андрея Леонидовича, а далее и с ним самим в 1999 г. Затем, в 2000 г., он выступил оппонентом на защите моей дипломной работы «Югославянское движение в США в 1914–1916 гг.» и предложил продолжить исследование, поступив в аспирантуру Института славяноведения, что и было сделано. А далее — написание и защита в 2009 г. кандидатской диссертации, подготовленной под его научным руководством, и публикация в 2014 г. монографии на ее основе — «Югославянское движение в Америке в годы Пер-

вой мировой войны (1914–1918 гг.)», ответственным редактором которой был тоже он⁶⁶. Мне, вне всякого сомнения, очень повезло с «научными родителями», и я безгранично им благодарна.

Приблизительно с начала 2000-х годов Андрей Леонидович пристальное внимание стал уделять изучению модернизационных процессов на Балканах. В связи с данной проблематикой выделим его исследования о модернизации в Сербии и крупный проект Института «Человек на Балканах» (начало 2000-х годов — 2016 г.), в главном нацеленный на изучение модернизационных преобразований в балканских странах, идейными вдохновителями и руководителями которого были Ритта Петровна Гришина и Андрей Леонидович (они неоднократно выступали как соавторы и соредакторы). Подробное описание проекта было сделано ими в статье, опубликованной в 2014 г., и позже Андреем Леонидовичем в 2016 и 2017 гг.⁶⁷; упоминался или рассматривался он и другими учеными⁶⁸. Отметим лишь, что в его рамках было издано семь сборников статей, где освещались политические, экономические и социокультурные «измерения» модернизации⁶⁹, а также коллективная монография «Человек на Балканах. Особенности “новой” южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.»⁷⁰ и индивидуальная монография Р.П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков (бег трусдой по пересеченной местности)»⁷¹. В планах, увы, не реализовавшихся, была и монография Андрея Леонидовича о модернизации в Сербии [ее рабочее название — «Человек на Балканах. Очерки истории модернизации независимой Сербии (1878–1914)»]⁷². Добавим, что в рамках проекта неоднократно публиковались тексты зарубежных, в частности, сербских авторов. А статья Андрея Леонидовича «“Мир детства” сербов в путевых записках П.А. Ровинского» была опубликована в 2006 г. в издании сербского проекта «Сербия в модернизационных процессах XIX и XX в.», который был инициирован в Институте новейшей истории Сербии в начале 1990-х годов⁷³.

Тематика русско-сербских связей и отношений пронизывает всё научное творчество Андрея Леонидовича. Она просматривается и в исследованиях обозначенной выше проблематики, что

вполне естественно и понятно, поскольку трудно, например, представить Николу Пашича вне связи с Россией, как и не учитывать участие России в Первой мировой войне и события в ней в 1917 г. при анализе образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Кроме того, модернизационный процесс в независимой Сербии изучался им и в имагологическом ключе — с привлечением свидетельств русских наблюдателей (к которым, впрочем, он вообще много обращался, исследуя и другие сюжеты).

В контексте изучения Андреем Леонидовичем русско-сербских взаимоотношений обратим внимание на две исследованные им темы.

Первая — история добровольческого движения в сербско-турецкой войне 1876 г. и связи его участников с русской литературной традицией⁷⁴. Помимо статей, ученым в 2002 г. была опубликована получившая широкую известность монография «Смерть графа Вронского», второе ее издание вышло в 2007 г.; в переводе на сербский язык она была издана и в Сербии⁷⁵. Подготовленные же для публикации документы, связанные с участием русских добровольцев в военных событиях 1876 г., вошли, в частности, в состав третьего тома фундаментальной публикации по истории русско-сербских/сербско-русских связей и отношений «Москва — Сербия, Белград — Россия», составителем которого с российской стороны стал Андрей Леонидович, а с сербской его коллеги Горан Милорадович, А.Ю. Тимофеев и Мирослав Перишич⁷⁶. Председателем редакции всей серии и одним из авторов-составителей второго тома являлся Мирослав Йованович⁷⁷.

Вторая тема, которую необходимо выделить особо, связана с исследованиями имагологического аспекта русско-сербских отношений и сотрудничеством Андрея Леонидовича и Мирослава Йовановича «в рамках совместного российско-сербского начинания “Русские и сербы (сербы и русские): особенности взаимного восприятия”»⁷⁸.

С российской стороны Андрей Леонидович подготовил известную славистам документальную публикацию «Русские о Сербии и сербах» — значительный корпус свидетельств российских очевидцев (в основном) о Сербии с 60-х годов XIX в. по первые

десятилетия XX в. Подробное ее описание дано во вступительных статьях к каждому тому, отметим лишь, что первый том содержит опубликованные (за единственным исключением) ранее тексты⁷⁹, второй — архивные документы (ранее, за несколькими исключениями, не публиковавшиеся)⁸⁰, третий — очерки и статьи П.А. Ровинского о Сербии⁸¹. (Каждый том сопровождается и исследовательскими работами ученого о Сербии⁸².) В 2022 г. первый том антологии был переиздан — с посвящением Андрею Леонидовичу и вступительной статьей о нем А.А. Силкина⁸³.

Более того, начатое Андреем Леонидовичем изучение представлений русских о Сербии и сербах было продолжено М.В. Беловым. «С середины нулевых, — как пишет он сам, — мы обсуждали с Шемякиным возможность расширения границ начатого им исследовательского проекта, и именно он “благодарил” меня на сбор свидетельств, относящихся к более раннему времени (к первой половине XIX в.), тех, что оставались вне поля его собственного внимания. Вскоре я приступил к реализации замысла, откорректировав его цели. <...>»⁸⁴. Публикация «Открытие “братьев-славян”: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX в.» вышла в 2018 г.⁸⁵. Андрей Леонидович был одним из ее рецензентов. Его светлой памяти посвятил Михаил Валерьевич это издание. Данная книга, по его словам, «в неформальном плане» стала частью «интернационального проекта изучения взаимовосприятий русских и сербов», соавтором и координатором которого с сербской стороны был Мирослав Йованович⁸⁶.

Добавим, что Андрей Леонидович обращался и к другим сюжетам, в их числе тема из российской истории начала XX в. Речь идет о написании им в соавторстве с Р.П. Гришиной главы «Российская социал-демократия и проблема окончания войны (февраль–октябрь 1917 г.). Судьба Стокгольмской конференции» для коллективного труда «Европейское социалистическое движение. 1914–1917: Развязать или разрубить узлы?», увидевшего свет в 1994 г.⁸⁷. Годом ранее он опубликовал по этой теме статью «1917 год: меньшевистская альтернатива»⁸⁸ и документ «“Сектант, прошедший марксистскую выучку”. Воспоминания Потресова о Ленине»⁸⁹.

Наряду с исследованиями, Андрей Леонидович много занимался научным редактированием и был, в частности, ответственным редактором ряда монографий и других изданий⁹⁰, а также членом редколлегий российских и сербских трудов⁹¹ и периодических изданий («Славянский альманах», «Војно-историјски гласник»). Делал он и научные переводы.

И преподавал. К примеру, читал специальный курс «Никола Пашич и его время» (кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ — март–май 1995 г.) и лекции: «Никола Пашич и сербское общество» (Философский факультет Белградского университета — декабрь 1994 г.), «Никола Пашич и Россия» (фонд Н. Пашича в Заечаре — октябрь 1997 г.); «Никола Пашич и Россия» [цикл из двух лекций на Философском факультете Белградского университета (апрель 2016 г.) и Философском факультете Университета в Нови-Саде (октябрь 2016 г.)].

Андрей Леонидович являлся также научным руководителем аспирантов в Институте славяноведения, четверо из которых защитили кандидатские диссертации: в 2004 г. — А.А. Силкин [«Внутриполитические предпосылки установления режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича (1918–1929)»], в 2009 г. — Ю.В. Лобачёва [«Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)»], в 2011 г. — М.С. Ващенко [«Хорватско-российские общественно-политические и культурные связи (вторая половина XIX — начало XX вв.)»], в 2016 г. — Н.С. Гусев («Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.»).

Андрей Леонидович выступал и как оппонент и входил в состав ряда экспертных советов: диссертационного совета Института славяноведения РАН, диссертационного совета факультета мировой политики МГУ, Экспертного совета ВАК по истории. И, наряду с этим, многие годы он был членом Ученого совета Института славяноведения, активно участвовал в организации различных научных мероприятий, в том числе международных, не говоря уже об участии в научных дискуссиях по разным вопросам на заседаниях его «родного» Отдела истории славянских народов периода мировых войн.

Думается, что взятое в целом всё названное говорит о большом вкладе Андрея Леонидовича в развитие славистики, русско-сербских научных связей и в историю Института славяноведения.

Памяти Андрея Леонидовича Шемякина его коллеги и ученики уже посвятили не одну конференцию и целый ряд книг⁹². И мы уверены — еще посвятят. Его научные начинания уже обрели продолжение в трудах его коллег и учеников и еще будут иметь продолжение.

Всем нам, от его старших коллег до учеников и просто знавших его людей, посчастливилось работать и общаться с Андреем Леонидовичем, его помнят и ценят и будут помнить и ценить как замечательного человека, ученого и учителя.

Примечания

- ¹ Об авторских работах, посвященных А.Л. Шемякину и его научному наследию, будет сказано ниже. Сведения о его образовании, научной и профессиональной деятельности содержатся также в библиографическом словаре Института славяноведения РАН: Шемякин Андрей Леонидович (01.05.1960, Тула) // Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук / Отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М., 2012. С. 497–501.
- ² Тексты некролога и ряда соболезнований опубликованы на сайте Института славяноведения: Не стало Андрея Леонидовича Шемякина // Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: <https://inslav.ru/event/ne-stalo-andreya-leonidovicha-shemyakina> (дата обращения: 25.04.2022). Позднее они были опубликованы и в книге, посвященной А.Л. Шемякину: «Хвала Русије да нам је поклонила Андреја». Некролог и изјаве саучешћа пристигли поводом смрти А.Л. Шемјакина // Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина / [одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд, Москва, 2020. С. 345–354.
- ³ Никифоров К.В. «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. С. 7–11.
- ⁴ Силкин А.А. Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина // Славяноведение. 2018. № 5. С. 109–117.
- ⁵ Памяти Андрея Леонидовича Шемякина [Текст, автор — Н.С. Гусев] // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 246–247.
- ⁶ 60-летие со дня рождения Андрея Леонидовича Шемякина [автор — Н.С. Гусев] // Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: <https://inslav.ru/event/60-letie-so-dnyarozhdeniya-andreya-leonidovicha-shemyakina> (дата обращения: 25.04.2022).
- ⁷ Денда Д. In Memoriam др. Андреј Леонидович Шемјакин, научни саветник Института за славистику РАН (Тула, 1. мај 1960 – Тула, 8. март 2018) // Војно-историјски гласник. 2018. № 1. С. 280–282.
- ⁸ Поповић Р.Ј. Андреј Шемјакин (1960–2018) // Историјски часопис. 2018. Књ. LXVII. С. 485–487.
- ⁹ Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина...

- 10 Предговор редакције // Русија и Србија на прелому векова: српске теме Андреја Шемјакина... С. 9–10.
- 11 *Бјелајац М.* Уводни говор директора Института за новију историју Србије // Там же. С. 11–13.
- 12 *Арсењев А.* Сарадња и дружење са Андрејем Шемјакином // Там же. С. 17–19.
- 13 *Белов М.В.* «Русские о Сербии и сербах»: между первым и вторым томом // Там же. С. 21–30.
- 14 *Борисёнок Ю.А.* Андрей Шемякин, Мирослав Йованович и российско-сербские исторические связи (1990-е — 2010-е годы) // Там же. С. 31–41.
- 15 *Вишняков Я.В.* Народ и власть в независимой Сербии в оценках А.Л. Шемякина // Там же. С. 43–53.
- 16 *Денда Д.* Андреј Л. Шемјакин као сарадник Одељења за војну историју Института за стратегијска истраживања МО РС // Там же. С. 55–58.
- 17 *Кузьмичева Л.В.* На родине Николы Пашича // Там же. С. 59–60.
- 18 *Леовац Д.* Андреј Л. Шемјакин — пријатељ и колега // Там же. С. 61–66.
- 19 *Лескинен М.В.* Андрей // Там же. С. 67–73.
- 20 *Никифоров К.В., Силкин А.А.* Андрей Шемякин о Сербии и сербах // Там же. С. 75–90.
- 21 *Перовић Л.* Пријатељство и сарадња са А.Л. Шемјакином // Там же. С. 91–96. За метим, что ранее Л. Перович уже отмечала российские исследования процесса модернизации в Сербии, в частности, работы А.Л. Шемякина, и документальную публикацию «Русские о Сербии и сербах» [тогда вышел первый ее том: Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006], к которым она обращалась в данной работе (*Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca / [autori L. Perović ... at al.]. Beograd, 2006. S. 9).
- 22 *Поповић Р.Ј.* Српско-руске теме у издањима Историјског института — допринос Андреја Шемјакина // Русија и Србија на прелому векова: српске теме Андреја Шемјакина... С. 97–111.
- 23 *Рајић С.* Српска политика и друштво 19. и с почетка 20. века — парадигме Андреја Шемјакина // Там же. С. 113–120.
- 24 *Фролова М.М.* А.Л. Шемякин — как автор серии коллективных трудов «Славяне и Россия» // Там же. С. 121–128.
- 25 Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.; СПб., 2020.
- 26 *Силкин А.А.* Предисловие // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина... С. 7–10.
- 27 *Белов М.В.* Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича // Там же. С. 416–417.
- 28 *Шемякин А.Л.* Сербы в Австро-Венгрии // Там же. С. 11–49.
- 29 См.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / М.С. Ващенко, О.И. Величко, М.Ю. Дронов, А.А. Ждановская, Л.А. Кирилина, М.Э. Клопова, Л.К. Новосельцева, Л.Ю. Пахомова, К.А. Попов, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова, А.Л. Шемякин; под ред. Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). М., 2018.

- ³⁰ *Шемякин А.Л. Джордже Станкович (1944–2017) // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 420–425.*
- ³¹ *Шемякин А.Л. In Memoriam проф. др. Ђорђе Станковић (1944–2017) // Војно-историјски гласник. 2018. № 1. С. 272–277.*
- ³² *Шемякин А.Л. Московские адреса Николы Пашича (1885–1916 гг.) // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 247–267. Как указывает М.М. Фролова, один из редакторов сборника, Андрей Леонидович переступил ей «статью с внесенной правкой» 15 февраля 2018 г. (Фролова М.М. А.Л. Шемякин — как автор серии коллективных трудов «Славяне и Россия»... С. 127).*
- ³³ *Шемякин А.Л. Русија, Никола Пашић и режим Милана Обреновића (1883–1889) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије / одг. ур. С. Рудић, К.В. Никифоров. Београд, 2018. С. 147–162.*
- ³⁴ *Шемякин А.Л. Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Историјски часопис. 2018. Књ. LXVII. С. 287–308. Необходимо отметить, что это более полный вариант (поступил в журнал 18 декабря 2017 г.) его ранее опубликованной в России работы [См.: Шемякин А.Л. Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98].*
- ³⁵ *Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякина; комм. А.Л. Шемякина, А.А. Силкина; подг. к изд. М.В. Лескин, Ю.В. Лобачевой, Н.С. Гусева; ред. Л.А. Авакова. СПб.; М., 2019.*
- ³⁶ *Руски добровољци у Србији 1876.: тематски зборник радова = Русские добровольцы в Сербии 1876.: тематический сборник трудов / [главни и одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд, 2022.*
- ³⁷ *Шемякин А. Ново о пуковнику Рајевском (између два издања Смрти грофа Вронског) // Руски добровољци у Србији 1876... С. 77–89. Первое издание см.: Шемякин А. Ново о пуковнику Рајевском (између два издања «Смрти грофа Вронског») // Делиград од устанка ка независности, 1806–1876: зборник радова са међународног научног скупа одржаног 2. септембра 2006. године у Алексинцу. Београд, 2007. С. 263–272.*
- ³⁸ *Силкин А. А.Л. Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г. // Руски добровољци у Србији 1876... С. 91–101.*
- ³⁹ *О В.Г. Карасеве см., напр.: Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991) / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, Л.В. Кузьмичева. М., 2002.*
- ⁴⁰ *О Х.Х. Хайретдинове (1942–2005) см., напр.: Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М., 2008.*
- ⁴¹ *Шемякин А.Л. Милан Обренович — архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления // Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х.Х. Хайретдинов... С. 184.*
- ⁴² Там же. С. 184–185.
- ⁴³ Там же. С. 185.
- ⁴⁴ *Шемякин А.Л. Милан Обренович — архитектор сербской «перестройки»?... С. 185.*
- ⁴⁵ *Шемякин А.Л. Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883). М., 1993.*
- ⁴⁶ *Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.*

- 47 *Перовић Л.* Пријатељство и сарадња са А.Л. Шемјакином... С. 91.
- 48 Там же. Подробнее см.: Там же. С. 91–96.
- 49 *Perović L.* Ruske ideje i srpske replike (uvodi u čitanja istorijskih izvora). Sarajevo–Beograd, 2019.
- 50 *Šemjakin A.L.* «Model koji je nadživio svoje vrijeme» (predgovor predgovorima) // *Perović L.* Ruske ideje i srpske replike... С. XI–XXXI.
- 51 *Шемякин А.Л.* Новый тип исторического труда в контексте дискуссии о природе сербского радикализма // *Славяноведение.* 2018. № 1. С. 3–17.
- 52 См.: *Шемякин А.Л.* Джордже Станкович (1944–2017)... С. 423–424.
- 53 Там же. С. 423.
- 54 Там же. С. 424.
- 55 Там же.
- 56 См., напр.: *Шемякин А.Л.* Сербь о рускиѣх — «от России до России» // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах / Отв. ред. Е.С. Узенёва.* М., 2012. С. 455–458; *он же.* Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014) // *Славяноведение.* 2015. № 1. С. 82–86.
- 57 *Борисёнок Ю.А.* Андрей Шемякин, Мирослав Йованович и российско-сербские исторические связи (1990-е — 2010-е годы)...; *Белов М.В.* Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича...; *он же.* Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к исследовательскому проекту // *Диалог со временем.* 2019. Вып. 69. С. 182–199.
- 58 *Белов М.В.* Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича... С. 416.
- 59 К 80-летию Р.П. Гришиной он подготовил сборник статей: «Studia Balkanica». К юбилею Р.П. Гришиной / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2010.
- 60 *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии...; *он же.* Идеология Николы Пашича...; *Шемјакин А.Л.* Идеологија Николе Пашића: формирање и еволуција (1868–1891). Београд, 2008.
- 61 *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приред. Л. Перовић, А. Шемјакин. Београд, 1995.
- 62 Митрополит Михајло и Никола Пашић: емигрантска преписка (1884–1888) / Приред. А. Шемјакин. Београд, 2004.
- 63 Об исследованиях Андреем Леонидовичем образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. мы уже писали — см.: *Лобачёва Ю.В.* К столетию образования Югославянского комитета: российские документы и исследования // *Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке.* Сб. ст. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2016. С. 158, 163. Также см. другие и дальнейшие его работы о Первой мировой войне: *Шемякин А.Л.* Российская / русскоязычная историография о Сербии в Первой мировой войне (XXI в.) // *Вместе в столетии конфликтов...* С. 172–187; *он же.* Русский дипломат в Сербии о начале Первой мировой войны (К дискуссии о ее «подстрекателях») // *Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова.* М., 2015. С. 37–51; *он же.* Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII — XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева.* Сб. статей / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017. С. 248–276, и др.

- 64 «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. [Публ. и предисл. А.Л. Шемякина] // Исторический архив. 1994. № 3. С. 103–127.
- 65 *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / подгот. текста и вступ. ст. А.Л. Шемякина; примеч. А.Л. Шемякина, В.Б. Каширина, Р.Р. Субаева. М., 2014. Фрагменты из воспоминаний дипломата также опубликованы А.Л. Шемякиным; см.: *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин; комм. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. М., 2014. С. 408–487.
- 66 *Лобачёва Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., СПб., 2014.
- 67 *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански» // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре / Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2014. С. 322–333; *Шемякин А.Л.* Post scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Колл. монография / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016. С. 393–407; *он же.* «Человек на Балканах». Научный проект Института славяноведения РАН // Балканские тетради — Балканские свески. 2017. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан. Нижний Новгород–Нови Сад, 2017. С. 149–160 (http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/Balkan_Notebooks_2017.pdf).
- 68 См., напр.: К юбилею Ритты Петровны Гришиной // Славяноведение. 2015. № 3. С. 125; *Белов М.В.* «Русские о Сербии и сербах»: между первым и вторым томом... С. 21–30; *Никифоров К.В., Силкин А.А.* Андрей Шемякин о Сербии и сербах... С. 81–82 и др.
- 69 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Научное издание / Ред. коллегия: Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина (отв. ред.), Т.В. Волокитина, Е.Л. Валева. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2006; Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2007; Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011; Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913): сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.
- 70 Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности...
- 71 *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков (бег трусцы по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах». М., 2008.
- 72 *Шемякин А.Л.* Post scriptum... С. 393.
- 73 *Šetjakin A.L.* «Svet detinjstva» u Srba u putnim beleškama P.A. Rovinskog // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca. / [autori L. Perović ... at al.]. Beograd, 2006. S. 292–313. O сербском проекте см., напр.: *Лобачёва Ю.В.* Женщина в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.: к историографии вопроса // Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы.

XVIII–XXI вв. / под общ. ред. Т.В. Волокитиной (отв. ред.), К.В. Мельчаковой, М.М. Фроловой. М., 2022. С. 370–382.

- 74 Рассмотрению данного исследовательского сюжета Андрея Леонидовича, как отмечено, посвящена статья нашего коллеги А.А. Силкина. Подробнее см.: *Силкин А. А.Л.* Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г. // *Руски добровољци у Србији 1876.: тематски зборник радова...* С. 91–101.
- 75 *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002; *Шемякин А.* Смерть графа Вронского: Поводом 125-годишњице српско-турског рата и учешћа руских добровољаца у њему. Београд, 2002; *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. СПб., 2007; *Шемякин А.* Смерть графа Вронского. Београд, 2006.
- 76 Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. / Авторы-составители А.Л. Шемякин, Е.В. Иванова, Мирослав Перишић, Алексей Тимофејев, Горан Милорадовић. Белград–М., 2012. С. 295–305, 353–354 (примечания).
- 77 *Шемякин А.Л.* Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014)... С. 84.
- 78 Подробнее см.: Там же. С. 84–85. Также см., напр.: *Шемякин А.Л.* Сербь о руских — «от России до России»...; *Белов М.В.* Русские и сербы во взаимных представлениях: исследовательский диалог А.Л. Шемякина и М. Йовановича...; *он же.* Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к исследовательскому проекту...
- 79 Русские о Сербии и сербах. Т. 1...
- 80 Русские о Сербии и сербах. Т. II...
- 81 Русские о Сербии и сербах. Т. III...
- 82 *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1... С. 629–680; *он же.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II... С. 551–611; *он же.* Сербские сочинения П.А. Ровинского // *Русские о Сербии и сербах.* Т. III... С. 7–26; *он же.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // *Русские о Сербии и сербах.* Т. III... С. 376–402.
- 83 Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2022; *Силкин А.А.* Памяти Андрея Леонидовича Шемякина // *Русские о Сербии и сербах.* Т. 1... СПб., 2022. С. 1–4.
- 84 Подробнее см.: *Белов М.В.* Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к исследовательскому проекту... С. 184.
- 85 См.: Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018; *Белов М.В.* На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешественников на Балканах первой половины XIX века // *Открытие «братьев-славян»...* С. 517–604.
- 86 *Белов М.В.* Предисловие // *Открытие «братьев-славян»...* С. 6.
- 87 Российская социал-демократия и проблема окончания войны (февраль–октябрь 1917 г.). Судьба Стокгольмской конференции // *Европейское социалистическое движение. 1914–1917: Развязать или разрубить узлы?* М., 1994. С. 54–152, 270–284 (примечания).
- 88 *Шемякин А.Л.* 1917 год: меньшевистская альтернатива // *Полис: Политические исследования.* 1993. № 1. С. 162–172.

- ⁸⁹ «Сектант, прошедший марксистскую выучку». Воспоминания Потресова о Ленине [публ. А. Шемякина] // Источник. 1993. № 4. С. 20–27.
- ⁹⁰ См.: *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006; К истории славяноведения (Из личного архива проф. И.И. Костюшко). Информационное издание. Сборник документов и материалов. М., 2009; *Studia Balkanica*: К юбилею Р.П. Гришиной....; *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008; Человек на Балканах глазами русских: сборник статей...; Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913): сборник статей...; *Лобачёва Ю.В.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны...; Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности...
- ⁹¹ См., напр.: До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009; Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005). Сборник статей / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2010; Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; Први светски рат, Србија, Балкан и велике силе / уредници Срђан Рудић, Миљан Милкић. Београд, 2015; Русија/СССР и државност Србије/Југославије... и др.
- ⁹² Наряду с уже названными см.: Русија/СССР и државност Србије/Југославије...; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020; *Денда Д.* Сербская армия. 1804–1918 / пер. с сербск. и коммент. А.А. Силкина, отв. ред. К.В. Никифоров. М., СПб., 2021; *Животич А.* «Балканский фронт» холодной войны: СССР и югославно-албанские отношения. 1945–1968 гг. / отв. ред. А.Б. Едемский. М., СПб., 2022.

А.Л. Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г.

Не новость, что массовое восприятие творчества выдающихся художников и ученых носит избирательный характер. Наиболее известным среди широкой аудитории становится одно произведение или работа, которую автор мог и не считать главным своим достижением, и которой, во всяком случае, не исчерпывается его наследие. Например, немногие, за исключением относительно немногочисленных физиков, «вспомнят», в чем, кроме теории относительности, состоит вклад в науку Альберта Эйнштейна. Имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, благодаря фильму «С широко закрытыми глазами» Стенли Кубрика, сегодня для миллионов людей по всему миру ассоциируется с так называемым Вальсом №2, который композитор написал по заказу в 1938 г. за несколько дней, вместе с несколькими другими пьесами.

Андрею Леонидовичу Шемякину для его книги «Смерть графа Вронского»¹, опубликованной в 2002 г., потребовалось «немного» больше времени. Тем не менее аналогия с Шостаковичем и его вальсом, как нам кажется, присутствует. Российские слависты и их сербские коллеги знают Шемякина, прежде всего, как исследователя сербского радикализма (идеологии и движения); государственно-политического и социокультурного развития Сербии и Балкан в последней четверти XIX — начале XX вв.; официально-дипломатического и общественного аспектов русско-сербских отношений того же времени; роли Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношений сербов с остальными югославянскими народами и процесса образования Югославии.

Однако широкому кругу читателей в России, Сербии и за их пределами Андрей Леонидович известен как автор «научно-по-

пулярного очерка», в котором *доказывается* давно и неизвестно кем впервые озвученная гипотеза. А именно, что Льву Толстому прототипом для образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» послужил полковник Николай Николаевич Раевский 3-й (внук бородинского героя), погибший в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г. возле села Горни Адровац.

«Смерть графа Вронского», публикация которой была приурочена к 125-летию первой сербо-турецкой войны и участию в ней русских добровольцев, стала следующей монографией после докторской диссертации — «Идеология Николы Пашича»², опубликованной в 1998 г. Что побудило автора сменить тему? Очевидно, потребность «отдохнуть» от своего главного героя и желание попробовать себя в новом качестве. Задача, которую он поставил перед собой, не позволяла ограничиться одной лишь исторической реконструкцией «биографии Н.Н. Раевского на общем фоне перипетий той эпохи». Требовалось предпринять «экскурс в неведомую ранее область литературоведения»³.

Помимо научной необходимости этот шаг объяснялся и «спортивным» интересом. В Институте славяноведения РАН Шемякину не раз приходилось наблюдать, как коллеги из числа филологов, культурологов и литературоведов смело берутся за историческую проблематику. Увы, не всегда это сопровождалось соблюдением методологии, принятой у служителей Клио. Об отношении Андрея Леонидовича к этим нарушениям «Сухаревской конвенции» можно судить по критике апологии генерала М.Г. Черняева, предпринятой коллегой из ближнего зарубежья и подкрепленной одними ссылками на Ф.М. Достоевского. «Здесь перед нами, — пишет Шемякин, — пример того, как “чистый” литературовед пытается овладеть ремеслом историка, что мы только приветствуем: наука не может развиваться без междисциплинарного подхода. Однако при обращении к новому “жанру” следует “хоть немножко уважать” его базовые правила»⁴. Таким образом, имелось желание показать, каким должно быть историко-литературоведческое исследование. Подчеркнем, его научную корректность ни при жизни автора, ни после его смерти никто не поставил под сомнение. А ведь и в России, и в Сербии⁵ книга выдержала по два издания...

Кроме того, вокруг легенды о «Раевском-Вронском» скопилось множество ошибочных представлений и мифов. Их разоблачение всегда служило одним из главных мотивов, побуждавших Шемякина взяться за перо, и не только в связи с интересующим нас сюжетом. Ненадолго отвлекаясь от него, напомним, что и тема главной книги автора, посвященной Н. Пашичу, — вызов расхожему, сформировавшемуся еще в межвоенное время представлению, будто тот был исключительно политиком-практиком. Лишенный идейного багажа, он, якобы, поэтому не оставил после себя сколь-нибудь значимых «письменных следов». «Что ж, за подобными утверждениями легче скрыть недостаток архивных изысканий», — уже на 11-й странице монографии А.Л. Шемякин бросает перчатку к ногам своих оппонентов, которым он противопоставил источниковую и фактологическую фундированность собственных аргументов.

Не уклонялся Андрей Леонидович от полемики и тогда, когда та или иная «контроверза» затрагивала условно второстепенные темы, его интересовавшие. Например, ему регулярно приходилось «ставить на место» некоторых современных сербских авторов, бесосновательно возлагавших на Россию ответственность за те или иные трагические эпизоды сербской истории XIX — начала XX вв. В написанных А.Л. Шемякиным главах «Югославии в XX веке» значительное место уделяется разоблачению голословного утверждения о причастности России и ее представителей к организации Майского переворота 1903 г., положившего конец правлению Обреновичей в Сербии⁶. В 2018 г. в Белграде вышла одна из посмертных статей Андрея Леонидовича, в которой опровергаются домыслы о финансировании Петербургом в 1880-е годы заговора радикалов, ставивших целью свержение злосчастной династии⁷. В нескольких работах демонстрируется несостоятельность попыток возложить на Сербию ответственность за развязывание Первой мировой войны⁸.

Возвращаясь к Раевскому, мы не станем воспроизводить все «фактические и концептуальные огрехи», допущенные его российскими и сербскими биографами. Шемякин подробно пишет о них в предисловии ко второму изданию книги, в рецензии на книгу Будимира Поточана, напечатанной в журнале «Годишњак

за друштвену историју»⁹, а также в статье «Ново о пуковнику Рајевском», опубликованной в сборнике «Делиград од устанка ка независности»¹⁰. Упомянем лишь некоторые анекдотические заблуждения, распространявшиеся вышеупомянутым сербским автором, дабы показать, с каким уровнем оппонирования приходилось сталкиваться Шемякину. Чего сто́ит хотя бы описание хрестоматийного подвига Н.Н. Раевского 1-го (поведшего своих малолетних сыновей в атаку на французов), который состоялся «в Бородинской битве под Смоленском, у деревни Салтановка»¹¹. Или воспроизведение версии судьбы матери Н.Н. Раевского 3-го «графини» Анны Михайловны Раевской, которая якобы «после войны прибыла в послевоенную Болгарию, чтобы раздавать милостыню сиротам — детям погибших на войне, а злодеи ее ограбили и убили»¹². И если два этих фантастических утверждения имеют только внутрисербское хождение, то привычка присваивать Раевским графский титул оказалась «заразной». О «русском полковнике графе Н.Н. Раевском» написано на мемориальной табличке, появившейся на стене церкви Св. Троицы в Горнем Адроваце после реставрации, предпринятой в 2001 г. по инициативе российского МИД.

Указывая, что Раевские *«никогда не носили никаких титулов»*¹³, Шемякин объясняет появление этой ошибки главной особенностью восприятия сербами легенды о Раевском-Вронском. А именно тем, что «реальный участник событий и литературный персонаж — полковник Раевский и граф Вронский — сплелись в сознании сербов в единый образ... Версия о тождестве исторического и литературного героев в Сербии столь прочна, что прототипа также возвели в “сиятельство”»¹⁴.

Судьба Вронского исказила представления о жизни Раевского. Так, о причинах приезда последнего в Сербию в 1876 г. «часто в российской и сербской публицистике говорится, что он покинул Россию из-за любовной драмы, дабы покончить собой элегантным манером — пасть в бою»¹⁵. На это Шемякин отвечает: «Мы, сколько ни искали, не сумели обнаружить ни единого следа этой так называемой драмы. Да и не могли его найти, потому что Раевский был человеком совершенно иной закалки». Объясняя, какой именно, автор цитирует Русский биографический словарь: «Он при-

надлежал к числу тех редких русских натур, которые всю жизнь неустанно ищут себе живого дела и, раз остановившись на чем-то, готовы вложить в него всю свою душу». Речь, разумеется, идет о славянском деле: «Рано почувствовав интерес к судьбам славянских народов — интерес, зародившийся в нем еще в студенческие годы, в кружке и под влиянием И.С. Аксакова, [...] Раевский, естественно, не мог остаться хладнокровным зрителем возникшего в 1875 г. славянского движения (т.е. восстания в Герцеговине...) и начавшейся вскоре войны сербов с турками за освобождение»¹⁶.

Следует отметить, что в связи с мотивами участия в сербо-турецкой войне Шемякину приходилось «реабилитировать» не только Раевского, но и Вронского. Андрей Леонидович не соглашался с разделяемым многими литературоведами мнением, будто автор романа, отправляя своего героя в Сербию, хотел показать, что он ничтожен и нравственно мёртв. Толстой якобы «наказывает» Вронского, заставляя бороться за «дело, бессодержательность которого разоблачена в романе устами Константина Левина». Писатель, действительно, изначально критически относился к самой войне и к русскому добровольческому движению. Однако Шемякину удалось, как нам кажется, показать, что отношение это эволюционировало от полного неприятия к сочувствию. Эта перемена прослеживается и в судьбе Вронского. Для него поездка в Сербию — «не шаг отчаяния, не попытка заработать славу или скрыться от кредиторов. Для Вронского — это *дело*»¹⁷ («Жизнь моя мне не нужна, так отдать ее за дело»). «Он не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет», — другие персонажи романа подтверждают серьезность намерений Вронского. В этом он близок своему прототипу. В письме матери Раевский писал, что «собирается взять с собой достаточную сумму денег, дабы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги сербскому правительству»¹⁸.

Оценивая роль своего героя в добровольческом движении, Шемякин ссылался на офицера и публициста Н.В. Максимова, который разделял русских участников сербо-турецкой войны на несколько категорий. Раевский, несомненно, относился к первой — «идеалисты, строго-сознательно явившиеся в Сербию, в силу святого увлечения идеей борьбы за свободу и независи-

мость родственного народа»¹⁹. Имелась и другая категория, которая «состояла из искателей приключений, из жаждущих славы, высшего положения, увлекавшихся повышениями, наградами». Место в ней заслужил другой известный доброволец, а именно, главнокомандующий сербской армией в войне 1876 г. Михаил Черняев, которому посвящены две статьи, вышедшие в белградском журнале «Токови историје» в 2006 и 2012 гг.

Помимо «мотивов участия... в Сербской войне (подлинных, а не стандартных уверений в желании лично помочь освобождению сербов от турок)»²⁰, интерес представляли профессиональные и человеческие качества генерала. Что касается полководческих особенностей, то они «объективно не способствовали решению “славянского вопроса” вооруженным путем. Воспитанный в николаевское царствование... он исповедовал архаичную тактику... фронтальный удар в штыки и фланговый обход одним из подразделений... При этом опыта руководства крупными частями и боевых действий с регулярной армией он не имел. И вообще ему была присуща склонность к партизанщине и анархии... Кропотливая штабная работа... его не интересовала»²¹.

Как личность Черняев «препарируется» в сравнении с Раевским: «Даже самое приблизительное их сопоставление показывает, что перед нами — две отличные позиции, причем практически во всем: в восприятии ими славянской идеи, в мотивах пребывания в Сербии, в трактовке самого понятия “доброволец”. Что... позволяет более точно определить место каждого из них в иерархии добровольческого движения — не по звездам на погонах, разумеется»²². Объясняя разницу между полковником и генералом, Андрей Леонидович вспоминал известный девиз К.С. Станиславского: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве». Перефразируя эти слова, Шемякин делал следующий вывод: «Если... Раевский и десятки других, погибших и выживших, добровольцев любили само “славянское дело”, то их предводитель — более всего любил себя в нем»²³. «Из-за своих личных качеств Черняев стал олицетворением многих неприглядных психологических и поведенческих черт русского добровольческого движения, — продолжает Шемякин, — на нем лежит немалая доля ответственности за поражение Сербии в войне с Турцией в 1876 г.»²⁴.

Эти оценки представителей добровольческого движения — не продукт «научной интуиции» или неких умозрительных построений. С точки зрения источниковой и фактологической фундированности авторскую аргументацию можно считать эталонной, в чем не составляет труда убедиться, так как большая часть цитируемых текстов доступна в сети. С одной стороны, перфекционизм в обосновании собственных выводов можно считать отличительной особенностью всех работ А.Л. Шемякина. Нам, признаться, не приходилось встречать предметную и убедительную критику или опровержение каких-либо его тезисов. С другой, тот факт, что Раевский и Черняев так подходят для создания романтических образов русских «Тристана» и «Роланда», побуждал к особой тщательности. Тем более, что, как писал Андрей Леонидович, «есть еще апологеты генерала»...

Добровольческое движение как историческая тема присутствует не только в исследовательских работах Шемякина, но и в подготовленных им сборниках опубликованных и архивных материалов. Свидетельства русских участников сербо-турецкой войны Г.А. де Воллана, Н.В. Максимова, А.Н. Хвостова, В.В. Ящерова, С.П. Коломнаина включены в 1-й том издания «Русские о Сербии и сербах»²⁵. Во 2-м томе опубликованы дневник и переписка профессора П.А. Кулаковского, в которых отражено пребывание в Сербии в 1879–1881 гг. М.Г. Черняева, а также близкого к нему добровольца и авантюриста Н.В. Зюсмана²⁶.

«Эхо былых сражений: русские памятники в долине Моравы» — так озаглавлен раздел 3-го тома российско-сербского серийного издания «Москва-Сербия, Белград-Россия»²⁷, который Шемякин подготовил вместе с сербскими коллегами А. Тимофеевым, Г. Милорадовичем, М. Перишичем. Документы освещают установку в Алексинаце памятника погибшим добровольцам. Особый интерес представляют воспоминания офицера сербской артиллерии Косты Шамановича о бое 20 августа 1876 г. у села Горни Адровац и гибели Н.Н. Раевского²⁸.

Опубликованные материалы автор использовал при обращении к более широкой исторической проблематике. Наблюдения о Сербии последней трети XIX — начала XX вв., оставленные русскими добровольцами, дипломатами, журналистами, профес-

сорами, будучи рассмотренными в совокупности, представляют собой «репрезентативный комплекс». Он дает возможность оценивать «менталитет сербского традиционного общества — его универсальные характеристики и эволюцию в результате воздействия европейских идей и институтов». Этой теме посвящены семь коллективных трудов, озаглавленных «Человек на Балканах», подготовленных Шемякиным в качестве ответственного редактора и члена авторского коллектива²⁹.

К каким выводам можно прийти на основании этих наблюдений? Например, об ограниченной способности сербского общества воспринимать достижения европейской цивилизации свидетельствуют воспоминания добровольца и военного хирурга С.П. Коломнина: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения... До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением»³⁰. О социальной однородности сербского народа и патриархальности его нравов позволяет судить «демократичный» характер общения сербских офицеров и солдат, отмеченный русскими. Вышеупомянутый Н.В. Максимов описывает как мобилизованный крестьянин при встрече целовался и разговаривал на «ты» со своим земляком — военным министром Тихомилем Николичем³¹. Разговор добровольца-мемуариста с сербскими солдатами служит иллюстрацией идеализированных представлений сербов о далекой России: «Сербь заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать...

— Знаете, что братики?... у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...

— Не истина! — крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа»³².

В заключение оговоримся: вышеприведенные примеры участия А.Л. Шемякина в полемике по тому или иному вопросу не значат, что он нарочно искал повода «крестить шпаги» с кем-

нибудь. Они — свидетельство того, что приближение к исторической истине неизбежно ведет к столкновению с небрежностью и дилетантизмом. Противостоять им Шемякина побуждало его *credo* как исследователя, которым он руководствовался в изучении добровольческого движения и прочей тематики: «Мы всегда относились с большим уважением к чужому мнению, если оно основывается на фактах и аргументах. Без них авторские рассуждения могут легко превратиться в некое постмодернистское видение, для которого интерпретации и трактовки гораздо важнее фактов. Такой подход допускается в художественной литературе, однако история, всё-таки, — другое дело. Будучи точной наукой, она не терпит (вернее, не должна терпеть) мифов... Подлинная наука это не амбиции отдельных авторов, а стремление к более полной и объективной информации о прошлом и людях из этого прошлого. Так, по крайней мере, нам кажется»³³.

Примечания

- ¹ *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М.: Индрик, 2002. 144 с.
- ² *Он же.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998. 448 с.
- ³ *Он же.* Смерть графа Вронского. 2-е изд., исправ. и доп. СПб.: Алетейя, 2007. С. 9.
- ⁴ *Он же.* Генерал от коммерции. М.Г. Черняев в Сербии в 1879–1881 гг. // Токови историје. Београд. 2012. № 3. С. 362. (<https://tokovi.istorije.rs/lat/uploaded/3%202012/CLANAK%20-%20SEMJAKIN%20ANDREJ.pdf>)
- ⁵ *Шемякин А.* Смрт графа Вронског. Београд: Завет, 2002; *он же.* Смрт графа Вронског. 2. измењено и допуњено издање. Београд: Завет, 2006.
- ⁶ Югославия в XX веке: очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 19–22; *Шемякин А.* Как убивали в Белграде георгиевского кавалера // Токови историје. Београд. 2007. № 3. С. 7–16. (https://tokovi.istorije.rs/cir/uploaded/3%202007/2007_3_01_Semjakin.pdf)
- ⁷ *Шемякин А.Л.* Русија, Никола Пашић и режим Милана Обреновића (1883–1889) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Београд: Историјски институт, 2018. С. 147–162. (https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2018_rusija-sssr_i_drzavnost_srbije-jugoslavije.pdf)
- ⁸ *Шемякин А.Л.* Василий Николаевич Штрэндтман и его «Балканские воспоминания» // *Штрэндтман В.Н.* Балканские воспоминания. М.: Книжница, Русский путь, 2014.
- ⁹ *Шемякин А.* Између мита и чињеница (о књизи Будимира Поточана “Вронски. Част и Љубав”. Београд, 2002) // Годишњак за друштвену историју (<http://udi.rs/wp-content/uploads/2020/12/07.-%C5%A0emjakin.pdf>)

- 10 *Он же.* Ново о пуковнику Рајевском (између два издања *Смрти грофа Вронског*) // Делиград од устанка ка независности. Београд: ИНИС, 2007. С. 263–272.
- 11 *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. 2-е изд. С. 26. (Салтановка находится неподалеку от Могилева, то есть примерно в 500-х км от Бородино).
- 12 *Шемјакин А.* Између мита и чињеница. С. 318. [На самом деле, она скончалась в 1883 г. в Петербурге и похоронена в своем имении в Воронежской губернии рядом со своим мужем — Н.Н. Раевским 2-м. Авторство версии принадлежит профессору белградской Великой школы Алимпие Васильевичу (1831–1911)].
- 13 *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. 2-е изд. С. 117.
- 14 Там же. С. 25, 117.
- 15 *Шемјакин А.* Ново о пуковнику Рајевском. С. 263.
- 16 *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. 2-е изд. С. 55–56.
- 17 Там же. С. 50.
- 18 Цит. по: *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. 2-е изд. С. 129.
- 19 *Шемякин А.* Генерал М.Г. Черняев и сербская война // Токови историје. Београд. 2006. № 1–2. С. 27. (https://tokovi.istorije.rs/lat/uploaded/1%202%202006/2006_1-2_01_Semjakin.pdf)
- 20 Там же. С. 8.
- 21 Там же. С. 14, 9.
- 22 *Шемякин А.* Генерал от коммерции. С. 364.
- 23 *Он же.* Генерал М.Г. Черняев и сербская война. С. 22.
- 24 *Он же.* Генерал от коммерции. С. 361.
- 25 Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб.: Алетейя, 2006 (https://inслав.ru/images/stories/pdf/2006_Russkie_o_Serbii.pdf).
- 26 Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М.: Индрик, 2014. (https://inслав.ru/sites/default/files/editions/2014_russkie_o_serbii_i_serbah_2.pdf); О Зюсмане см.: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич в Болгарии (1883–1885) // *Studia Balcanica*. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 102–107.
- 27 Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Том 3 / Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. Москва-Белград, 2012.
- 28 Там же. С. 300.
- 29 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб.: Алетейя, 2002. 418 с.; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб.: Алетейя, 2004. 192 с.; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2006. 358 с.; Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб.: Алетейя, 2007. 376 с.; Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX века): Сб. ст. / Отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2009. 336 с.; Человек на Балканах глазами русских. СПб.: Алетейя, 2011. 344 с.; Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 436 с.; Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. 408 с.

- 30 *Коломнин С.* Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 251.
- 31 *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия в последней трети XIX — начале XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 633.
- 32 *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг.: Воспоминания и рассказы из событий последних войн : В 2 ч. // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 193.
- 33 *Шемјакин А.* Између мита и чињеница. С. 319.

ГЛАВА V

ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ «ВЫЗОВОВ»

Роль Интернет-ресурсов в современных исследованиях по истории Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) (на примере цифровых библиотек Kramerius 5 и Gallica)

Развитие информационных технологий в наши дни позволяет производить оцифровку документальных материалов, отложившихся в фондах библиотек и архивов. На сегодняшний день как в России, так и за рубежом претворяются в жизнь проекты, направленные на размещение в виде электронных ресурсов самых разнообразных источников, в том числе по истории Центральной и Юго-Восточной Европы. В качестве примеров электронных систем, могущих предоставить отечественным исследователям доступ к материалам, отсутствующим в собраниях российских библиотек и архивов, могут стать платформы *Kramerius* [Чешская Республика (далее — ЧР)] и *Gallica* (Франция).

Создание банков электронных документов и соответствующих баз данных было начато в Чехии еще в 1997–2002 гг. В июне 1999 г. Центральный совет библиотекарей Чешской Республики [чеш. *Ústřední knihovnická ráda ČR*] издал так называемую «Стратегию библиотек 1999–2003» [чеш. *Strategie knihoven 1999–2003*], в которой в качестве одной из главных целей развития библиотечного дела в стране провозглашалось создание на базе информационных технологий «внутренне интегрированной национальной системы библиотек и информационных центров», которая сделала бы возможными их объединение в единую систему, а также организацию содействия между ними, независимо от их ведомственной принадлежности и участия в международном сотрудничестве. Как отмечалось в документе, это позволило бы обеспечить всем гражданам равноправный доступ

к информации, опубликованной в печатной или электронной формах, которая бы могла быть использована для проведения научных исследований, а также в образовательных целях¹. Следует подчеркнуть, что в вошедшем в данную программу разделе «Частные цели и инициативы» в качестве 16-го пункта было обозначено развитие системы новых типов услуг для читателей. Этот раздел предписывал осуществить разработку и начать реализацию проекта по организации так называемой «Чешской цифровой электронной библиотеки»².

Последующие стратегии развития библиотечного дела в Чешской Республике определили список видов подлежащих оцифровке материалов и порядок их интеграции в единую европейскую систему электронных ресурсов. Так, в *«Концепции развития библиотек ЧР на 2011–2015 гг.»* была отмечена необходимость проведения цифровизации публикаций, изданных в XX–XXI вв., в том числе и специализированных собраний и региональной литературы, равно как и создания условий для их интеграции в европейскую цифровую библиотеку *Europeana* и, помимо этого, «обеспечения доступа к наиболее значимым документам посредством Мировой цифровой библиотеки UNESCO»³.

Изданная в 2020 г. *«Концепция развития библиотек в Чешской Республике на 2021–2027 гг. с перспективой на 2030 г.»* распределила обязанности между крупнейшими библиотеками страны — Национальной библиотекой Чешской Республики и Моравской земской библиотекой — в работе по созданию новых фондов электронных ресурсов. Так, одной из стоящих перед Национальной библиотекой задач стало «обеспечение доступа к недоступным на рынке оцифрованным трудам для широкой общественности». Среди функций, осуществляемых Моравской земской библиотекой на данном направлении, была отмечена такая позиция, как обеспечение развития и долгосрочного и стабильного финансирования электронных библиотек. Помимо этого, перед библиотекой на период с 2021 по 2027 гг. были поставлены следующие задачи: расширение объемов оцифровки библиотечных фондов, ее распространение на дальнейшие типы документов: ноты и звуковые издания, плакаты и открытки; поддержка перевода ранее полученных данных «в форму, отве-

чающую актуальным стандартам); сотрудничество при цифровизации фондов и собраний институтов памяти и научно-исследовательских институтов (главным образом, в области социальных и гуманитарных наук); содействие изданию некоммерческой чешской литературы в формате электронных книг, доступных чешским читателям на безвозмездной основе⁴.

Значимым шагом в реализации плана по созданию в чешском сегменте Интернета электронных библиотек стало одобрение правительством ЧР в 2000 г. еще одной программы — создания так называемой «Публичной информационной службы библиотек» [чеш. *Veřejné informační služby knihoven (VISK)*]⁵. Данная программа действует и в настоящее время. В ее структуре выделяются девять специализированных подпрограмм, определяющих отдельные направления в рамках общей реализации проекта, три из которых непосредственно касаются цифровизации хранящихся в библиотечных и архивных фондах документов и материалов:

- VISK 4** (разработка системы чешской «Цифровой библиотеки», предоставляющей читателям доступ к оцифрованным документам и материалам и позволяющей осуществлять их долговременное хранение);
- VISK 6** (организация доступа к электронным копиям рукописей и редких печатных изданий);
- VISK 7** (предоставление широкому кругу читателей доступа к книгам и периодическим изданиям, существование которых оказалось под угрозой из-за плохого состояния бумажного носителя — собственно проект *Kramérius*)⁶.

Курирующим органом цифровой библиотеки *Kramérius* является Национальная библиотека Чешской Республики. В настоящее время читатели могут пользоваться ее 3-й и 5-й версиями⁷. Как отмечается на сайте ресурса, на данный момент он содержит несколько миллионов оцифрованных страниц монографий и периодики из собраний Национальной библиотеки⁸. В первую очередь речь идет о таком важном источнике по истории Чехии XIX — первой половины XX вв., как газеты и журналы. Среди

них можно найти основные печатные органы чешских и чехословацких политических партий, издания русских и украинских эмигрантов в Праге (например, «Вестник корпорации русских инженеров, механиков и электриков, воспитанников Политехнического института в Праге» за 1931–1936 гг.⁹, Бюллетень Пражского Земгора* за 1929 год¹⁰). Книги, размещенные в рамках данной электронной библиотеки, относятся в большинстве своем к XIX — первой половине XX вв. В основном это переводы на чешский язык произведений художественной литературы, различные руководства, связанные с ведением хозяйства и домашнего быта, путевые записки, педагогические сочинения, отдельные материалы и альбомы по истории культуры и искусства Чешских земель, журналы и научные периодические издания. Здесь можно обнаружить и литературу по истории чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны. Так, база данных цифровой библиотеки *Kramerius 5* предоставляет открытый доступ к подготовленным легионерским автором** Й. Куде-

* Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (сокр. Земгор) было образовано в Праге 17 марта 1921 г. бывшими служащими российских земских и городских самоуправлений. Его учредителями стали: Б.Ф. Соколов, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, В.М. Вермишин, П.Д. Климушкин, А.Г. Ковтун, Л.В. Рассель, М.П. Полосин и Ф.И. Колесов. Целью Земгора, согласно его уставу, стало оказание помощи находившимся на территории ЧСР эмигрантам из России и привлечение внимания к их положению со стороны мировой общественности. Организация занималась учетом российских беженцев, изучением условий их жизни, оказывала им материальную, медицинскую и юридическую помощь, а также содействие при трудоустройстве. Кроме того, Объединение вело культурно-просветительскую деятельность. Источниками пополнения средств, за счет которых оно вело свою работу, были членские взносы, субсидии, предоставляемые государственными учреждениями Чехословацкой Республики в рамках так называемой «русской акции» (в первую очередь, министерствами иностранных дел и народного просвещения), доходы от основанных Земгором предприятий, долгосрочные займы и ссуды, различные пожертвования и дарения. Помимо основной организации в Праге, Объединение имело сеть своих представительств не только на территории Чехословакии, но и за рубежом. В конце 1920–начале 1930-х годов оно постепенно начало сворачивать свою деятельность по причине сокращения финансирования «русской акции» со стороны правительства ЧСР. 14 апреля 1933 г. члены Земгора приняли решение о его ликвидации (данный процесс был окончательно завершен в 1935 г.). Подробнее см.: *Серapiroнова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 57–114; *она же.* Деятели Пражского Земгора // *Славяноведение.* 2015. № 4. С. 32–40.

** Согласно определению, содержащемуся во втором параграфе закона, принятого 24 июля 1919 г., под легионером в межвоенной Чехословакии подразумевался «любой доброволец чешско-словацкой (революционно-заграничной) армии», который был зачислен в ее части на основании заявления, «поданного соответствующему представителю Чешско-Словацкого национального совета в Париже или какого-либо из его отделений» вплоть до 28 октября 1928 г. (день провозглашения

лой справочникам, в которых содержится краткая информация по наиболее знаковым событиям в борьбе чешских и словацких политиков за образование собственного независимого государства в период с 1917 по 1918 гг., а также представлена информация об использованных автором при их составлении источниках и литературе¹¹. Здесь же расположена цифровая копия воспоминаний Йозефа Дюриха, в 1915–1916 гг. занимавшего должность заместителя председателя Чешско-Словацкого национального совета¹², равно как и некоторые материалы по истории движения внутри Чешских земель¹³. Ценный иллюстративный материал содержит и альбом *K vítězné svobodě 1914–1918–1928*¹⁴, в котором помещены портреты командиров и бойцов чешско-словацких частей, фотографии, демонстрирующие быт и повседневную жизнь легионеров в России, Франции и Италии, снимки с театра военных действий, торжественных смотров чешско-словацких войсковых частей.

В настоящее время электронная библиотека *Kramérius 5* является частью другого, более широкомасштабного информационного ресурса — *Digitální knihovna Kramérius*. Ее работу обеспечивает Моравская земская библиотека (г. Брно)¹⁵. В проекте принимают участие библиотеки и архивы ряда других научных и культурных организаций, среди которых наиболее значимыми являются Национальный архив Чешской Республики, Национальный музей Чешской Республики, библиотека Академии наук ЧР, Карлов университет, Министерство обороны ЧР¹⁶.

независимой Чехословацкой Республики), и который на тот момент действительно нес службу в рядах чешско-словацкого войска, либо смог достоверно доказать, что он по не зависящим от него причинам не мог присутствовать в указанное время на распределительном пункте для вступления в национальную армию или же был уволен из ее рядов «надлежащим образом». К ним приравнялись чехи и словаки, в годы мировой войны проходившие службу в вооруженных силах государств стран Антанты. Они получали соответствующие подтверждающие документы при условии предоставления ими достоверных доказательств того, что они не могли перейти на службу в чешско-словацкие части. См.: Zákon ze dne 24. července 1919 o propůjčování míst legionářům. (čís. 462 Sb.) // Stejnopis sbírky zákonů a nařízení státu Československého. Roč. 1919. Částka XCIII. S. 647–648. Следует отметить, что история чешско-словацких частей, сформированных на территориях России, Франции и Италии, оказала значительное влияние на культуру Первой Чехословацкой республики и способствовала возникновению целого пласта литературных сочинений и научных работ, созданных бывшими военными чешско-словацких добровольческих частей. Среди наиболее известных легионеров, предпринявших попытку дать оценку места и роли чешско-словацкого национального движения в событиях Великой войны, можно назвать Я. Папоушека, Й. Куделу и Я. Богача.

Наибольшее количество из имеющихся в данной электронной библиотеке документов и материалов представлено в рамках так называемого «Цифрового читального зала Министерства обороны Чешской Республики». Из источников по истории чешского национального движения в годы Первой мировой войны здесь присутствует достаточно большое число мемуарной литературы и дневников, изданных как его руководителями, так и представителями чешских и словацких колоний и диаспор (в первую очередь, речь идет о деятельности чешских и словацких обществ в России, Франции и США). Так, оцифровке подверглись, в частности, воспоминания и научные работы, подготовленные Л. Сыхравой, Я. Червинкой, Я. Папоушекком, генералом М. Жаненом¹⁷. Кроме того, здесь можно обнаружить монографии по истории организации чешско-словацких войсковых частей в России, Франции и Италии¹⁸. Достаточно интересную подборку представляют собой и работы, посвященные участию Чешско-Словацкого (Чехословацкого) корпуса в Гражданской войне в России (в нее были включены труды как чехословацких, так и русских эмигрантских и советских авторов)¹⁹.

Особую группу составляют оцифрованные периодические издания. В первую очередь следует сказать о периодике, публикуемой официальными органами Чехословацкой Республики. Таковым является «Предметный бюллетень Министерства национальной обороны» [чеш. *Věcní věstník Ministerstva národní obrany*; доступны номера за 1926–1950 гг.]²⁰. Кроме того, следует выделить и размещенные в электронной библиотеке *Kramerius* основные печатные органы Чешско-Словацкого национального совета в годы Первой мировой войны — *Československá samostatnost*²¹ и *La Nation Tchèque*²²; периодические издания, связанные с легионерским движением в межвоенной Чехословакии (например, газеты *Národní osvobození* и *Legie*)²³. Присутствует здесь и журнал *Naše revoluce*, издававшийся под эгидой учрежденного в 1919 г. при Министерстве национальной обороны ЧСР так называемого «Мемориала освободительного движения» [чеш. *Památník odboje*]* и публиковавший на своих страницах статьи

* Первоначально деятельность данной организации ограничивалась рамками консультативного совета, занимавшегося сбором письменных и вещественных источников по истории Первой мировой войны. Поскольку коллекция постоянно пополнялась,

и материалы по истории организации национального движения внутри Чешских земель и за рубежом²⁴.

На платформе «Цифрового читального зала Министерства обороны Чешской Республики» размещена и научная литература, издававшаяся после Второй мировой войны. Здесь, например, можно найти подшивку номеров выпускаемого Военно-историческим институтом ЧР журнала *Historie a vojenství* (с момента его основания в 1952 г. и вплоть до 2017 г.; номера с 2018 г. не включены)²⁵. В открытом пользовании находятся некоторые сборники материалов конференций (например, 2-й том материалов научной конференции по истории Первой мировой войны *Léta do pole okována*)²⁶, а также каталоги подготовленных Военно-историческим институтом выставок²⁷.

Представлены в «Цифровом читальном зале Министерства обороны Чешской Республики» и сборники документов. Среди них следует выделить широко используемое историками издание «Французская военная миссия в Чехословацкой Республике, 1919–1939 гг.»²⁸, подготовленное в ходе совместной работы специалистами Исторической службы Министерства обороны Франции и Военно-исторического института ЧР. Оно включило в себя ценные и интересные материалы, относящиеся к различным видам исторических источников. В первом томе содержатся контракты, соглашения, статуты и юридические акты. Во второй том, разбитый на две части, вошли донесения в Париж начальников миссии генералов Мориса Пелле (за период с 13 февраля 1919 г. по 31 декабря 1920 г.) и Эжена Миттельхаузера (за период с 1 января 1921 г. по 10 февраля 1925 г.), освещающие внутреннюю и внешнюю политику Чехословацкой Республики,

возникла необходимость расширения компетенций данного органа. В результате он был превращен сначала в отделение в рамках Министерства национальной обороны, а затем в самостоятельную организацию: «Архив Легии» [чеш. *Archív Legií*]. Помимо «Архива Легии», в Праге были основаны и другие научно-исследовательские организации — «Архив национального освобождения» [чеш. *Archív národního osvobození*, 1919], Военный архив (1920) и Военный музей при Чешско-Словацком военном научно-исследовательском институте. В 1929 г. все упомянутые организации были объединены в единый научно-исследовательский центр, получивший название «Мемориал освобождения» (чеш. *Památník osvobození*). Его руководителем стал генерал Рудольф Медек, один из крупнейших легионерских деятелей, служивших в рядах Чешско-Словацкого корпуса. См.: *Historie vojenského historického ústavu Praha // Vojenský historický ústav*. URL: <https://www.vhu.cz/zakladni-informace-o-vhu-praha/historie-vhu-praha/> (дата обращения: 13.03.2016.); *Vorel J. Legionáři*. Brno: Rohrer, 1930. S. 104.

касающиеся ее внешнеполитического курса (в первую очередь, отношения с Польшей и Венгрией), контакты членов миссии с представителями военных и правительственных кругов ЧСР. В третий том составители включили переписку военного представительства Третьей республики в Праге с чехословацкими правительственными органами (здесь представлены такие типы документов как записки, ноты и справки). В четвертый том включены разрабатывавшиеся 3-м бюро французской военной миссии стратегические исследования и планы, касающиеся положения ЧСР в Центральной Европе. Пятый том содержит материалы, иллюстрирующие отношение чехословацких властей и общества к деятельности миссии. Завершающий серию шестой том, изданный в 2014 г., — это составленный по хронологическому принципу указатель документов и комментарии к ним.

Особо следует упомянуть о виртуальном читальном зале Моравской земской библиотеки. Значительную часть помещенных в данной системе ресурсов, находящихся в открытом доступе, составляют коллекции графических изображений, связанных с историей архитектуры и искусства Чешских земель. Наряду с этим, здесь можно обнаружить документы и материалы по истории образования Чехословацкой Республики. В частности, ряд из них представлен в коллекции «Автобиографии, мемуары и дневники» (чеш. *Autobiografie, paměti a deníky*). Здесь присутствуют воспоминания о Первой мировой войне Т. Г. Масарика и Э. Бенеша (3-й том не доступен вне читальных залов библиотеки)²⁹, а также чешских политиков и военных, принимавших участие в деятельности чешско-словацкого национального движения внутри Чешских земель и за рубежом. Здесь, например, представлены работы известного чехословацкого деятеля, члена социал-демократической партии Густава Габрмана «Мои воспоминания о войне» и мемуары поэта и драматурга Виктора Дька. На страницах виртуального читального зала Моравской земской библиотеки можно обнаружить и ценные дневниковые материалы, в частности, изданный в 1929 г. дневник представителя чешско-словацкого национального движения в России в годы Первой мировой войны и военнотружущего Чешско-Словацкого корпуса полковника Йозефа Швеца, а также письма и записи служившего

во французской армии летчика Яна Гофмана, погибшего в воздушном бою в ходе сражения под Реймсом в марте 1917 г.³⁰.

Период межвоенной Чехословакии в рамках электронного читального зала Моравской земской библиотеки представлен, в первую очередь, документами по истории устройства повседневной жизни. Среди них можно выделить изданные в 1920-х и 1930-х годах путеводители по различным областям страны³¹, сборники правил дорожного движения³², публикации, посвященные юбилеям промышленных предприятий (например, альбом, посвященный 100-летию со дня основания в 1928 г. Витковицких металлургических заводов³³), программы концертов и спортивных состязаний³⁴, каталоги выставок³⁵. Второй по значимости коллекцией оцифрованных материалов, представленной в рамках данной электронной платформы, является коллекция чешских газет, относящихся к периоду с XIX по XXI вв. (в ней насчитывается 159 позиций), среди которых есть и те, которые издавались в годы Первой Чехословацкой республики (например, главный печатный орган Республиканской партии земледельческого и малокрестьянского населения (аграрной) *Věnkov*, или же издававшаяся Чехословацкой национально-демократической партией газета *Národní listy*)³⁶.

Анализ оцифрованных материалов, доступ к которым имеется в рамках электронных читальных залов Национальной библиотеки, Моравской земской библиотеки и Министерства обороны Чешской Республики, наглядно показывает, что портал *Kramerius* содержит значительное число материалов, полезных для ученых, специализирующихся по истории Чехословакии межвоенного периода. Вместе с тем, основным недостатком данного ресурса, как, впрочем, и ресурсов в ряде других европейских библиотек, является ограничение просмотра, существующее в отношении монографий и ряда научных периодических изданий и газет в связи с действующим законом об авторском праве. Довольно часто разрешение пользоваться данными ресурсами предоставляется исключительно читателям, имеющим регистрацию в библиотеке (в таком случае, они имеют доступ к необходимым им электронным ресурсам только с расположенных в читальном зале компьютеров)³⁷.

Еще одним информационным ресурсом, содержащим материалы по истории чешско-словацкого движения в годы Первой мировой войны и ЧСР межвоенного периода, является электронная библиотека *Gallica*. Данный проект существует с 1997 г. и курируется Национальной библиотекой Франции. Количество находящихся на данной платформе изданий, относящихся как к естественным, так и гуманитарным наукам, а также изображений и звуковых записей, составляет несколько миллионов. Изначально они были доступны только в виде оцифрованных факсимильных изображений, однако после появления в 2000 г. новой версии данного Интернет-ресурса стало возможно пользоваться их текстовым вариантом. Постепенно разработчики начали создавать в рамках электронной библиотеки специальные тематические досье, «предлагающие структурированные маршруты внутри цифровых коллекций (картографический, хронологический подходы, а также тематические списки)». Несомненным достоинством библиотеки *Gallica* является то обстоятельство, что она содержит ссылки и на документы, хранящиеся в библиотеках-партнерах Национальной библиотеки Франции³⁸.

Говоря о размещенных в структуре электронной библиотеки *Gallica* электронных ресурсах, представляющих интерес для ученых, занимающихся историей Чехословакии межвоенного периода, следует упомянуть о том, что наиболее значимой из них является коллекция французских периодических изданий³⁹. Ценным источником по истории чешско-словацкого национального движения во Франции в годы Первой мировой войны могут служить статьи о его программе и целях, равно как и заметки, освещающие события в Австро-Венгрии, публиковавшиеся в таких крупных печатных органах как *Le Temps*, *L'Excelsior*, *L'Homme Libre*, *Le Journal*, *Le Matin* и ряде других. Посвящены чешскому и словацкому вопросам и отдельные монографии, подготовленные французскими славистами — историком Эрнестом Дени и филологом Луи Леже⁴⁰.

Присутствуют в библиотеке и материалы по истории Чехословакии межвоенного периода. Сведения о политике, экономике и культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и об отношениях ЧСР со своими союзниками по Малой

Антанте, Румынией и Югославией, равно как и об отношениях этих стран с Францией, могут содержаться как в уже упоминавшихся основных печатных изданиях Третьей республики (большинство из которых опубликовано в полном объеме), так и в специализированных изданиях⁴¹. Здесь же представлены и подготовленные в 1920–1930-х годах работы, затрагивающие вопросы социально-экономического развития Первой Чехословацкой республики⁴².

Нельзя не отметить и наличие в электронной библиотеке *Gallica* источников по истории внешней политики Французской Республики межвоенного периода. Так, на сегодняшний момент полностью опубликованы в оцифрованном виде все тома 1-й и 2-й серий изданной в 1960–1970-е годы под патронажем министерства иностранных дел публикации *Documents diplomatiques françaises (DDF)*, охватывающей периоды с 1932 по 1935 гг. и с 1936 по 1939 гг., в которой присутствуют и документы, освещающие положение Чехословакии на международной арене в обозначенный период, в том числе иллюстрирующие позицию ее правительства в рамках переговоров о создании системы коллективной безопасности в Европе⁴³. Важным источником, освещающим политическое развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и Чехословакии, являются находящиеся в открытом доступе тексты готовившихся специалистами военного и внешнеполитического ведомств Третьей республики обзоров прессы Чехословакии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период⁴⁴.

Таким образом, анализ систем *Kramerius* и *Gallica* показывает, что организованные крупными библиотеками виртуальные читальные залы предоставляют исследователям доступ к широкому кругу исторических источников, среди которых можно обнаружить как книги, периодику и архивные документы, так и звукозаписи, фотографии, репродукции и изоматериалы, количество которых постоянно пополняется за счет оцифровки новых изданий. Они значительным образом упрощают работу ученых, занимающихся в том числе историей чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны и Первой Чехословацкой республики, поскольку некоторые из разме-

щенных на их платформах документов и материалов могут быть недоступны для читателей в бумажном виде, или же отсутствовать в собраниях архивов и библиотек той или иной страны. Вместе с тем, основным недостатком виртуальных читальных залов является ограничение доступа к некоторым из помещенных в структуру этих систем ресурсам, что в большинстве случаев связано с действием законов об охране авторского права. Однако, несмотря на это, наличие в базах данных электронных библиотек источников разных типов позволяет современным ученым, в том числе историкам-славистам, существенно расширять тематику своих исследований и обнаруживать новые аспекты в рамках изучаемых ими проблем.

Примечания

- ¹ Strategie knihoven v České republice, 1999–2003 // Informace pro knihovny [сайт]. URL: https://ipk.nkp.cz/statistika-pruzkumy-dokumenty/informacni-materialy-a-dokumenty/strategietxt99__03.htm#Hlavni (дата обращения: 16.05.2022).
- ² Ibidem.
- ³ Koncepte rozvoje knihoven ČR na léta 2011–2015 včetně internetizace knihoven [сайт]. S. 12. URL: <https://www.ukr.knihovna.cz/koncepte-rozvoje-knihoven-cr-na-leta-2011-2015-/> (дата обращения: 22.09.2022).
- ⁴ Koncepte rozvoje knihoven v České republice na léta 2021–2027 s výhledem do roku 2030. Knihovny — pilíře občanské společnosti, vzdělanosti a kultury. Praha: Ministerstvo kultury, 2020. S. 56–59.
- ⁵ 2.3.1.5. Program Veřejné informační služby knihoven (dále jen VISK) // Koncepte rozvoje knihoven v České republice na léta 2004–2010. URL: https://ipk.nkp.cz/docs/Koncepte04_10.doc (дата обращения: 16.05.2022). S. 15.
- ⁶ Ibid. S. 18.
- ⁷ См.: Kramerius 3. URL: <https://kramerius.nkp.cz/kramerius/Welcome.do> (дата обращения: 16.05.2022); Kramerius 5. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/> (дата обращения: 16.05.2022).
- ⁸ Informace // Kramerius 5. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/about> (дата обращения: 16.05.2022).
- ⁹ URL: <https://kramerius.nkp.cz/kramerius/PShowPeriodical.do?id=2623&it=0> (дата обращения: 16.05.2022).
- ¹⁰ URL: <https://kramerius.nkp.cz/kramerius/PShowVolume.do?it=0&id=7321> (дата обращения: 23.09.2022).
- ¹¹ *Kudela J.* Rok 1917 v dějinách odboje. Brno: Moravský legionář, 1927. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:912d5020-11bb-11e4-8e0d-005056827e51?page=uuid:c2fd-0470-2894-11e4-8413-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 24.09.2022); *Kudela J.* Rok 1918 v dějinách odboje. Brno: Moravský legionář, 1928. Část I.: Leden — červen. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:84565ce0-4158-11-8e84-3e005056827-52e?page-uuid:19d086d0-7550-11e8-bb44-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 24.09.2022); *Idem.*

- Rok 1918 v dějinách odboje. Brno: Moravský legionář, 1928. Část II.: Červenec — prosinec. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:b4e98350-4158-11e8-84e3-005056827e52?page=uuid:198e4db0-7550-11e8-9588-5ef3fc9bb22f> (дата обращения: 24.09.2022).
- 12 *Dürich J.* V českých službách. Vypsání mého pobytu za hranicemi, 1915–1918. Klášter nad Jizerou: Nákladem vládním, 1921. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:b6a756a0-1b03-11e5-855a-5ef3fc9ae867?page=uuid:41aada20-1bfd-11e5-bcc5-5ef3fc9bb22f> (дата обращения: 24.09.2022). Решение об образовании Чешско-Словацкого национального совета (сокр. ЧСНС) в качестве органа, призванного стать единственным представителем национального движения чешского и словацкого народов и координировать все предпринимаемые на данном направлении действия, было принято Т. Г. Масариком и его соратниками в феврале-марте 1916 г. Сам Масарик занял пост его председателя, его заместителем был назначен Йозеф Дюрих (исключен из ЧСНС в 1917 г.). Должность генерального секретаря в руководстве ЧСНС занял Эдвард Бенеш, а представителем словацкого народа — ученый-астроном и военнослужащий французской армии Милан Растислав Штефаник. См.: *Kšišan M.* “V jednotě je síla!” Štefánik a boj o jednotu československého odboja v Rusku v rokoch 1916/1917 // *Slovensko a Európa medzi demokraciou a totalitou: kapitoly z dejin 20. storočia k jubileu Bohumily Ferenčuhovej* / eds. M. Hanula, M. Kšišan. Bratislava: Veda, 2017. S. 19; *Historický ústav ČsA. VHA — Vojenský historický archiv. Rada Č. Československá národní rada I., Československá národní rada II. (1914) 1915–1918 (1931).* 1992. Katalog. S. I–II. URL: https://www.vuapraha.cz/wp-content/uploads/2021/12/csnr_v_parizi_iii_-_19141915-19181931.pdf (дата обращения: 30.10.2022).
- 13 В частности, на сайте электронной библиотеки *Kramerius 5* можно обнаружить следующие труды: *Veselý J.* Z bojů za svobodu. Omladináři v národním odboji a za republiky. Praha: Památník Odboje, 1923. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:ced98010-b83b-11e5-b5dc-005056827e51?page=uuid:92cfb8f0-2cad-11e6-a344-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 24.09.2022); *Kapras J.* Z domácího odboje. Praha: Památník odboje, 1928. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:e6c5c4d0-8d69-11e3-997d-005056827e52?page=uuid:aa526740-98b0-11e3-8b69-005056825209> (дата обращения: 24.09.2022).
- 14 K vítězně svobodě, 1914–1918–1928: album fotografií z dějin zahraničního i domácího odboje československého: k oslavě prvního desetiletí ČSR / za vrchní red. R. Medka. Praha: Památník odboje, 1928. URL: <https://kramerius5.nkp.cz/view/uuid:cc0304c0-6514-11e6-85af-005056827e52?page=uuid:b28d0d80-7a11-11e6-8340-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 24.09.2022).
- 15 *Napověda* // Digitální knihovna. Provozuje Moravská zemská knihovna. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/> (дата обращения: 16.05.2022).
- 16 Digitální knihovna. Provozuje Moravská zemská knihovna. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/> (дата обращения: 16.05.2022).
- 17 См., напр.: *Červinka J.* Z raměti generála Jaroslava Červinky. České Budějovice: s. n., 1934. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uuid:891c-70c1-5d24-4bc7-ba42-db13c0759ce3?page=uuid:5f677d9c-0fe7-11e8-bf5e-005056b73ae5> (дата обращения: 26.09.2022); *Janin M.* Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: J. Otto, 1926; *Papoušek J.* Jiří Klecanda: bojovník za věc národa. Osobnost, práce, výbor ze spisů. Praha: Sváz národního osvobození, 1928. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uuid:ad4871e0-275f-11e4-8f64-005056827e52?page=uuid:f6a21e10-3e46-11e4-bc3a-005056827e51> (дата обращения: 26.09.2022); *Sychrava L.* Masarykovo revoluční dílo na evropském západě, 1914–1917. Praha: Přípravný výbor legionářský, 1921. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uuid:af079ab0-4a14-11e4-aded-005056827e51?page=uuid:3f3ef900-5c78-11e4-a6f0-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 26.09.2022).

- 18 См., напр., так называемые легионерские хроники: Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920 / za vrchní red. R. Medka. Praha: Nákladem vládním, 1925. Díl I–IV. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:23c3875f-e0c1-44fb-abb6-7897ea0d7cc5> (дата обращения: 26.09.2022); *Bednářík F. V boj!* Obrázková kronika československého revolučního hnutí v Itálii, 1915–1918. Praha: Za svobodu, 1927. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uid:1103e16f=-e5ba4-89b997-b-934803bd1b5e?page-uid:1569d092-1167-11e8-b685-005056b73ae5> (дата обращения: 26.09.2022); *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Praha: Naše záloha, 1938. Kn. 1: Rota Nazdar, 1914–1916. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uid:e1350be7-b75f-4429-8a32-e43ee37b7db9?page=uid:1fb3818c-fa1b-11ea-b9c3-001b63bd97ba> (дата обращения: 26.09.2022).
- 19 См., напр.: *Klevanskij A. Ch.* Českoslovenští internacionálisté a legionářský sbor v Rusku. Praha: Horizont, 1973. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uid:cbde4940-1acc-11e3-a5bb-005056827e52?page=uid:4acdaf10-4864-11e3-b718-5ef3fc9bb22f> (дата обращения: 26.09.2022).
- 20 Věcní věstník ministerstva národní obrany. 1926–1950. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:6e273245-485d-4f20-ad3a-e6782bf1c384> (дата обращения: 26.09.2022).
- 21 Československá samostatnost. 1915–1919. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:ad886ed4-b743-4e44-b4af-8abd8fac0def> (дата обращения: 26.09.2022).
- 22 La nation Tchèque. 1915–1919. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:42ea34b1-cd13-4d03-ba89-74e0044b1449> (дата обращения: 26.09.2022).
- 23 Národní osvobození. 1924–1939. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:84377770-5d2b-11e1-b8fa-0013d398622b> (дата обращения: 26.09.2022); Legie. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:69513fb6-3a9f-4789-9ae0-92aa8f2dbd25> (дата обращения: 26.09.2022).
- 24 Naše revoluce. 1923–1938. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:97f4b1f0-e517-11e1-be3a-000d606f5dc6> (дата обращения: 26.09.2022).
- 25 Historie a vojenství. 1952 — . URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:a8134631-f8b3-43f8-b7ca-52756d49e0a6> (дата обращения: 26.09.2022).
- 26 *Lánik J., Kykal T. a kol.* Léta do pole okovaná, 1914–1918. Praha: Ministerstvo obrany České republiky; VHU Praha, 2017. Sv. II: 1915 — Noví nepřátelé, nové vyzvy. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uid:d743f173=570-d4-5ab-b47b-f3aeadd046b?page-uid:66e4eb2b-dff2-11eb-89b1-001b63bd97ba> (дата обращения: 30.09.2022).
- 27 См., напр.: *Straka K.* Francie a Československo, 1914–1918. Léta nadějí, zkázy a bojů na společných frontách. Praha: Ministerstvo obrany České republiky, Odbor komunikace a propagace (OKP), 2011. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/view/uid:c3db5a65-5596-47fa-a7a3-92578b044eef?page=uid:95a5a634-3975-11eb-9c92-001b63bd97ba> (дата обращения: 30.09.2022).
- 28 На данный момент из печати вышла только первая серия данного сборника, охватывающая период с 1919 по 1925 гг. См.: *Mission militaire française auprès de la République Tchèqueoslovaque, 1919–1939.* Edition documentaire. = *Francoúská vojenská mise v Československu, 1919–1939.* Edice dokumentů. Praha: Historický ústav armády České republiky, 1999–2014. Série I: 1919–1925. 6 vol. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/dsmo/periodical/uid:c86b55c7-cb95-4f99-9b6a-2abdb117aef0> (дата обращения: 30.09.2022).

- ²⁹ Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis a Čin, 1928. Díl 1. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:537e1c40-ba5f-11e3-b833-005056827e52?page=uid:82b46a90-cc62-11e3-94ef-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 29.09.2022); *Idem*. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis a Čin, 1929. Díl 2. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:540aa4d0-ba5f-11e3-b833-005056827e52?page=uid:71b9a980-cc80-11e3-bb44-5ef3fc9bb22f> (дата обращения: 29.09.2022); Masaryk T. G. Světová revoluce: za války a ve válce, 1914–1918. Praha: Čin, 1938. (Spisy T. G. Masaryka. Kniha II). URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:134bac20-1cde-11e2-a61d-005056827e52?page=uid:221ffa8f-8a60-28b9-e5fa-1d865acd20a5> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³⁰ Dyk V. Vzpomínky a komentáře, 1893–1918. Praha: Ladislav Kunčič, 1927. 2 kn. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/periodical/uid:fd3187f0-05c7-11e4-9789-005056827e52> (дата обращения: 29.02.2022); Habrman G. Mé vzpomínky z války: črty a obrázky o událostech a zápasech za svobodu a samostatnost. Praha: Ústřední dělnické knihkupectví a nakladatelství (Ant. Svěcený), 1928. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:3c9f9040-8384-11e2-ac67-005056827e51?page=uid:c2f35810-9307-11e5-be6a-001018b5eb5c> (дата обращения: 29.09.2022); Válečný deník Jendy Hofmana, letce-dobrovolce (1914–1917) / vydal J. Skalický. Praha: Čin, 1928. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:1a5a7080-1e92-11e3-9319-005056827e51?page=uid:f2d6f330-519f-11e3-8c6a-005056825209> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³¹ См., напр.: Prager F. Turistický průvodce po Uherském brodě a okolí. Uherský brod: Fr. Fanta, 1930. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:0ef229aef9e-4c80-b6ca-8a7a99a85b67?page=uid:0fe1a9ec-78e5-442e-a85b-cea6faf230c3> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³² Jizdní a uliční řád pro Velké Brno a jiné bezpečnostní policejní předpisy pro veřej. dopravu. Brno: Doprav. oddělení polic. ředitelství, 1936. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:a7753070-399c-11ed-aab1-005056827e51?page=uid:c3e1ff3d-bb20-459a-b08a-f080efcc2d48> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³³ Vítkovické želežárny. Založeno 1828. Vítkovice: vl. n., 1929. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:790cf390-398c-11ed-a118-5ef3fc9bb-22f?page=uid:e8345fd2-b140-4c77-a85f-fa8c3291eeef> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³⁴ См., напр.: Jubilejní koncert mistra Jana Kubelíka. Brno, Besední dům ve čtvrtek 7. listopadu, 1929. Brno: Barvič & Novotný, 1929. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:1e442fe0-399c-11ed-912a-5ef3fc9bb22f?page=uid:b8a4ede9-9bc2-4307-896f-fc145e154894> (дата обращения: 29.09.2022); Vojenské lyžařské závody III. sboru. XIII. přebor vysokých škol RČS v jízdě na lyžích pro rok 1937; I. utkání Universita Brno — Technika Brno v jízdě na lyžích; XXII. veřejné lyžařské závody Sportovního klubu v Novém Městě na Mor.: přebor Brněnské župy Svazu lyžařů republiky Čsl., III. závod o "Zlatou lyži Českomoravské vysočiny": župní závody sokolské župy Pernštýnské v Novém Městě na Mor. 14.–17. ledna 1937. Nové Město na Moravě: Sportovní klub, 1937. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:4e0f9980-399c-11ed-912a-5ef3fc9bb22f?page=uid:d02d73ac-7e5d-42a9-b95f-5d0c4fa5d712> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³⁵ См., напр.: Brněnské výstavní trhy, 1.–15. VIII. 1926. Brno: Bíleka a společnost, 1926. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uid:fd605a40-275f-11ed-bb16-005056827e52?page=uid:653f8dc4-9afd-4ca5-b368-92b99f80d867> (дата обращения: 29.09.2022).

- ³⁶ Denní tisk. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/search?collections=vc:cbe-d6e45-c63e-431f-8b16-8ff2c28e8a6f> (дата обращения: 29.09.2022).
- ³⁷ Dřía nedostupná na trhu — online [сайт]. URL: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uuid:d06e7570-ce22-11e8-b0e0-5ef3fc9bb22f?page=uuid:fcf21b60-e44d-11e8-8d10-5ef3fc9ae867> (дата обращения: 30.09.2022).
- ³⁸ Электронные библиотеки открытого доступа // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: https://www.shpl.ru/readers/helpful_links/free_ebooks/ (дата обращения: 12.05.2022); A propos // Bibliothèque nationale de France. Gallica. URL: <https://gallica.bnf.fr/edit/und/a-propos> (дата обращения: 12.05.2022).
- ³⁹ Presse et revues. URL: <https://gallica.bnf.fr/html/und/presse-et-revues/presse-et-revues?mode=desktop> (дата обращения: 30.09.2022).
- ⁴⁰ См., напр.: *Denis E.* La guerre. Causes immédiates et lointaines. L'Intoxication d'un peuple. Le traité. Paris: Delagrave, 1915. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6139700g/f7.item.r=Ernest%20Denis> (дата обращения: 30.09.2022); *Léger L.* La liquidation de l'Autriche-Hongrie. Paris: Félix Alcan, 1915. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6112218q.r=Louis%20L%C3%A9ger?rk=171674;4> (дата обращения: 30.09.2022).
- ⁴¹ См., напр.: France — Bohême (Slovaquie, Moravie, Silésie, Bohême, Carpathes Russes). Revue économique et financière. 1920–1927. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32777450n/date> (дата обращения: 16.05.2022).
- ⁴² См., напр.: *Bidon J.* La dévaluation de la Couronne Tchecoslovaque: thèse pour le doctorat en droit. Paris: Les Presses Modernes, 1936. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k98107028/f13.item.r=Tch%C3%A9coslovaquie> (дата обращения: 30.09.2022).
- ⁴³ См., напр.: Documents diplomatiques françaises, 1932–1939. 1re série, 1932–1935. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5327005w/f1.item> (дата обращения: 30.09.2022); Documents diplomatiques françaises, 1932–1939. 2é série, 1936–1939. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5327027b.r=Tch%C3%A9coslovaquie?rk=21459;2> (дата обращения: 30.09.2022).
- ⁴⁴ См., напр.: Bulletin périodique de la presse Tchecoslovaque du 1er février au 9 avril. 1937. N 52. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6431669c.r=Bulletin%20de%20presse%20Tch%C3%A9coslovaque?rk=278971;2> (дата обращения: 30.09.2022).

Изучение истории Балкан на современном этапе: новые «вызовы» и подходы

Вряд ли будет преувеличением констатировать, что российское славяноведение и балканистика вообще и, в первую очередь, те направления, которые развиваются в стенах Института славяноведения РАН, несмотря на все объективные сложности, находятся на передовых рубежах мировой науки. Если проанализировать работы, которые выходят в настоящее время в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, и сравнить их с публикациями Института славяноведения, следует сделать вывод, что отечественные научные труды выгодно отличаются по целому ряду направлений. В первую очередь, речь идет о том, что в них присутствует комплексный подход к изучаемым процессам и явлениям, налицо намного более серьезная фундированность, активно используются архивные документы, новейшие достижения источниковедения и исторической методологии, присутствует объективная, заинтересованная и одновременно уважительная научная полемика с представителями исторической науки стран изучаемого региона, хотя понятно, что зачастую трудно удерживаться в рамках научной корректной полемики, читая то, что выходит в этих странах, в том числе по истории политики России на Балканах, взаимоотношений России со славянскими народами и государствами.

Вместе с тем, наряду с несомненными достижениями, в том числе в виде многотомных трудов, подготовленных в России, и в частности, в Институте славяноведения РАН, следует отметить ряд направлений, по которым возможна активизация исследований. Это позволит не только углубить наше понимание истории Балкан и Восточной Европы, но и адекватно отвечать на серьезные научные и в особенности общественно-политиче-

ские «вызовы», существующие в настоящее время, поскольку, как показывает развитие ситуации в последние годы вокруг России и Балканского региона, славяноведение и балканистика там в гораздо большей степени стали предметом политических споров и проявлением той самой «мягкой силы», которую активно используют наши оппоненты, и которую, безусловно, мы также должны использовать намного более активно для отстаивания своих собственных интересов.

К числу таких направлений, которые, на наш взгляд, могут быть потенциально очень важными и полезными с точки зрения анализа прошлого, современности и будущего Балкан, относится разработка и совершенствование прогностических моделей и альтернативных сценариев, чем в последнее время очень активно заняты в том числе в Западной Европе и США в контексте славистических исследований. Речь идет о том, что исторические труды должны быть обращены не только и не столько в прошлое, но и в будущее. Собственно говоря, анализ происходившего в истории Балкан и во взаимоотношениях России со странами и народами региона интересен не сам по себе или для заполнения «белых пятен», раскрытия динамики процессов, возвращения в общественное достояние тех или иных забытых и противоречивых фигур, а, прежде всего, для того, чтобы попытаться спрогнозировать дальнейшее развитие отношений России со странами и народами Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе с использованием такого научно-исторического инструмента, как принцип ситуационной логики, под которой понимается, в частности, выявление «многопричинности внешнеполитических событий и процессов»¹.

Характерно в данной связи, что историческое развитие ситуации на Балканах полностью отвечает концепции, сформулированной еще в 1980-е годы американским экономистом П. Дэвидом и получившей широкое распространение также в политологии и теории исторического процесса. Она исходит из того, что «первичные события» (так называемые «критические соединения») запускают «специфические траектории, или цепи событий, усиливающие, в свою очередь, первоначально заданный путь, который в результате становится всё труднее и труднее изменить».

Подобные процессы «генерируют механизмы самоусиления», в результате действия которых «каждый шаг, предпринятый в определенном направлении, делает всё более трудным реверсирование самого пути», — свидетельствует еще один сторонник подобной концепции американский исследователь П. Пирсон².

Разумеется, сегодня вряд ли кто-то возьмется в прогностическом плане со стопроцентной вероятностью предвидеть, в каком вообще направлении будут развиваться отношения России с балканскими странами: будет ли это переход к какой-то новой прагматической модели взаимоотношений, станет ли это полной заморозкой, или же в ходе нынешнего глобального кризиса возникнут новые модели и даже состоится приход к власти в государствах Балкан новых сил, более заинтересованных во взаимодействии с Россией.

Очень интересным моментом исторических исследований выступает решение задачи, в рамках которой исторические труды, касающиеся политики России, позволяют выстроить протяженную хронологическую модель и перенести в наше время те или иные модели взаимоотношений и достижения, существовавшие в другие исторические эпохи. Данные модели могут претерпеть историческую реинкарнацию и быть востребованы в современных условиях. В этом плане значимым представляется и более широкий и всесторонний подход к проблематике политики России на Балканах.

Следует иметь в виду, что указанная политика никогда не выступала изолированной и никогда не игнорировала интересы России в других регионах. Она исторически встраивалась в более широкую систему внешнеполитических национально-государственных приоритетов. Данный вопрос представляется потенциально очень интересным и перспективным для изучения. Даже происходившая на рубеже XIX–XX вв. переориентация политики Российской империи после драматических событий Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. в направлении Центральной Азии и Дальнего Востока была напрямую связана с развитием ситуации в Балканском регионе. И мы вряд ли сможем понять политику России на Балканах, если не будем учитывать этот более широкий исторический контекст, а также то обстоятельство,

что балканская политика России далеко не всегда существовала в своем структурированном виде. Как подчеркивал в свое время министр иностранных дел России (1895–1896 гг.) А.Б. Лобанов-Ростовский, «нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы разделаемся с другими, более спешными делами». При этом его преемник на посту главы российского внешнеполитического ведомства М.Н. Муравьев в целом разделял данную позицию, учитывая и позицию конкурентов Петербурга на Балканах³. Для России в то время «заморозка» Восточного вопроса была нужна, чтобы «иметь свободные руки на Дальнем Востоке. Для Германии — чтобы раздуть дальневосточный конфликт, поживиться за счет Китая, ослабить давление России на Балканах. Австрии же пока что было не до внешних авантюр ввиду тяжелого внутреннего кризиса»⁴.

При этом даже сегодня имеются серьезные основания говорить о том, что у России отсутствует четко выстроенная и сформулированная политика именно в отношении государств и народов Балканского полуострова. Мы можем проследить, как развиваются российско-сербские отношения, какие имеются достижения и проблемы во взаимоотношениях России и Болгарии, а вот какую политику Москва проводит на Балканах в целом, каким она видит настоящее и будущее данного региона, какие цели преследует и что конкретно может со своей стороны предложить Балканам, — во всех этих вопросах ясности меньше. Между тем, именно региональный подход в изучении истории и современности политики России на Балканах представляется чрезвычайно важным, и это как раз то направление, по которому мы заметно уступаем нашим конкурентам.

Заслуживает гораздо большего внимания исследователей и вопрос о существовавших в руководстве России и даже в стенах министерства иностранных дел существенных расхождений в подходах к выстраиванию и реализации политики России на Балканах. Примером может служить ситуация, сложившаяся накануне Первой мировой войны, и разработанные тогда ведущими российскими дипломатами проекты «обустройства» Балкан.

Именно после завершения Балканских войн 1912–1913 гг. на повестку дня встала задача по-новому выстроить систему и

приоритеты союзнических отношений в регионе. В данном контексте один из ключевых российских дипломатов на Балканах А.М. Петряев выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал А.М. Петряев в Санкт-Петербурге в начале 1914 г.⁵

Вышеуказанная позиция А.М. Петряева в целом пересекалась с предложениями российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига. Последний, впрочем, выступал с еще более радикальных позиций, настаивая на формировании не абстрактного «югославянского государства», а максимально территориально расширившейся Сербии, в состав которой должны были, по его убеждению, войти не только югославянские области монархии Габсбургов, но и Черногория⁶.

Вместе с тем, Россия должна была учитывать, что сербский вопрос на Балканах находился в тесной политической, территориальной, экономической и социокультурной взаимосвязи с вопросом албанским. А последний находился в прямом ведении Совещания послов великих держав, открывшегося в Лондоне в декабре 1912 г., которое В.И. Ленин однажды весьма метко назвал «театром грязни и интриг так называемых великих держав»⁷.

В рамках поиска решения албанской проблемы российское министерство иностранных дел обратилось к дипломатам, работавшим на Балканах, с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали

сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Албанией при одновременном расширении ее автономных прав. При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск⁸. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии из представителей шести великих держав⁹.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания — притом, что российский МИД формально отказался делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

Следует особо отметить, что А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена А.М. Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического (Ближневосточного) департамента МИД России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдерживать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего несомненного внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П. И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя этнически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется всё это создавать с начала. Таким образом при устройстве будущего самоуправления Албании, греческое влияние на местные дела будет очень значительно, тем более, что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Власти окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство, и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны, им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они, по-видимому, ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно, и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П. И.*).

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь 4 греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П. И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общинной, находится под верховным ведением Кон[стантино]польского Патриарха. Это обстоятельство также говорит в пользу сохранения суверенитета султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон[стантино]польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет, и я не сомневаюсь, что албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашко-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви — то есть новой схизме.

Думается, это — не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу.

Ваше сомнение относительно годности Дураццо (Дуррес. — *П. И.*), как административного центра, для меня не совсем ясно. Если на этот порт будет проведена сербская железная дорога и город будет обставлен разными международными гарантиями, то, на мой взгляд, он явится самым подходящим местом, по крайней мере на первое время, для правительства, обставленного также разными гарантиями и международным контролем. Нужно иметь также в виду, что центр экономической и политической жизни Албании будет всегда тяготеть к адриатическому побережью. В крайнем случае можно, напр[имер], устроить так, как это было сделано во времена реформ в Македонии, т.е. Салоники были всегда административным и реформенным центром для Македонии, но в известные времена года. Ген[еральный] Инспектор и состоявшие при нем органы контроля переезжали на время в Монастырь (Битоли. — *П. И.*) и Ускюб (Скопье. — *П. И.*). Нечто подобное можно устроить и для Албании. Впрочем, все это вопросы второстепенные в сравнении с теми, которые еще не решены»¹⁰.

Следует отметить, что и по вопросам сербо-албанского разграничения позиция А.М. Петряева далеко не всегда вписывалась в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав и оценок, превалировавших в Санкт-Петербурге. В частности, он обвинял сербов в том, что они своими чрезмерно экспансионистскими планами территориального расширения обостряют проблему и ужесточают позицию Вены: «Я думаю, что австрийцы уступят Дьяково (Джяковица. — П. И.), и может быть, давно бы сделали это, если бы не было со стороны сербов разных неуместных заявлений и выступлений *qui indisposent les autrichiens*»^{*11}.

Подобный гибкий и аналитический подход Петряева не теряет своей актуальности даже с точки зрения практики и реалий сегодняшнего дня. В частности, он вполне соотносится с концепцией, которую недавно озвучил российский исследователь А.Д. Богатуров. По его словам, «переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единоличного, удовлетворении интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объединяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть внутривосточным или международным. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства»¹².

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиальному международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны, — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней

* Которые портят настроение австрийцам (фр.).

под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹³.

Российский посланник в Сербии Н.Г. Гартви́г придерживался более радикальных взглядов в вопросе о необходимости поддержки Сербии. Как свидетельствуют дипломатические документы, именно перед ним новый министр иностранных дел России С.Д. Сазонов поставил очень сложную (учитывая тогдашнюю обстановку в балканском «пороховом погребе Европы») двуединую задачу. С одной стороны, он должен был сдерживать антиавстрийские настроения среди руководства Сербии, а с другой — содействовать сближению этой страны с другими государствами региона под российскими, а соответственно, антиавстрийскими (а позднее антитурецкими) лозунгами. Данная задача осложнялась еще и тем ключевым обстоятельством, что «в отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен»¹⁴.

Позиция России определялась в том числе ее стремлением избежать крупного военного конфликта на Балканах, чреватого более серьезными последствиями для общей ситуации в Европе. Вряд ли будет преувеличением отметить, что «в основе российской политики лежало стремление не допустить чрезмерного укрепления какой-либо из великих держав в Средиземноморье, что могло пагубно сказаться на российских национальных интересах в этом регионе»¹⁵.

Н.Г. Гартви́г обладал, по словам российского исследователя А.Л. Шемякина, «властным, волевым и воинственным характером, который, однако, мало соотносился в нем с наличием стратегического мышления, столь необходимого дипломатам такого ранга»¹⁶.

Последнее утверждение, впрочем, вряд ли можно считать полностью справедливым. Н.Г. Гартви́гу нельзя было отказать в последовательности рассуждений, в центре которых находились интересы не Сербии или балканских славян, а России¹⁷. Так, докладывая министру иностранных дел С.Д. Сазонову в 1913 г. о нарастании противоречий в рядах Балканского союза Сербии,

Болгарии и Греции, он подчеркивал, что «союзный блок должен служить в будущем *нашим*, а не чужим интересам. Сохранение же союза возможно, когда два союзника в совокупности будут сильнее третьего»¹⁸. Более того, дипломат вполне искренне проводил параллели между сербскими и российскими интересами на Балканах. «Высказываясь по своему крайнему разумению за желательность удовлетворения жизненных вожелений Сербии, в целях ограждения ее политической и экономической независимости, я не могу отрешиться от мысли, что того же настоятельно требуют и *первостепенные интересы России*», — докладывал он Сазонову¹⁹.

Глубокое «погружение» Н.Г. Гартвига в проникнутую русофильскими чувствами атмосферу Белграда и Сербии имело для самого дипломата и его деятельности оборотную сторону. Именно Гартвиг во время дипломатической службы в сербской столице внес существенный вклад в создание у сербского правительства весьма опасных для мира в Европе представлений о возможности реализации в ближайшем будущем всех внешнеполитических планов Сербии, включавших в себя образование единого югославянского государства, в которое войдет освободившееся от австро-венгерского господства население югославянских областей монархии Габсбургов и которое будет иметь выход на Адриатическое море. На эту сторону его деятельности, вполне понятную в силу испытывавшихся дипломатом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но, тем не менее, создававшую определенные трудности для проведения российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), справедливо указывал в своих воспоминаниях С.Д. Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического подъема и близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде, Н.Г. Гартвиг, предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть,

в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по-своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась всё вероятнее»²⁰.

«Работать с Н.Г. Гартвигом становилось всё труднее. Его властная природа, с одной стороны, а с другой, занятая им позиция относительно нашего Министерства иностранных дел гнетуще действовали на весь состав миссии. Я утешал себя надеждой, что мой перевод на другое место службы не за горами», — вспоминал о своей работе в дипломатическом представительстве в конце 1913 — первой половине 1914 гг. российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман²¹.

Кроме того, анализируя историю развития двусторонних отношений России со странами Балканского полуострова или вызревания региональных конфликтов (косовского, македонского, боснийского, трансильванского, добруджанского и др.), не следует недооценивать тот факт, что регион в международных делах всё чаще выступает в качестве единого целого со сложными внутренними перекрестными взаимоотношениями. В связи с этим представляется очень интересным и важным изучение с новых научных и общественно-политических позиций балканских интеграционных моделей, которые существовали в регионе с начала XX в. Подобные модели не следует сводить исключительно к партийным идеологическим конструкциям сербских социал-демократов, болгарских «тесных социалистов» или лидеров послевоенного мирового коммунистического движения. Необходимо учитывать тот факт, что они в те или иные исторические периоды пользовались вниманием и поддержкой, в том числе со стороны представителей российского внешнеполитического ведомства, — как известный проект министра иностранных дел России С.Д. Сазонова в начале XX в. Последний в рамках своего «нового курса» на Балканах «наметил две программы решения балкано-ближневосточной проблемы: программу-минимум и

программу-максимум. Первая предусматривала создание Балканского союза из одних только балканских государств, вторая имела в виду включение в него в перспективе Турции»²².

Не случайно идея создания Балканской федерации изначально охватывала весь Балканский полуостров и даже сопредельные территории, поскольку, как справедливо отмечал в данной связи югославский исследователь В. Стругар, сербские социал-демократы в своих теоретических взглядах и практической деятельности в период до оккупации их страны в конце 1915 г. не выделяли югославянский вопрос в качестве самостоятельного аспекта более масштабной балканской проблемы. По словам Стругара, «сербские социалисты считали, что сербы, хорваты и словенцы представляют собой три племени одного народа», и что они объективно способствуют ускорению хода исторического процесса, «когда используют любой повод для укрепления стремлений к установлению между ними единства»²³. По их мнению, отмечал историк, «югославянское национальное объединение, как объединение трех частей одного народа, должно быть реализовано в рамках Балканской федерации, которая самим фактом своего существования сделает невозможными серьезные взаимные разногласия по территориальным вопросам и в которой сербы, хорваты и словенцы достигнут полного национального самовыражения и полной реализации своей совокупной энергии»²⁴. При этом, как подчеркивал лидер Сербской социал-демократической партии (ССДП) Д. Туцович, полноправным членом Балканской федерации должна стать Османская империя. Более того, именно в этом он видел путь к решению ключевых региональных проблем (в том числе косовской). Он заключался, по словам Д. Туцовича, в том, чтобы предоставить народу в ее балканских областях, в том числе в Албании, без учета веры и народности, «больше гарантий для свободной жизни и развития»²⁵. Кроме того, «внутреннее освобождение народа в этих областях есть первое условие и для его участия в общей Балканской конфедерации, в которой Турции принадлежит такая значительная роль, и в которой она может иметь особый интерес»²⁶. Поэтому, делал вывод Д. Туцович, социал-демократия на Балканах (которая является самым горячим приверженцем идеи этой конфедерации) должна внимательно

наблюдать за событиями в Турции и выступать за скорейшее создание условий для свободного определения народов в ней, в том числе и албанского. В борьбе за пропаганду партийных установок по албанскому вопросу сербские социал-демократы активно использовали парламентскую трибуну. Как говорилось в отчете Главного партийного управления ССДП X съезду партии, состоявшемуся 30 января — 1 февраля 1914 г., весной 1913 г. «на повестку дня в Народной скупщине не выносилось ничего, чтобы наши депутаты не брали слово, всегда начиная и завершая каждую свою речь одним и тем же требованием: осуществить демобилизацию армии, вернуться к миру, достичь объединения балканских народов в федерации балканских республик»²⁷.

Наконец, есть еще одно направление, которое представляется очень важным при планировании исторических исследований в области славяноведения и балканистики: это поиск ответа на вопрос, какие именно темы находились и находятся в общественно-политическом дискурсе государств Балканского полуострова в те или иные исторические эпохи и на какую именно поддержку со стороны России они «рассчитывают». Это позволит уйти от традиционной парадигмы исторической противоречивости взаимных ожиданий и поможет воссоздать историческую сферу взаимных интересов России и ее балканских союзников, партнеров и даже оппонентов с тем, чтобы на данной основе попытаться выстроить новые модели их перспективного взаимодействия.

Примечания

- ¹ Искендеров П.А. Проблемы применения принципов ситуационной логики в изучении истории международных отношений // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 167.
- ² Souza, Leão de L. Bringing Historical Sociology and Path-Dependence Together: A Case Study of the Brazilian Political Economy (1930–2000) // Historical Social Research. Vol. 38. 2013. № 2. P. 175–176.
- ³ Подробнее см.: Хвостов В.М. Ближневосточный кризис 1895–1897 гг. // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 52–53; Федорова Е.В. Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский — кузнец внешней политики, министр МИД, генеалог, историк, коллекционер. М., 2022.
- ⁴ История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 124.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 161. Л. 24–26, 33.

- ⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5270. Л. 8–9.
- ⁷ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 38.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1349. Л. 142–143.
- ⁹ АВПРИ. Ф. Комиссия. Оп. 910. Л. 195. Л. 86–87.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 269–272.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 272.
- ¹² *Богатуров А.Д.* Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. № 3. С. 30.
- ¹³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 127.
- ¹⁴ Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 4.
- ¹⁵ *Жерлицына Н.А.* Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 76.
- ¹⁶ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 7.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Николай Генрихович Гартвиг // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 35–44.
- ¹⁸ Цит по: *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне. М.–Л., 1940. С. 166.
- ¹⁹ Там же. С. 168.
- ²⁰ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 94–95.
- ²¹ *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 222.
- ²² *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 68.
- ²³ *Стругар В.* Српска социјалдемократска странка о југословенском питању 1914–1918 // Српска социјалдемократска странка. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18.19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 223.
- ²⁴ Там же. С. 225.
- ²⁵ Там же. С. 403.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 329.

ГЛАВА VI

ПО СТРАНИЦАМ ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминания о сотрудничестве со словенскими учеными

Я стала заниматься Словенией в 1954 г., когда поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР¹. Одной из первых задач, стоявших тогда перед Институтом, было создание историй славянских стран. Среди его сотрудников имелись специалисты по истории почти всех славянских народов, однако по истории словенцев специалистов еще не было. Поэтому руководитель сектора истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма С.А. Никитин² предложил мне выбрать тему диссертации по истории Словении. Это объяснялось отчасти тем, что я уже полгода занималась словенским языком со словенцем **Янезом Зором**³, который во время Второй мировой войны сражался в партизанском отряде. В 1956–1958 гг. его командировали из Югославии в Московский университет для написания диссертации о русско-словенских культурных связях. Эту диссертацию он так и не написал, а углубленно занимался исследованием одного из древнейших памятников русской литературы «Слова о полку Игореве» (это была тема его дипломной работы) и настолько увлекся им, что даже своего сына назвал Бояном. Янез прекрасно владел русским языком, говорил на нем без малейшего акцента. Словенский язык он преподавал небольшой группе русских аспирантов, в которую входила и я. Занятия проводились вечером, когда учитель и ученики уже были достаточно усталыми. Обычно мы читали словенские тексты и переводили их на русский язык. За полгода занятий я узнала, что словенский язык очень древний, в нем сохранились многие формы старославянского языка, даже двойственное число. К тому же я научилась читать и понимать исторические словенские тексты. Зор мне принес для чтения книгу по словенской истории⁴ Фердо Гестрина⁵ и Василия Мелика⁶. Она была написана литератур-

Я. Зор и И.В. Чуркина. 1967 г.
(из личного архива И.В. Чуркиной)

ным словенским языком, который я быстро научилась понимать, и в конце наших занятий читала ее уже без словаря.

Я встретила с Зором спустя более 10 лет в Любляне, куда приехала на конференцию. В то время он преподавал русский язык в Люблянском университете⁷. Мы с удовольствием болтали с ним по-русски, вспоминали Москву и наши занятия словенским

языком. И позднее, почти каждый раз, когда я приезжала в Словению, мы встречались с Янезом. Он расспрашивал меня о Москве, и я рассказывала ему о московских новостройках — МКАД, новых станциях метро и т.д., а также привозила ему интересовавшие его материалы. Кроме того, он не раз говорил мне, что наши беседы помогают ему не забыть русский язык. Зор водил меня по тем местам, где ему приходилось воевать. Особенно мне запомнилась наша пешеходная прогулка в Люблянский замок⁸. Он находился на горе, сплошь покрытой деревьями и ползучим колючим кустарником. К воротам замка вела дорога, по которой ездили машины, велосипедисты, шли пешие экскурсанты. Но Зор провел меня к крепости партизанской тропой, которую проложили партизаны, чтобы незаметно пробираться к стенам замка. Во время оккупации там находились небольшой итальянский или немецкий гарнизон и тюрьма с наиболее важными военнопленными, чаще всего партизанами. Там же происходили казни. В крепости постоянно жил католический священник, который вел беседы с арестантами и исповедовал осужденных на смерть. При нем находился помощник (алтарник). Он в определенное место у стены сбрасывал сверток с листками, в которых содержались сведения о заключенных. Иногда там были и весточки от них. Зор вел меня по этой партизанской тропе более двух часов, вспоминая, где она пролежала. В конце этого похода я настолько устала, что обратный путь нам пришлось проделать на такси.

Зор свозил меня и на озеро Бохинь, одно из двух удивительных горных озёр Словении. Большое впечатление произвело на меня второе озеро — Блед, расположенное недалеко от наиболее важных дорог Верхней Крайны. Оно давно стало одним из популярных туристических объектов. Я посетила его несколько раз и даже однажды проплыла до острова в его центре, где по преданию находилось святилище древних жителей Словении.

Бохинь же находился в труднодоступной горной местности, куда нелегко было добраться обычному туристу. Там не было памятников старинной архитектуры. Зор имел у озера небольшой домик, состоящий из одной комнаты, в которой находились стол и кровать, а также полки с русскими книгами. Научных трудов там было мало, в основном — сочинения русских классиков ху-

дожественной литературы: А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и др. Здесь Зор проводил обычно несколько летних и осенних месяцев. Хижина Зора давно снесена, местонахождение его библиотеки неизвестно.

И еще одну особенность Янеза Зора мне бы хотелось отметить. Он знал немецкий язык, что использовалось во время войны партизанами. Но спустя много лет после освобождения от немецкой оккупации, когда в Словении появились немецкие экскурсанты, при посещении нами небольших кафе, услышав немецкую речь, он немедленно их покидал.

В конце 1950-х годов я встретила на пару часов с известным словенским историком **Милко Косом**⁹. Еще в 1933 г. вышла его книга «История словенцев от первых поселений до реформации»¹⁰. Она по праву считается его крупнейшим трудом и первым опытом комплексного анализа словенской средневековой истории. Кос приехал в Москву для ознакомления с архивами. Мы встретились в Исторической библиотеке, которая принимала ученого. Кос не знал русского языка, а я знала словенский довольно плохо. И всё же он понял, что я запуталась в словенской топонимике. Дело в том, что словенские земли вплоть до окончания Первой мировой войны находились в Италии или в Австро-Венгрии, и в быту, и в официальных документах употреблялись обычно немецкие и итальянские названия словенских городов, селений и прочих местностей. Иногда один и тот же пункт имел три названия. Через несколько месяцев после нашей встречи в Институт на мое имя пришел пакет, в котором находился список основных географических наименований в трех вариантах — словенском, итальянском и немецком. Этот список прислал М. Кос, и я пользовалась им много лет.

Первый раз я посетила Словению в 1960 г., когда там были организованы курсы по изучению словенского языка и литературы. На них от России были отправлены я и молодой лингвист Владимир Дыбо¹¹. На вокзале нас встретили словенские ученые Франц Якопин¹² и Борис Патерну¹³. Якопин и дальше периодически нас опекал. Его специальностью были белорусский язык и литература, но одновременно он занимался украинским и русским языками. Он составил русско-словенский учебный словарь

и грамматику русского литературного языка, и в то время считался крупнейшим словенским русистом¹⁴. Большой интерес представляет его исследование о русских словах, введенных в словенский литературный язык.

На курсы 1960 г. приехало около 20 славистов из стран Европы и Америки. Они по преимуществу являлись специалистами по русскому языку и литературе. Словенским языком и историей занимались только я и Дыбо. Руководил курсами лингвист **Валентин Логар**¹⁵. Он занимался изучением словенских диалектов, которых в настоящее время насчитывается около 50. Логар родился в зажиточной крестьянской семье, где было 10 сыновей. В период немецкой оккупации все они были партизанами. До войны Логар учился в Люблянском университете у видного словенского диалектолога Ф. Рамовша¹⁶ и по ее окончании продолжил работать с Рамовшем в Институте словенского языка Словенской академии наук и искусств (САНИ). После разрыва отношений СССР с Югославией в конце 1940-х годов Логар выступил против политики белградского правительства, и был в заключен в лагерь на Голом Отоке. Однако через некоторое время при активном содействии Ф. Рамовша его оттуда выпустили.

В 1950-е годы еще стоял вопрос об установлении новых границ в Европе по результатам Второй мировой войны. Страны, воевавшие против итальянских фашистов и немецких нацистов, получили некоторые территории, входившие в их государства. Получила их и Югославия, народы которой активно боролись против Гитлера и Муссолини. Однако часть словенских земель осталась в Австрии в Каринтии, а Триест и его округ — в Италии. Создание Словенского лингвистического атласа имело большое политическое значение, оно давало возможность югославскому правительству бороться за права соотечественников в этих государствах, а в будущем, возможно, и присоединить их к Югославии.

Определяя границы словенских диалектов, Логар исходил пешком почти все словенские земли. Наш с Дыбо интерес к Словении ему очень импонировал. Он возил на экскурсии всех участников курсов, но особенное внимание уделял мне и Володе и помимо общих экскурсий устраивал для нас частные поездки

В. Логар в московском метро
(из личного архива И.В. Чуркиной)

по стране, благодаря чему мы познакомились со многими интересными местами Словении. В студенческие годы во время каникул я со студенческими отрядами осмотрела многие средневековые русские города и монастыри. Размеры их крепост-

ных сооружений во много раз превосходили размеры словенских монастырей и замков. Так, Люблянский град и немецкий монастырь-крепость Крижанки, форпост ордена крестоносцев на юге, и по величине стен, и по их толщине даже отдаленно не могли сравниться со стенами русских монастырей, Новодевичьего или Троице-Сергиевой лавры.

И позднее, когда я приезжала в Словению, то нередко встречалась с В. Логаром. Он обычно сообщал мне о вновь открытых словенских диалектах и иногда возил меня в места, где они были распространены. Особенно мне запомнилась наша поездка на ярмарку сыра, которая проводилась в южной Словении. Я никогда больше не видела такого разнообразия сыров — твердых и мягких, кислых, соленых и сладких, с плесенью и без. Эта область Словении славилась своими сыроварнями, при этом каждый ее район изготавливал свой сорт. Сыры покупали не только в Югославии, но и в Австрии, Италии, Германии. Логар на этой ярмарке встречался со своими помощниками, жителями интересующих его селений. Это были гимназисты, учителя, пенсионеры, вернувшиеся из крупных городов на родину, священники. Он давал им различные поручения, принимал их отчеты о проделанной работе, договаривался о своем приезде в их селения.

Ко мне он приставил в качестве провожатого гимназиста, изучавшего русский язык. Тот привел меня к лавке, где продавались образцы разных видов сыров, и угостил некоторыми из них. Я полагаю, что их было не менее двух десятков. Честно признаюсь, что из них мне пришлось по вкусу только штук пять. В свою очередь, когда Логар приезжал в Москву, я старалась показать ему интересные места Москвы и Подмосковья. Особый интерес у него вызывал московский метрополитен.

Курсы, на которых я была с Владимиром Дыбо, проводились летом, когда большинство словенских историков находились в отпуске. С ними я познакомилась через несколько лет.

Последующие мои посещения Словении происходили во второй половине 1960-х годов. К этому времени я защитила кандидатскую диссертацию «Развитие горной промышленности в словен-

ских землях в XVI в.», опубликовала несколько трудов по словенской истории, в том числе рецензию на книгу Ф. Гестрина и В. Мелика¹⁷. Это стало поводом для моего личного знакомства с Меликом. В это время я работала над сбором документов для совместной советско-чехословацко-югославской публикации «Зарубежные славяне и Россия»¹⁸. В русских архивах я обнаружила документы видного словенского национального деятеля Матии Маяра¹⁹. Во время революции 1848–1849 гг. он был одним из создателей словенской национальной политической программы «Объединенная Словения», которая предусматривала объединение всех словенских земель в единое административное целое, а после революции стремился создать общеславянский литературный язык. По этому поводу Маяр вел переписку с русскими славянофилами. На основе этих документов я опубликовала несколько статей. Они заинтересовали видного словенского историка **Франа Цвиттера**²⁰, предложившего мне опубликовать перевод одной из них в «Историческом журнале» Словении²¹, редактором которого он являлся. К тому времени я обнаружила материалы об участии Маяра в российской Этнографической выставке 1867 г.²². Я решила написать на основе всех открытых мною материалов небольшую книгу о Маяре и сообщила об этом Цвиттеру. Тот одобрил мое намерение и обещал издать ее в Словении. Я послала рукопись книги на русском языке, и в 1974 г. моя монография о Маяре в словенском переводе²³ была опубликована в Любляне. Я довольно часто общалась с Цвиттером, большим югославским и словенским патриотом. С первых дней немецкой оккупации он ушел к партизанам и был там до конца войны. Образованный и отважный человек, он занимался в отряде сбором документов — партизанских листовок, распоряжений немецких оккупантов, которые они вывешивали в захваченных городах и селах. В январе 1944–марте 1945 гг. он руководил Научным институтом Исполнительного совета Освободительного фронта, готовившим документацию по пограничным вопросам и экспертизы по югославским территориальным претензиям к Италии и Австрии. Партизаны не брали его на оперативные задания, поскольку он отличался феноменальной рассеянностью. (Я испытала ее на себе, когда сопровождала его во время одной

из конференций в Москве.) Собранные Цвиттером материалы о Второй мировой войне в словенских землях находятся в словенских архивах.

Тесные связи установились у меня с **Василием Меликом**, который охотно помогал мне, когда я перешла от исследований по словенскому средневековью к изучению словенской истории XIX века. Так, он рекомендовал мне книги и статьи словенских ученых, которые, по его мнению, могли мне пригодиться. После смерти Цвиттера В. Мелик стал редактором словенского исторического журнала «Zgodovinski časopis» и способствовал публикации в нем некоторых моих статей. Мелик с удовольствием принял предложение участвовать в совместной советско-югославской публикации документов из архива М.Ф. Раевского, не вошедших в сборник «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975). Новый документальный труд планировали издать в Югославии.

*Справа налево: И.В. Чуркина, В. Логар, неизвестная дама,
В. Мелик, Е.И. Рябова. Словения, Рибница, 1975 г.
(из личного архива И.В. Чуркиной)*

Его первый том опубликовали в 1989 г. в Белграде²⁴. Среди его редакторов был и В. Мелик. Однако второй том так и не появился в свет — в начале 1990-х годов произошел распад СССР, а затем и Югославии. Мелик поехал в Белград и забрал все словенские документы. Так же поступили и хорваты. Документы, увезенные Меликом, позднее вошли в состав словенско-русской публикации, но это случилось уже после его смерти. В 1995 г. в Любляне была опубликована моя книга²⁵, изданная Словенской Матицей. В небольшом послесловии Мелик дал ей положительную оценку, подчеркнув значение русско-словенских связей для изучения словенского национального движения в XIX веке. При публикации своей книги я столкнулась с определенными трудностями, так как ее издание пришлось на время распада СССР и Югославии. Ее выход в значительной степени является заслугой как моих словенских друзей, так и российского дипломата, много лет проработавшего в Словении, Галины Игоревны Замятиной. Ранее она

*В. Мелик (2-й справа), И.В. Чуркина (3-я справа),
Е.Ф. Фирсов (2-й слева). Порторож, сентябрь 1998 г.
(из личного архива И.В. Чуркиной)*

несколько лет работала в Институте славяноведения и впоследствии не раз помогала мне, когда я приезжала в Словению.

И с Цвиттером, и с Меликом меня связывали теплые дружеские отношения. Когда я приезжала в Люблян, они всегда встречались со мной и приглашали в гости. Их интересовали не только мои исследования по русско-словенским связям, но и культура России, жизнь русского общества, его интересы и чаяния.

Особо дружеские отношения сложились у меня с историками-коммунистами с довоенным стажем **Душаном Кермавнером**²⁶ и **Францем Клопичем**²⁷. Кермавнер в 1930-е годы работал вместе с Э. Карделем, который в послевоенной Югославии являлся вторым человеком после Й. Броз Тито в руководстве страны. Во время войны Кермавнер был захвачен фашистами на конспиративной квартире и несколько лет провел в фашистских концлагерях. После войны он занимал высокие политические посты в Словении, но после разрыва отношений Югославии с СССР выступил против политики югославского руководства, за что в 1948 г. попал в тюрьму. По поручительству Карделя уже в 1949 г. его выпустили из заключения и разрешили заниматься историей Словении, но только до Первой мировой войны. Он изучал историю рабочего движения в словенских землях, а также участвовал в написании подробных комментариев к пятитомному труду одного из последовательных словенских русофилов, историка словенской литературы Ивана Приятеля²⁸. Кермавнер обнаружил его неопубликованные заметки и напечатал их с обширными комментариями, некоторые из которых представляли собой небольшие исследования.

С Кермавнером я познакомилась в конце 1950-х годов, когда он приехал в научную командировку в Москву, в наш Институт, и мне поручили его сопровождать. Мы осмотрели Красную площадь и часть Кремлевской стены, выходящей на Манежную площадь. Основное время он провел в архиве Института марксизма-ленинизма²⁹, где собирал материал о словенских коммунистах, живших в СССР в 1930-е годы.

В 1960-е годы я работала над документами архива протоиерея М.Ф. Раевского, видного русского славянофила, и вследствие этого перешла к изучению словенской истории XIX века. Во время

одной из моих командировок в Словению Кермавнер показал мне старую часть Любляны, особо он остановился у самого древнего, Чевлярского, моста (моста сапожников) через реку Любляницу. Вдоль него в прежние времена располагались сапожные мастерские, и одна из них еще иногда работала. Именно здесь Кермавнер рассказал мне об Иване Хрибаре, крупном словенском национальном деятеле конца XIX — первой половины XX вв. Хрибар был банкиром. Много лет он занимал должность жупана Любляны и немало сделал, чтобы превратить ее в современный город. Он являлся убежденным русофилом, до Первой мировой войны часто ездил в Россию. После революции 1917 г. отношение Хрибара к России не изменилось. В 1930-е годы, уже находясь на пенсии, он частным образом преподавал русский язык. Среди его учеников был и молодой коммунист Кермавнер, с которым у него завязались приятельские отношения. По словам Кермавнера, Хрибар тяжело переживал оккупацию Югославии немцами и итальянцами. Он был уверен, что хотя немцы и заключили с СССР пакт о ненападении, они всё равно нападут на него. Он верил в будущую победу над фашизмом, но думал, что она произойдет нескоро, а жить под властью фашистов не хотел. Кермавнер рассказывал, что Хрибар сообщил близким ученикам о своем намерении покончить с жизнью, что и сделал, бросившись 18 апреля 1941 г. с Чевлярского моста в Любляницу. Кермавнер был уверен, что если бы Хрибар знал о том, что вскоре гитлеровская Германия нападет на СССР и тот будет сражаться против нее, словенский политик не совершил бы самоубийства, так как верил, что СССР обязательно победит немцев.

Кермавнер указал мне на ряд сборников, выпущенных историками некоторых словенских городов, в которых имелись статьи по интересующей меня теме. Он же показал мне малоизвестные библиотеки и архивы (например, Славянскую библиотеку в Любляне), где могли находиться необходимые для меня материалы. Кермавнер познакомил меня с Ф. Клопичем, с которым у меня тоже сложились дружеские отношения.

Ф. Клопич в 1930-е годы как молодой коммунист был отправлен на учебу в СССР. Перед войной по доносу он был арестован, и много лет находился в советских лагерях для политзаключенных.

В начале 1950-х годов он вышел на свободу и уехал в Югославию. В СССР Клопчич носил другую фамилию и имя Владимир Павлович. Я тоже по его просьбе называла его Владимиром Павловичем. Мне рассказывали, что его посадили из-за критических высказываний его жены о некоторых действиях советского правительства. В своих воспоминаниях он оправдывал репрессии советских властей сложной обстановкой, сложившейся в СССР накануне нападения на него фашистской Германии³⁰. Владимир Павлович рассказывал, что в лагере находились и такие люди, которые радовались победам немцев. После возвращения в Югославию Клопчич изучал рабочее движение в словенских землях до Первой мировой войны. Он раза два возил меня в южные словенские земли, в Триест и Горицу, которые находились в Италии. До Первой мировой войны словенские рабочие входили там в те же организации, что немцы и итальянцы, но вместе с тем выдвигали и свои национальные требования. Так, поддерживая требование создания культурно-национальной автономии, они полагали, что ее следует ввести не только в Австро-Венгрии, но и в будущем государстве Югославия. Кермавнер выступал вместе с Клопчичем против некоторых трактовок событий словенской истории югославскими учеными. Но и у них самих были разногласия по ряду вопросов. В первое время, когда мы встречались втроем, обычно в библиотеках или небольших кафе, они спрашивали мое мнение по спорным проблемам. Я отвечала, что слишком мало еще знаю словенскую историю, чтобы быть судьей в таких сложных вопросах.

Обычно я не встречалась с их женами. Только однажды они пришли на нашу встречу вместе со своими мужьями. Обе они были коммунистками с довоенного времени. Все вместе — Кермавнер, его жена Берта, Клопчич, его жена Нина и я — мы отправились путешествовать на машине Клопчича, которую он сам вел. Я не помню, куда мы приехали, но это была гористая местность где-то между Италией и Австрией, владения зажиточного крестьянина. Мы остановились у небольшой закуской, а затем пешком по едва заметным тропам дошли до его усадьбы. Женщины, в том числе и я, расположились у садового столика, окруженного скамейками, и стали обедать. Мужчины отправи-

лись к дому, видневшемуся за деревьями. Вскоре к нам подошли две красивые молодые женщины с очаровательным мальчуганом лет пяти, который нес корзинку со спелой черешней. Они поздоровались и поставили корзинку на стол. Мы пригласили их к столу, но они вежливо отказались. Берта отдала малышу печенье и конфеты, которые мы привезли с собой, он принял их, несмотря на протесты старших, не забыв нас поблагодарить. Вскоре пришли Кермавнер и Клопчич, а спустя некоторое время к нам присоединился мужчина лет тридцати с небольшим, который принес большую корзину с черешней. Он помог донести ее до машины и пристроить на крыше автомобиля, и мы отправились в Любляну. Всю обратную дорогу мужчины молчали, а женщины вспоминали свои молодые годы. Уже потом Клопчич рассказал мне, что мы посещали человека, который во время войны выдал местонахождение Кермавнера немцам. Один из соседей сообщил словенским пособникам оккупантов, что у этого крестьянина скрывается известный коммунист. Его выдали комендатуре. Тот не хотел ничего говорить, несмотря на побои. Но когда привели его жену с ребенком и пригрозили их убить, он сдался и указал место, где скрывался подпольщик. Чем окончилась встреча через тридцать с лишним лет между Кермавнером и предавшим его крестьянином, я не знаю. Кермавнера я не спрашивала, а Клопчич тоже никогда мне об этом не рассказывал. Это была моя последняя встреча с Кермавнером — вскоре он умер из-за тяжелых болезней, полученных им в фашистском лагере.

И позднее я несколько раз ездила с Клопчичем по Словении, обычно в субботу или воскресенье, когда библиотеки и архивы не работали. Клопчич собирал материал о партизанском движении в словенских землях во время фашистской оккупации, посещая своих товарищей еще с довоенных времен, которые принимали в нем участие. К тому времени их осталось очень немного, но еще были живы их дети и друзья, которые могли рассказать о них. Обычно это были простые люди, они разговаривали на одном из словенских диалектов, и я часто не понимала их речь.

Мне запомнились один пеший поход с Владимиром Павловичем по Любляне и его разговор со старым люблянцем, которого он знал еще с довоенного времени. В начале 1942 г. Любляна

по приказу итальянских властей была обнесена колючей проволокой, и окрестное население, прежде всего крестьяне, привозившие на рынок продовольствие, должны были показывать пропуск страже, охранявшей проходы в город. Это было сделано для того, чтобы не допустить связи местных подпольщиков с партизанами. Когда немцы потерпели поражение под Сталинградом, власти вывесили траурный флаг в центре города. Жители Любляны, обычно предпочитавшие отсиживаться дома, узнав об этом от подпольщиков, высыпали на улицу и стали поздравлять друг друга. Уже через пару часов власти приказали убрать флаг. Соборный материал об антифашистском движении Клопчич публиковал в различных словенских сборниках и газетах.

Самые хорошие отношения сложились у меня с историком и социологом **Марьяном Бритовшеком**³¹. Он родился в образованной словенской семье в Нижней Штирии, где проживало смешанное словенское и немецкое население. После Первой мировой войны эта область вошла в состав Югославии, а после захвата ее немцами во время Второй мировой войны была включена в состав Третьего рейха. Значительная часть штирийских словенцев была отправлена в концентрационные лагеря или выселена в Боснию. Уже в первые дни немецкой оккупации молодые словенские патриоты, большую часть которых составляли коммунисты, создали партизанский отряд. Он базировался в горах недалеко от Марибора, главного города Нижней Штирии. Командир отряда послал Бритовшека, самого молодого среди партизан, в город для налаживания связей с подпольщиками. Ему не удалось выполнить эту задачу, поскольку человек, к которому его направили, был арестован. Когда Бритовшек возвращался в отряд, его остановил патруль местных немцев, пособников фашистов. От расправы его спас учебник немецкого языка, который он взял с собой. По приказу командира партизанского отряда Марьян совершенствовал свой немецкий язык, чтобы потом допрашивать пленных немцев. Ведь он был единственным в отряде, кто изучал его в гимназии, остальные партизаны были из рабочих и крестьян. Бритовшек часто брал этот учебник с собой.

Вскоре Марьян узнал о гибели товарищей. Отряды местных немцев следили за передвижением словенских партизан и ночью,

во время сна, напали на них. Так был уничтожен партизанский отряд словенцев, который даже не успел вступить в бой. Бритовшек после этого был отправлен в Боснию вместе с другими мирными словенцами. Там он связался с местными подпольщиками и сражался в их рядах. Этот случай произвел большое впечатление на Марьяна, он не раз рассказывал мне о нем, а однажды даже взял меня с собой в поездку к могиле погибших партизан, и мы возложили на нее цветы.

После войны Бритовшек окончил историческое отделение Философского факультета Люблянского университета и затем преподавал в нем историю и социологию. Он написал ряд книг по истории Словении, а также СССР. В то время он был единственным среди не только словенских, но и югославских ученых, кто занимался исследованием истории Советского Союза, и считался крупнейшим знатоком сталинизма. Меня особенно заинтересовала его книга об одном из видных деятелей революции 1848 г. в Австрийской империи Антоне Фюстере, словенце по происхождению³². На этой почве мы и познакомились с Бритовшеком. Мы обсуждали с ним проблемы революции 1848 г. не в университете, а у него дома, где я встретила с его женой Марией. Это была замечательная женщина, настоящая жена ученого. В том, что Бритовшек сумел написать так много работ, обучив при этом многих учеников, несомненно, есть и заслуга Марии. Перед войной она была активной комсомолкой и даже приняла другое имя — Ана, Анка. Это имя завоевало популярность среди словенских комсомолок 1930-х годов после того, как в Югославии вышел на экраны советский фильм «Чапаев», где одной из главных героинь была Анка-пулеметчица. Мария представилась мне как Анка, и я была убеждена, что это ее настоящее имя. Когда мне сообщили о смерти Марии Бритовшек, я сначала не поняла, что это жена Марьяна, и выразила ему соболезнование только спустя неделю после ее смерти, когда узнала, что настоящее ее имя не Ана, а Мария. Мария отличалась доброжелательностью и гостеприимством. Всех, кто приходил к ее мужу, его коллег и учеников, она угощала обедом.

Я встречалась и с одним из крупнейших словенских историков того времени **Богославом Графенауэром**³³. В начале Второй

мировой войны он проходил службу в югославской армии, затем некоторое время находился в немецком плену. Вернувшись в Любляну, сотрудничал с Освободительным фронтом Словении, вскоре был интернирован в Италию, откуда вернулся в 1944 г. После войны Графенауэр участвовал в различных югославских и европейских комиссиях по определению новых границ в Европе. Одновременно он преподавал историю в Люблянском университете. По своим взглядам Графенауэр был христианским социалистом и горячо верующим человеком.

Он занимался словенским средневековьем и опубликовал пять томов «Истории словенского народа»³⁴, а также множество статей и других книг. Словенцы создали свой письменный язык только в XVI в., а до этого сведения о них можно было получить лишь из немецких, византийских, латинских, русских и других зарубежных источников. Графенауэр знал все эти языки, кроме того, он хорошо изучил и европейскую средневековую археологию. Особое внимание он уделял приходу славян на Балканы и созданию там их первых государственных объединений, а также крестьянскому движению в словенских землях.

С 1960-х годов российский лингвист О.Н. Трубачев в Институте русского языка АН СССР возглавлял работу над «Этимологическим словарем славянских языков»³⁵. По просьбе Графенауэра я привезла ему некоторые материалы по этой теме, изданные Трубачевым и его сотрудниками еще до выхода в свет в 1974 г. первого тома словаря. Так я познакомилась с Графенауэром лично. Мы общались некоторое время, я консультировалась с ним по ряду вопросов, когда занималась средневековьем. Однако я не всегда понимала его речь. Когда я пожаловалась на это Янезу Зору, он рассмеялся и сказал, что словенские студенты тоже плохо его понимают. Позднее Графенауэр просто оставлял для меня в университете свои новые труды, которые я получала, когда приезжала в Любляну на конференцию или в командировку. Все мои работы по средневековой Словении опираются на его исследования.

Несколько слов мне хочется сказать об **Александре (Саше) Дерганц**³⁶. Ее отец был сыном русского белогвардейского офицера высокого ранга. Он бросил жену с ребенком и уехал в Аме-

*На приеме у президента Словении М. Кучана, 10.12.1999 г.
Справа М. Кучан, в центре С. Дерганц, слева И.В. Чуркина
(из личного архива И.В. Чуркиной)*

рику. Ее мама не уделяла ей внимания, зато ее любили русские дедушка и бабушка, от которых она научилась прекрасно говорить по-русски. Саша была моложе меня и, в отличие от старших коллег, являлась для меня скорее подругой, чем учителем. Она преподавала русский язык на Философском факультете Люблянского университета. Также она переводила с русского языка или на русский язык документы, приходящие в университет из русских учреждений, и отправлявшиеся туда из Люблянского университета ответы. Бабушка и дедушка обучили Сашу прекрасному русскому языку Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, но за годы советской власти в него вошло большое количество новых слов, особенно в его канцелярский вариант. Обычно Саша приходила в библиотеку или в архив (в зависимости от того, где я работала) незадолго до их закрытия, и мы вместе разбирали непонятные для нее слова. К этому времени я со своей стороны тоже собира-

ла непонятные мне выражения из словенских книг и документов. Так мы взаимно помогали друг другу. Из всех словенских ученых Саша была единственной, которой я могла как-то отплатить за помощь.

В те годы я познакомилась и со словенкой из австрийской Каринтии **Катей Штурм Шнабль**³⁷. Она сама отыскала меня во время своей поездки с австрийскими ветеранами Второй мировой войны в Москву. Ее я заинтересовала как автор книги о Матии Майре, который активно участвовал в словенском национальном движении в Каринтии во второй половине XIX в. Катя родилась в семье словенского национального деятеля, жившего и работавшего в Каринтии, которая перед Второй мировой войной входила в состав Австрии, а затем стала частью фашистского Третьего рейха. После оккупации отец с сыновьями скрывался, а мать Кати с двумя маленькими дочками оставалась дома, поскольку у нее только что родилась младшая девочка, сестра Кати. Местный немец, староста селения, где проживала семья Кати, обещал, что оккупанты их не тронут. Но те не приняли во внимание ходатайство старосты и отправили мать Кати с обеими дочками в лагерь. Там малышка вскоре заболела. Мать обратилась к лагерному врачу. Тот осмотрел девочку и сделал ей укол, после которого она умерла на руках у матери, а врач спокойно ушел. Этот случай Катя запомнила на всю жизнь — как дёрнулось после укола тело сестренки, и отчаяние в глазах матери. С того времени она стала прятать Катю от каждого приближавшегося к ним немецкого стражника, а девочка начала бояться всех немцев. Позднее, когда она выросла, этот страх превратился в ненависть к фашистам. После поражения Германии они с матерью, отец и братья вернулись домой. Всем хозяйством заправляла мать, отец же большую часть времени отдавал возрождению в Каринтии национальных словенских обществ, братья учились и помогали матери. Катя тоже пошла в школу, прекрасно училась, и ее, единственную из детей, отправили получать высшее образование в Венский университет. Там она изучала славянские языки и этнографию, а потом вела занятия со студентами по этим предметам.

В Вене Катя встретила молодого человека, который являлся потомком Матии Майра. Его бабушка Шнабль в течение ряда лет

была экономкой Маяра, у них родилось несколько детей, и Маяр признавал их своими, хотя официально, будучи католическим священником, он не мог жениться. Катя вышла замуж за этого молодого человека, и он познакомил ее с трудами своего предка. Катя в то время по-своему интерпретировала взгляды Маяра. Поскольку он пытался создать общий язык для всех славян, она пришла к убеждению, что он считал всех славян одним народом и что они должны объединиться, чтобы одолеть немцев и стать независимыми. Катя знала несколько иностранных языков, в том числе русский. Им она владела в совершенстве. Много лет она преподавала в Венском университете южнославянскую и словенскую литературу и историю культуры, а также исследовала развитие словенского языка и словенской культуры в родной Каринтии. Катя обследовала австрийские села в северной Каринтии, стремясь найти на кладбищах и в церковных записях образцы словенской письменности. И часто это ей удавалось. Так, она пришла к выводу, что некогда вся Каринтия была заселена словенцами. Катя написала об этом несколько небольших статей, которые были напечатаны в ряде изданий в Словении, и о ней узнали словенские ученые. Теплые отношения установились у нее с Графенауэром и Логаром. Они одобряли ее труды по этнографии, но отстранялись от ее политических взглядов, справедливо считая их нереальными. С Катей мы встречались изредка в Словении или в России, куда она иногда приезжала. Среди русских ученых ее взгляды об объединении славян вызывали улыбку, но у некоторых югославских эмигрантов они имели успех. А ее археологические и этнографические исследования не пропали даром. В начале XXI в. она возглавила коллектив по изданию большого трехтомного труда, объединившего сведения по истории, археологии, языкознанию каринтийских словенцев³⁸. К работе над ним она сумела привлечь славистов Европы, Азии и Америки. Я тоже написала для него несколько статей. Труд был издан на средства спонсоров, которых Катя нашла среди зажиточных словенских и славянских эмигрантов.

Особенно я запомнила одну нашу встречу под Новый год, где-то на рубеже XX и XXI вв. В декабре я оказалась в Любляне в командировке, а в самом начале следующего года должна была

*К. Штурм Шнабль (слева)
и словенский лингвист В. Смоле (справа).*

Любляна, 12.10. 2019 г.

(из личного архива В. Смоле)

выступать там на конференции. После образования вместо СССР и Югославии нескольких независимых государств путь из Москвы в Любляну по железной дороге занимал не менее трех суток из-за увеличившегося числа таможенных досмотров. Я решила провести новогодние праздники в Любляне, тем более что словенская сторона согласилась оплатить мне несколько дней. Узнав об этом, Катя приехала в Любляну, и мы встретили Новый год вместе в небольшом кафе в студенческом общежитии, где я проживала. Хозяин кафе разрешил двум дамам из Москвы и Вены (в Словении Катя обычно представлялась как жительница Вены) провести новогоднюю ночь в зале для посетителей, оставив нам ключ. Катя привезла бутылку замечательного вина, которым мы угостили и хозяина, я же подарила ему банку сайры, которую в Словении очень ценили. В ответ он предоставил нам даром некоторые не использованные посетителями блюда. Всю ночь мы с Катей провели в пустом зале кафе, болтая на разные темы. Она рассказывала мне о своих посещениях различных поселений в северной Каринтии и окрестностях Вены. И меня поразило сходство

многих обычаев и поверий простого народа этих мест с поверьями и обычаями украинских сел, о которых я знала со школьных времен из произведений Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» — та же вера, что погибшие в реках и озерах девушки превращаются русалок, что нарушение обетов побратимства влечет за собой страшное наказание не только для нарушителя, но и для его потомков, что в определенные дни года лучше не выходить из дома, так как нечистая сила (ведьмы, черти) приобретают страшную силу над человеком и т. д. Неужели все эти люди когда-то были одним народом и, потеряв свой язык, сохранили свои обычаи и верования?! Катя никогда не читала Гоголя, и через некоторое время я прислала ей его книги.

Мое общение с поколением словенских ученых второй половины XX в. происходило через два-три десятилетия после окончания Второй мировой войны, в которой народы СССР и Югославии совместно сражались против фашистов. В послевоенный период между ними сложились в целом дружественные отношения. В это время и контакты между учеными установились соответствующие. В главном вопросе — о необходимости для славянских народов совместно бороться против агрессии и защищать свою национальную самобытность — мы были едины. Вместе с тем наши взгляды на то, как это нужно делать, какие национальные объединения создавать, какие классовые отношения там установить, существенно различались. Я общалась в основном с теми учеными, которым был близок советский вариант. Но и с ними нередко возникали разногласия. Поскольку я изучала историю словенцев в период до Первой мировой войны, мои расхождения со словенскими учеными носили не столь резкий характер, как у тех историков, которые занимались современными вопросами. Так, у нас могли быть разные точки зрения по поводу взглядов и деятельности отдельных словенских политиков XIX века. Мы могли об этом спорить в журналах или, чаще, в личных разговорах, но старались избегать резких высказываний. Однако, должна признаться, что представления словенских ученых об истории своего народа нередко были более правильными. Я была воспи-

тана на марксистской литературе и мало знала труды зарубежных авторов — англичан, французов, немцев. Словенские ученые-коммунисты не были столь привержены стремлению объяснять исторические события и взгляды исторических деятелей ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма, стремясь подтвердить свои выводы конкретными фактами. Это я поняла, слушая споры Клопчича с Кермавнером. Кроме того, моему отходу от слепого следования цитатам классиков марксизма способствовала и работа над публикациями архивных документов, которые рисовали исторические события и исторических деятелей совсем по-другому, чем этого требовала марксистская теория. Поэтому постепенно я тоже стала опираться в своих выводах прежде всего на документы, а не на высказывания классиков. За время моей работы мне неоднократно приходилось участвовать в подготовке публикаций документов, осуществляемых нашим Институтом совместно с научными учреждениями болгар, сербов, словенцев, словаков, чехов. Сотрудничество с коллегами из зарубежных славянских стран помогло мне обогатиться опытом работы с источниками, а главное — найти документы, по-новому освещающие события словенской истории, взгляды ее национальных деятелей.

После распада СССР и Югославии и образования независимых России и Словении в 1991 г. постепенно изменились отношения между словенскими и российскими учеными. Словенские коллеги, безусловно сочувствующие России, ушли из жизни или на пенсию. Их места заняли ученые, с большим вниманием относившиеся к концепциям западных исследователей. Словенские студенты стали учиться не в российских, а в западных университетах. Это было связано и с тем пренебрежительным отношением к истории, которое сложилось в 1990-е годы в новой России.

В это время большую роль в укреплении русско-словенских научных связей и их изучении сыграл **Роман Кокаль**, чиновник министерства иностранных дел нового государства Словения и предприниматель. Он был послан в Москву, чтобы организовать в России словенское представительство. Выбор пал на него потому, что Кокаль имел высшее образование и свободно говорил по-русски. Родом он был из словенской Каринтии, где его родители активно участвовали в национальном движении словенцев.

После Первой мировой войны и образования Югославии они переехали в Словению. Там Роман окончил Люблянский университет, проявив большие способности к изучению иностранных языков. Помимо словенского и русского, он свободно говорил по-немецки и по-английски. Это и стало причиной того, что Кокаля взяли сотрудником в создавшееся министерство иностранных дел Словении. В 1990 г. он был послан в СССР в качестве официального представителя своей страны. Его задачей было, установив непосредственные связи с советским министерством иностранных дел, найти здание, где могло бы разместиться словенское представительство. Кокаль получил от МИД сведения о предполагаемом количестве членов словенского посольства и о круге его деятельности в нашей стране. Он возглавил словенское посольство как временный поверенный в делах Словении в РФ, а само посольство сначала располагалось в здании корпорации «Словения-лес», директором которой Кокаль являлся по совместительству. Только в 1993 г. в Москву приехал первый посол Словении Саша Гержина.

Кокаль связался со словенскими эмигрантами, которые остались в России после ухудшения отношений между СССР и Югославией в 1950-е годы. Это были по преимуществу бывшие партизаны, посланные после войны на учебу в СССР. Они находились тут уже более 30 лет, работали чаще всего на радио, в периодических изданиях, научных учреждениях. Многие обзавелись семьями и уже вышли на пенсию. Большинство из них не думали о возвращении на родину. Но все они восприняли с радостью посещение Кокаля, охотно отвечали на его вопросы, сами рассказывали о положении в России, расспрашивали о делах в Словении. Кокалю удалось объединить словенских эмигрантов в кружок. Многие, проживая в Москве и ее округе, даже не знали друг друга.

Кроме того, Кокаль постарался завязать отношения с русскими учеными, занимавшимися словенской историей, филологией, языкознанием. Их к тому времени было уже несколько человек. Однако большинство российской научной интеллигенции и даже сотрудников МИД России имело о словенцах самое смутное представление, часто путая их со словаками. Кокаль справедливо считал,

что прежде всего российскую общественность надо познакомить со словенцами. По его инициативе и при активной поддержке словенского посольства и Института славяноведения было организовано общество друзей Словении «Триглав», президентом которого выбрали меня. Оно проводило заседания, способствовало ознакомлению россиян с историей и современным положением Словении, помогало организовывать поездки в страну. Важным делом «Триглава» стало издание книги «Знакомьтесь, Словения!»³⁹. «Триглав — это не только самая высокая гора в Словении, которая изображена на гербе и флаге страны, — указывалось в предисловии к книге, — сейчас это уже и символ дружбы между нашими народами». «Знакомьтесь, Словения!» стала своеобразной маленькой энциклопедией, где содержались сведения о географическом положении, политическом строе, истории, культуре, языке, этнографии, экономике страны. Авторами являлись в основном сотрудники Института славяноведения, словенского посольства, а также Н.М. Вагапова из Государственного института искусствознания. Сама я написала главу об истории Словении, а Кокаль — о ее современном положении. Сотрудница кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова О.С. Плотникова составила небольшой русско-словенский разговорник, что имело большое значение, поскольку русско-словенских и словенско-русских словарей, изданных в России в конце XIX — начале XX вв., не было даже во многих научных библиотеках. Кокаль позаботился о размещении в книге нескольких реклам словенских предприятий, продукция которых могла бы заинтересовать россиян. «Знакомьтесь, Словения!» была издана на прекрасной бумаге, с большим количеством фотографий наиболее красивых видов Словении, ее пейзажей, городов и исторических достопримечательностей. Издание книги потребовало больших средств, которые Кокаль получил от различных словенских спонсоров. Книгу бесплатно разослали в научные библиотеки, в различные учреждения, связанные с министерствами иностранных дел и внешней торговли, с изданием периодической печати.

Работа в обществе «Триглав» мало меня устраивала, поскольку я никогда не была склонна к организаторской деятельности. Я мечтала о публикации документов, отображающих культурные

и научные связи между русскими и словенцами на протяжении столетий. Занимаясь долгие годы историей Словении, я открыла в российских и словенских архивах много материалов по этой теме.

С образованием новых государств, России и Словении, научные связи между ними поначалу сократились, но затем постепенно в России стал возрождаться интерес к возобновлению контактов со странами, ранее входившими в состав Югославии. Этим занимались российское министерство иностранных дел и его посольства во вновь созданных независимых государствах. Российское посольство старалось укрепить политические, экономические, научные и культурные связи со Словенией. В этом был заинтересован и Институт славяноведения. В это время происходила перестройка Российской академии наук. Стоял вопрос о важности для науки того или иного академического института, в соответствии с этим определялись число его сотрудников и их зарплата. Руководство Института стремилось вписать в план его работы как можно больше актуальных тем. Это было нелегко, поскольку во многих славянских странах к власти пришли люди, плохо относившиеся к России. Словения в этом отношении являлась исключением. Руководители Института славяноведения спросили у меня, какие темы мы могли бы разрабатывать совместно со словенскими научными учреждениями. Я вспомнила о публикации документов архива М.Ф. Раевского. Из-за политических обстоятельств второй том, уже сформированный и готовый к изданию, так и не увидел свет. Документы, касающиеся словенцев, как уже упоминалось, увез в Словению В. Мелик. Но к тому времени он умер. По поручению дирекции Института я должна была отправиться в Любляну и там договориться о совместной публикации этих материалов с каким-нибудь научным учреждением. С помощью МИД я получила командировку в Словению.

Я приехала в Любляну в надежде встретиться с кем-нибудь из своих прежних знакомых, чтобы посоветоваться с ними, к кому следует обратиться по этому вопросу. Оказалось, что их практически никого не осталось. Именно тогда я вспомнила о давней знакомой, с которой я не общалась много лет. Это была

Мария Облак Чарни⁴⁰, серьезный архивный работник. Я знала ее со времени своих первых поездок в Словению, поскольку часто посещала Архив Словении, где она работала. Иногда я обращалась к ней за помощью, поскольку она прекрасно знала русский язык и могла мне помочь в прочтении ряда документов, написанных на ломаном словенско-русском языке. Мария была женой крупного словенского историка и социолога Людвика Чарни. Я общалась по преимуществу с ним. Чарни был убежден-

Мария Чарни
(из личного архива М. Чарни)

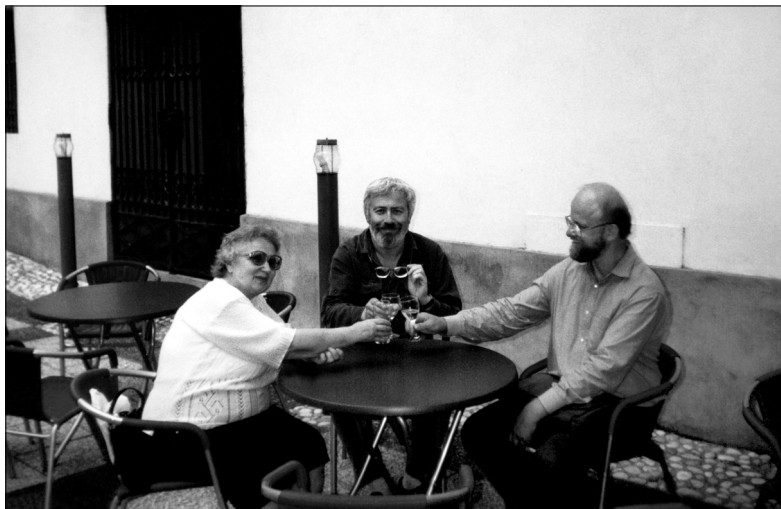

Мария и Людвиг Чарни
(из личного архива М. Чарни)

ным русофилом, прекрасно знал русский язык. Оба их сына тоже с детства знали русский язык. Мои отношения с Марией Чарни в 1990-е годы на время прервались из-за ранней смерти ее мужа.

Марию заинтересовало предложение Института славяноведения о совместном издании документов, что, помимо прочего, способствовало поднятию авторитета не только Архива, но и молодого государства Словения. Она активно содействовала заключению договора и помогала мне в архивных поисках. Мне поручили возглавить работу над этим трудом с российской стороны. Материалы по данной теме в российских архивах выявляла я, помощь мне оказывала Л.А. Кирилина, специалист по истории Словении XIX — начала XX вв. В Архиве Словении составлением публикации активно занимались **Владимир Колоша и Владимир Жумер**⁴¹. Особенно много сделал для нее В. Колоша. Он не только обеспечивал копирование отобранных документов, но и вместе со мной искал необходимые материалы в архивах.

В сборе документов большую помощь оказал мне молодой архивист **Силво Торкар**⁴², сотрудник Института словенского языка Франа Рамовша. Он заведовал там архивом и помогал выявлять документы по русско-словенским связям не только в архиве Института, но также указал на несколько архивов учреждений, где могли находиться интересующие меня материалы. Часто архивисты не могли по фамилиям определить принадлежность того или иного лица к определенному государству, поскольку часть российских чиновников и научных деятелей носили немецкие, польские, французские фамилии, являясь потомками европейцев, приглашенных во времена Петра I и Екатерины II в Россию на работу. Они давно обрусели, но фамилии оставили прежние. По воскресеньям Торкар иногда приглашал меня побродить по Любляне и ее окрестностям. В отличие от Зора и Клопчича, он знакомил меня с местами, связанными с историей и преданиями Любляны. В частности, Силво показал мне пещеру, являющуюся якобы входом в подземный мир, описанный Данте в поэме «Божественная комедия». Позднее Торкар несколько раз приезжал на конференции в Россию и выступал с докладами.

*И.В. Чуркина (слева), С. Торкар (справа). Любляна
(из личного архива И.В. Чуркиной)*

В 2010 г. в Москве вышла из печати публикация «Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.)»⁴³. Издателями выступили: со стороны России — Институт славяноведения РАН, Российский государственный архив древних актов и издательство «Древлехранилище», со словенской стороны — Архив Республики Словения. Главным редактором была я, в редколлегию входили А.Н. Артизов, Ю.М. Эскин, В. Колоша, М. Кошир, В. Жумер; составителями, помимо меня, являлись С.Р. Долгова, Л.А. Кирилина, В. Колоша.

В начале XXI в. я познакомилась с **Магдой Брезникар**. Она занимала довольно высокую должность на юге Словении, но после выхода на пенсию купила себе дом в Шмартно при Литии. Он принадлежал общине города и несколько лет стоял пустым. Разбирая бумаги прежнего владельца, Магда обнаружила письма на непонятном языке, написанные непонятными буквами. В конце концов она обратилась к знакомому гимназисту, изучавшему русский язык. Он объяснил ей, что они написаны на ломаном русском языке. Будучи любознательным и энергич-

*М. Брезникар (в центре) обнимает И.В. Чуркину
(из личного архива И.В. Чуркиной)*

ным человеком, Магда выяснила, что дом некогда принадлежал зажиточным крестьянам, один из которых учился в Вене и участвовал в словенском национальном движении. Опасаясь ареста за свою деятельность, он уехал в Россию. Это был Даворин (Мартын Матвеевич) Хостник. В России он познакомился со славянофилами и по их просьбе подготовил русско-словенский и словенско-русский словари⁴⁴. Брезникар узнала, что я написала о нем статью, и решила познакомиться со мной во время одного из моих посещений Словении. Она пригласила меня в свой дом и ознакомила с найденными материалами — их было немного. Мы быстро нашли общий язык. Я подарила ей свою статью о Хостнике и посоветовала посмотреть материалы Словенской Матицы и словенские издания конца XIX — начала XX вв. Уже через пару лет Магда сумела убедить местное начальство помочь ей организовать выставку, посвященную Хостнику, на которую была приглашена и я. Ей удалось найти некоторые новые документы о деятельности Хостника до его отъезда в Россию, а также гимназический ранец, помеченный его фамилией. Я обещала посмотреть материал о нем в Рыльске, где он служил учителем гимназии долгие годы. К сожалению, наши связи с Магдой Брезникар прервались из-за обострившейся обстановки в Европе и моих болезней. Недавно я узнала, что в замке Богеншперк у Шмартно при Литии летом 2019 г. на средства спонсоров был открыт Российско-словенский центр имени Даворина Хостника. В нем расположена выставка, посвященная его жизни и деятельности, библиотека, где желающие могут ознакомиться с русской литературой и историей, и учебный класс. На открытии центра присутствовал посол РФ в Словении, жупан общины Шмартно при Литии и другие официальные лица.

Но самое долговременное знакомство у меня сложилось с **Йоже Пирьевцем**⁴⁵. Мы встретились в Москве в середине 1970-х годов на международной конференции, на которую приехали ученые из многих стран Европы. Пирьевец представился мне как профессор итальянского университета Джузеппе Пьерацци. Он очень удивился, что я изучаю историю словенцев, сказав, что не знал, что она может заинтересовать ученого такой большой и могущественной страны как СССР, которая объединяет столько боль-

*Й. Пирьевец (справа), В.И. Косик (слева).
Российско-словенская конференция в Любляне, 14.4.2016 г.
(из фотоархива Института славяноведения РАН)*

ших народов с интересной историей. Я возразила, что история каждого народа представляет интерес. Например, словенцы, в течение многих веков находившиеся под властью иноземцев, сумели сохранить свою идентичность. После этого Пирьевец признался, что назвал мне свое итальянское имя, под которым он известен в научных кругах, а его настоящее, словенское, имя Йоже Пирьевец. Он попросил меня показать наиболее интересные места Москвы, поскольку уже на следующий день должен был уехать. Мы ушли со второй части конференции, и я показала ему несколько улиц в Зарядье. Мы расстались через пару часов, не обменявшись адресами. Спустя несколько лет Пирьевец снова приехал в Москву по научному обмену в наш Институт для работы в архивах. Дирекция Института тогда приставила меня к нему в качестве сопровождающей. Таким образом, наше знакомство продолжилось.

Пирьевец родился в семье словенского торговца в Сежане. Во время Второй мировой войны его отец тайно оказывал материальную помощь югославскому Освободительному фронту, внешне сохраняя нейтралитет. В 1947 г. его семья переселилась в Триест. Йоже учился в университетах в Триесте и Пизе, затем в Дипломатической академии в Вене, преподавал в итальянских университетах (Пиза, Триест, Падуя), а в начале 2000-х годов был руководителем исторического отделения Факультета гуманитарных исследований Приморского университета в Копере. В настоящее время Пирьевец является академиком САНИ. Он занимается историей Югославии, словенско-итальянскими и югославско-советскими отношениями, издал несколько книг на словенском и итальянском языках. Его монография «Тито и товарищи» недавно была переведена на русский язык сотрудниками нашего Института Л.А. Кирилиной и Н.С. Пилько⁴⁶.

В начале XXI в. наши встречи с Пирьевцем возобновились. Он участвовал в организованных Институтом славяноведения конференциях, писал статьи для издающихся им сборников, прежде всего для выпусков альманаха «Slovenica». Также он приглашал сотрудников нашего Института на конференции в Копер. Мы виделись с ним почти каждый раз, когда он бывал в Москве, сидели в кафе, или же он приезжал ко мне домой. Иногда бродили по старым московским улицам. Мы никогда не говорили специально о политике, но он явно отрицательно относился к фашизму и новейшим либеральным течениям, высоко оценивал деятельность отдельных коммунистов, например, Ф. Клопчица. Вместе с тем считал забастовки и демонстрации занятием для бездельников.

Мои встречи и беседы со словенскими коллегами дали мне возможность лучше понять обстановку в их научных кругах и укрепили мою надежду на восстановление и дальнейшее развитие доброжелательных отношений с ними.

Примечания

- 1 Институт был образован за несколько лет до этого и начал свою работу в январе 1947 г.
- 2 Никитин Сергей Александрович (1901–1979). В 1947–1979 гг. работал в Институте славяноведения заведующим сектором, заместителем директора, старшим научным сотрудником-консультантом.
- 3 Зор Янез (Zor Janez, 1926–2014) — словенский лингвист и филолог, переводчик.
- 4 *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. 1813–1914. Ljubljana, 1950.*
- 5 Гестрин Фердо (Gestrin Ferdo, 1916–1999) — словенский историк.
- 6 Мелик Василий (Melik Vasilij, 1921–2009) — словенский историк. Подробнее о В. Мелике см.: *Чуркина И.В., Кирилина Л.А. Академик Василий Мелик (1921–2009) // Славяноведение. 2009. № 5. С. 126; Cvirn J. Akademik dr. Vasilij Melik — osemdesetletnik // Zgodovinski časopis. 55. 2001. № 1. S. 5–7.*
- 7 <https://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi874257/> (дата обращения: 25.05.2022).
- 8 Средневековая крепость, построенная на холме над Любляной в XII в.
- 9 Кос Милко (Kos Milko, 1892–1972) — словенский историк.
- 10 *Kos M. Zgodovina Slovencev od naselitve do reformacije. Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna, 1933.*
- 11 Дыбо Владимир Антонович (р. 1931) — российский лингвист, с 2011 г. — академик РАН.
- 12 Якопин Франц (Jakopin Franc, 1921–2002) — словенский лингвист, славист.
- 13 Патерну Борис (Paternu Boris, 1926–2021) — словенский историк литературы.
- 14 *Rusko-slovenski šolski slovar. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1965; Slovnicna ruskega knjižnega jezika. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1968.*
- 15 Логар Валентин (Logar Valentin, 1916–2002) — словенский лингвист, диалектолог и профессор Люблянского университета. Подробнее о В. Логаре см.: *Чуркина И.В., Куркина Л.В., Чепелевская Т.И., Старикова Н.Н., Кирилина Л.А., Созина Ю.А. Памяти академика Тине Логара (1916–2002) // Славяноведение. 2004. № 3. С. 103–104.*
- 16 Рамовш Фран (Ramovš Fran, 1890–1952) — словенский филолог, лингвист, исследователь словенских диалектов и истории словенского языка.
- 17 *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. См. рец.: Чуркина И.В. Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966 // Советское славяноведение. 1968. № 5. С. 76–77.*
- 18 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука, 1975.
- 19 Маяр Матия (Majar Matija, 1809–1892) — словенский священник, этнограф и филолог, национальный деятель.
- 20 Цвиттер Фран (Zwitter Fran, 1905–1988) — словенский историк, профессор Люблянского университета.
- 21 *Zgodovinski časopis. Издается в Любляне с 1947 г.*
- 22 Проходила в Москве 23.04. — 19.06.1867.
- 23 *Čurkina I.V. Matija Majar Ziljski. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1974.*
- 24 Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80. године XIX века. Београд, 1989.

- 25 *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki: od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana: Slovenska matica, 1995.
- 26 Кермавнер Душан (Ker mavner Dušan, 1903–1975) — словенский политик, историк.
- 27 Клопчич Франце (Klopčič France, 1903–1986) — словенский историк.
- 28 *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Zv. I–V. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1955–1966.
- 29 Центральное партийное научно-исследовательское учреждение при ЦК КПСС, существовавшее в 1921–1991 гг. Название «Институт марксизма-ленинизма» носило в 1956–1991 гг.
- 30 *Klopčič F.* Desetletja preizkušenj. Spomini. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980.
- 31 Бритовшек Марьян (Britovšek Marjan, 1923–2008) — словенский историк и социолог. Подробнее о М. Бритовшке см.: *Чуркина И.В., Кирилина Л.А.* Памяти профессора Марьяна Бритовшека (1923–2008) // *Славяноведение*. 2009. № 4. С. 141.
- 32 *Britovšek M.* Anton Fuster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor: Založba Obzorja, 1970. См. рец.: *Чуркина И.В.* Britovšek M. Fuster in revolucija 1848 v Avstriji // *Советское славяноведение*. 1972. № 3. С. 77–79.
- 33 Графенауэр Богослав (Grafenauer Bogoslav, 1916–1995) — словенский историк. Подробнее о Б. Графенауэре см.: *Zwitter F.* Bogo Grafenauer — šestdesetletnik // *Zgodovinski časopis*. 30. 1976. S. 233–238; *Чуркина И.В.* Памяти профессора Бого Графенауэра // *Славяноведение*. 1996. № 1. С. 103–104.
- 34 *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Zv. 1–5. Ljubljana: Založba «Кмеčka knjiga», 1954–1962.
- 35 Пробный выпуск словаря вышел в 1963 г., с 1974 г. словарь выпускается по томам.
- 36 Дерганц Александра (Derganc Aleksandra, р. 1948) — словенский лингвист, русист.
- 37 Штурм Шнабль Катя (Sturm-Schnablj Katja, р. 1936) — словенский лингвист, историк литературы, профессор Венского университета.
- 38 *Enzyklopädie der slowenischen Kulturgeschichte in Kärnten/Koroška, von den Anfängen bis 1942 / K.Sturm-Schnabl, B.-I. Schnabl (Hg.)* Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2016. 1–3. Bd.
- 39 Знакомьтесь, Словения! / автор-составитель и отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Культура, 1996.
- 40 Облак Чарни Мария (Oblak Čarni Marija, 1932–2020) — сотрудница Архива Словении, его директор в 1974–1984 и 1988–1993 гг.
- 41 Колоша Владимир (Kološa Vladimir) — сотрудник, несколько лет был директором Архива Словении; Жумер Владимир (Žumer Vladimir, 1949–2021) — сотрудник Архива Словении, в 1993–2004 гг. — его директор.
- 42 Торкар Силво (Torkar Silvo, р. 1954) — словенский лингвист, переводчик.
- 43 Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.) / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Издательство «Древлехранилище», 2010.
- 44 Ручной русско-словинский словарь; Краткая грамматика русского языка / Сост. М.М. Хостник. Gorica: Goriška tiskarna «A. Gabršček», 1897; Словинско-русский словарь; Грамматика словинского языка. / Сост. М. Хостник. Горица: Спб. слав. благ. о-во, Типография А. Габрщека, 1901.
- 45 Пирьевец Йоже (Pirjevec Jože, р. 1940) — словенский историк.
- 46 *Пирьевец Й.* Тито и товарищи / отв. ред. Л.А. Кирилина. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020.

Заключение

Настоящая коллективная монография посвящена сложной и насыщенной истории Института славяноведения РАН, который вот уже более 75 лет является флагманом отечественного славяноведения и балканистики. Надеемся, что вошедшие в ее состав очерки помогли читателям глубже понять основные направления изучения истории родственных и близких нам стран и народов, оценить стоящие сегодня «вызовы» и попытаться заглянуть в будущее. Несомненно, многие из читателей вновь вернулись во времена своей научной юности, вспомнили своих коллег, а также вехи своей собственной научной биографии. Однако Институт славяноведения РАН, несмотря на свой уже довольно почтенный возраст, не собирается останавливаться на достигнутом и почивать на лаврах. Его ждут новые научные проекты, исследования и достижения во славу российской науки.

Резюме

Константин Владимирович НИКИФОРОВ

Три четверти века Института славяноведения РАН

Аннотация:

75-летнюю историю Института славяноведения РАН условно можно разделить на четыре периода, приблизительно по 20 лет каждый. Каждый из этих периодов имел свои особенности. Сейчас протекает четвертый период, и оценки ему пока давать рано. Но уже можно отметить, что, во-первых, произошла смена поколений, в Институте пришло много молодежи, во-вторых, заметно увеличилось количество печатной продукции.

Ключевые слова:

славистика, Институт славяноведения, директора, первые заведующие секторами, особенности деятельности, смена поколений, печатная продукция.

ГЛАВА I.

Вклад российских ученых в становление славяноведения и балканистики

Марина Михайловна ФРОЛОВА

К вопросу о роли научного сообщества и путешествий для творчества историка: на примере жизни и деятельности А.Д. Черткова (1789–1858)

Аннотация:

В очерке рассмотрено научное творчество видного историка второй четверти XIX в. А.Д. Черткова (1789–1858) в свете его путешествий по странам Западной Европы и участия в деятельности Общества истории и древностей российских (ОИДР). Именно непосредственное знакомство с сокровищами зарубежных библиотек, музеев, частных коллекций в сочетании с личным общением с коллегами-историками давали импульс к разработке новых исследовательских тем. Обсуждение трудов Черткова членами ОИДР немало способствовало его научной работе. Привезенные им из зарубежных поездок книги, рукописи, монеты и другие материальные ценности служили значимой базой для научного творчества Черткова, а впоследствии приобрели статус национального достояния.

Ключевые слова:

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), Общество истории и древностей российских, Михаил Петрович Погодин (1800–1875), путешествия, научное творчество.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

Ученый в дипломатическом мундире. А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине (1857–1858 гг.)

Аннотация:

«Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» — увлекательное сочинение известного отечественного слависта А.Ф. Гильфердинга, опубликованное в результате его странствий по славяно-турецким областям в 1857–1858 гг. В это время А.Ф. Гильфердинг управлял первым российским консульством в Сараеве. Научные изыскания ему приходилось сочетать с дипломатической службой в одном из самых беспокойных уголков Балкан. В настоящей работе на пребывание и путешествия консула-ученого в Боснии и Герцеговине предлагается взглянуть через призму новых документов, выявленных автором, — официальных донесений в российский МИД.

Ключевые слова:

Босния, Герцеговина, Сараево, Мостар, российское консульство в Сараеве, Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872).

Александр Дмитриевич ВАСЮКОВ

Александр Федорович Гильфердинг как основатель российской кашубистики

Аннотация:

Автором описана этнографическая экспедиция известного ученого-слависта Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872) к кашубам в 1856 г. Результатом ее стала публикация в 1861 г. его труда «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», одного из первых глубоких научных исследований этнической идентичности и языковых процессов среди коренного населения Кашубии. Показано, какую ценность для современных славистов имеют описанные ученым процессы языкового сдвига и особенности функционирования кашубского языка середины XIX в.

Ключевые слова:

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), кашубы, кашубистика, Польша, языковой сдвиг, Поморье.

Василий Борисович КАШИРИН

**Балканистика «в зполетах»:
общий обзор печатных трудов военных авторов
дореволюционной России о странах и народах
Балканско-Дунайского региона**

Аннотация:

Важной и самобытной частью, отдельным направлением и этапом в истории изучения в России стран и народов Балканско-Дунайского региона была русская военная балканистика дореволюционного периода. Данный очерк посвящен этому своеобразному научному явлению. Автор предпринимает попытку рассмотрения основных печатных работ представителей военного ведомства Российской империи, посвященных Балканам и выходявших в период от русско-турецкой войны 1768–1774 гг. до Первой мировой войны включительно. В очерке предлагается авторская версия периодизации истории русской военной балканистики; даются общие характеристики основных этапов ее развития, наиболее видных представителей этого направления и их трудов; анализируется смысловая динамика и специфические черты данного направления науки.

Ключевые слова:

Российская империя, Генеральный штаб, военная разведка, славяноведение, балканистика, русско-турецкие войны, военная статистика, Ф.В. Бауэр, П.Д. Киселёв, И.П. Липранди, Н.Р. Овсяный.

ГЛАВА II.

**Достижения, открытия, итоги исследований
в стенах Института славяноведения РАН (1946–2022 гг.)**

Элла Григорьевна ЗАДОРЖНИЮК

Чешский вопрос в освещении русских писателей

Аннотация:

В своем исследовании автор продолжает заложенные историками Института славяноведения РАН традиции обращения к произведениям русской литературы при характеристике народов славянских стран. Проанализированы особенности рецепции русскими писателями чешского народа и присущих ему особенностей строя мыслей и чувств; рассмотрены некоторые черты политического менталитета, то есть взглядов и оценок представителей его элиты. Эта палитра концептов нашла своеобразное отражение в произведениях гениев русской класси-

ческой литературы — Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а также писателя, литературного критика и оригинального социального мыслителя К.Н. Леонтьева.

Ключевые слова:

Россия, западные славяне, рецепция, русские, чехи, менталитет, классики русской литературы.

Любовь Алексеевна КИРИЛИНА

**У истоков советского славяноведения.
Д. Густинчич в секторе славяноведения
Института истории АН СССР (1940–1945 гг.)**

Аннотация:

Драготин Густинчич (1882–1974) был одним из организаторов коммунистической партии в словенских землях, крупным теоретиком по национальному вопросу. После введения в 1929 г. монархической диктатуры в Югославии он эмигрировал в СССР, где жил и работал в 1931–1945 гг. В 1940–1945 гг. он являлся старшим научным сотрудником сектора славяноведения Института истории АН СССР. В то время русская славистика только начинала возрождаться после гонений и репрессий 1920–1930-х годов и советское славяноведение находилось в стадии формирования. Густинчич считался ценным сотрудником сектора, в котором тогда не хватало квалифицированных кадров. В 1943 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В своих исследованиях Густинчич охватил широкий круг проблем истории не только словенцев, но и хорватов, сербов, чехов. Он внёс свой вклад в развитие советского славяноведения той поры.

Ключевые слова:

Драготин Густинчич (1882–1974), сектор славяноведения Института истории АН СССР, история Словении, история Хорватии, Владимир Иванович Пичета (1878–1947).

*Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА,
Альбина Фёдоровна НОСКОВА*

**Изучение истории сталинизма в Восточной Европе
в Институте славяноведения РАН (1980–2010-е годы)**

Аннотация:

Авторами рассматривается вклад ученых Института славяноведения РАН в исследование одного из ключевых направлений в его проблематике — феномена сталинизма в Восточной Европе. Особое внимание

уделено работе созданного специально для изучения истории региона после Второй мировой войны научного подразделения — Центра истории сталинизма (1992–2010 гг.). Проанализированы итоги масштабной публикаторской деятельности Центра по выявлению и введению в научный оборот документов основных федеральных архивов, ранее находившихся на особом режиме хранения, её роль в создании новой источниковой базы; охарактеризован круг дискуссионных проблем, представленных в серии трудов «Москва и Восточная Европа». Среди них — роль «советского фактора» в установлении народно-демократических режимов в странах Восточной Европы, особенности «советизации» региона, формирование нового правящего слоя — партийно-государственной номенклатуры, оформление и функционирование механизма государственной власти, установление властной монополии коммунистических партий, информационная блокада региона от Запада, политические репрессии, складывание и деятельность института советских советников и отношение к нему национальных партийно-государственных элит, государственно-церковные отношения в регионе, титульные нации и национальные меньшинства и др. Воспроизводится атмосфера в Институте славяноведения — время горячих дискуссий и подчас острого противостояния оппонентов.

Ключевые слова:

Научный центр истории сталинизма, Восточная Европа, публикации документов, монографические исследования, актуальная проблематика, итоги и перспективы исследования феномена сталинизма.

Елена Юрьевна ГУСЬКОВА

**Институт славяноведения:
изучение современных кризисных явлений
на Балканах**

Аннотация:

В конце XX в. мы являлись свидетелями трагедии, развернувшейся на Балканах в период распада СФРЮ. Директор Института славяноведения РАН В.К. Волков создал в 2002 г. Центр по изучению современного балканского кризиса. Главным направлением работы Центра являлись исследование причин, содержания и последствий кризиса на территории бывшей СФРЮ в 90-е годы XX в., социально-политических процессов на Балканах в новых балканских государствах, сравнительный анализ процессов в многонациональных и многоконфессиональных государствах со схожими судьбами. В Центре внимательно изучали проблемы посткризисного пространства, возникающие конфликтные очаги, роль внешнего фактора в урегулировании кризисных моментов, методику переговорного процесса. Важной задачей Центра являлись сбор и публикация документов, помогающих анализу и осмыслению процесса распада многонационального государства, а также обобщение результатов исследований в монографиях и статьях.

Ключевые слова:

Институт славяноведения РАН, федерация, балканский кризис, документы, США, Югославия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово, Словения, Македония, миротворцы.

ГЛАВА III.

**СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
С ЗАРУБЕЖНЫМИ АКАДЕМИЯМИ НАУК:
КОЛЛЕГИ, СОРАТНИКИ, ДРУЗЬЯ**

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

**Из истории
международного научного сотрудничества
Института славяноведения РАН.
Как создавались фундаментальные публикации
документов**

Аннотация:

Автор посвятил своё исследование важному этапу в истории Института славяноведения — возникновению и развитию в 1950–1980-е годы международного научного сотрудничества, в котором были заинтересованы не только отечественные учёные, но и их зарубежные коллеги — историки Болгарии, Чехословакии и Югославии. Результатом их многолетней совместной деятельности в рассматриваемый период стали фундаментальные академические труды — публикации документов: «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967), «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века» (М., 1975), «Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80. године XIX века» (Београд, 1989), «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия» (Кн. 1–2. М., 1980–1983). Они не потеряли своего научного значения и спустя десятилетия после выхода в свет. В исследовании отмечаются большие заслуги авторских коллективов историков-славистов во главе с профессором С.А. Никитиным и сотрудников отечественных архивов в подготовке и издании вышеуказанных трудов, заслуженно удостоенных высокой оценки научного сообщества в СССР и за рубежом. Автор подчёркивает, что к ним постоянно обращаются новые поколения славистов и балканистов, изучающих русско-балканские связи в XIX веке, и применяют бесценный опыт участников этих проектов в своей научной и научно-издательской деятельности.

Ключевые слова:

славяноведение, Институт славяноведения АН СССР, международное научное сотрудничество, публикации архивных документов, профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979).

Людмила Петровна МАРНЕЙ

Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран

Аннотация:

Развитие научных связей стран социалистического содружества в середине XX в. осуществлялось на основе соглашений, подписанных между государствами и академиями наук, в том числе между академиями СССР и Польши, и в рамках СЭВ. Наряду с обменом опытом, организацией совместных научных заседаний, конференций и коллоквиумов, научных лекций и докладов, краткосрочных и долгосрочных научных стажировок, получила развитие одна из важных форм международного сотрудничества — двусторонние комиссии историков. После создания в 1957 г. Комиссии историков СССР–ГДР были организованы комиссии советских историков с историками ряда стран социалистического лагеря, среди которых была и Комиссия историков СССР–ПНР. Исследователи, участвовавшие в работе комиссий, обменивались научными материалами и информацией, обсуждали и вырабатывали общую точку зрения по представлявшим взаимный интерес наиболее важным историческим проблемам, разрабатывали меры противодействия расширявшимся контактам с буржуазными учеными, которые стремились оказывать влияние на развитие исторической науки в европейских социалистических странах, координировали проводившиеся в разных учреждениях исследования, переводили книги и статьи, способствовали укреплению личных контактов и разносторонних связей академий и институтов.

Ключевые слова:

научные связи, сотрудничество академий наук СССР и Польши, Комиссия историков СССР–ПНР, Институт славяноведения АН СССР.

Елена Павловна СЕРАПИОНОВА

Работа Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики (середина 1990-х годов — 2022 г.)

Аннотация:

Автором анализируется работа Комиссии историков и архивистов Российской Федерации (РФ) и Чешской Республики (ЧР) за последнюю четверть века. Указывается на то, что Комиссия использовала опыт работы советско-чехословацкой комиссии историков, действовавшей с 1966 по 1989 гг. Отмечаются трудности в организации работы, свя-

занные с отсутствием постоянного финансирования, рассматриваются формы и направления сотрудничества в рамках двусторонней Комиссии. Автор подробно повествует о наиболее интересных заседаниях Комиссии и участии ее членов в международных научных конференциях. Значительное внимание уделено книжной продукции, опубликованной по материалам заседаний Комиссии. В заключение делается вывод о значении деятельности Комиссии для укрепления сотрудничества историков и архивистов двух стран.

Ключевые слова:

Международное научное сотрудничество, историки и архивисты России и Чехии, Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР.

Михаил Юрьевич ДРОНОВ

Комиссия историков России и Словакии. История заседаний (2005–2022 гг.)

Аннотация:

Работа посвящена истории сотрудничества российских и словацких историков в начале XXI столетия. В частности, освещается история заседаний Комиссии историков России и Словакии, успешно действовавшей в 2005–2022 гг.

Ключевые слова:

Комиссия историков России и Словакии, Российская Федерация, Словацкая Республика.

ГЛАВА IV.

История Института в лицах

Татьяна Ивановна ЧЕПЕЛЕВСКАЯ

Из истории российской словенистики: Евгения Ивановна Рябова, Майя Ильинична Рыжова

Аннотация:

Исследование посвящено двум представительницам старшего поколения российских славистов, известным литературоведам, переводчикам, занимавшимся изучением литературы и культуры Словении, а также русско-словенских и русско-славянских литературных и культурных связей — Евгении Ивановне Рябовой и Майе Ильиничне Рыжовой. Особо выделяется их переводческая деятельность, которая во многом способствовала популяризации словенской литературы в нашей стране.

Исследование дополнено двумя Приложениями: составленными автором списками трудов и избранных переводов Е.И. Рябовой и М.И. Рыжовой и впервые публикуемым текстом отчета Е.И. Рябовой о ее научной командировке в Югославию (Словению и Сербию) зимой — весной 1965 г. (с комментариями Т.И. Чепелевской).

Ключевые слова:

русская словенистика, Евгения Ивановна Рябова (1925–1976), Майя Ильинична Рыжова (1927–2017), словенская литература, русско-словенские научные и культурные связи.

Юлия Владимировна ЛОБАЧЁВА

Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики

Аннотация:

Исследование посвящено Андрею Леонидовичу Шемякину (1960–2018) — выдающемуся российскому ученому-слависту, специалисту по истории Сербии и Балкан в Новое время и русско-сербских связей и отношений, его вкладу в развитие славистики и Института славяноведения РАН. Обзорно рассмотрены его научное становление и результаты исследований по некоторым темам из истории Сербии и Балкан Нового времени, а также русско-сербских контактов (труды, публикации документов, научные проекты), а также иная научная, педагогическая и административная деятельность.

Ключевые слова:

Андрей Леонидович Шемякин (1960–2018), Сербия, Югославия, русско-сербские/сербско-русские отношения и связи, славистика, сербистика, историография.

Александр Александрович СИЛКИН

А.Л. Шемякин о русском добровольческом движении 1876 г.

Аннотация:

Автор рассматривает вклад известного российского ученого Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) в изучение роли русских добровольцев в Сербско-турецкой войне 1876 г. В частности, доказательство им известной гипотезы о том, что Л.Н. Толстому прототипом для образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» послужил Николай Раевский 3-й. Освещена полемика с приверженцами антинаучных ми-

фов и заблуждений, получивших распространение в связи с биографией Раевского и другого известного деятеля добровольческого движения — генерала М.Г. Черняева.

Ключевые слова:

Андрей Леонидович Шелякин (1960–2018), Сербо-турецкая война 1876 г., русские добровольцы, Лев Толстой, граф Алексей Вронский, роман «Анна Каренина», Николай Раевский 3-й, Михаил Черняев, исторические мифы.

ГЛАВА V.

ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ «ВЫЗОВОВ»

Пётр Владимирович МОШЕЧКОВ

Роль Интернет-ресурсов в современных исследованиях по истории Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) (на примере цифровых библиотек *Kramerius 5* и *Gallica*)

Аннотация:

В современном библиотечном деле значимую роль играет создание баз электронных ресурсов. Использование информационных технологий позволяет осуществлять оцифровку редких документов, книг и периодических изданий и делать их доступными для ученых по всему миру. Данное исследование призвано продемонстрировать, какими материалами, размещенными на площадках Интернет-порталов *Kramerius 5* (проект Национальной библиотеки Чешской Республики) и *Gallica* (проект Национальной библиотеки Франции), можно пользоваться при изучении чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны, а также истории Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.).

Ключевые слова:

Интернет-ресурсы, информационные технологии, электронная библиотека, Первая мировая война, чешско-словацкое национальное движение, Первая Чехословацкая республика (1918–1938 гг.)

Пётр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Изучение истории Балкан на современном этапе: новые «вызовы» и подходы

Аннотация:

Исследование посвящено ключевым проблемам в изучении истории балканских народов на современном этапе. В центре внимания автора — основные вопросы отечественного славяноведения и балканистики, поиска новых путей и методов исторического познания, в том числе на базе междисциплинарных подходов. Особое место уделено необходимости объективного анализа политики России на Балканах и противодействия попыткам ее фальсификации в государствах региона, а также в Западной Европе и США.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, славяноведение, балканистика, международные отношения, Европа, США.

ГЛАВА VI.

По страницам воспоминаний

Искра Васильевна ЧУРКИНА

Воспоминания о сотрудничестве со словенскими учеными

Аннотация:

В воспоминаниях автор рассказывает о своем многолетнем сотрудничестве со словенскими учеными в годы ее работы в Институте (1958–2016).

Ключевые слова:

международное научное сотрудничество, Институт славяноведения РАН, словенские ученые, история Словении.

Summary

Konstantin Vladimirovich NIKIFOROV

Three quarters of a century of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract:

The 75-year history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences can be roughly divided into four periods, approximately 20 years each. Each of these periods had its own characteristics. The fourth period is now underway, and it is too early to give it an assessment. But it can already be noted that, firstly, there has been a change of generations, many young people have come to the Institute, and secondly, the number of printed materials has noticeably increased.

Keywords:

Slavistics, Institute of Slavic Studies, directors, first heads of sectors, features of activity, change of generations, printed materials.

CHAPTER I.

THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO THE DEVELOPMENT OF SLAVIC AND BALKAN STUDIES

Marina Mikhailovna FROLOVA

Revisiting the role of the scientific community and travel for the creative work of a historian: using the example of the life and work of A.D. Chertkov (1789–1858)

Abstract:

The essay examines the scientific work of the prominent historian of the second quarter of the 19th century A.D. Chertkov (1789–1858) in the light of his travels in Western Europe and participation in the activities of the Society of Russian History and Antiquities. This direct interaction with the treasures of foreign libraries, museums, and private collections, combined with personal communication with fellow historians, gave impetus to the development of new research topics. The discussion of Chertkov's works by the members of the Society of Russian History and Antiquities contributed a lot to his scientific work. Books, manuscripts, coins and other material

valubles brought by him from foreign trips served as a significant basis for Chertkov's scientific creativity, and subsequently acquired the status of a national treasure.

Keywords:

Alexander Dmitrievich Chertkov (1789–1858), Society of Russian History and Antiquities, Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875), travel, scientific creativity.

Ksenia Valerievna MELCHAKOVA

A scientist in a diplomatic uniform. A.F. Giljferding in Bosnia and Herzegovina

Abstract:

“A trip through Herzegovina, Bosnia and Old Serbia” is a fascinating work by a famous Russian Slavacist A.F. Giljferding, published as a result of his wanderings in this Slavic-Turkish region in 1857–1858. At that time, A.F. Giljferding managed the first Russian consulate in Sarajevo. He had to combine scientific research with diplomatic service in one of the most turbulent corners of the Balkans. In this paper, it is proposed to look at the stay and travels of the consul-scientist in Bosnia and Herzegovina through the prism of official reports to the Russian Foreign Ministry.

Keywords:

Bosnia and Herzegovina, Sarajevo, Mostar, Russian Consulate in Sarajevo, A.F. Giljferding.

Alexandr Dmitrievich VASIUKOV

Alexander Giljferding as the founder of Kashubian studies in Russia

Abstract:

The author describes the ethnographic expedition of a famous Slavacist Alexander Fedorovich Giljferding (1831–1872) to the Kashubian lands in 1856. The result of this work was the publication in 1861 of “The Slavs’ Remains on the southern coast of the Baltic Sea”. That was one of the first in-depth scientific descriptions of ethnic identity and linguistic processes among the indigenous population of Kashubia. The paper shows the importance of Giljferding’s studies on language shift and the functioning of the Kashubian language in the middle of the 19th century for the modern Slavacists.

Keywords:

Alexander Giljferding (1831–1872), Kashubians, Kashubian studies, Poland, language shift, Pomerania.

Vasily Borisovich KASHIRIN

**Balkan studies in epaulettes:
general review of published works on the peoples
and countries of the Balkan Peninsula
by pre-revolutionary military authors in Russia**

Abstract:

Russian military Balkan studies of the pre-revolutionary period was an important and original part, as well as a distinct area and stage in the history of the study of the countries and peoples of the Balkan-Danube region in Russia. This essay is devoted to this unique scientific phenomenon. The author attempts to review the main printed works of the representatives of the military department of the Russian Empire devoted to the Balkans and published in the period from the Russo-Turkish War of 1768–1774 to the First World War inclusive. The essay offers the author's version of the periodisation in the history of the Russian military Balkan studies; general characteristics of the main stages of its development, the most prominent representatives of this direction and their works are represented in the essay; semantic dynamics and specific features of this scientific field are also analysed.

Keywords:

Russian Empire, General Staff, military intelligence, Slavic studies, Balkan studies, Russo-Turkish wars, military statistics, F.V. Bauer, P.D. Kiselyov, I.P. Liprandi, N.R. Ovsyaniy.

CHAPTER II.

**ACHIEVEMENTS, DISCOVERIES, RESULTS OF RESEARCH
AT THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1946–2022)**

Ella Grigorievna ZADOROZHNYUK

The Czech question in Coverage of Russian Writers

Abstract:

In this research the author follows the traditions laid down by historians of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences to appeal to the works of Russian literature when characterising the peoples of Slavic countries. The features of the reception of the Czech people by Russian writers and the inherent features of the system of thoughts and feelings were analysed; some features of the political mentality, that is, the views and assessments of representatives of his elite, were considered. This palette of concepts was reflected in the works of geniuses of Russian classical literature

such as N.S. Leskov, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, as well as the writer, literary critic and original social thinker K.N. Leontyev.

Keywords:

Russia, Western Slavs, reception, Russians, Czechs, mentality, classical Russian literature.

Lyubov Alekseevna KIRILINA

**At the origins of Soviet Slavic studies.
D. Gustinchich in the sector of Slavic studies
of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences
(1940–1945)**

Abstract:

Dragotin Gustinchich (1882–1974) was one of the organisers of the Communist Party in the Slovenian lands and a major theorist on the national question. After the introduction of the monarchical dictatorship in Yugoslavia in 1929, he emigrated to the USSR, where he lived and worked in 1931–1945. In 1940–1945 he was a senior research fellow at the Department of Slavic Studies at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. At that time, Russian Slavic studies were just beginning to revive after the persecutions and repressions of the 1920s and 1930s, and Soviet Slavic studies were in the nascent stage. Gustinchich was considered a valuable employee of the sector, which then lacked competent people. In 1943 he defended his PhD thesis. In his research, Gustinchich covered a wide range of problems in the history of not only Slovenes, but also Croats, Serbs, and Czechs. He contributed to the development of Soviet Slavic studies of that time.

Keywords:

Dragotin Gustinchich (1882–1979), Department of Slavic Studies of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, history of Slovenia, the history of Croatia, Vladimir Ivanovich Picheta (1878–1947).

Tatiana Viktorovna VOLOKITINA,

Albina Fyodorovna NOSKOVA

**Studying the history of Stalinism
in Eastern Europe at the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences (1980–2010s)**

Abstract:

The authors consider the contribution of scientists from the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences to the study of one of the Institute's key areas of study, i.e. the phenomenon of Stalinism in Eastern

Europe. Special attention is paid to the work of the Center for the History of Stalinism (1992–2010), which was specially created for the study of the history of the region after World War II. The article analyses the results of large-scale publication activities of the Center for revealing and putting into circulation for scientific purposes the documents of the main federal archives, which were formerly on special deposit, and its role in creating of a new source base; it describes the range of controversial problems represented in the series of works published under the title “Moscow and Eastern Europe” and the contribution of the Institute scholars to their study. Among them are the role of “the Soviet factor” in the establishment of the people’s democratic regimes in the countries of Eastern Europe, special features of “Sovietization” of the region, the formation of a new ruling layer, namely the party-state nomenclature, the formation and functioning of the mechanism of state power, the establishment of the power monopoly of the Communist parties, information blockade of the region from the West, political repression, the formation and activities of the Institute of Soviet advisers and the attitude of the national party-state elite to it, state-church relations in the region, titular nations and national minorities, etc. The article reproduces the atmosphere at the Institute of Slavic Studies, that is the time for heated discussions and sometimes of sharp confrontation between opponents.

Keywords:

Research Center for the History of Stalinism, Eastern Europe, publications of documents, monographic studies, topical issues, results and prospects of research of the phenomenon of Stalinism.

Elena Yurievna GUSKOVA

**Institute of Slavic Studies:
study of modern crisis phenomena in the Balkans**

Abstract:

At the end of the 20th century, we witnessed the tragedy that unfolded in the Balkans during the collapse of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. In 2002 director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences V.K. Volkov created the Center for the study of the modern Balkan crisis. The main aim of the Center was to study the causes, content and consequences of the crisis on the territory of the former SFRY in the 1990s, socio-political processes in the Balkans in the new Balkan states, comparative analysis of processes in multinational and multi-confessional states with similar destinies. The Center carefully studied the problems of the post-crisis space, emerging conflict centres, the role of the external factor in the settlement of crises, the methodology of the negotiation process. An important task of the Center was to collect and publish documents that help analyse and comprehend the process of disintegration of a multinational state, as well as generalise the results of research in monographs and scientific articles.

Keywords:

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Federation, Balkan crisis, documents, USA, Yugoslavia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Slovenia, Macedonia, peacekeepers

CHAPTER III.

**COOPERATION OF THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
WITH FOREIGN ACADEMIES OF SCIENCES:
COLLEAGUES, FELLOWS, FRIENDS**

Svetlana Ivanovna DANCHENKO

**Excerpts on the history of international
scientific cooperation of the Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences.
How fundamental publications of documents were created**

Abstract:

The author devoted her research to an important stage in the history of the Institute of Slavic Studies — the emergence and development of international scientific cooperation in the 1950s and 1980s, in which not only domestic scientists were interested, but also their foreign colleagues, that is fellow historians of Bulgaria, Czechoslovakia and Yugoslavia. The result of their many years of joint activity during the period under review were reflected in fundamental academic works, namely publications of documents: “Osвобождение Болгарии от турецкого ига” (T. I–III. M., 1961–1967) (*Liberation of Bulgaria from the Turkish yoke*), “Zarubezhny`e slavyane i Rossiya. Dokumenty` arxiva M.F. Raevskogo. 40–80 gody` XIX veka” (M., 1975) (*Foreign Slavs and Russia. Documents from the archive of M.F. Rayevsky, 1840s–1880s*), “Jugosloveni i Rusija. Dokumenti iz arxiva M.F. Rajevskog. 40–80. godine XIX veka” (Beograd, 1989) (*South Slavs and Russia, documents of the archive of M.F. Rayevsky, 1840s–1880s*), “Pervoe serbskoe vosstanie 1804–1813 gg. i Rossiya” (Kn. 1–2. M., 1980–1983) (*The First Serbian Uprising, 1804–1813, and Russia*). They have not lost their scientific significance even decades after their publication. The study highlights the great merits of the authors’ collectives of Slavic studies historians led by Professor S.A. Nikitin and employees of the national archives in the preparation and publication of the above-mentioned works, which deserved to be highly appreciated by the scientific community in the USSR and abroad. The author emphasises that new generations of Slavists and Balkanists who study Russian-Balkan relations in the 19th century are constantly turning to them, and apply invaluable experience of the participants in these projects in their scientific publishing activities.

Keywords:

Slavic studies, Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences, international scientific cooperation, publications of archival documents, Professor Sergey Alexandrovich Nikitin (1901–1979).

Lyudmila Petrovna MARNEY

**The USSR Academy of Sciences
and the Polish Academy of Sciences in the 1960s:
the creation of a Commission of Historians
of the two countries**

Abstract:

The development of scientific relations between the countries of the socialist commonwealth in the middle of the 20th century was carried out on the basis of agreements signed between states and academies of sciences, including those concluded between the academies of the USSR and Poland, and within the framework of COMECON. Along with the exchange of experience, the organisation of joint scientific meetings, conferences and colloquiums, scientific lectures and reports, short-term and long-term scientific internships, one of the important forms of international cooperation, namely bilateral commissions of historians, was developed. After the creation of the Commission of Historians of the USSR–PPR in 1957, commissions of Soviet historians were organised with historians of a number of countries of the socialist camp, among which was the Commission of Historians of the USSR and the People's Republic of Poland. The researchers who participated in the work of the commissions exchanged scientific materials and information, discussed and developed a common point of view on the most important historical problems of mutual interest, developed measures to counteract the expanding contacts with bourgeois scientists who sought to influence the development of historical science in European socialist countries, coordinated research conducted in various institutions, translation of books and articles contributed to the strengthening of personal contacts and diverse ties of academies and institutes.

Keywords:

scientific relations, cooperation of the Academies of Sciences of the USSR and Poland, Commission of Historians of the USSR–Poland, Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR.

Elena Pavlovna SERAPIONOVA

Work of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic (mid-1990s — 2022)

Abstract:

The author analyses the work of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation (RF) and the Czech Republic (CR) over the last 25 years. It is indicated that the Commission used the experience of the Soviet-Czechoslovak Commission of historians, which operated from 1966 to 1989. Difficulties in the organisation of work related to the lack of permanent funding are noted, forms and directions of cooperation within the framework of the bilateral Commission are considered. The author considers in detail the most interesting meetings of the Commission and the participation of its members in international scientific conferences. Considerable attention is paid to the books published based on the materials of the Commission meetings. In conclusion, the importance of the Commission's activities for strengthening cooperation between historians and archivists of the two countries is stressed.

Keywords:

International scientific cooperation, historians and archivists of Russia and the Czech Republic, Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic.

Mikhail Yurievich DRONOV

The Commission of Historians of Russia and Slovakia. Meeting history (2005–2022)

Abstract:

The article is devoted to the history of cooperation between Russian and Slovak historians at the beginning of the 21st century. In particular, the history of the meetings of the Commission of Historians of Russia and Slovakia, which successfully operated in 2005–2022, is covered.

Keywords:

Commission of Historians of Russia and Slovakia, Russian Federation, Slovak Republic.

CHAPTER IV.
HISTORY OF THE INSTITUTE
REPRESENTED BY ITS SCHOLARS

Tatyana Ivanovna CHEPELEVSKAYA

**Excerpts on the history of Slovene studies in Russia:
 Evgeniya Ivanovna Ryabova, Maya Ilyinichna Ryzhova**

Abstract:

The study is devoted to two representatives of the older generation of Russian Slavists, well-known literary critics, translators who studied the literature and culture of Slovenia, as well as Russian-Slovenian and Russian-Slavic literary and cultural ties — Evgeniya Ivanovna Ryabova and Maya Ilyinichna Ryzhova. Their translation activity stands out in particular, which largely contributed to the popularisation of Slovenian literature in Russia. The study is supplemented by two Appendixes: lists of works and selected translations of E.I. Ryabova and M.I. Ryzhova and the first published text of the report by E.I. Ryabova about her scientific trip to Yugoslavia (Slovenia and Serbia) in the winter and spring of 1965 (with comments by T.I. Chepelevskaya).

Keywords:

Russian Slovenian studies, Evgeniya Ivanovna Ryabova (1925–1976), Maya Ilyinichna Ryzhova (1927–2017), Slovenian literature, Russian-Slovenian scientific and cultural ties.

Yulia Vladimirovna LOBACHEVA

**Andrey Leonidovich Shemyakin
 and his contribution to the development of Slavic studies**

Abstract:

The article is dedicated to Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018), an outstanding Russian Slavic scholar, specialist in the history of Serbia and the Balkans in the Modern Age, Russian-Serbian relations and connections, and his contribution to the development of Slavic studies and the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. His scientific formation and research results on some topics in the history of Serbia and the Balkans of the Modern Age, as well as Russian-Serbian contacts (scientific works, publications of documents, scientific projects), as well as other scientific, pedagogical and administrative activities, are reviewed.

Keywords:

Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018), Serbia, Yugoslavia, Russian-Serbian/Serbian-Russian relations and connections, Slavic studies, Serbian studies, historiography.

Alexander Alexandrovich SILKIN

A.L. Shemyakin on the Russian volunteer movement of 1876

Abstract:

The author examines the contribution of a famous Russian scholar Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018) to the study of the role of Russian volunteers in the Serbian-Turkish War of 1876. In particular, the proof of the well-known hypothesis that Nikolai Rayevsky III served as a prototype for the image of Count Alexei Vronsky in the novel by Leo Tolstoy “Anna Karenina”. The article highlights the debate with adherents of anti-scientific myths and misconceptions that have become widespread in connection with the biography of Rayevsky and another well-known figure of the volunteer movement, General M.G. Chernyaev.

Keywords:

Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018), the Serbian-Turkish War of 1876, Russian volunteers, Leo Tolstoy, Count Alexei Vronsky, the novel “Anna Karenina”, Nikolai Rayevsky III, Mikhail Chernyaev, historical myths.

CHAPTER V.

IN THE FACE OF NEW “CHALLENGES”

Petr Vladimirovich MOSHECHKOV

The Role of Internet Resources in the Contemporary Studies on the History of the First Czechoslovak Republic (1918–1938) (Using the Example of the Digital Libraries Kramerius 5 and Gallica)

Abstract:

In the contemporary library management the creation of bases of digital resources plays a significant role. The use of the information technology allows to realise the digitalisation of rare documents, books and the periodical editions and makes them accessible for researchers all over the world. This article aims to demonstrate which materials placed on web portals *Kra-*

merius 5 (project of the National Library of Czech Republic) and *Gallica* (project of the National Library of France) may be used by researchers in study of the Czechoslovak national movement during World War I as well the history of the First Czechoslovak republic (1918–1938).

Keywords:

Internet resources, information technology, digital library, World War I, Czechoslovak national movement, First Czechoslovak republic (1918–1938)

Petr Akhmedovich ISKENDEROV

Studying the history of the Balkans at the present stage: new challenges and approaches

Abstract:

The research is devoted to the key problems of studying history of the Balkan peoples at the present stage. The author focuses on the main issues of the issue, the need to find new ways and methods of historical knowledge, including those based on interdisciplinary approaches. Special attention is paid to the need for an objective analysis of Russia's policy in the Balkans and countering attempts to falsify it in the states of the region, as well as in Western Europe and the United States.

Keywords:

Russia, the Balkans, Slavic studies, Balkan studies, international relations, Europe, USA.

CHAPTER VI.

THROUGH THE PAGES OF MEMORIES

Iskra Vasilievna CHURKINA

Memories of cooperation with Slovenian scientists

Abstract:

In her memoirs, the author tells about her long-term collaboration with Slovenian scholars during her work at the Institute (1958–2016).

Keywords:

International scientific cooperation, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Slovenian scholars, history of Slovenia.

Сведения об авторах

Васюков Александр Дмитриевич — аспирант факультета антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

ORCID: 0000-0002-9590-4840

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4239-017X

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0003-0354-3185

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, зав. Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0001-5914-7662

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-2653-7063

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0001-5272-8077

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0001-6770-959X

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Мошечков Пётр Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Лобачёва Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН, главный научный сотрудник

Носкова Альбина Фёдоровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Чепелевская Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории культуры славянских народов, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, работала в Институте славяноведения РАН с 1958 г. по 2016 г., в настоящее время находится на пенсии.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.
Историческое славяноведение
и балканистика
(К 75-летию основания
Института славяноведения)

Коллективная монография

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.03.2023)

Ответственный редактор

С. И. Данченко

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 08.06.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 26,16.
Объем 28,13 печ. л.

Заказ № 23.
Тираж 500 экз.